

ДЖОН ГЛАББ

АРАБСКАЯ ИМПЕРИЯ

كلمة فقالوا انا نخرج من بلادك فقال النبي عليه السلام اني لا اذنك لكم الا ان قطعوا عليكم وطئسكم لكن ان حصرتم فخرجوا
فمنزل اموالكم وسلاحكم وسلمكم فمضوا ذلك وتركوا وكانوا يخرجون سنوهم بالقتل والى اليومين وكانت مدة حصار قنصير
ثلاثة اشهر من حواصل المدينة وكان مسئولى الخراج محمد بن سلمة فمضوا ما ولا دسمه ونشأهم في سماء جبل خيل الى حيث لا يراه كان اهل
العلم لهذه القصة مضاعفوا المدينة وخبروا واستولوا النبي على الاموال والاسلحة والقتال وكان من حملها جرحون ودعا للمدينة
الخروج واعطى سيرا لاصحابه القتيين واعطى الكساحين من ذلك الحيلة من حجر لاني بكر من الحرم لعنه الله واعطى سواد الخوارج
ومضوا الى اسلم بن عبد الأسد واجلأب في واصر بالخلق الحبل وكان اسم ذلك الموضع السورة والسلام

سَلَامٌ عَلَى اللَّهِ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ بِمَدَامُوعَدِهِ

ويعتبر شهداء من الحجرة وصورة الخال ان باسقيان لما اراد ان يرجع فوجد احد
فكده فلما قرب الموعد كره يوسف ان يخرج ووصل فعمى سعور الاصحى الى مكة
فدبر وفد في باب الوعد وفي هذه السنة خط وحارب وان لم يخرج فلاح وان خرج
وبقول ان باسقيان قد جمع عسكر عظيم وكحل المسلمين هذا القول

Джон Б. Глаб

АРАБСКАЯ ИМПЕРИЯ

ЕВРАЗИЯ

Санкт-Петербург
2009

ББК 63.3(5)
УДК 94 (53)
Г52

Научный редактор:
кан. филол. наук
Иванов С. В.

Глабб Джон

Г52 Арабская империя. Пер. с англ. А. П. Саниной. — СПб.: Евразия, 2009. — 528 с.
ISBN 978-5-91852-003-1

Книга знаменитого английского историка, военного и государственного деятеля посвящена зарождению и развитию мусульманского государства в Аравии при Мухаммаде и завоевательным походам арабов, в результате которых и был создан мусульманский халифат, часто называемый «Арабской империей». В книге дается всестороннее рассмотрение истории этого поистине могучего государства. Формирование мусульманского общества, становление религии и идеологии ислама, появление и развитие институтов власти, культурный взлет арабского мира — вот далеко неполный перечень тем, затрагиваемых английским исследователем. При этом книга, вышедшая из под пера сэра Джона Глабба (1897–1986), отнюдь не является сухим перечнем скрупулезно изложенных фактов. Внутриполитические распри и интриги, неизбежные для стремительно развивающегося молодого государства, религиозные столкновения между хариджитами и шиитами, борьба за превосходство между представителями династий — все эти исторические реалии того времени обретают на страницах этого труда смысл и вкус подлинной жизни. Это впечатление встречи с великой эпохой подкрепляются еще и тем, что Д. Глабб тридцать шесть лет провел на Ближнем Востоке, первоначально оказавшись там, в качестве советника английской короны при иракском правительстве, в последствие же он был прикомандирован к знаменитому Арабскому легиону, который возглавлял с 1939 по 1956 год.

©Санина А. П., перевод с англ, 2009
©Лосев П. П., оформление, 2009
©ЕВРАЗИЯ, 2009

ISBN 978-5-91852-003-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя предыдущая книга *Великие арабские завоевания* была посвящена внезапному, случившемуся всего за двадцать пять лет взлету арабского народа на уровень одной из величайших мировых сил. В нынешней работе говорится об истории двух столетий, на протяжении которых Арабская империя являлась господствующей мировой силой. В интересах читателей, не имевших возможности ознакомиться с *Великими арабскими завоеваниями*, я в главе I вкратце изложил жизнь Мухаммада и историю первых двадцати пяти лет завоеваний.

Мы живем во времена, когда идея империи стала предметом полемики, захватившей весь мир. Примечательно, что арабоязычные народы, о чьей имперской истории говорится на этих страницах, в последние годы находились в рядах самых яростных противников империй, как будто бы сами в свое время не были одной из самых могущественных империй мировой истории. Таким образом, мы обнаруживаем, что в каждый отдельный момент ведущие государства отстаивают принцип империи, а те, кто в данное время оказался в стороне от власти, эту идею отвергают. Несколько веков спустя, когда соотношение сил меняется, народы, бывшие приверженцами имперской идеи, становятся противниками империи, а те, кто только пришел к власти, превращаются в защитников того самого имперского принципа, который прежде отрицали. Иными словами, большинство взглядов, высказываемых на эту тему, судя по всему, зависит от конкретной ситуации каждой нации в соответствующий момент ее истории. В настоящее время история арабов представляет особый интерес, так как они

снова играют важную роль в мировых событиях. К тому же письменные свидетельства, повествующие об одной из величайших империй прошлого, могут помочь нам получить более глубокие представления о международном лидерстве в целом.

По различным причинам слово «империя» сегодня для многих людей несет идею несправедливости, подавления слабых государств теми, которые обладают большей силой. Чтобы избежать предубежденного отношения, я предлагаю на время отказаться от слова «империя», заменив его «международным лидерством».

Когда мы используем такое более широкое выражение, оказывается, что во все времена существовали одно или два господствующих государства, которые в свое время вызывали восхищение или, по крайней мере, молчаливое подражание со стороны других. Более того, эта фаза лидерства переходила по очереди от одного государства к другому, и за всю историю еще ни один народ не получал этой возможности дважды. В этой связи, наверное, стоит вспомнить древних египтян, ассирийцев, вавилонян и прежде всего персов в период династии Ахеменидов с 550 по 330 г. до н. э. Но, по-видимому, самым древним народом, и доньше так или иначе влияющим на наши представления, являются греки. Примечательной особенностью лидерства греков было то, что оно никогда не облекалось в политическую форму единой империи, если не считать краткого времени при жизни Александра. После его смерти империя распалась в силу своего локального и случайного характера, но тем не менее на протяжении по меньшей мере трех столетий династии греков, их мысли и их методы военных действий преобладали в Ойкумене.

На смену греческому лидерству пришло римское, и примерно четыре столетия бесспорное первенство удерживали римские идеи, римские моды и римские армии. После двухвековой смуты международными лидерами стали арабы с 650 по 850 г. н. э., оставаясь самой могущественной империей своего времени. После начала упадка Арабской импе-

рии они еще пять столетий сохраняли первенство в области философии и науки.

Когда арабоязычные народы сошли со сцены, они уже передали эстафету в искусстве, образовании, науке и производстве Западной Европе. Здесь лидерство было вначале подхвачено Священной Римской империей, а затем по очереди Испанией, Францией и Британией. В наше время мы наблюдаем переход этого лидерства к Соединенным Штатам и России.

Как это свойственно всем историческим феноменам, черты этих сменяющих друг друга империй различны. Тем не менее, даже с учетом этих расхождений, мы замечаем, что в области международного первенства действуют некоторые общие законы.

Каковы бы ни были методы, которыми лидирующее государство влияет на своих более слабых современников, здесь, по-видимому, всегда присутствует элемент силы. Независимо от того, прибегает ли великая держава к военной оккупации ради установления своего владычества, могущество государства-лидера всегда порождает стремление к подражанию. Например, в XVII и XVIII вв. Франция не завоевывала больших территорий, и тем не менее французский стал всемирным дипломатическим языком, а обучение армий других стран поручалось французским офицерам; повсюду царили французская мода, французская литература и французская кухня. В наше время Соединенные Штаты не навязывали своего военного господства многим государствам, однако американский сленг, американская одежда, американская музыка и американская архитектура распространились по всему миру. Едва ли можно объяснить это тем, что они и в самом деле лучше, чем все то, что производится в других местах. Очевидно, есть что-то в человеческой природе, что заставляет нас подражать образу мыслей и манерам тех, кто сильнее нас.

Всеобщее порицание имперских завоеваний, распространенное сейчас на Западе, несомненно, есть временное явление. В начале текущего столетия Германия и Италия

ощущали, что уступают Британии, поскольку не имели колоний. Впоследствии Британия чувствовала, что отстает от других именно потому, что их *имела*. Если мы сможем на минутку отмежеваться от этих преходящих веяний моды, то сумеем ли выработать какое-то понятие о месте военной оккупации в истории?

Если и впрямь лидерство в искусстве, образовании и науке переходит от одной нации к другой, то не может быть сомнения в том, что на протяжении всей истории военный захват являлся главным средством, благодаря которому шла передача этой эстафеты. Завоевания Александра распространили греческий язык по всему Ближнему Востоку. Военная империя Рима, пусть иногда жестокая в своих действиях, подарила цивилизацию бесчисленным отсталым народам. Когда Рим рухнул, арабы подхватили факел, выпавший из его рук. Как будет видно из данной книги в дальнейшем, казалось, что непосредственным результатом этого опять стало погружение Запада в варварство, однако прежде чем арабы пали, они с процентами вернули Европе свой долг.

Возможно, еще примечательнее то, насколько часто знамя лидера переходит от бывшего владельца к его колонии. Так, арабы почерпнули значительную часть своих знаний у Сирии, Египта и Северной Африки, в прошлом колоний Рима (в современном, а не латинском смысле). Когда мусульмане были изгнаны, их наследницей в качестве великой империи стала завоеванная арабами Испания. Соединенные Штаты Америки, сегодняшний лидер, возникли как колония Британии, которую они позднее сменили на первой ступеньке мирового пьедестала.

Взглянув на этот вопрос с такой точки зрения, мы в состоянии выработать более широкую концепцию «империализма», чем ту, что можно извлечь из недолговечных политических лозунгов нашего времени. Но если нам нужно достичь более широкого взгляда на империю, мы должны представлять себе передачу международного лидерства как непрерывный процесс, который прослеживается с самого начала истории. Но здесь есть проблема, так как в течение

последних пяти веков мы сознательно избегали всякого упоминания об арабах в наших исторических трудах. Таким образом, непрерывное развитие человеческого рода, представляющее основной интерес и значимость для истории, остается сокрытым от нас. Наши методы изучения истории по отдельным этапам сделали невозможным создание подобной всеобъемлющей концепции. С момента возникновения ислама христиане и мусульмане тысячу лет воевали друг с другом в Средиземноморье. Именно в этот период были заложены основы нашей системы образования, с ее историческим учением, преднамеренно ограниченным Грецией и Римом и избегающим всякого упоминания об арабах.

Война между христианством и исламом не была вызвана каким-либо взаимным неприятием, присущим этим двум религиям. Напротив, эти религии были настолько родственны, что христианские богословы не раз называли ислам просто христианской ересью. Эта нескончаемая война, вероятно, вызывалась двумя факторами. Во-первых, и в Коране, и в высказываниях самого пророка Мухаммада утверждается, что борьба с неверными есть обязанность мусульманина. (Подразумевались же под неверными в тот момент арабы-идолопоклонники.) Вторая причина сводилась к чисто географическому соседству, к близости Константинополя к Дамаску и конкуренции за контроль над Средиземноморьем.

Как бы то ни было, тысяча лет вражды привела к тому, что в своей приверженности к Греции и Риму Европа оставила арабский мир за кадром. Греческий и латынь стали языками науки, знание греческой и римской истории и мифологии сделалось неременной принадлежностью образованного джентльмена, но преподавание истории резко обрывалось на Траяне или Антонинах и одним прыжком переносилось к Карлу Великому или Вильгельму Завоевателю. Ни слова о могущественной империи арабов в наших учебниках не допускалось.

За последние два века, по мере роста доступности путешествий, многие европейцы познакомились и сблизились

с мусульманами. Однако большинство, видя сравнительную слабость исламских наций в наши дни, без всяких сомнений поверило, что так было всегда, поскольку в школе этим людям никогда не рассказывали о том, что у арабов, как и у римлян, было долгое имперское прошлое.

Намеренный бойкот арабской истории, имевший место в Европе в период Ренессанса, не только препятствовал нашему пониманию Ближнего Востока. Он и историю Европы сделал непознаваемой. Когда я говорю европейцам, что наше незнание арабской истории связано с давней политической враждой, они обычно отвечают: «Да, конечно, Крестовые походы». На самом деле я надеюсь, что эта книга поможет доказать, что Крестовые походы были лишь поздним и до некоторой степени второстепенным инцидентом. Господство мусульманского флота над Средиземным морем — вот что нанесло Европе самый большой урон.

Арабы начали оспаривать морское владычество у Византии в 650 г., и мусульманские мореплаватели, обычно известные как берберские пираты, еще сто пятьдесят лет назад продолжали угрожать безопасности навигации на Средиземноморье. Более чем тысячелетняя традиционная вражда с неизбежностью оставила после себя множество предрассудков.

Однако теперь, когда мир стал таким маленьким, эти предрассудки должны развеяться. История Арабской империи сегодня так же необходима для нашего образования, как и общие представления о развитии Греции и Рима. Для нас настало время беспристрастно оценить арабский вклад в историю человечества, и это позволит нам правильное взглянуть на историческое развитие человеческого рода как на непрерывный процесс. Если эта книга сможет как-то способствовать такому более справедливому и широкому видению прошлого, я буду чувствовать себя щедро вознагражденным.

Дж. Б. Г.

Мэйфилд, Сассекс

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

Большая часть материалов для этой книги была взята из оригинальных трудов арабских историков, но я также воспользовался работами многих европейских ученых, особенно на английском и французском языках. При составлении нескольких карт мне очень помогла книга «Земли Восточного халифата», а при работе над двумя планами города Багдад я обратился к книге «Багдад при аббасидских халифах». Обе работы принадлежат Ги ле Странжу.

В написании арабских имен, я пользовался транскрипцией, по моему мнению наиболее подходящей для того, чтобы английский читатель мог правильно их произносить. Боюсь, что мое использование географических названий было столь же произвольным. В случае названий, уже знакомых английскому читателю, таких как Константинополь, Дамаск, Иерусалим, я употреблял наиболее известные формы. В других случаях я старался использовать арабские названия. Однако арабы имеют обыкновение вводить определенный артикль «*ал*» в одни названия и не вводить в другие. Так, названия Ливана, Сирии и Египта не имеют артикля, а Ирак, Иордания и Йемен нуждаются в нем. Для простоты я эти артикли опустил.

Существуют две особенности арабских личных имен, о которых стоит упомянуть. Первая — это арабский обычай называть мужчину по имени его старшего сына. Мужчину могут звать, скажем, Абдаллахом. Он женится, и его жена производит на свет сына, которого называют Мухаммадом. С этого момента отец может именоваться либо Абдаллахом, либо Абу Мухаммадом, отцом Мухаммада.

Вторая особенность арабских имен состоит в обычае называть человека рабом Бога. Слугу или раба обозначает

слово «абид». Таким образом, Абдаллах, Абид Аллах, означает Божьего служителя. Но часто вместо слова Аллах, одного из имен Бога, в личных именах используется какой-то из его атрибутов, например, человек может носить имя «слуги Завоевателя», «слуги Щедрого», «слуги Сострадательного». Здесь в имя включается определенный артикль, например Абид ар-Рахман, «Слуга Милосердного», Абид ал-Азиз, «Слуга Возлюбленного». Во всех этих примерах слова «Завоеватель», «Щедрый», «Сострадательный» и «Милосердный» являются синонимами Бога. В английской литературе стало привычным писать «Абдаррахман», «Абдула Азиз», вместо «Абид ар-Рахман» и т. д. Некогда англичане полагали, что «Абд ар-Рахман» это имя и фамилия, вроде «Том Джонс». Соответственно, они обращались к такому человеку как к Абдуле, если хотели быть неформальными, или как к мистеру Рахману, если желали проявить большую вежливость. Получалось довольно нелепо, так как Абдула это не одно слово, а первая половина словосочетания «слуга такого-то», а Рахман означает «Милосердный Бог».

Главной проблемой для каждого, кто стремится описать арабскую цивилизацию двенадцать столетий назад, становится поэзия. Она играла настолько важную роль в жизни арабов, что пренебречь ею в англоязычном исследовании значило бы упустить изрядную долю картины. Даже самый приземленный арабский историк этого периода включал в свое повествование не одну поэтическую страницу. Арабские стихи отличались скорее совершенством формы, ритма и размера, чем глубиной мысли. Таким образом, буквально перевести их в несовершенную английскую прозу — это чуть ли не хуже, чем просто выбросить их. Профессор Николсон в этой области бесспорный авторитет, и когда автором стихотворного английского перевода какого-либо поэтического отрывка является он, проблем не возникает. Что же касается любого другого стихотворения, переведенного не им, то здесь мне просто приходилось делать все, на что я способен.

Проблема поэзии наводит меня еще на одну тему. Всем людям, живущим в своей собственной стране, другие нации часто кажутся суровыми, жестокими и враждебными. В нашем представлении араб может выглядеть мрачным бородатым воином, умело перерезающим горло. Или же, если посмотреть с более современной точки зрения, в нем можно увидеть вежливого, но вероломного политика с тягой к коммунизму. На самом же деле это пылкий и сердечный народ. Жизнь арабов наполнена скорее смехом и слезами, чем кровопролитием и алчностью. Говоря словами одного американского профессора, недавно вернувшегося с Ближнего Востока, «они самый симпатичный народ на свете». Трудно отдать должное этим качествам в сугубо историческом повествовании.

Я должен еще раз выразить свою признательность библиотеке Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета за предоставленные мне книги на арабском языке, а также публичной библиотеке в Танбридж Уэлз за помощь в заказе различных работ на английском языке из библиотек в разных концах этой страны.

Как пророк и реформатор своего народа, Мухаммад не мог не быть революционером, поскольку его религиозная проповедь не только радикально изменила политическую ситуацию, но и оказала не меньшее воздействие на социальные условия. Для своих последователей он был «все во всем». Он всегда оставался верным установленному им самим принципу равенства и братства всех мусульман.

Фон Кремер.
Восток под властью халифов

С Кораном в одной руке и кривой саблей в другой, импульсивный и неукротимый араб одержал ряд блестящих побед, не имеющих равных в истории народов, потому что за короткий период в восемьдесят лет в громадном ареале сарацинского завоевания оказалось более обширное пространство, чем все владения Рима за восемь веков.

Окли.
История сарацин

Не бойтесь и не ужасайтесь... ибо война не ваша, а Божья.

Коран, 2; 20, 15

Глава I

МУХАММАД И РАННИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Важные даты

Побег Мухаммада в Медину	— 622 г.
Завоевание Мекки Мухаммадом	— 630 г.
Смерть Пророка Мухаммада	— 632 г.
Год «Смуты»	— 632–633 гг.
Битва при Ярмуке и окончательное завоевание Сирии	— 636 г.
Битва при Нехаванде и окончательное поражение Персии	— 642 г.
Захват Александрии и окончательное завоевание Египта	— 642 г.
Убийство халифа Османа	— 656 г.
Гражданская война между Али и Муавией	— 656–661 гг.
Убийство Али, оставившее Муавию единственным халифом	— 661 г.

Персоналии

Пророк Мухаммад.

Четыре его первых преемника:

Абу Бакр	— 632–634 гг.
Омар ибн ал-Хаттаб	— 634–644 гг.
Осман ибн Аффан	— 644–656 гг.
Али ибн аби Талиб	— 656–661 гг.

Муавия ибн аби Суфьян, первый халиф из бану Омейя.

Абу Суфьян, глава клана бану Омейя и самый упорный противник Мухаммада.

Йездигерд III, последний Сасанидский царь Персии.

Ираклий, император Византии.

Общую хронологию периода, о котором говорится в данной книге,

см. в Приложении II, с. 525.

Впервые арабы поднялись на уровень великой нации благодаря основанию мусульманской религии арабским Пророком Мухаммадом. До этого события, произошедшего в первой половине VII в. н. э., арабы обитали лишь в пустынях Аравийского полуострова. Огромное большинство арабов входило в кочевые племена, разводившие овец, верблюдов и лошадей и скитавшиеся по обширным пространствам пустыни. Подобный образ жизни делает образованность, даже грамотность, почти невозможной, и древние империи, будь то Египет, Вавилон, Персия или Рим, обычно взирали на отсталость арабов с некоторым презрением. Но географическое положение Аравии всегда делало ее достаточно значимым регионом. В отношении климата побережья Индийского океана абсолютно отличаются от берегов Средиземного моря. Следовательно, страны, расположенные на них, производят разные виды товара, которыми желают обмениваться. Путь, соединяющий Индийский океан со Средиземноморьем, идет через Аравийский полуостров или омывающие его узкие моря — Красное море и Персидский залив. Севернее маршрут из Индии в Европу преграждают пустыни и горы Персии, южнее — джунгли и пустыни Африки. Поэтому, хотя большую часть Аравии и покрывает пустыня, полуостров пересекали торговые маршруты, доставляя бесценные товары и предметы роскоши с Востока и вдоль этих путей сообщения возникли богатые торговые города, населенные богатыми и многоопытными арабскими купцами.

В классический период мир, как и сегодня, делился на запад и восток, причем олицетворением Запада был Рим, а Востока — Персия. Западная Римская империя пала в 475 г. н. э., предоставив Византии отстаивать европейские интересы перед лицом азиатской Персии. Эти две империи

вели нескончаемую борьбу за первенство, которая выливалась либо в открытый вооруженный конфликт, либо в коммерческую конкуренцию, интриги и пропаганду. Граница между Византией и Персией тянулась от Верхнего Евфрата до Кавказа, а арабы, жившие южнее, входили в контакт с обеими великими державами. В 602 г. н. э. между двумя империями развязалась безнадежная война, длившаяся двадцать шесть лет. Когда наконец в 628 г. н. э. был заключен мир, оба государства были донельзя изнурены, опустошены и разорены.

* * *

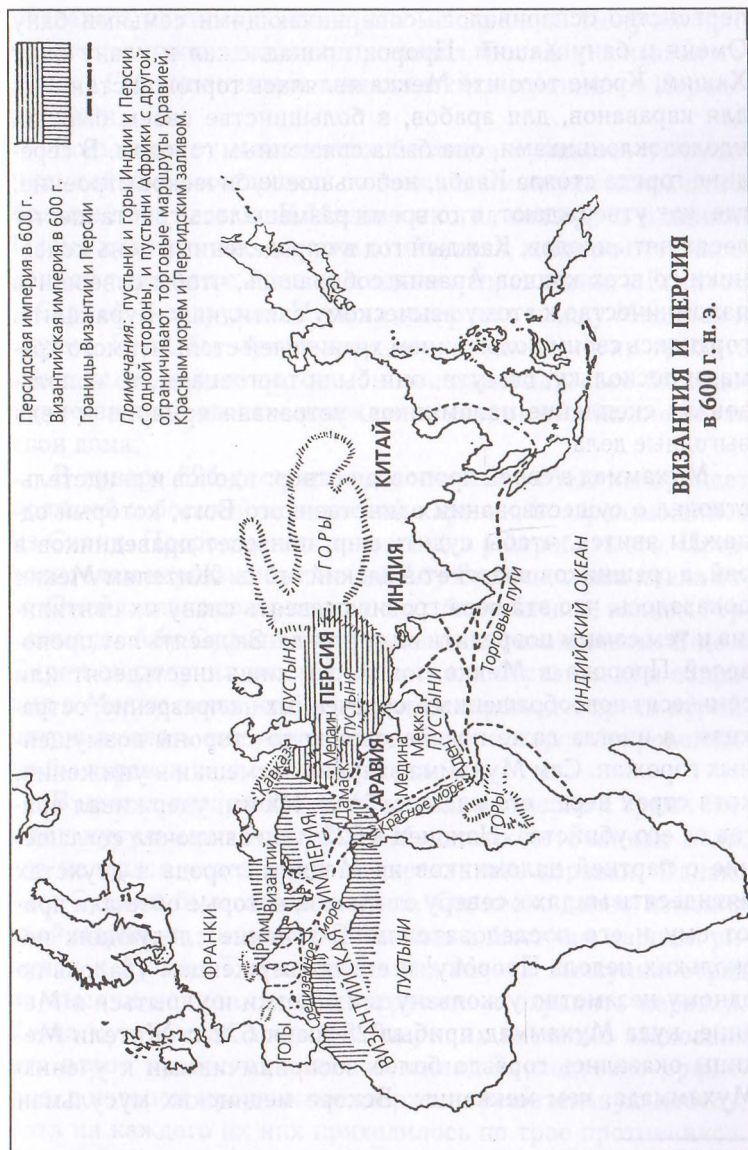
Пророк Мухаммад родился в 570 г. в Мекке. Жизнь этого города зависела от торговых караванов, направлявшихся из Индии в Средиземноморье. В 610 г. н. э.¹ в возрасте 40 лет ему в видении явился архангел Гавриил, а через три года он получил повеление проповедовать. Мухаммад не претендовал на роль основателя новой религии. Он утверждал, что эта истинная вера тождественна той, которую исповедовал патриарх Авраам, но евреи и христиане исказили ее первоначальную чистоту. Бог послал его, чтобы восстановить религию Авраама в ее первоизданном виде. К тому времени в Аравию уже проникли и иудаизм, и христианство, но Пророк, по-видимому, почерпнул у евреев больше, чем у последователей Христа. И действительно, в результате его стремления повернуть время вспять к Аврааму его проповедь заставляет вспомнить ветхозаветных пророков.

Городом Меккой правил племя курайшитов. Курайшиты составляли большую часть населения Мекки, однако они не имели единого вождя, а распадались на несколько враждебных кланов. За два-три поколения до Мухаммада

Карта 1

Византия и Персия в 600 г. н. э.

¹ С этого момента буквы н. э. опускаются, так как все даты относятся к нашей эре.

первенство оспаривалось соперничающими семьями бану Омейя и бану Хашим. Пророк принадлежал к клану бану Хашим. Кроме того что Мекка являлась торговой станцией для караванов, для арабов, в большинстве своем бывших идолопоклонниками, она была священным городом. В середине города стояла Кааба, небольшое кубическое строение, где, как утверждают, в то время размещалось триста шестьдесят пять идолов. Каждый год в определенный день кочевники со всех концов Аравии собирались, чтобы совершить паломничество к этому языческому святилищу. Курайшиты гордились своим положением хранителей столь чтимого храма, и поскольку, по сути, они были торговцами, то использовали скопление паломников, устраивая ярмарки и ведя выгодные дела.

Мухаммад в своей проповеди отверг идолов и свидетельствовал о существовании единственного Бога, который однажды явится, чтобы судить мир, призовет праведников в рай, а грешников ввергнет в адский огонь. Жителям Мекки показалось, что эта вера грозит развеять славу их святилища и тем самым повредить их торговле. За десять лет проповедей Пророка в Мекке появилось лишь шестьдесят или семьдесят новообращенных, обреченных на презрение, ostracism, а иногда даже преследование со стороны возмущенных горожан. Сам Мухаммад терпел насмешки и унижения, хотя страх перед его кланом, бану Хашим, удерживал врагов от его убийства. Наконец в 622 г. он заключил соглашение с партией паломников из Медины, города в двухстах пятидесяти милях к северу от Мекки, которые обещали приют ему и его последователям. В течение следующих нескольких недель Пророку¹ и его приверженцам удалось по одному незаметно ускользнуть из Мекки и укрыться в Медине, куда Мухаммад прибыл 28 июня 622 г. Жители Медины оказались гораздо более восприимчивыми к учению Мухаммада, чем мекканцы. Вскоре мединских мусульман

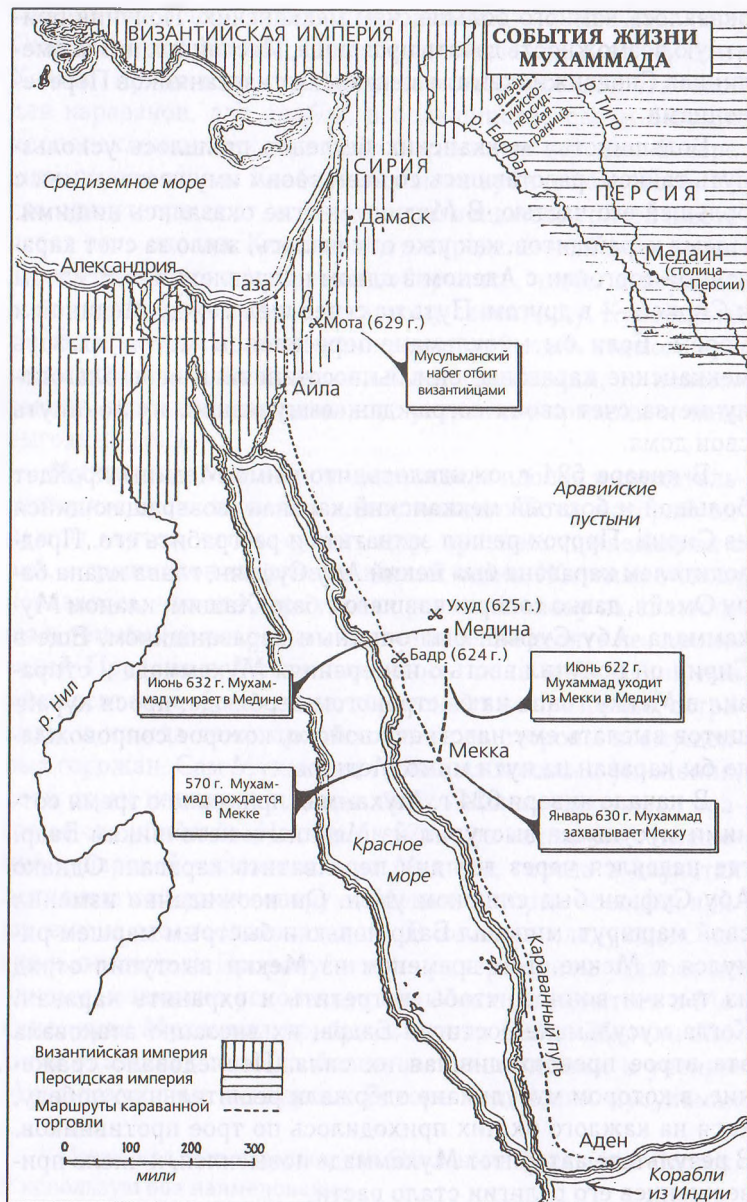
¹ Мухаммад был известен как Посланник Бога и как Пророк. Я использую оба наименования.

оказалось намного больше, чем мекканских. Получив приятную возможность давать прозвища, Посланник назвал мединцев Сподвижниками, а мекканских изгнанников Переселенцами.

Большинству мекканских беглецов пришлось ускользнуть тайком, расставшись со всем своим имуществом или с большей его частью. В Медине многие оказались нищими. Племя курайшитов, как уже отмечалось, жило за счет караванной торговли с Аденом в одном направлении, с Египтом и Сирией — в другом. Путь на север шел между Мединой и морем. Если бы мусульмане-переселенцы могли грабить мекканские караваны, они бы восстановили свое благополучие за счет своих сограждан, вынудивших их покинуть свои дома.

В январе 624 г. ожидалось, что мимо Медины пройдет большой и богатый мекканский караван, возвращающийся из Сирии. Пророк решил захватить и разграбить его. Предводителем каравана был некий Абу Суфьян, глава клана бану Омейя, давно соперничавшего с бану Хашим, кланом Мухаммада. Абу Суфьян был опытным караванщиком. Еще в Сирии он получил весть о намерениях Мухаммада и отправил в Мекку гонца на быстроногом верблюде, прося курайшитов выслать ему навстречу войско, которое сопровождало бы караван на пути мимо Медины.

В начале января 624 г. Мухаммад примерно с тремя сотнями мусульман выступил из Медины к источникам Бадр, где надеялся через два дня перехватить караван. Однако Абу Суфьян был слишком умен. Он неожиданно изменил свой маршрут, миновал Бадр ночью и быстрым маршем ринулся к Мекке. Тем временем из Мекки выступил отряд из тысячи воинов, чтобы встретить и охранять караван. Когда мусульмане достигли Бадра, их внезапно атаковала эта втрое превосходившая их сила. Последовало сражение, в котором мусульмане одержали решительную победу, хотя на каждого их них приходилось по трое противников. В результате авторитет Мухаммада повысился, и число приверженцев его религии стало расти.

Опасность, нависшая над северным торговым маршрутом, поставила прибыли мекканцев под угрозу, и в 625 г. они подошли к Медине с тремя тысячами воинов, чтобы разделаться с мусульманами раз и навсегда. Пророк мог противопоставить этой силе только семь сотен человек. В Ухуде, у самой городской стены, произошла яростная битва, и мусульмане были наголову разбиты, а самого Мухаммада ранили. Остатки правоверных вынесли Пророка на руках и укрылись на каменистом холме к северу от Медины. Однако мекканцы под командованием Абу Суфьяна не закрепили своей победы захватом Медины и вернулись в Мекку.

Мухаммад не сдался. К мусульманам присоединились многие окрестные кочевые племена, и его слава продолжала расти. Население Медины состояло наполовину из арабов и наполовину из евреев. Изгнав евреев, Мухаммад смог обеспечить мекканских Переселенцев деньгами, домами и землями. В 627 г. курайшиты снова подошли к Медине под командованием Абу Суфьяна из клана бану Омейя, который теперь стал главным противником Мухаммада. На этот раз мусульмане защищали город, отказываясь от сражения за его стенами. После безуспешной трехнедельной осады Абу Суфьян отказался от своих попыток и вернулся в Мекку.

Теперь ход событий изменился. Многие бедуинские племена выражали свою приверженность Пророку, в то время как общественное мнение в Мекке также стало склоняться в его пользу. Со временем, в январе 630 г., через шесть лет после битвы при Бадре, Мухаммад подошел к своему родному городу во главе десяти тысяч своих последователей. Город был занят без противодействия, Абу Суфьян объявил о своем обращении в ислам, а из Каабы убрали ее триста шестьдесят пять идолов. Посланник заявил, что это идольское капище является Домом Божиим и основано самим

Карта 2

События жизни Мухаммада.

Авраамом. Мекканцы согрешили, поместив в этот храм идолов, но теперь, очистившись от них, он снова сделался обителью единого Бога, и паломничество к нему является долгом каждого мусульманина. Благодаря победе ислама слава и богатство Мекки возросли. Однако Мухаммад вернулся в Медину, которая по-прежнему служила его резиденцией.

После падения Мекки Мухаммад остался величайшей силой в Аравии, и со всего полуострова потянулись посольства с изъявлениями покорности и готовности принять ислам. Однако в июне 632 г. Мухаммад заболел — предположительно пневмонией — и через десять дней умер в Медине.

* * *

В начале VII в. идолопоклонники-арабы созрели для более возвышенной религии, и действительно, среди них уже начали распространяться иудаизм и христианство. Строя свою религию на вере Авраама, Пророк придал исламу отенок Ветхого Завета. Насаждение религии насильственным путем и веру в то, что избиение неверных приятно гневному божеству, можно было подкрепить многими отрывками из первых пяти книг Библии, к тому же все это соответствовало суровому и воинственному характеру арабских племен. Но, несмотря на поощрение жестокости по отношению к тем, кого Пророк именует врагами Бога, он представляется нам человеком, по натуре добрым и даже любящим; с особенной нежностью он относился к детям. Воинственность совершенно не была свойственна его характеру, и боевые действия не слишком сильно его интересовали.

Фрагменты Корана, обнародованные им в годы неудач и гонений, несут на себе отпечаток подлинного и глубокого чувства. Однако хотел он того или нет, в более поздний период Пророк превратился в политика и правителя, и позднейшие главы Корана состоят все больше из законов и административных вопросов.

Тайну неимоверного воодушевления, которое вызвало возникновение ислама, можно объяснить, только сослав-

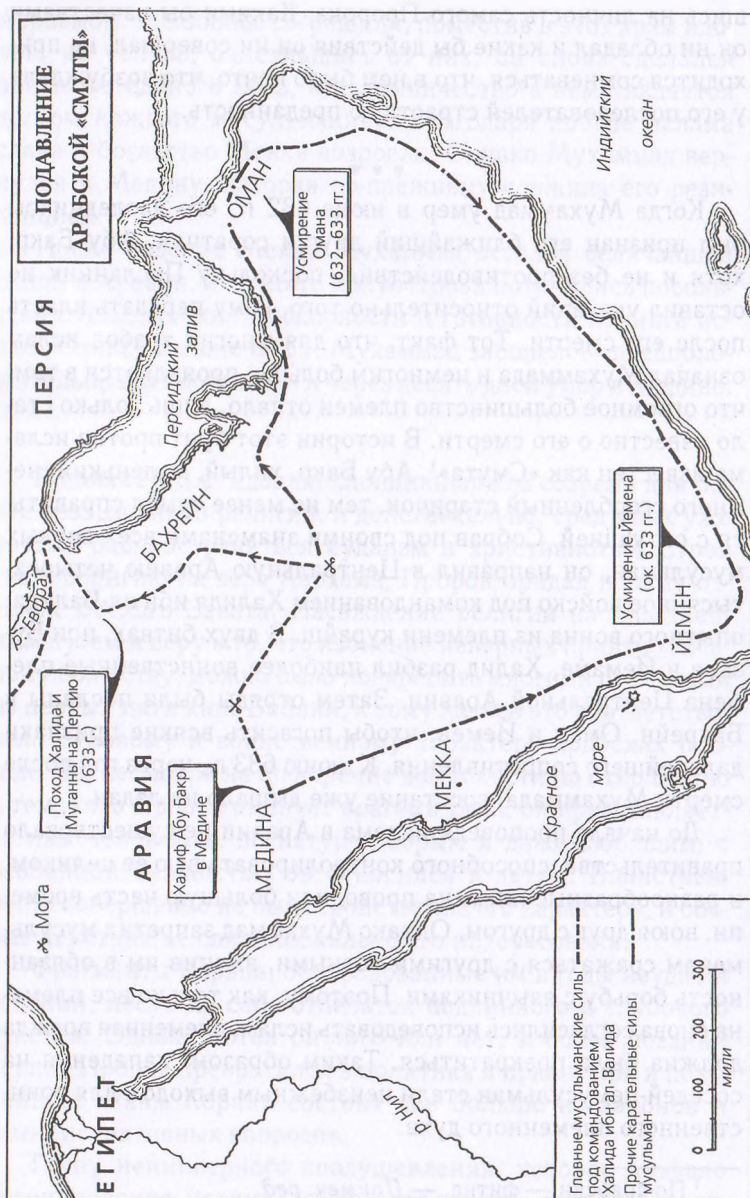
шись на личность самого Пророка. Какими бы качествами он ни обладал и какие бы действия он ни совершал, не приходится сомневаться, что в нем было нечто, что возбуждало у его последователей страстную преданность.

* * *

Когда Мухаммад умер в июне 632 г., его наследником был признан его ближайший друг и соратник, Абу Бакр, хотя и не без противодействия, поскольку Посланник не оставил указаний относительно того, кому передать власть после его смерти. Тот факт, что для многих арабов ислам означал Мухаммада и немногим больше, проявляется в том, что огромное большинство племен отпало, лишь только стало известно о его смерти. В истории этот бунт против ислама известен как «Смута»¹. Абу Бакр, хилый, маленький, немного сгорбленный старичок, тем не менее сумел справиться с ситуацией. Собрав под своими знаменами всех верных мусульман, он направил в Центральную Аравию четырехтысячное войско под командованием Халида ибн ал-Валида, опытного воина из племени курайш. В двух битвах, при Бузахе и Йемене, Халид разбил наиболее воинственные племена Центральной Аравии. Затем отряды были посланы в Бахрейн, Оман и Йемен, чтобы погасить всякие признаки дальнейшего сопротивления. К июню 633 г., через год после смерти Мухаммада, восстание уже дышало на ладан.

До начала проповеди ислама в Аравии не существовало правительства, способного контролировать всю ее целиком, и разнообразные племена проводили большую часть времени, воюя друг с другом. Однако Мухаммад запретил мусульманам сражаться с другими верными, вменив им в обязанность борьбу с язычниками. Поэтому, как только все племена снова согласились исповедовать ислам, племенная вражда должна была прекратиться. Таким образом, нападения на соседей-немусульман стали неизбежным выходом для воинственного племенного духа.

¹ По-арабски — фитна. — *Примеч. ред.*

В области низовий Евфрата арабские кочевники пустыни в течение ряда лет вели партизанскую войну с персидским царством. Главным в этом регионе было племя бану Бакр во главе с Мусанной ибн Харисой. После побед Халида над племенами «отступников» Мусанна предложил ему совместно напасть на границы Персии. Халиф¹ Абу Бакр не имел возражений, и в марте 633 г. Халид и Мусанна объединили свои силы и двинулись к Евфрату. После двух побед над персами они захватили важный город Хира, населенный в основном арабами, хотя его и охранял персидский гарнизон.

Персия, которая в те дни включала территорию современного Ирака, в VII в. была одной из самых могущественных мировых сил. Но мы уже упоминали о том, что Византия и Персидская империя с 602 по 628 г. вели отчаянную войну, истощившую силы обеих стран. В скором времени все мужчины правившего в Персии рода Сасанидов были убиты, и вся империя погрузилась в хаос и гражданскую войну. Именно состояние внутренней анархии позволило арабам безнаказанно нападать на персидские границы.

* * *

Однако купцов-курайшитов, теперь сформировавших «правительство» в Медине, интересовала знакомая им Сирия, которую они часто посещали со своими торговыми караванами, в то время как Персия казалась им далекой и неведомой страной. Соответственно, они решили отдать свои ресурсы войне с Византией.

В течение зимы 633–634 гг. на север из Медины выступили три колонны. В это же время Халид ибн ал-Валид

Карта 3

Подавление арабской «Смуты».

¹ Слово «халиф» означает просто «наследник», то есть «преемник Мухаммада».

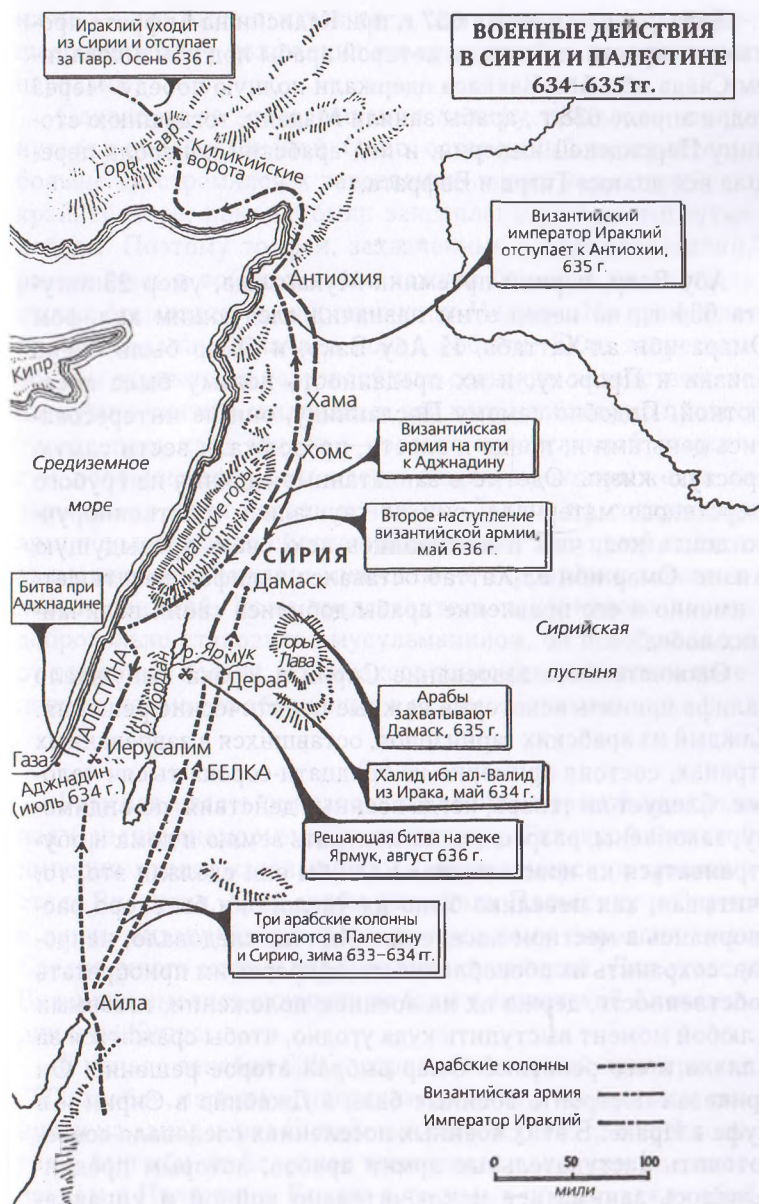
получил приказ оставить Ирак и пересечь пустыню, чтобы подкрепить мусульман на сирийском фронте. В мае 634 г. Халид соединился с двумя другими арабскими армиями в Дераа. Византийский император Ираклий, находившийся в тот момент в Хомсе, решил перейти в наступление и разбить отдельную арабскую колонну, действовавшую на юге Палестины, одновременно удерживая главные силы арабов на реке Ярмук у Дераа, где узость прохода облегчала оборону. Византийская же армия двинулась в это время на юг к Палестине. Однако арабы, более подвижные, чем византийцы, успели вовремя перебросить свою основную армию в Палестину, чтобы спасти от уничтожения свой отдельный корпус, и византийцы понесли тяжелое поражение при Аджнадаине в июле 634 г. В результате враг оставил позиции на Ярмуке, а арабы двинулись маршем на север, к Дамаску, которым завладели осенью 635 г. Развернувшись веером на север и запад, они заняли большую часть Палестины и Сирии.

Однако в апреле 636 г. на юг двинулась свежая византийская армия, чтобы освободить Сирию и Палестину. Арабы оставили большую часть своих завоеваний и отступили, оказавшись южнее Дераа. Двадцатого августа 636 г. состоялась решающая битва на Ярмуке, в которой византийская армия была уничтожена. Арабы снова захватили всю Сирию, а император Ираклий отступил за хребет Тавра, навсегда отказавшись от Сирии и Палестины.

Когда Халид выступил из Ирака на помощь сирийской армии, Мусанна, глава племени бану Бакр, остался там, чтобы по мере сил продолжать войну с персами. Не успело известие о победе при Ярмуке достичь Медины, как халиф бросил все имевшиеся у него резервы на персидский фронт. Тем временем благодаря коронации нового царя, Йездигерда III, Персия снова объединилась под властью одного правителя.

Карта 4

Операции в Сирии и Палестине, 634–635 гг.

В феврале или марте 637 г. при Кадисии на Евфрате произошла яростная битва, в которой арабы под командованием Саада ибн Аби Ваккаса одержали полную победу. Через год, в апреле 638 г., арабы заняли Мадаин, тогдашнюю столицу Персидской империи, и под арабский контроль перешла вся долина Тигра и Евфрата.

* * *

Абу Бакр, первый преемник Мухаммада, умер 23 августа 634 г., но перед этим назначил следующим халифом Омара ибн ал-Хаттаба. И Абу Бакр, и Омар были очень близки к Пророку, и их преданность исламу была абсолютной. Подобно самому Посланнику, они не интересовались деньгами и, придя к власти, продолжали вести самую простую жизнь. Одетые в заплатанные одеяния из грубого шерстяного материала, они не гнушались собственноручно доить коз, чем и занимались всю свою предыдущую жизнь. Омар ибн ал-Хаттаб оставался халифом десять лет, и именно в его правление арабы добились своих величайших побед.

Окончательное завоевание Сирии и Ирака вынуждало халифа принять некоторые важные политические решения. Каждый из арабских гарнизонов, оставшихся в завоеванных странах, состоял примерно из тридцати-сорока тысяч человек. Следует ли теперь, когда военные действия, по-видимому, закончены, разрешить им покупать землю и дома и обустроиваться на новом месте? Если бы они сделали это, то, учитывая, как невелико было их число, они бы скоро растворились в местном населении. Или же следовало, напротив, сохранить их обособленность, запретив им приобретать собственность, держа их на военном положении, готовыми в любой момент выступить куда угодно, чтобы сражаться за Аллаха и его религию? Омар выбрал второе решение. Он приказал построить военные базы в Джабийе в Сирии и в Куфе в Ираке. В этих военных поселениях следовало сосредоточить наступательные армии арабов, которым предписывалось заниматься исключительно войной и управле-

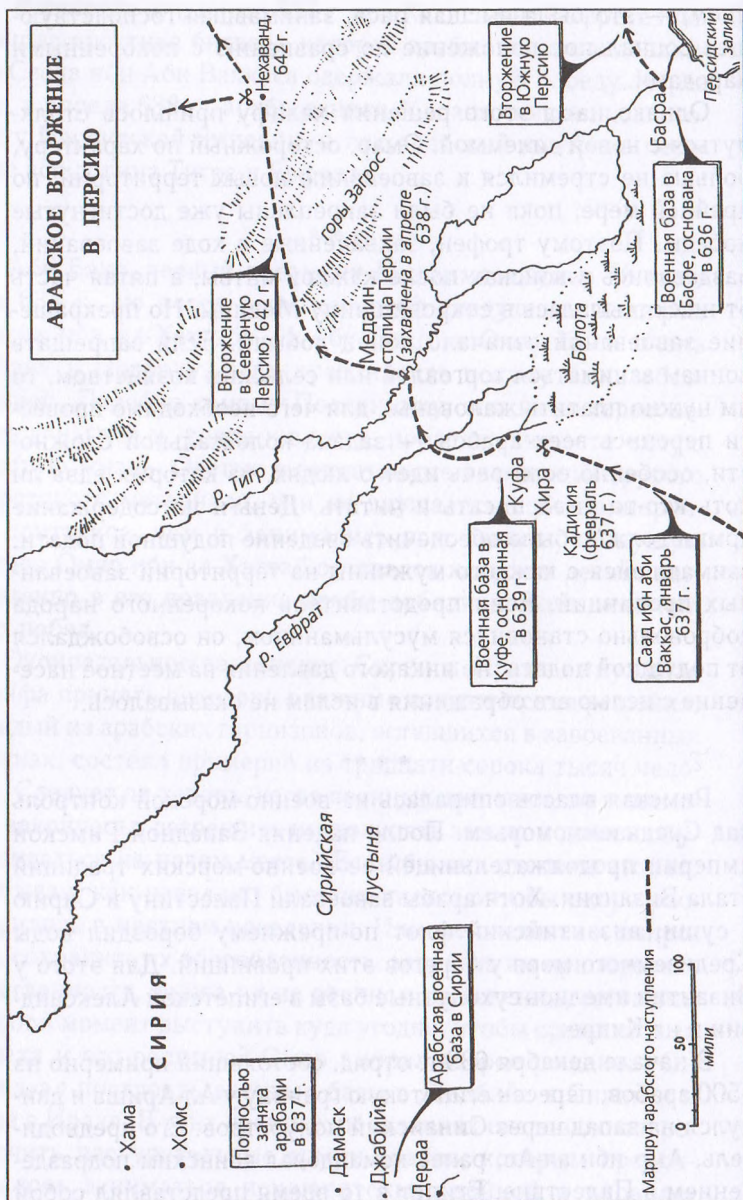
нием, — это была высшая раса, занимавшая господствующее социальное положение по сравнению с покоренными народами.

Однако из-за этого решения халифу пришлось столкнуться с новой дилеммой. Омар, осторожный по характеру, больше не стремился к завоеванию новых территорий, по крайней мере, пока не были закреплены уже достигнутые победы. Поэтому трофеи, захваченные в ходе завоеваний, раздавались в войсках после каждой битвы, а пятая часть от них отсылалась в сокровищницу Медины. Но прекращение завоеваний означало конец добычи. Если запрещать воинам заниматься торговлей или сельским хозяйством, то им нужно платить жалованье, для чего необходимо провести перепись всех арабов — задача колоссальной сложности, особенно если речь идет о людях, из которых едва ли хоть кто-то умел писать и читать. Деньги на содержание армии должно было обеспечить введение подушной подати, взимавшейся с каждого мужчины на территории завоеванных провинций. Если представитель покоренного народа добровольно становился мусульманином, он освобождался от подушной подати, но никакого давления на местное население с целью его обращения в ислам не оказывалось.

* * *

Римская власть опиралась на военно-морской контроль над Средиземноморьем. После падения Западной Римской империи продолжательницей ее военно-морских традиций стала Византия. Хотя арабы завоевали Палестину и Сирию с суши, византийский флот по-прежнему бороздил воды Средиземного моря у берегов этих провинций. Для этого у Византии имелись сухопутные базы в египетской Александрии и на Кипре.

В начале декабря 639 г. отряд, состоявший примерно из 3500 арабов, пересек египетскую границу у Ал-Ариша и двинулся на запад через Синайский полуостров. Его предводитель, Амр ибн ал-Ас, ранее командовал воинским подразделением в Палестине. Египет в то время представлял собой

чрезвычайно богатую страну, являясь главным поставщиком зерна в столицу Империи Константинополь. В этой стране было множество древних городов, окруженных стенами, и сильный византийский гарнизон, а в гавани Александрии стоял на якоре флот Империи. Пытаться завоевать столь богатую страну силой 3500 оборванных бедуинов было довольно неразумно. Однако халиф собрал в Медине двенадцатитысячную армию и направил ее в подмогу завоевателям под командованием Зубайра ибн Аввама. В июле 640 г., имея примерно 15 000 воинов, Амр ибн ал-Ас сразился с византийцами при Гелиополисе (ныне пригород Каира) и нанес им жестокое поражение.

Кир, православный патриарх Александрии, был также и наместником Египта. Он даже и не думал о возможности сопротивления и заключил с Амром ибн ал-Асом предварительное соглашение о передаче Египта арабам, которое нуждалось только в утверждении императором. Вскоре после этого, 11 февраля 641 г., старый император Ираклий умер. Кир воспользовался последовавшей сумятицей для проведения своей капитулянтской политики, и в конце концов в сентябре 642 г. арабы заняли Александрию.

* * *

В апреле 638 г., после захвата Мадаина, персидской столицы, халиф Омар запретил арабским армиям в Ираке вторгаться в Персию через горы. Арабам достаточно долин Тигра и Евфрата, сказал он, а персы пусть владеют горами на востоке. Последовали три мирных года, в течение которых молодой царь Йездигерд собирал новые силы. Арабы, встревоженные известиями об этой военной подготовке, обратились к халифу за разрешением уничтожить новую персидскую армию, прежде чем она вторгнется в Ирак. В 642 г. они пересекли горы Загрос и разбили армию Йездигерда

Карта 5

Арабское вторжение в Персию.

в великой битве при Нихавенде. Больше уже никогда Царь Царей не посылал войска против арабов. Отказавшись от своей прежней осторожной политики, халиф приказал своим армиям преследовать разгромленных персов повсюду. Год спустя арабы достигли берегов Каспийского моря, а на юге они упорно продвигались вперед, захватив Исфахан, Фарс, Керман и дойдя до Хорасана. Царь Йездигерд бежал впереди них и в конце концов в 652 г. был убит в хорасанском Мерве. Понадобилось восемь столетий, чтобы на царский трон Персии снова взошел перс.

* * *

Третьего ноября 644 г. в Медине халиф Омар ибн ал-Хаттаб пал от руки персидского раба. Лежа на смертном одре, он назвал пять наиболее влиятельных мусульман, которые должны были составить выборный совет, назначавший наследника.

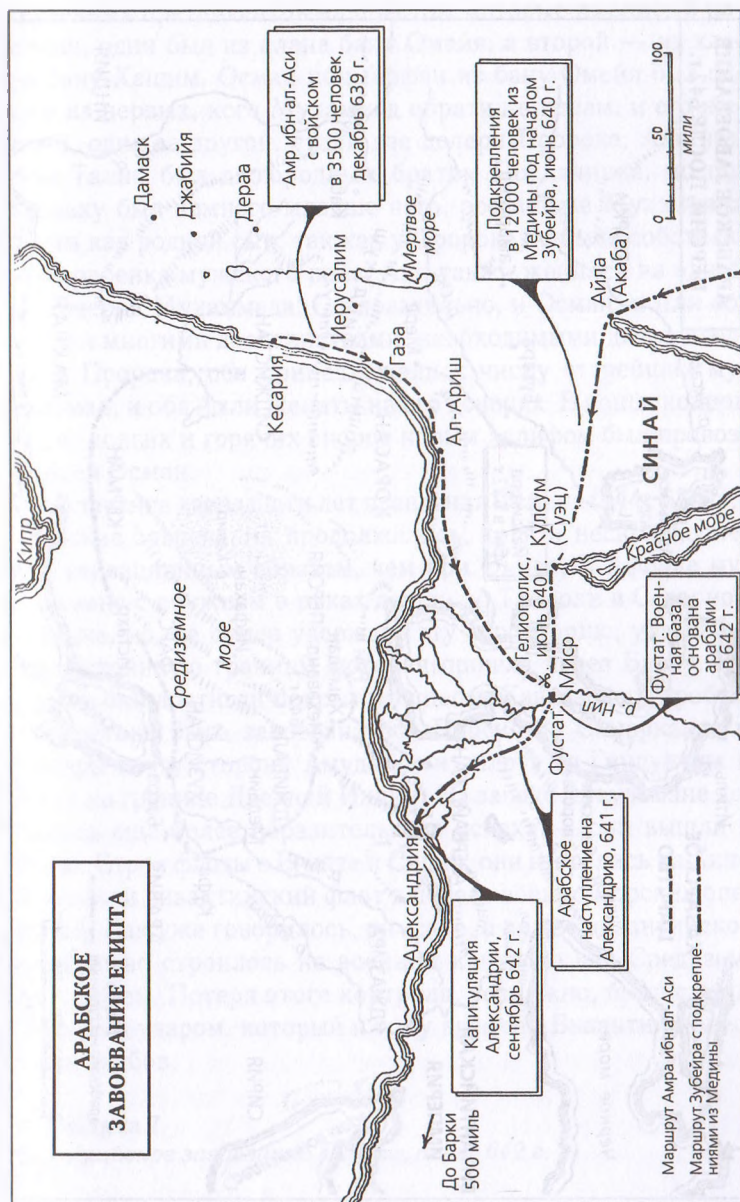
Стоит напомнить, что на протяжении нескольких поколений до Мухаммада первенство над курайшитами оспаривалось между кланами бану Омейя и бану Хашим, а сам Пророк принадлежал к последнему. Когда он начал проповедь, большинство хашимитов его поддержало, а основными противниками Пророка стали члены бану Омейя во главе с Абу Суфьяном. Когда Мухаммад захватил Мекку и стал фактическим правителем Аравии, бану Омейя приняли ислам и получили ряд доходных административных должностей. В общей атмосфере религиозного рвения прежние митинговые распри, казалось, были забыты.

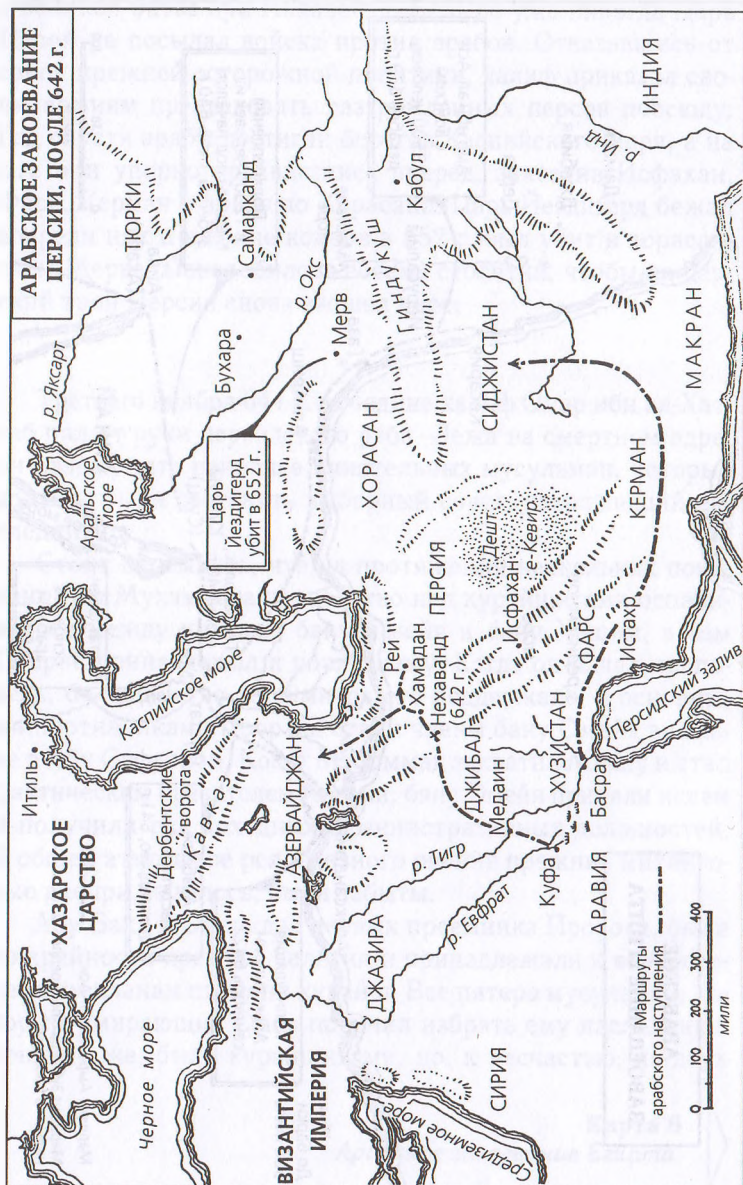
Абу Бакр и Омар, два первых преемника Пророка, были до крайности преданы религии и принадлежали к второстепенным кланам племени курайш. Все пятеро мусульман, которым умирающий Омар поручил избрать ему наследника, конечно же, были курайшитами, но, к несчастью, из двух

Карта 6

Арабское завоевание Египта.

серьезных претендентов на престол, которые имелись в наличии, один был из клана бану Омейя, а второй — из клана бану Хашим. Осман ибн Аффан из бану Омейя был одним из первых, кого Мухаммад обратил в ислам, и его жёнами, одна за другой, стали две дочери Пророка. Али ибн Аби Талиб был двоюродным братом Посланника, но поскольку был намного младше него, рос в доме Мухаммада почти как родной сын, так как у Пророка не было собственного ребенка мужского пола. Али также женился на одной из дочерей Мухаммада. Следовательно, и Осман, и Али обладали многими достоинствами, необходимыми для наследника Пророка, оба принадлежали к числу старейших мусульман, и оба были женаты на его дочерях. В конце концов после долгих и горячих споров новым халифом был провозглашен Осман.

В течение двенадцати лет правления Османа (644–656 гг.) арабские завоевания продолжались, хотя и несколько менее сенсационным образом, чем при Омаре. В Африке мусульмане с оружием в руках дошли до Триполи в Северной Африке, но, не сумев удержать эту территорию, установили постоянную границу, которая прошла через Барку. На севере они достигли покрытого снегом Кавказского хребта. На востоке была завоевана вся Персия до Самарканда и Бухары по ту сторону Амударьи и вплоть до Гиндукуша и Инда на границе Древней Индии. На западе мусульмане добились еще более поразительного успеха — они вышли к морю. Строя флоты в Египте и Сирии, они вторглись на Кипр и разбили византийский флот в череде военно-морских операций. Как уже говорилось, римское, а позже византийское господство строилось на военном контроле над Средиземным морем. Потеря этого контроля, возможно, была самым тяжелым ударом, который к тому времени Византия понесла от арабов.

Карта 7

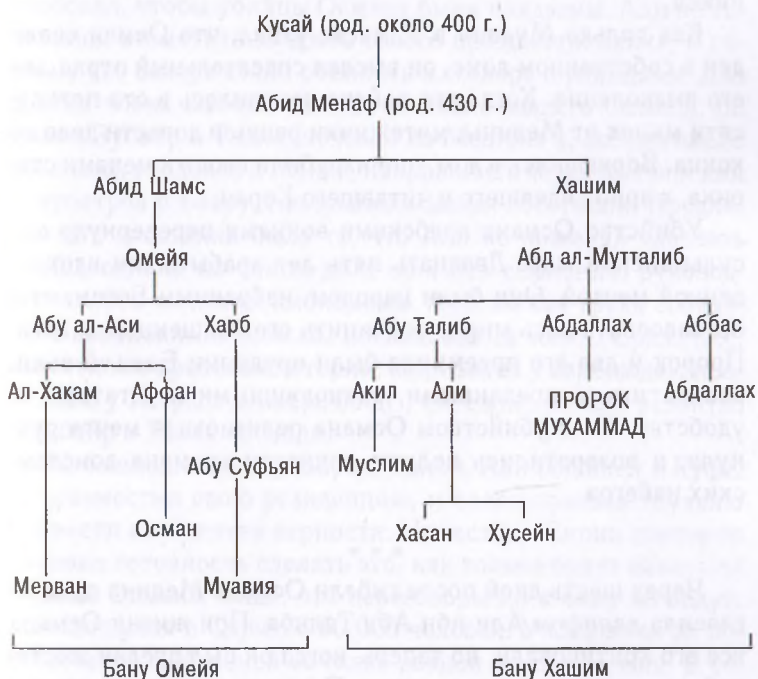
Арабское завоевание Персии, после 642 г.

Однако несмотря на то что при халифе Османе арабы продолжали одерживать победы, новую империю начали раскалывать изнутри внутренние распри. Следует напомнить, что халиф Омар запретил арабским завоевателям приобретать земли и вести торговлю в захваченных провинциях. Они должны были оставаться обособленной имперской расой, живя на пособие в военных городах, основанных для этой цели в Джабийе в Сирии, в Куфе и Басре в Ираке и в Фустате в Египте. Так как темпы завоеваний постепенно затухали, воины оставались на своих квартирах, ненужные и ничем не занятые. Мухаммад разрешил своим мусульманам, обогатившимся трофеями, захваченными в многочисленных победах, брать в жены или наложницы пленных женщин. Таким образом некогда худошавые и отважные кочевники, живя в роскошной праздности, стали высокомерными, обрюзгшими преторианцами¹, постоянно занятыми интригами и беспорядками. Когда несколько гарнизонов обратилось к Осману с жалобами на своих командиров, слабый халиф, чтобы добиться симпатии войск, поспешил сместить этих военачальников, лишь усилив этим атмосферу надменности и недовольства. Более того, религиозное рвение, служившее движущей силой первых завоеваний, уже начинало остывать. Однако основная претензия к Осману была связана с тем, что он назначал своих родственников из бану Омейя на все самые важные и прибыльные посты.

В 654 г. старый халиф достиг восьмидесятилетнего возраста. Военные городки в Куфе, Басре и Фустате бурлили от недовольства. Только в Сирии войска соблюдали дисциплину и оставались лояльными. Наместником этой провинции был назначенный сюда Омаром ибн Хаттабом четырнадцатью годами раньше Муавия, сын Абу Суфьяна, некогда главного противника Мухаммада. Находясь на этом посту в течение столь долгого времени, он завоевал горячую преданность народа и армии. Он не присоединился к

¹ Преторианцы — гвардия римских императоров, с I в. н. э. активно вмешивается во внутреннюю политику. — *Примеч. ред.*

Генеалогическое древо племени курейш

проводимой Омаром политике изоляции арабского гарнизона от местных жителей. Он сделал своей столицей Дамаск, а не военный городок Джабийя, и тем самым сплотил свою администрацию и армию с населением Сирии.

В начале 656 г. в лагерях Фустат, Куфа и Басра мятежный дух ударил в головы, и из каждого из них выступило по отряду, которые двинулись на Медину. Войдя в город, они обосновались в большой мечети в центре города и осадили халифа в его собственном доме. В то время в Медине присутствовали четыре члена выборного совета, отдавшего предпочтение Осману. Самым известным из них был Али ибн Аби Талиб, двоюродный брат и фактически приемный сын Пророка. Но, забрасывая растерянного старого халифа

советами, эти старцы не попытались спасти его от мятежников.

Как только Муавия в Дамаске узнал, что Осман осажден в собственном доме, он выслал спасательный отряд для его вызволения. Когда это войско находилось в ста пятидесяти милях от Медины, мятежники решили довести дело до конца. Ворвавшись в дом, они изрубили своими мечами старика, мирно сидевшего и читавшего Коран.

Убийство Османа арабскими воинами перевернуло мусульманский мир. Двадцать пять лет арабы жили вдохновенной мечтой. Они были народом, избранным Богом, чтобы завоевать весь мир и подчинить его священной власти. Пророк и два его преемника были орудиями Божьей воли, ревностными, преданными, равнодушными к богатству и удобству. Но с убийством Османа религиозная мечта рухнула, и возвратились полные алчности времена доисламских набегов.

* * *

Через шесть дней после гибели Османа Медина провозгласила халифом Али ибн Аби Талиба. При жизни Османа все его критиковали, но теперь, когда он был предан жестокой смерти, наступила реакция. Повсюду слышались требования наказать убийц. Одна из главных жалоб на Османа сводилась к тому, что все избранные им наместники провинций были его близкими родственниками из клана бану Омейя. Но Али был из клана бану Хашим. Его нельзя было бы обвинить в семейственности, если бы он оставил в должности наместников Османа, хотя бы временно. Вместо этого он незамедлительно отстранил их. Однако Муавия отказался оставить свой пост. Жители его провинции, Сирии, единодушно поддерживали его, а его армия была верной и дисциплинированной. Али не смог его сместить.

Муавия принадлежал к клану бану Омейя, а Али был из бану Хашим. Таким образом, старая вражда между этими двумя кланами, казалось, была готова опять вспыхнуть между новым халифом и его непокорным наместником. Однако

поначалу Муавия избегал открытого восстания. Он просто требовал, чтобы убийцы Османа были наказаны. Али не топорился отомстить за кровь своего предшественника, и поэтому его вскоре стали обвинять в сговоре с убийцами. Два других члена выборного совета, назначавшего Османа, по имени Зубайр и Талха, исчезли из Медины и, собрав около трех тысяч человек в Мекке, направились через Аравийский полуостров в Басру, где подняли знамя восстания. Предлогом для восстания было то, что Али не пожелал наказать убийц, однако на самом деле оба, без сомнения, руководствовались личными амбициями. Али, не без труда собравший необходимое войско, последовал за ними. Сражение, известное в арабской истории, как «Битва у верблюда», произошло у Басры в декабре 656 г.; мятежники были разбиты, а Зубайр и Талха погибли.

Избавившись от Зубайра и Талхи, Али подошел к Куфе, где разместил свою резиденцию, и снова призвал Муавию принести ему клятву верности. Наместник Сирии повторно изъявил готовность сделать это, как только будут наказаны убийцы Османа. Видя, что переговоры ни к чему не ведут, Али двинулся в Сирию с 50 000 человек. У Сиффина он повстречался с Муавией во главе равной по силе армии. В середине июля 657 г. все попытки найти компромисс провалились, и две армии сошлись в битве.

Два дня кровавой схватки не дали видимого результата, но на третий день, казалось, победа была на стороне Али. Тогда Муавия применил хитрость. От сирийской армии отделился отряд всадников со списками Корана на копьях, они кричали: «Пусть слово Божье решает». Армия Али немедленно подхватила этот крик, и воины громко объявили, что не будут больше сражаться. В миг победы Али был вынужден подписать перемирие и согласился назначить арбитров, которые должны были решить спор с помощью цитат из Корана. Через шесть месяцев дело вынесли на обсуждение, но окончательного решения не приняли.

У Али земля продолжала уходить из-под ног. Непостоянные жители Куфы, по-видимому, устали поддерживать

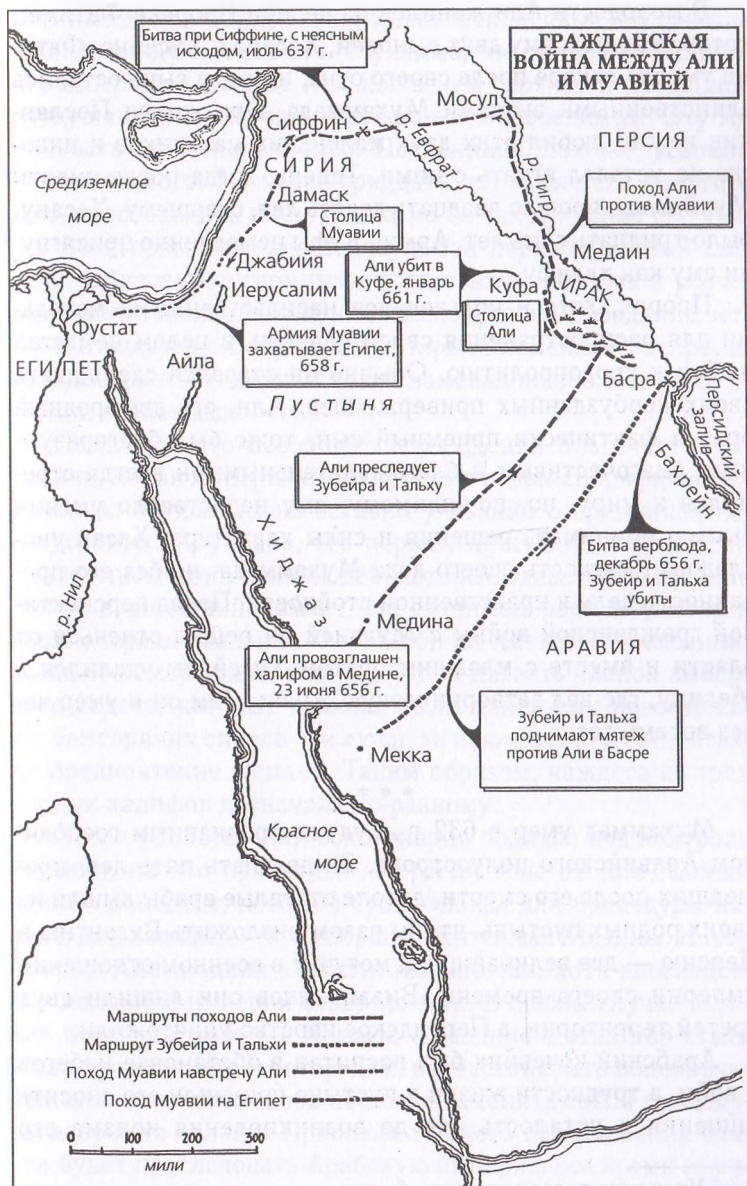
его и отказались сражаться под его командованием. В 658 г. Муавия собрал войско и захватил Египет. Одновременно он добился того, что его провозгласили халифом в Иерусалиме. Новая Арабская империя, которая всего пять или шесть лет назад, казалось, стояла на пороге завоевания всего мира, теперь распалась на две части: Муавия правил Сирией, Палестиной и Египтом из своей столицы в Дамаске, а Али из своей резиденции в Куфе управлял Ираком и Персией.

Многие старые воины, преданные мусульмане, чья жизнь прошла в борьбе с неверными, были жестоко разочарованы этим конфликтом мирских амбиций между двумя соперниками. Выставив лозунг: «Долой всякое управление, кроме Божьего», они откололись от армии Али и собрались в обособленные общины, которые они хотели преобразовать в теократии, находящиеся под Божественным водительством. В будущем этим людям, получившим от мусульман прозвище хариджитов, или «выходящих», предстояло в течение многих лет служить источником постоянных волнений. Трое инакомыслящих решили, что единственный способ положить конец расколу в исламе заключается в том, чтобы убить главных действующих лиц с обеих сторон. Один взял на себя убийство наместника Египта, второй взялся покончить с Муавией, а третий — с Али в Куфе. Все три преступления должны были совершиться в один и тот же день, 20 января 661 г. Трое фанатиков, обменявшись клятвами и омочив свои мечи в яде, расстались, чтобы сделать свое дело. Наместник Египта остался цел и невредим, его несостоявшийся убийца прикончил не того человека. В Дамаске Бурак ал-Темеми напал на Муавию, но ранил его, не убив. Однако в Куфе Абд ар-Рахман ибн Мулджам набросился на Али, когда тот шел в мечеть на молитву, и разрубил его череп одним ударом меча.

Карта 8

Гражданская война между Али и Муавией.

В молодости Али женился на дочери Пророка Фатиме¹, которая родила ему двух сыновей, Хасана и Хусейна. Фатима умерла вскоре после своего отца, и ее два сына остались единственными внуками Мухаммада. При жизни Посланник нежно любил этих двух маленьких мальчиков и никогда не уставал играть с ними. Теперь, когда после смерти Мухаммада прошло двадцать девять лет, старшему, Хасану, было тридцать семь лет. Армии Куфы немедленно присягнули ему как халифу.

Пророк, хотя и пользовался насильственными методами для распространения своей религии, в целом не питал любви к кровопролитию. Обычно он старался сдерживать своих необузданных приверженцев. Али, его двоюродный брат и фактически приемный сын, тоже был благоразумным, благочестивым и благожелательным; он всегда стремился к миру, но, по-видимому, ему недоставало умения быстро принимать решения и силы характера. Хасан унаследовал мягкость своего деда Мухаммада, но без его преданности делу и нравственной стойкости. Перед перспективой гражданской войны с Муавией он решил отречься от власти и вместе с младшим братом Хусейном удалился в Медину, где вел затворническую жизнь. Там он и умер через восемь лет.

* * *

Мухаммад умер в 632 г., будучи признанным господином Аравийского полуострова. За двадцать пять лет, прошедших после его смерти, дотоле отсталые арабы вышли из своих родных пустынь, чтобы разом низложить Византию и Персию — две величайшие и могучие в военном отношении империи своего времени. Византийцев они лишили двух третей территории, а Персидское царство уничтожили.

Арабский кочевник был воспитан в обстановке набегов и войн, а трудности жизни в пустыне приучили его сносить лишения и усталость. Но до возникновения ислама его

¹ Ударение падает на первый слог.

военные достоинства тратились на бесконечные внутренние войны между племенами. Мухаммад не только объединил народ Аравии, но еще и зажег в нем горячее и преданное воодушевление, которое сделало его непобедимым. Эту горячность духа сподвижники Посланника, похоже, усвоили от него самого. Но через тридцать лет после его смерти в живых оставались лишь немногие из тех, кто знал его лично. Во втором поколении мусульман первоначальный пыл угас. Обладание огромными богатствами, любовь к роскоши и многочисленным женам и наложницам породили светскую атмосферу. Возродились старые племенные распри, и, казалось, вот-вот вернется доисламская жизнь с ее убийствами и грабежами.

Помимо этого всеобщего охлаждения благочестивого рвения, новая империя столкнулась с рядом специфических проблем. Мухаммад не оставил указаний о принципах наследовании. Абу Бакр, его первый преемник, был избран при шумном одобрении людей, которые оказались в Медине в этот важнейший момент. На смертном одре Абу Бакр в свою очередь назначил Омара ибн ал-Хаттаба. Последний, когда его смертельно ранили, успел назвать членов выборного совета, которые должны были найти ему преемника. Не без горячих споров эти люди, за исключением Али, отдали предпочтение Осману. Таким образом, каждого из трех первых халифов назначали по-разному.

После убийства Али вся империя подпала под контроль Муавии, но это произошло *de facto*, а не *de jure*. Самый яркий прецедент, который существовал для процедуры назначения халифа, — это избрание жителями Медины. И Абу Бакр, и Али пришли к власти именно так, хотя впоследствии половина империи отвергла Али. В любом случае Муавия перенес столицу в Дамаск, а Медина с этих пор стала лишь провинциальным городом, вследствие чего волеизъявление ее жителей теперь не могло заменить собой процедуры избрания халифа. Проблема мирного наследования власти будет преследовать Арабскую империю все время ее существования.

Второй трудностью, с которой столкнулись арабы в 661 г., стали недисциплинированные солдаты, которых халиф Омар собрал в огромных военных поселениях, обособленных от гражданского населения. В конечном счете эта проблема была преодолена путем отхода от политики Омара и предоставления арабам права заниматься торговлей, покупать землю и смешиваться с населением покоренных стран. Такой шаг, несомненно, исправил ситуацию, когда полчища задиристых солдат терроризировали империю или начинали воевать друг с другом. Однако в других областях он привел к определенным трудностям, которые, возможно, и предвидел Омар, когда решил обособить арабов от местного населения.

Первые, почти сказочные завоевания арабов были достигнуты исключительно благодаря племенам Аравийского полуострова. Они обладали определенным сходством с народами, жившими вдоль Евфрата и к востоку от Иордана, то есть в тех областях, куда выходцы из Центральной Аравии мигрировали в течение многих сотен лет. Но с населением Египта и прибрежных районов Палестины и Ливана жители Аравийского полуострова в этническом отношении не имели практически ничего общего. Даже напротив, в сравнении их качества часто казались прямо противоположными. Жители Центральной Аравии были чрезвычайно смелыми и воинственными, прямолинейными, бесхитростными и открытыми. В отличие от них обитатели Восточного Средиземноморья были интеллектуально развитыми, изощренными, хитроумными, гибкими, но не особенно тяготели к военной службе. Свободное смешивание и брачные союзы этих двух групп с неизбежностью вело к утрате арабами своих непревзойденных боевых качеств, поскольку арабов по численности было гораздо меньше.

Третья проблема, стоявшая перед молодой Арабской империей в 661 г., — угасание религиозного пыла. Невероятные завоевания первых двадцати пяти лет после смерти Мухаммада стали возможными благодаря огромному религиозному рвению и простодушной вере в то, что павшие в войнах

с неверными немедленно попадают в рай. Сила этого религиозного чувства почти полностью определялась личностью самого Пророка. Через тридцать лет после его смерти выросло новое поколение, получившее свое религиозное вдохновение из вторых рук. Более того, если соратники Пророка проложили себе путь к победе через многие опасности, молодое поколение выросло в богатстве и роскоши. Смешение с утонченными жителями покоренных областей Византийской империи и Персии тоже сыграло немалую роль в формировании более светского мировоззрения, чего и страшился халиф Омар, когда постановил, что арабы должны жить отдельно от местного населения.

Таким образом, мы, вероятно, можем разделить рассматриваемый нами период на три этапа. Сначала — период религиозного подъема и поразительных завоеваний, продолжавшийся двадцать четыре года — от смерти Мухаммеда в 632 г. до убийства Османа в 656 г. Затем — полоса гражданских войн, ознаменовавшая переход от религиозного рвения теократии к рутине обычного гражданского государства. Наконец, на третьем этапе Арабская империя стала великой светской державой, такой же, как Римская и Персидская империи до нее, или Турция, Испания и Британия, которые появились уже после ее упадка и крушения.

Несмотря на давность и удаленность события, трагическая гибель Хусейна вызовет сочувствие даже у самого холодного читателя.

Гиббон.

Упадок и гибель Римской империи

Один за другим гибли защитники, пока наконец внук Пророка не остался один. Ослабев от потери крови, он скоро упал на землю, а толпа убийц набросилась на умирающего героя.

Амир Али.

Краткая история сарацин

Тем... которые несправедливо избивают пророков, и избивают тех из людей, которые заповедуют справедливость к людям, — тем скажи радостную весть о лютой для них муке.

Коран, 3, 20¹

¹ Здесь и далее Коран цитируется по переводу Г. С. Саблукова (*Коран / Пер. с араб. Г. С. Саблукова. 3-е изд. Казань, 1907. Репринт, М., 1990*), т. 1, с. 95. — *Примеч. пер.*

Глава II

ТРАГЕДИЯ КЕРБЕЛЫ

Византий в Селевкии (Самарканд) — восточная столица в то же время. Самарканд служил связующим звеном между Востоком и Западом.

Важные даты

Основание Кайравана	— 670 гг.
Осада Константинополя	— 670-677 гг.
Захват Родоса	— 672 г.
Смерть Зейяда Сына-своего-отца	— 673 гг.
Смерть Муавии.	
Провозглашение Йезида халифом	— апрель 680 г.
Избиение в Кербеле	— 10 октября 680 г.

Персоналии

Халиф Муавия ибн аби Суфьян	— 661—680 гг.
Халиф Йезид, сын Муавии	— 680—683 гг.
Окба ибн Нафи, командующий в Северной Африке, основатель Кайравана.	
Зейяд Сын-своего-отца, наместник Ирака и Персии.	
Хусейн, сын Али ибн аби Талиба и внук Пророка.	
Абдаллах ибн Зубейр, противник халифа Йезида.	
Убейдаллах, сын Зейяда, наместник Куфы.	
Шеммер, главный виновник избиения в Кербеле.	

Убийство Али и последующее отречение его старшего сына Хусейна исключило любое противодействие Муавии. У бану Хашим не оказалось под рукой другого серьезного кандидата, и владычество клана бану Омейя, правившего в своей столице, Дамаске, осталось непререкаемым. В Медине еще сохранялось традиционное религиозное рвение и преданность памяти Посланника, но не было военной силы, чтобы предъявить права на халифат. Ситуация не была лишена иронии, так как клан бану Омейя во главе с Абу Суфьяном когда-то был самым непримиримым противником Пророка и мусульманства. Империя была создана благодаря религиозному рвению правоверных, но теперь правителями этой империи стали бывшие враги ислама.

Не успел Муавия прочно обосноваться на посту халифа, как военные действия возобновились. В Северной Африке арабы под предводительством Окбы ибн Нафи продвинулись на запад вплоть до современного Туниса и в 670 г. основали огромную военную базу в Кайраване по образцу Фустата, Куфы и Басры. На море активность была даже выше, так как Муавия задумал завоевать Византий и тем самым окончательно уничтожить Византийскую империю подобно тому, как была разрушена Персидская держава. В 670 г. арабский флот, не встречая сопротивления, подошел к Дарданеллам и осадил Константинополь¹. В 672 г. арабский флот захватил Родос, несомненно, как аванпост для операций против Византии. Далее к западу арабский флот дважды совершал нападения на Сицилию. Однако в 677 г., после семи лет осады, арабы отказались от своих безуспешных попыток штурмовать стены Византия.

¹ Византий и Константинополь — названия одного и того же города. Сегодня турки называют его Стамбулом.

На Востоке в период халифата Османа мусульмане пронесли свои победные знамена через Гиндукуш и взяли Кабул¹. Однако за пять лет гражданской войны между Муавией и Али в Кабуле произошло успешное восстание, и несколько пограничных крепостей было потеряно. В течение правления Муавии восточная граница была полностью восстановлена. Это во многом стало результатом талантов одного великого человека. Зийяд был сыном Сумайи, печально известной своим распутством рабыни из Мекки. Поскольку отец его был неизвестен, его обычно именовали Зийядом Сыном-своего-отца. Научившись читать и писать еще в детстве — редкостное достижение для Аравии того времени, — он в период завоеваний поступил в армию Басры в качестве писца, умудрившись также овладеть персидским языком. Способности и усердие проложили ему путь наверх, и Али назначил его наместником Южной Персии, столицу которой, древний Персеполис, арабы называли Истахр².

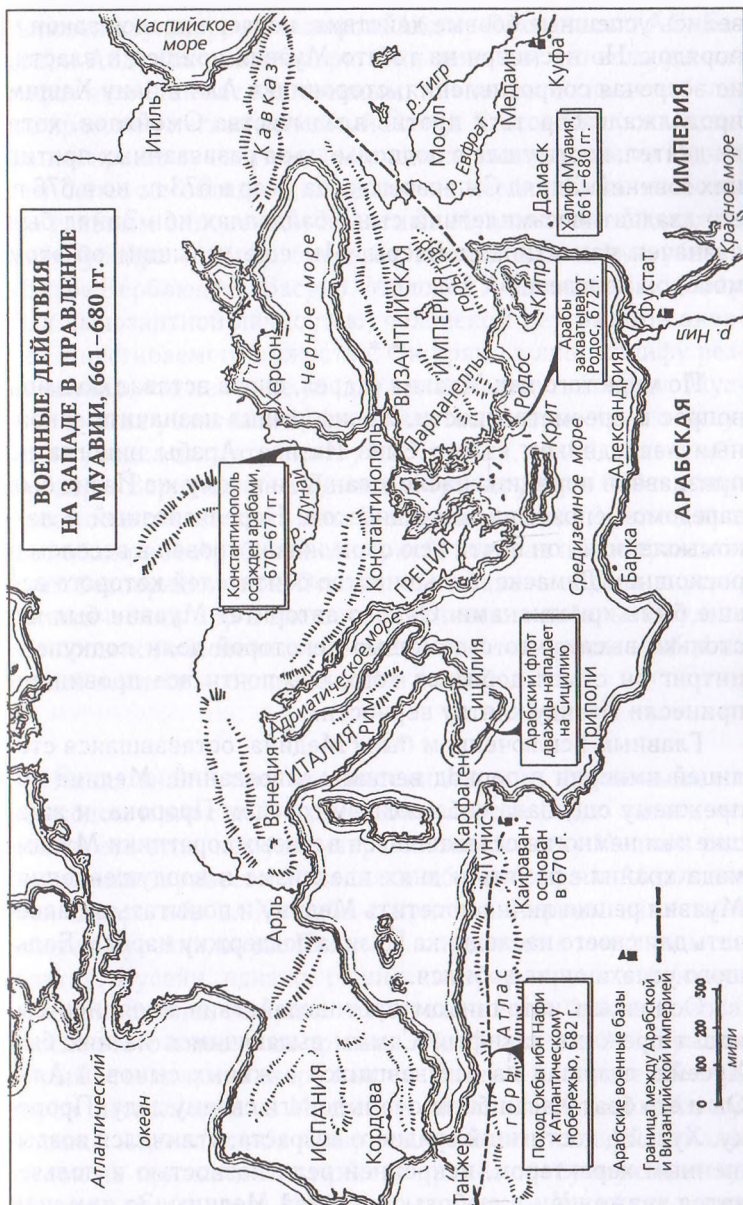
После убийства Али Муавия привлек Зийяда на сторону Омейядов с помощью замечательной уловки — признав его своим братом. Заявив, что его старый отец Абу Суфьян, лютый враг Мухаммада, покровительствовал беспутной Сумайе, он признал за наместником Южной Персии патроним Ибн Аби Суфьяна и утвердил его в прежней должности, а впоследствии сделал его наместником Куфы, Басры и всей Персии, составлявшей половину территории империи. Зийяд был человеком совершенно невероятных способностей и правил Ираком и Персией железной рукой. В армиях была восстановлена дисциплина, на границах Индии и Туркестана

Карта 9

*Военные операции на Западе
в период правления Муавии, 661–680 гг.*

¹ Карта 7, с. 36.

² Карта 7, с. 36.

велись успешные боевые действия, поддерживался закон и порядок. Но несмотря на то что Муавия пришел к власти, не встречая сопротивления, сторонники Али и бану Хашим продолжали бороться против владычества Омейядов, хотя их деятельность ушла в подполье из-за развязанных против них гонений. Зийяд Сын-своего-отца умер в 673 г., но в 676 г. его двадцативосьмилетний сын Убайдаллах ибн Зийяд был назначен наместником Басры. Мы еще услышим об этом молодом человеке.

* * *

По мере того как Муавия старел, снова вставал больной вопрос о преемственности. Халиф решил назначить законным наследником своего сына Йазида. Арабы никогда не признавали принципа наследования, и к тому же Йазид был заведомо непригодным кандидатом. Нерелигиозный и легкомысленный, он почти всю свою жизнь провел в веселом и роскошном Дамаске, большинство обитателей которого все еще были христианами. Однако авторитет Муавии был настолько высок, что с помощью некоторой доли подкупа и интриг он сумел добиться того, что почти все провинции принесли Йазиду клятву верности.

Главным исключением была Медина, остававшаяся столицей империи в период великих завоеваний. Медина по-прежнему ощущала себя родным городом Пророка, и жившие там немногие остававшиеся в живых соратники Мухаммада хранили память о днях идеализма и воодушевления. Муавия решил лично посетить Медину и попытаться завоевать для своего наследника Йазида поддержку народа. Большого успеха он не добился.

Основным источником противодействия являлись сыновья прежних халифов. Самым выдающимся из них был Хусейн, старший из остававшихся в живых сыновей Али. Он и его брат Хасан были очень дороги своему деду, Пророку. Хусейн, достигший среднего возраста, отличался возвышенным характером, искренней религиозностью и пользовался уважением и любовью жителей Медины. За ним шли

сыновья двух первых халифов, Абд ар-Рахман, сын Абу Бакра, и Абдаллах, сын Омара. Они заявили, что если уж халифат является наследственным, то они имеют на него больше прав, чем легкомысленный Йазид. Если же на роль халифа избирают лучшего из имеющихся кандидатов, то Йазид тем более не обладает ни одним из необходимых качеств. Но главным оппонентом политики Муавии стал Абдаллах, сын Зубайра (Зубайр бунтовал против Али и был убит в «Битве Верблюда» у Басры). Молодой Абдаллах ибн Зубайр был импозантной личностью, человеком неутомимой энергии и несгибаемого мужества. Он прямо в лицо халифу резко заявил, что ничто не убедит его присягнуть Йазиду. Муавия принял у жителей Медины клятвы в верности его сыну, но не убедил дать эту клятву ни Хусейна, ни Абдаллаха ибн Зубайра. Вернувшись в Дамаск, Муавия умер в 680 г. в возрасте семидесяти семи лет. В течение двадцати лет он правил обширной Арабской империей, которая после гражданских беспорядков при Османе и Али вновь обрела внутриполитический мир и внешнеполитические победы. Неудача его попытки обеспечить преемственность обрекла арабов на новый всплеск кровопролитий и раздоров.

* * *

Йазид знал о том, что жители Медины недовольны его приходом к власти. Не успел он в апреле 680 г. занять место своего отца, как уже направил наместнику Медины распоряжение привести Абдаллаха ибн Зубайра и Абдаллаха ибн Омара ибн ал-Хаттаба к присяге. Первым наместник вызвал Хусейна, внука Пророка, и предложил тому принести клятву. Хусейн, однако, решил выиграть время и покинул дом наместника, не принеся клятвы, но и не бросив вызова. После этого наместник призвал Абдаллаха ибн Зубайра, который ответил, что скоро явится. Затем с наступлением ночи он выскользнул из Медины и спешно поскакал в Мекку. Однако Абдаллах ибн Омар, сын второго халифа, откликнулся на призыв наместника и принес требуемую клятву. На следующую ночь Медину покинул сам Хусейн и также

отправился в Мекку. Так два самых опасных противника Йазида просочились сквозь пальцы наместника.

Разгневанный этой оплошностью, Йазид прислал нового наместника, который принялся арестовывать и бичевать тех, о ком было известно, что они не поддерживают Йазида. Да, горько было жителям Медины и Мекки вспоминать те последние дни пятьдесят лет тому назад, когда Пророк еще находился среди них, и годы страстной преданности и веры после его смерти, восторг воинов, отправлявшихся на войну с единственным стремлением принести победу Божьему делу или принять мученическую смерть, служа ему. Они верили, что после такой гибели павший немедленно оказывается в райских садах, где его радушно встречают гуррии, черноокие улыбающиеся девы неувядающей красоты и вечной молодости. Тогда все истинные мусульмане были братьями, и никто не требовал себе преимуществ перед ближними, разве что в своем рвении стяжать славу мученика. Теперь вся эта слава потонула в постыдной борьбе за земное богатство и власть. Пожалуй, лишь Хусейна окружал ореол святости, ведь он действительно был внуком Пророка и вел безупречную жизнь. Что же касается Абдаллаха ибн Зубайра, то он был лишь политическим оппонентом режима.

Как раз в момент этих событий в Мекку прибыли посланцы из Куфы, доставив Хусейну письма с приглашением прийти и принять владычество над Ираком. Возможно, формулировка была неопределенной, но она едва ли оставляла сомнение в том, что это предложение подразумевало восстание против дамасского правителя Йазида, особенно ввиду того, что двор Али, отца Хусейна, располагался в Куфе, а Муавия, отец Йазида, правил из Дамаска. Другими словами, было ясно, что это предложение ведет к повторению гражданской войны.

Хусейн был в нерешительности. В течение двадцати лет после убийства отца он держался в стороне от политики. Было очевидно, что он больше заслуживает избрания на халифат, чем Йазид. Благочестивый, обходительный, благо-

родный, он был внуком самого Пророка, тогда как Йазид был внуком Абу Суфьяна, самого непримиримого из его противников. Тем временем из Куфы и Басры в Мекку продолжали поступать письма от его сторонников, неотступно твердивших о необходимости стремительных действий и просивших военной помощи. Кроме Хусейна ибн Али и Абдаллаха ибн Зубайра, у Йазиды не было серьезных соперников, но авторитет Хусейна был неизмеримо выше, и из-за его происхождения, и благодаря его характеру. Пока Хусейн был жив, у Абдаллаха не оставалось никакой надежды стать халифом. Видя колебания Хусейна, Абдаллах настойчиво побуждал его отправиться в Ирак, возможно, как полагает арабский историк, в надежде таким образом устранить своего самого серьезного конкурента.

Доброжелатели Хусейна в Мекке убеждали его ни в коем случае не ходить в Куфу, непостоянные жители которой при сходных обстоятельствах отказались сражаться за его отца Али. Почтение, которое питали к нему все мусульмане, было столь велико, подчеркивали они, что для него наилучшей линией поведения было бы продолжать молиться в мекканской мечети. При таких обстоятельствах ставленники халифа не посмели бы тронуть его. Абдаллах ибн Аббас¹ предложил Хусейну дожидаться, пока жители Куфы сами восстанут и изгонят своего наместника. Однако, пророчествовал он, если Хусейн оставит Мекку, пока наместник Куфы находится на своем посту, войска патрулируют улицы, а чиновники собирают налоги, тогда в последнюю минуту жители Куфы могут дрогнуть и предать Хусейна. Если же, добавлял он, в Мекке Хусейн не чувствует себя в безопасности, то ему лучше найти себе прибежище в горах Йемена, чем бросать вызов открытым равнинам Ирака. Таким образом, Абдаллах ибн Аббас предстает как мудрый и искренний советчик, в то время как Абдаллах ибн Зубайр подталкивал Хусейна отправиться в путь, надеясь на его поражение.

¹ Генеалогическое древо курейшитов, см. с. 39.

В конце концов Хусейн послал своего двоюродного брата Муслима, сына Акила¹, сына Абу Талиба, с поручением достичь Куфы, разведать ситуацию и доложить о ней. Муслим был восторженно принят тайными сторонниками бану Хашим. Утверждают, что их было не меньше двенадцати тысяч и эти люди тайно пообещали Хусейну свою поддержку через Муслима. Окрыленный таким энтузиазмом, Муслим спешно написал Хусейну, умоляя его немедленно прибыть в Куфу. Тем временем осведомители поспешили сообщить наместнику Куфы о готовящемся перевороте. Однако наместник был выходцем из Медины и не принадлежал к клану бану Омейя. Когда сторонники Йазида в Куфе обвиняли его в слабости и побуждали его принять решительные меры к искоренению возможного мятежа, он отвечал, что слабость лучше восстания против Бога, так как, подобно многим добродетельным мусульманам, не чувствовал себя вправе применить насилие к семье и потомкам Пророка. Видя его нерешительность, приверженцы Йазида отправили срочное донесение в Дамаск.

Советники Йазида сказали ему, что есть только один человек, достаточно беспощадный, чтобы справиться с восстанием в Куфе, — Убайдаллах, сын Зийяда Сына-своего-отца, тогдашний наместник Басры. Чтобы поддержать эту идею, старый и верный вольноотпущенник Муавии составил письмо о назначении Убайдаллаха наместником Куфы, якобы написанное еще его прежним хозяином Муавией, но неподписанное им из-за внезапной смерти. Убежденный этими доводами, Йазид подписал письмо. Получив приказ халифа, Убайдаллах тайно покинул Басру и добрался до Куфы раньше, чем кто-либо успел узнать о его назначении.

Тем временем Хусейн, действуя согласно письму, полученному им от Муслима, в августе или сентябре 680 г. пустился в путь, чтобы пройти восемьсот миль пустыни, отделяющие Мекку от Куфы. Он даже не попытался собрать

¹ Генеалогическое древо курейшитов, см. с. 39.

армию или привлечь вооруженных сторонников. Его сопровождала вся его семья — женщины и дети, и небольшое число слуг и близких друзей. «Сердца народа были с ним, — сказал поэт ал-Фаразбак, — но мечи были с бану Омейя, а исход дела находился в руках Аллаха».

В течение этого времени Убайдаллах не бездействовал. Прежде чем вступить в Куфу, он дал три тысячи динаров¹ верному вольноотпущеннику, которому поручил войти в Куфу с севера, разыскать сторонников Хусейна и сообщить тем, что его послали блажелатели из Сирии, чтобы пополнить их денежные средства. Заговорщики обманулись, допустили вольноотпущенника на свои совещания и приняли предложенную сумму. Не успел Убайдаллах водвориться во дворце наместника, как вольноотпущенник уже осведомил его обо всех подробностях заговора и назвал имена его главных участников. Действуя согласно его донесению, Убайдаллах приказал немедленно арестовать хозяина дома, где прятался Муслим. Затем он послал за старейшинами города и предупредил их, что каждый из них будет лично отвечать за любого из своих последователей, причастных к заговору.

Как только Муслим услышал об аресте своего хозяина, он справедливо предположил, что наместник получил сведения о заговоре и время действовать пришло. Призвав своих сторонников выполнить свои обещания, он с четырьмя тысячами человек окружил дворец наместника. Гарнизон, всего пятьдесят человек, спешно закрыл ворота и занял позиции на стенах, но едва ли мог выдержать серьезный штурм.

В этой опасной ситуации Убайдаллах проявил себя как настоящий лидер. Он не потерял головы. Со стен не было выпущено ни одной стрелы. Вместо того чтобы прибегнуть к насилию, он выслал нескольких верных слуг, чтобы те, смешавшись с толпой, нашептывали людям об опасности вражды с наместником и сообщали, что из Дамаска движется

¹ Динаром называлась золотая монета того периода.

армия. Он еще утром позаботился о том, чтобы задержать городских старейшин во дворце. Теперь он приказал старейшинам встать на стенах дворца и оттуда призвать людей разойтись. Один за другим люди из толпы украдкой уходили домой. К вечеру улицы, окружающие замок, были пусты.

Муслим, двоюродный брат Хусейна, оказался в одиночестве. Он не мог вернуться в свое прежнее укрытие, владеец которого был арестован. Он воспользовался гостеприимством другого дома, но не успел еще прилечь, чтобы отдохнуть, как во дворец уже отправился осведомитель, и в полночь в здание ворвались воины. Оказавшись в безвыходном положении, Муслим с мечом в руке удерживал их в дверях, пока предводитель отряда не взял его в плен, гарантировав ему личную безопасность. Однако когда Муслима доставили к наместнику, последний отказался от этого обещания и приказал немедленно отрубить ему голову. Обезглавленное тело было сброшено со стен дворца на находившуюся внизу городскую площадь.

На заре был выведен и публично казнен на овечьем рынке в центре города и бывший хозяин Муслима. Его обезглавленное тело было затем распято на вершине городской свалки. Безжалостный Убайдаллах был мастером придавать своим жестокостям такие мелкие омерзительные штрихи. Эти две отрубленные головы лежали перед наместником во время аудиенции в его дворце.

Этими беспощадными мерами Убайдаллах, сын Зийяда, в двадцать четыре часа запугал жителей Куфы. На следующий день в городе не было слышно ни шороха. Произошло все это 9 сентября 680 г.

Когда арестованного Муслима уводили по городским улицам, он громко крикнул: «Не пойдет ли кто-нибудь навстречу Хусейну, чтобы сказать ему не приходить сюда, потому что жители Куфы предали его, как предали его отца». Какой-то доброжелатель внял его просьбе и, незаметно выскользнув из города, отправился в пустыню навстречу Хусейну.

* * *

Прежде чем покинуть Мекку, Хусейн послал своего молочного брата вперед в Куфу, чтобы объявить о своем скором приезде. Однако Убайдаллах уже запугал жителей Куфы и заставил их повиноваться, и посланник был схвачен, еще не успев добраться до города. Убайдаллах сказал ему, что если он, встав наверху зубчатой стены дворца, призовет проклятие на Хусейна так, чтобы его слышала толпа на рыночной площади внизу, тогда он поразмыслит о том, чтобы сохранить ему жизнь. Но когда посланец Хусейна стоял на стене, он стал выкрикивать благословения Хусейну и убеждать жителей Куфы поддержать его, и это продолжалось до тех пор, пока разгневанный Убайдаллах не приказал сбросить его вниз. Посланник упал на площадь, находившуюся внизу. Говорят, все его кости были переломаны, но он все еще был жив, пока какой-то сострадательный очевидец не положил конец его агонии.

Тем временем Хусейн в сопровождении женщин и детей медленно двигался через пустыни Аравии. Когда он проходил через пастбища кочевников, многие из них пожелали присоединиться к нему, и в итоге у него собралась значительная группа. Когда же весь этот отряд прибыл в Зубалу, они встретились с гонцом, который вышел им навстречу, повинуясь призыву Муслима. В один миг ужасающе ясного озарения Хусейн понял, что все погибло. Собрав всех бедуинов, присоединившихся к нему по пути, он рассказал им о казни Муслима и его посланников и объяснил, что теперь у него в Куфе не осталось сторонников. Затем Хусейн приказал им разойтись по своим племенам. Многие упрашивали его вернуться в Мекку, но он лишь отвечал, что его судьба в руках Бога. На следующее утро верблюды были навьючены, и он снова пустился на север в сопровождении лишь своей семьи.

Четыре бедуина из племени Таи встретили его и умоляли укрыться вместе с племенами на горе Адджа, в пустынях Северного Неджада. Племя защитит его, восклицали они, двадцатью тысячами сабель, и никакое правительство не

схватит его там, но Хусейн только поблагодарил их и пошел дальше. Набрав воды в Шарафе, маленький караван двинулся дальше по каменистой, покрытой холмами равнине, как вдруг кто-то закричал, что видит пальмы. Все остановились, сидя на своих верблюдах и напрягая зрение, чтобы видеть сквозь мерцающий мираж. Казалось, что пальмы движутся, и когда они подступили ближе, оказалось, что это кавалерийский отряд, высланный Убайдаллахом ибн Зийядом на розыски каравана. Их лошади хотели пить, и Хусейн приказал напоить их из мехов, которые вез на своих верблюдах. Настал час молитвы, и «вражеская» конница выстроилась за внуком Пророка, чтобы участвовать в богослужении. Затем командир отряда сказал Хусейну, что ему приказано доставить его в Куфу. В пути маленький караван постоянно пытался отклониться к западу, в то время как конный отряд, хотя и с разумной долей уважения, стремился направить его на восток в Куфу.

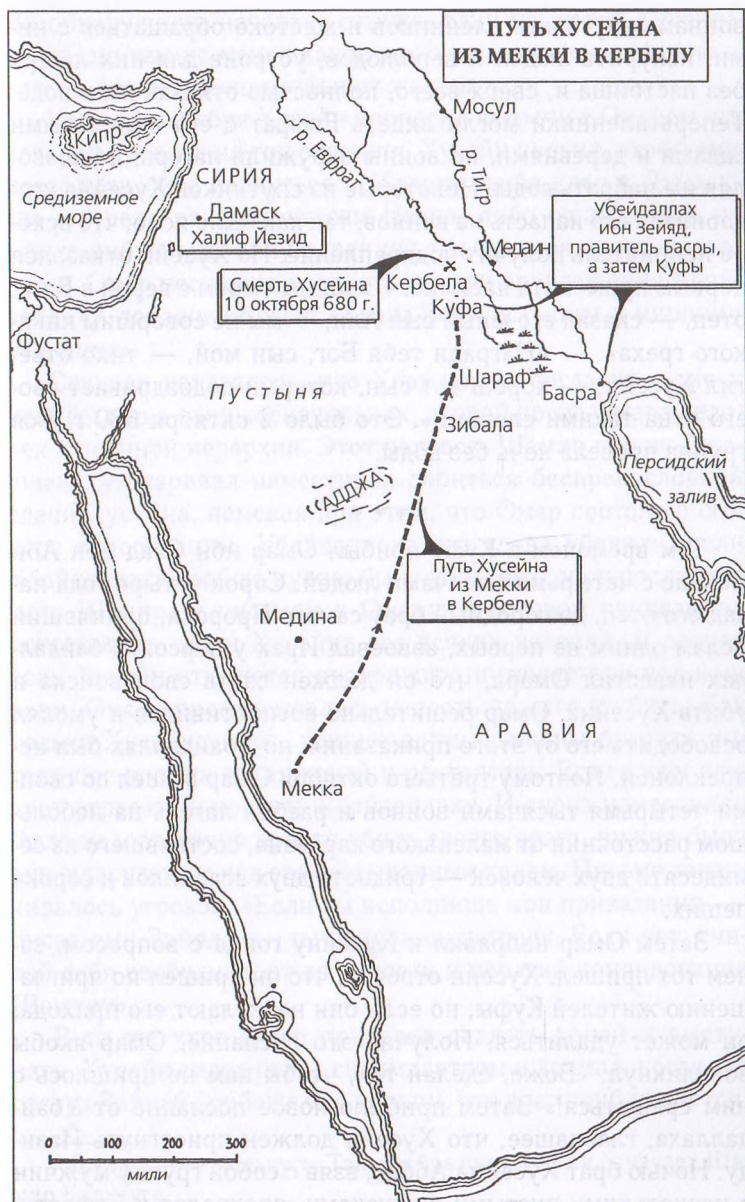
По прошествии столь длительного времени невозможно понять, о чем думал Хусейн после того, как в Зубале он узнал о крушении своих надежд. У него еще было время повернуть назад. Может быть, он думал, что если он поступит так, то будет схвачен и казнен в Мекке? Если так, то единственный выход, который у него оставался, заключался в том, чтобы, как предлагали ему бедуины, сбежать в какие-нибудь дикие горы. Возможно, будучи внуком Пророка, он считал, что такое поведение было бы ниже его достоинства. Может быть, он не верил, что бану Омейя решатся его убить.

В конце концов, маленький караван, постоянно преследуемый своей конной свитой, пересек пустыню примерно в двадцати милях к западу от Куфы, оказавшись вблизи современного города Кербела. Тем временем отряд получил новые распоряжения от Убайдаллаха, приказавшего своим

Карта 10

Путь Хусейна из Мекки в Кербелу.

воинам запугивать пленников и жестоко обращаться с ними, изнурить людей и верблюдов, устроив для них лагерь без пастбища и, сверх всего, полностью отказав им в воде. Теперь пленники могли видеть Евфрат с его пальмовыми садами и деревнями, но воины окружили лагерь, не позволяя им набрать воды. Некоторые из спутников Хусейна уговаривали его напасть на воинов, так как было ясно, что вскоре неприятель получит подкрепление. Но Хусейн отказался первым применить насилие. «Если мы умрем с верой в Бога, отец, — сказал его юный сын Али, — мы не совершим никакого греха». — «Награди тебя Бог, сын мой, — тихо ответил Хусейн, — хорош тот сын, который подбадривает своего отца такими словами». Это было 2 октября 680 г. Вся группа провела ночь без воды.

* * *

Тем временем в Куфу прибыл Омар ибн Саад ибн Аби Ваккас с четырьмя тысячами людей. Сорок четыре года назад его отец, двоюродный брат самого Пророка, принявший ислам одним из первых, завоевал Ирак у персов. Убайдаллах известил Омара, что он должен взять свои войска и убить Хусейна. Омар решительно воспротивился и умолял освободить его от этого приказа, но Убайдаллах был непреклонен. Поэтому третьего октября Омар вышел со своими четырьмя тысячами воинов и разбил лагерь на небольшом расстоянии от маленького каравана, состоявшего из семидесяти двух человек — тридцати двух всадников и сорока пеших.

Затем Омар направил к Хусейну гонца с вопросом, зачем тот пришел. Хусейн отвечал, что он пришел по приглашению жителей Куфы, но если они не желают его прихода, он может удалиться. Получив это послание, Омар якобы воскликнул: «Боже, сделай так, чтобы нам не пришлось с ним сражаться!» Затем прибыло новое послание от Убайдаллаха, гласившее, что Хусейн должен присягнуть Йазиду. Ночью брат Хусейна Аббас, взяв с собой группу мужчин с несколькими пустыми бурдюками, прокрался к Евфрату.

Их обнаружили, началась стычка, один из людей Хусейна погиб, но тем не менее какое-то количество воды попало в лагерь, где дети изнемогали от жажды.

Утром 4 октября Хусейн попросил встречи с Омаром, на которой предложил три решения. Хусейн просил, чтобы ему позволили либо вернуться в Медину, либо идти в Дамаск, где его дело рассмотрит сам Йазид, либо отправиться на какую-нибудь удаленную границу, чтобы сражаться с неверными. Омар поспешил передать эти три предложения Убайдаллаху, добавив от себя: «Хвала Богу, есть путь к мирному решению».

Сначала показалось, что Убайдаллах согласился, но у него был еще один военачальник, второй после Омара человек в военной иерархии. Этот человек, Шамир ибн зу-Джаушан¹, уговаривал наместника добиться беспрекословной сдачи Хусейна, намекая при этом, что Омар состоит в сговоре с последним. Убайдаллах его слова убедили, если Убайдаллах вообще нужно было убеждать, и он послал самого Шамира с письмом к Омару, в котором приказывал потребовать сдачи Хусейна без всяких условий. В случае если Хусейн откажется продолжить путешествие под конвоем, Омару предписывалось напасть на него и убить. Как только Хусейн умрет, конные воины должны бросить его тело под копыта своих коней и растоптать. Его голову следует отрезать и послать Убайдаллаху. И снова наместнику было недостаточно просто убить своего врага, нужно было еще надругаться над его бездыханным телом. Письмо заканчивалось угрозой. «Если ты исполнишь мои приказания, — писал сын Зийяда, — ты получишь награду. Если нет, считай себя свободным от должности и передай командование Шамиру».

В то же утро Омар приказал седлать коней и выступать. Хусейн сидел перед своим шатром и дремал, когда его сестра Зайнаб прибежала с криком, что враг приближается.

¹ Джаушан — кольчуга. Таким образом, это имя означает Шамир Кольчуга.

Хусейн поднял глаза и сказал: «Я спал и видел Посланника Бога, и он сказал мне: „Сегодня ты придешь ко мне“». Затем Хусейн выслал своего брата Аббаса навстречу Омару, прося отложить нападение до следующего утра, чтобы он мог подготовиться к смерти, и Омар любезно удовлетворил его просьбу.

Хусейн провел ночь в молитве и утешал женщин и детей, говоря им о тщетности жизни и о том, что каждому человеку предстоит умереть. Затем он распорядился расставить шатры вплотную друг к другу, так чтобы их веревки переплетались. Он велел мальчикам и мужчинам рассеяться под покровом темноты во избежание гибели. «Они хотят убить только меня одного, — сказал он. — Нет нужды умирать вам всем». Но все предпочли остаться с ним до конца.

На заре Хусейн приготовил семьдесят два своих воина к бою. В центре, держа знамя, стоял его брат Аббас. Когда длинная линия конников приблизилась, он оседлал свою кобылу и, воздев руки, воскликнул: «О Боже, Ты наша надежда в любой опасности, наше упование в любой беде». Потом, когда наступающие подошли ближе, он воззвал к ним: «Я сын дочери вашего Пророка». — «Разве сын Фатимы не лучше сына Сумайи?» — выкрикнул кто-то из-за его спины. Командир конного отряда, первым встретившего караван Хусейна в Шарафе и сопровождавшего его к Кербеле, часто разговаривал с ним и испытал влияние его личности. Вырвавшись из воинских рядов, он встал рядом с Хусейном, крича, что лучше смерть и рай, чем долгая жизнь и адский пламень.

Всадники остановились на небольшом расстоянии от шатров маленького отряда сторонников Хусейна, и на них дождем посыпались стрелы. Несколько человек были убиты или ранены. По обычаю арабских сражений того времени, вперед выступили единоборцы, вызывая на поединок воинов неприятеля и продлевая тем самым агонию этого дня. В полдень, несмотря на продолжавшийся бой, Хусейн и его

¹ Сумайей звали проститутку, мать Зейяда, отца Убейдаллаха.

люди совершили свои молитвы, причем половина из них молилась, пока остальные сражались.

К этому моменту ряды Хусейна сильно поредели, хотя сам он все еще был невредим, поскольку лучники специально выбирали для своих стрел другие цели. Двое из его братьев пришли к нему и попросили позволения умереть, встав между ним и его врагами. Направившись вдвоем к строю Омара, они остановились, обернулись и крикнули: «Мир тебе, сын Посланника Божия!» После этого они бегом пустились прямо в неприятельский лагерь и упали, покрытые ранами.

Маленький сын Хусейна был убит стрелой, а чуть позже погиб и второй, по имени Касим. Хусейн сам подобрал ребенка и уложил его в шатре рядом с мертвым братом. Теперь с Хусейном едва ли оставался хотя бы один живой мужчина, хотя никто, казалось, не смел убить его самого. Наконец, Малик ибн Нусайр из племени Кинда набросился на него и так ударил его по голове, что хлынувшая из раны кровь омочила одежду¹.

Этому трагическому эпизоду было суждено расщепить ислам, и вызванный им раскол длится до сегодняшнего дня. Возможно, есть тенденция приукрашивать характер Хусейна, от которой разумнее воздержаться, если мы стремимся придерживаться исторической точности. В этой связи необходимо отметить, что в последние горькие минуты своей жизни он, по дошедшим до нас сведениям, часто призывал Бога отомстить убийцам за свою смерть. «О Боже, истреби их всех. Пусть ни один не спасется. Пусть все они пойдут в адский огонь». Молитву о прощении своих мучителей можно считать обязательной только для христианских мучеников, а в арабском менталитете слишком глубоко укоренен принцип возмездия.

¹ Если битва действительно длилась несколько часов, то очевидно, что она не могла быть ожесточенной. Возможно, лучникам было приказано стрелять по сторонникам Хусейна в надежде захватить его живым. Отчет со стороны Омейядов гласит, что битва была короткой.

Раненый и истекающий кровью Хусейн теперь остался почти в одиночестве, окруженный несколькими тысячами своих врагов, которым, казалось, по-прежнему не хватало мужества нанести ему *coup de grâce*¹. В какой-то момент он, кажется, даже оседлал свою кобылу, но преследователи, возможно думая, что он намеревается спастись бегством, подстрелили лошадь, и она упала. Стрела ударила Хусейна в лицо и застряла в челюсти, но он с силой вырвал ее. К этому моменту он, наверное, был лишь наполовину в сознании и слабым голосом просил воды, стоя перед шатром. Тем временем враги ворвались в шатры, хотя Хусейн взывал к ним, чтобы они пощадили женщин. Маленький мальчик выбежал из шатра и бросился к Хусейну, крича, что умрет вместе с отцом. В этот момент какой-то воин кинулся на Хусейна с мечом, но маленький мальчик поднял руку, чтобы защититься, и лезвие отрубило ему руку выше запястья. Отец схватил его на руки со словами: «Ты и я скоро будем с Посланником Бога».

Теперь Хусейн остался один в безвыходном положении, когда внезапно голос Шамира приказал воинам убить его. Несколько человек набросилось на него, один ударил его мечом по плечу, другой отрубил левую руку, и он закачался взад-вперед как пьяный. Тогда еще один пронзил его копьем, и он, наконец, упал на землю. Некто по имени Синан ибн Анас набросился на поверженное тело и отрезал голову. Чары почитания были развеяны. Подбежала толпа воинов, и через несколько мгновений тело было раздето донага. Один разорвал его плащ, другой — рубаху, третий схватил его меч, четвертый — сандалии. Затем озверевшие воины, опьяненные кровью и жадностью, обратились к шатрам, сражаясь за уцелевших лошадей и верблюдов, еду и постели и даже срывая одежду с женщин.

В этот момент на сцене появился Омар ибн Саад ибн Аби Ваккас и спас женщин. Он приказал воинам вернуть

¹ Удар милосердия (франц.), наносимый с целью прекратить агонию. — Примеч. пер.

награбленное, но на его слова никто не обратил внимания. Затем он вызвал желающих растоптать тело Хусейна, как приказал Убайдаллах. Охотники нашлись; они гоняли своих коней взад-вперед по трупу до тех пор, пока он не был полностью раздроблен, став неузнаваемым. Голова Хусейна была послана с нарочным Убайдаллаху ибн Зийяду в Куфу. Все семьдесят два мужчины, составлявшие свиту Хусейна, пали. Армия Куфы потеряла восемьдесят восемь человек убитыми, не считая раненых. Бесчеловечный Шамир провел остаток дня, отрезая головы у семидесяти двух мертвых родичей и приверженцев Хусейна. Это было 10 октября 680 г.

* * *

На следующее утро Убайдаллах сидел в зале для публичных аудиенций и принимал поздравления горожан. Перед ним лежала отрезанная голова внука Мухаммада. Непринужденно разговаривая с посетителями, садист поигрывал окровавленной головой концом своего меча. В конце концов какой-то старик воскликнул: «Прекрати играть с этой головой своим мечом, ибо, клянусь Богом, я видел, как уста Посланника Божия целовали эти губы» — и безудержно разрыдался. «Мой Бог создал твои глаза, чтобы плакать, — в ярости сказал сын Зийяда, — если бы ты не был так дряхл от старости, я бы немедленно приказал отрубить тебе голову». Старик поднялся и, рыдая, поспешил вон из зала. Прокладывая путь сквозь толпу, напиравшую снаружи, он кричал: «Сегодня арабы стали рабами. После такой славы они стали презренными рабами».

Затем в зал ввели женщин из семьи Хусейна, едва прикрытых лохмотьями, которые оставили им воины. Потом пред очи Убайдаллаха были принесены семьдесят две головы. «Итак, — радостно сказал последний, обращаясь к несчастным перепачканным женщинам, — что вы думаете о том, на что Бог обрек вашу семью?» — «Бог рассудит тебя с ними в день Воскресения», — смело ответила сестра Хусейна.

* * *

Головы Хусейна и семидесяти двух его приверженцев были отправлены с нарочными в Дамаск к Йазиду. Когда их разложили перед ним, молодой человек якобы заплакал и воскликнул: «Пусть Бог проклянет сына Сумайи. Если бы я был там, я бы оставил в живых Хусейна, да смилуется над ним Бог». Процессия полуобнаженных и трепещущих женщин достигла Дамаска позже. Когда они прибыли, Йазид, как говорят, снова проклял Убайдаллаха. Затем он приказал дать женщинам одежду и пищу и со всем почтением и под охраной доставить их в Медину. В священном городе их встретил всеобщий плач и стенания. Как мы впоследствии увидим, это приведет к нескончаемым бедствиям бану Омейя и ислама.

Устроенные Йазидом показательные рыдания и публичные проклятия в адрес Убайдаллаха сына Зийяда едва ли стоит принимать за чистую монету. У его отца, халифа Муавии, и Зийяда существовал отлаженный механизм, согласно которому последний удерживал народ Ирака в подчинении с помощью крайней жестокости, в то время как Муавия завоевывал популярность, напустив на себя патриархальный и сострадательный вид. Двое их сыновей не могли не знать об этой системе. Через несколько месяцев после бойни в Кербеле Убайдаллах получил повышение, став наместником Куфы, Басры и всей Персии, то есть всей восточной половины империи, которой от имени халифа Муавии правил и его отец Зийяд.

* * *

В VII в. слово «шиа» означало всего лишь «партию». Арабские историки говорят о «шиа» Йазидов и «шиа» Хусейна, описывая сторонников каждого из них. Но убийство в Кербеле придало этому слову новое значение. Те, кто следовал за Али ибн Аби Талибом, зятем Пророка, и его сыном Хусейном, были горячо преданы их памяти. Эта тесно сплоченная группа постепенно превратилась в *партию*, «шиа» *par excellence*. Жестокости Кербелы невозможно перечерк-

нуть, и шииты, поклонники Али и Хусейна, до сего дня образуют отдельную ветвь ислама.

* * *

Народы Нижнего Ирака и Персии до сих пор являются почти исключительно шиитами. Каждый год в первый день арабского месяца мухаррам, в день, когда маленький караван Хусейна разбил свой лагерь, лишенный воды, на равнине Кербелы, у них начинается десятидневный период поста и плача. Каждый день, в каждом лагере, городе и деревне, эта душераздирающая история читается вслух с очень эмоциональными подробностями перед собраниями рыдающих людей. Каждую ночь в течение тринадцати столетий мужчины проходят по улицам, обнаженные до пояса, стегая свои спины хлыстами и цепями, и поют погребальные песни Хусейну. В десятый день мухаррама, день смерти Хусейна, на открытом пространстве за чертой каждого города разыгрывается битва. Группа людей с маленьким шатром изображает преданную свиту Хусейна, а большая по численности группа всадников — армию Омейядов. Один, самый заметный, играет роль печально известного Шамира.

После битвы в город возвращается процессия с верблюжьими носилками, в которых лежат мертвый Хусейн и несколько милых маленьких детей с рубашками, завязанными вокруг головы, чтобы придать им сходство с обезглавленными телами. Несколько голов, сделанных из дерева и раскрашенных в жуткий бледно-зеленый цвет, чтобы походить на мертвые, лежат рядом с этими телами. Городская площадь и плоские крыши домов заполнены женщинами и детьми, которые издают душераздирающие стенания, когда мимо них движется этот зловеющий караван. Все это действие глубоко трогательно и невыразимо печально, и лично я никогда не мог наблюдать его без слез. То, что претерпел в своей жизни Хусейн, завоевало ему горячую и трагическую преданность в сердцах миллионов простых мусульман.

Свобода, а не рабство — вот лекарство от анархии; подобно тому, как религия, а не атеизм есть истинное исцеление от суеверия.

Эдмунд Берк

Порядок и сотрудничество — это всеобщие законы жизни; анархия и соперничество суть законы смерти.

Джон Рескин

Но Меня ли огорчают они? говорит Господь; не себя ли самих к своему стыду?

Иер., 7:19

В тот грозный час, когда в разгаре боя
Презренье шлют врагу в лицо герои,
В жестокой схватке перед ним не отступая,
Опасность, смерть и робость забывая,
Где всадников всего смелее бег,
Вперед я выехал, и не найти во век
Хоть одного, кто порицать меня готов,
Я в бой их вел, издав военный зов,
Угрюмо зубы сжав, сквозь плотный вихрь песчаный.
Коней хлестали мы — их ноги неустанны,
Верблюдов гнали, поднимая стяги,
Вперед, к деяньям истинной отваги.

Антар ибн Шеддад

Глава III

АРАБСКАЯ АНАРХИЯ

Важные даты

Восстание против халифа Йезида в Медине	682 г.
Битва Лавы	август 683 г.
Первая осада Мекки	сентябрь-ноябрь 683 г.
Смерть Йезида	ноябрь 683 г.
Провозглашение Муавии II халифом в Дамаске.	
Провозглашение Абдаллаха ибн Зубейра халифом в Мекке.	
Смерть Муавии II	февраль 684 г.
Битва при Мардж-Рахите	июль 684 г.
Провозглашение Мервана халифом в Дамаске.	
Битва при Айн ал-Варде	декабрь 685 г.

Персоналии

Халифы.

Йезид ибн Муавия I	680–683 гг.
Муавия II ибн Йезид	683–684 гг.
Абдаллах ибн Зубейр провозглашен халифом в Мекке	684 г.
Мерван ибн ал-Хакам (только Сирия и Египет)	684–685 гг.
Абд ал-Малик ибн Мерван	685 г.
Убейдаллах ибн Зейяд попытался провозгласить себя халифом в Басре, но был изгнан.	

Действительно ли изуверство Убайдаллаха разгневало Йазида, или же нет, но вскоре халифу пришлось осознать всю серьезность политических последствий. Как уже говорилось, возвращение женщин и детей из рода Хусейна вызвало в Медине, городе, который в течение пятидесяти лет лелеял Пророка и его потомков, горькие рыдания и бурное негодование. В Мекке заметно укрепились позиции Абдаллаха ибн Зубайра. С одной стороны, теперь у него на пути не стоял Хусейн, чьи претензии на халифат были намного обоснованнее его собственных. С другой стороны, жестокость бойни в Кербеле вызвала яростную реакцию против Йазида по всему арабскому миру. Окрыленный всем этим, Абдаллах ибн Зубайр начал открыто осуждать династию бану Омейя. Вскоре пошли слухи, что он тайно принимает присяги на верность.

Встревоженный назревающим восстанием в Хиджазе, наместник Медины уговорил городских старейшин направить депутацию к Йазиду в Дамаск, надеясь, что халиф сумеет склонить их на свою сторону либо убеждением, либо щедрыми подарками. Однако попытка обернулась неудачей, а по возвращении благочестивые делегаты лишь усугубили положение, рассказывая с ужасом, что Йазид пьет вино, а в городе Дамаске царит разврат.

Почти все арабские историки, чьи труды дошли до нашего времени, писали во времена династии Аббасидов, которая низвергла и сменила Омейядов. В результате все они так стремились очернить память халифов из клана бану Омейя, что современному историку оказывается сложно достоверно оценить их характеры. Йазиду было тридцать пять, когда его провозгласили халифом, и всю свою жизнь он прожил в Сирии. Народ Медины в значительной степени сохранил пуританскую традицию Пророка, который отрицал

вино, музыку, шелковую одежду и другие прелести обычной цивилизованной жизни. Для них Дамаск был клоакой всяческих пороков хотя бы потому, что там все это было в большом ходу. Мать Йазиды Майсун была родом из бедуинского племени Калб и по праву стяжала славу поэтессы. Для нее жизнь в дамаском дворце не содержала в себе ничего привлекательного, и ее тоска по пустыне выразилась в знаменитом стихотворении, начинающемся следующими словами:

Шатер, в котором ветерок прохладный шелестит,
Сильней, чем сказочный дворец мне сердце веселит,
И плащ из шерсти мне милей роскошного наряда —
Вздыхать меня он научил, и я ему не рада¹.

Рассказывают, что, услышав это стихотворение, Муавия развелся с ней, и в результате Йазид провел с кочевниками сирийской пустыни больше времени, чем мог бы. Бедуины были глубоко пропитаны древними арабскими традициями войны, гостеприимства и поэзии, берущими начало во времена за сотни лет до ислама. Хотя именно они составляли ударную силу арабских армий в период великих завоеваний, по большому счету эти племена не отличались сильной религиозностью. Таким образом, мы видим, что Йазид воспитывался отчасти среди жизнерадостных, любящих роскошь обитателей Дамаска и отчасти среди воинственных и поэтических бедуинов, доселе наполовину язычников. Мы можем не считать вино, музыку и шелковые одеяния смертным грехом, но для строгих традиционалистов Мекки и Медины они были синонимом проклятия.

В целом мы, вероятно, вправе сделать вывод, что Йазид был мирским человеком, любящим все земные удовольствия, пожалуй, даже чрезмерно, поскольку в свои тридцать пять он отличался непомерной упитанностью. Некоторые арабские историки намекают, что его никогда не видели

¹ Nicholson. *A Literary History of Arabs*.

трезвым, и, возможно, при этом не грешат против правды. Однако лично я заметил, что даже в наши дни непьющие арабы полагают, что всякий, кто в принципе употребляет алкоголь, всегда пьян. Непохоже, чтобы Йазид совершенно не обращал внимания на государственные дела.

* * *

Осенью 682 г. религиозное рвение в сочетании с чувством горечи, оставленным убийством Хусейна и его спутников, вылилось в открытое восстание в Медине. Возбужденные горожане осадили членов клана бану Омейя и их сторонников общей численностью порядка тысячи человек в их городских домах. Вероятно, осада не была особенно плотной, а бунтовщикам, даже ожесточенным и возмущенным, недоставало организованности и дисциплины. Тем не менее власти халифа был брошен вызов, наместник лишился своего поста, а его родственники подверглись нападкам и оказались в осаде.

Йазид не мог проигнорировать подобный мятеж, и под знамена Дамаска стала собираться армия. Вскоре ее ряды насчитывали двенадцать тысяч человек; командование было поручено Муслиму ибн Окбе ибн Нафи. (Его отец возглавлял завоевание Северной Африки и годом раньше был убит берберами в Атласских горах¹.)

В августе 683 г. Муслим ибн Окба достиг Медины. По приказу Йазиды он дал жителям города три дня отсрочки, чтобы те перестали бунтовать. Кипя негодованием от такого унижения, предложенного Городу Пророка, и преисполнившись высокомерного упрямства людей, ощущающих свое нравственное превосходство, мятежники с презрением отвергли это предложение.

По истечении ультиматума армия Дамаска двинулась к городу по куфской дороге, начинавшейся от лавовых склонов к востоку от него. Негодующие жители не стали дожидаться нападения, а вышли из города и атаковали подступающие

¹ См. с. 143.

войска с безрассудной отвагой. На короткое время ряды армии Омейядов смешались, знаменосец был сражен, флаг упал на землю, и разъяренные мединцы чуть не прорвались к самому главнокомандующему. Но при всей своей храбрости, горожане не были организованной армией. Дамаск же противопоставил им обученных и дисциплинированных воинов. Атака мятежников продолжалась до того момента, когда Муслиму ибн Окбе удалось развернуть контрнаступление, предварительно выслав вперед отряд с приказом обойти с фланга и взять Медину. Горожан медленно оттесняли назад, пока они вдруг не услышали победные возгласы у себя за спиной. Оглянувшись и увидев, что фланговая колонна уже захватила город, они дрогнули и побежали.

В течение трех дней Город Пророка переживал ужас и унижение. Многих зачинщиков казнили за отказ присягнуть Йазиду. Остальных горожан принудили поклясться в верности, хотя Муслим ибн Окба известил их, что их конечная участь будет зависеть исключительно от милосердия халифа. Маленький сын Хусейна Али чудом спасся во время резни в Кербеле и вернулся в Медину вместе с женщинами. Но Йазид специально распорядился, чтобы ребенку не причинили никакого вреда. В дальнейшем ему предстояло стать одним из шиитских имамов с титулом Зайн ал-Абдин — Украшение Правоверных.

Это сражение вошло в историю под названием «Битва Лавы». Оно произошло 26 августа 683 г. Затем Муслим ибн Окба двинулся на юго-восток, чтобы атаковать Мекку, но через два или три дня умер. Историки не дают объяснения его внезапной кончины.

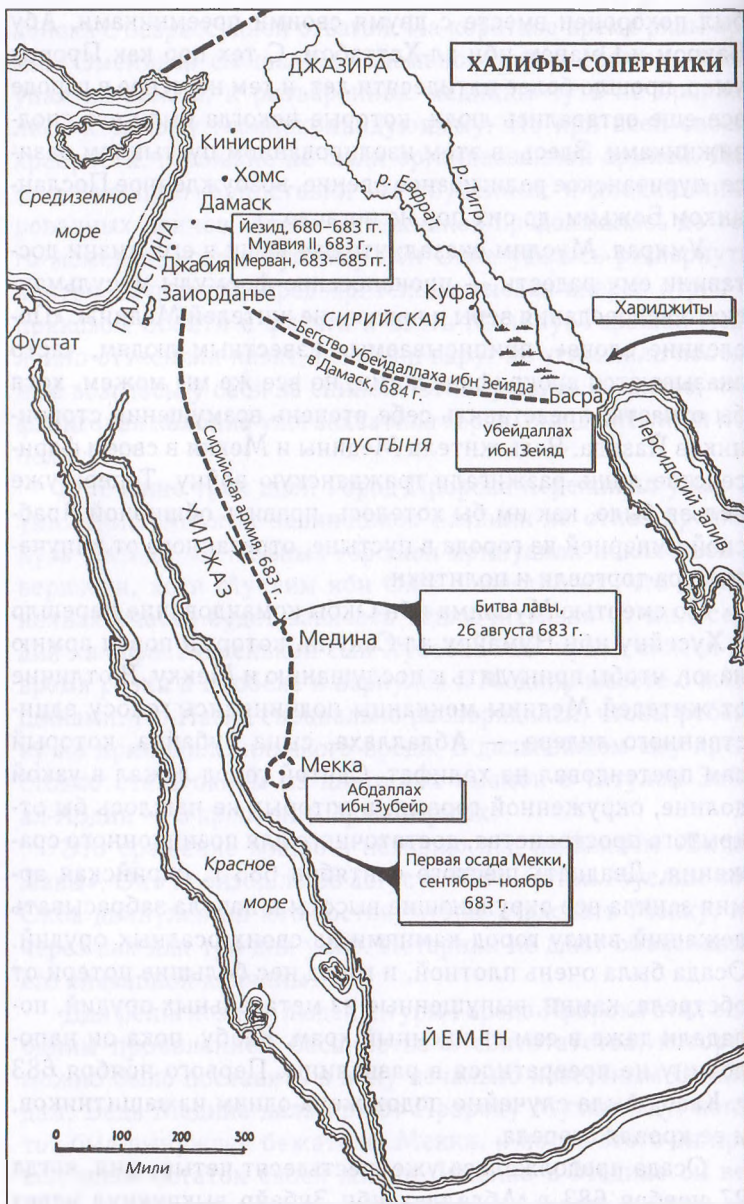
Для религиозных людей штурм Города Пророка стал еще одним проявлением бесчинства и святотатства, которые можно было поставить в вину печально известным Омейядам. Ведь Медина дала приют Пророку Мухаммаду, когда тот был вынужден бежать из Мекки, и после этого он провел здесь остаток своей жизни. Именно в Медине он вел свою проповедь, пока не покорил всю Аравию, и здесь же

был похоронен вместе с двумя своими преемниками, Абу Бакром и Омаром ибн ал-Хаттабом. С тех пор как Пророк умер, прошло более пятидесяти лет, и тем не менее в городе все еще оставались люди, которые некогда были его сподвижниками. Здесь, в этом изолированном пустынном оазисе, пуританское религиозное рвение, возбужденное Посланием Божиим, до сих пор не погасло.

Умирая, Муслим сказал, что две вещи в его жизни доставили ему радость — произнесение формулы мусульманского исповедания веры и наказание жителей Медины. «Последние слова», приписываемые известным людям, часто оказываются апокрифическими, но все же мы можем, хотя бы отчасти, представить себе степень возмущения сторонников Йазида. Ведь жители Медины и Мекки в своем фарисействе лишь разжигали гражданскую войну. Теперь уже нельзя было, как им бы хотелось, править обширной Арабской империей из города в пустыне, отрезанного от кипучего мира торговли и политики.

Со смертью Муслима ибн Окбы командование перешло к Хусейну ибн Нумайру ал-Сакуни, который повел армию на юг, чтобы принудить к послушанию и Мекку. В отличие от жителей Медины мекканцы подчинялись голосу единственного лидера — Абдаллаха, сына Зубайра, который сам претендовал на халифат. Святой город лежал в узкой долине, окруженной горами, в которых не нашлось бы открытого пространства, достаточного для позиционного сражения. Двадцать шестого сентября 683 г. сирийская армия заняла все окружающие высоты и начала забрасывать лежащий внизу город камнями из своих осадных орудий. Осада была очень плотной, и город нес большие потери от обстрела; камни, выпущенные из метательных орудий, попадали даже в сам священный храм, Каабу, пока он наполовину не превратился в развалины. Первого ноября 683 г. Кааба была случайно подожжена одним из защитников, и ее кровля сгорела.

Осада продолжалась уже шестьдесят четыре дня, когда 27 ноября 683 г. Абдаллах ибн Зубайр выкрикнул через

полосу ничьей земли: «О люди Сирии, ваш тиран умер». Вскоре после этого в осаждающую армию прибыл гонец с известием о смерти халифа Йазида в Сирии. Ему было тридцать восемь лет, он правил три года и шесть месяцев, оставив после себя в качестве наследника болезненного тринадцатилетнего подростка, которого жители Дамаска признали халифом под именем Муавии II.

Когда весть о смерти Йазида достигла Мекки, две армии перестали сражаться, и Хусейн ибн Нумайр пригласил Абдаллаха ибн Зубайра встретиться с ним между линиями фронта. Возможно, командир дамасской армии опасался, что итогом прихода к халифату ребенка станет анархия. Каковы бы ни были его соображения, Хусейн ибн Нумайр сказал Абдаллаху ибн Зубайру, что считает его наиболее достойным претендентом на халифат, и пригласил его сопровождать сирийскую армию назад в Дамаск, чтобы установить контроль над империей. Но сын Зубайра отказался по причинам, о которых нам остается только догадываться. Дамасский военачальник этого не ожидал и мог лишь заметить с некоторым презрением, что Абдаллах не соответствует своей репутации. После некоторых раздумий Абдаллах изменил формулировку своего отказа. Если, сказал он, армия вернется в Дамаск и там провозгласит его халифом, он прибудет в Сирию, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. Хусейн отверг подобное предложение с некоторой насмешкой. Если у Абдаллаха недостает мужества, чтобы идти самому, он едва ли может надеяться, что армия все сделает за него. После этого армия сняла осаду Мекки и двинулась обратно в Дамаск. Теперь предложенная Абдаллаху ибн Зубайру возможность спасти империю от гражданской войны была потеряна безвозвратно. Между тем в Дамаске халифом был провозглашен тринадцатилетний Муавия II, а Медина в то же самое время назвала халифом

Карта II

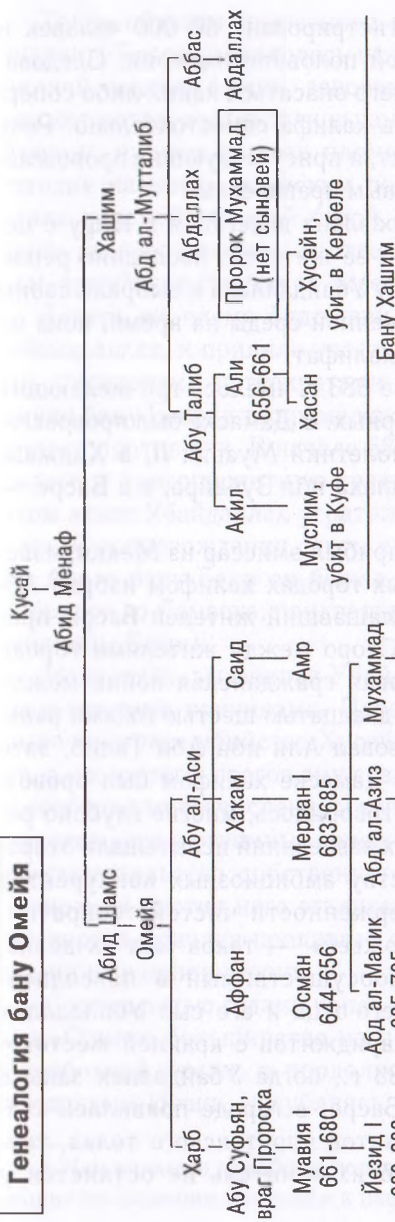
Халифы-соперники, 680–685 гг.

Абдаллаха ибн Зубайра, и империя снова оказалась разделена между двумя соперничающими претендентами.

Мы можем лишь догадываться о причинах, которые побудили Абдаллаха ибн Зубайра отвергнуть предложение, сделанное ему армией Дамаска. Возможно, в его соображениях преобладало воспоминание о судьбе Хусейна в Кербеле. Его тоже звали, и Хусейн принял это приглашение за чистую монету только для того, чтобы встретиться с предательством и смертью. Тем не менее если это была единственная причина, то Абдаллах мог бы собрать армию в Аравии, где пользовался значительной поддержкой, и прийти в Дамаск под защитой собственных сил. В дальнейшем он в течение нескольких лет предъявлял свои претензии на халифат, по-прежнему оставаясь в Мекке. Хотя в молодости он принимал участие в великих завоеваниях, теперь он уже многие годы жил в Святом городе. В этой атмосфере веры и воспоминаний прошлого, в постоянном окружении уцелевших сподвижников Посланника Божия, он так и не понял того, что Арабская империя теперь стала великой мировой силой, мощь которой опиралась на торговлю, финансы, администрацию и обученную армию, в то время как старая теократия тяготела к святым местам, и сподвижники Пророка уже не смогли бы удержать империю под контролем. Столица неизбежно была перенесена в богатую, процветающую и развитую страну, находящуюся в тесном контакте с цивилизованным миром своего времени.

Мы уже видели, что после убийства Хусейна и его спутников в Кербеле Убайдаллах ибн Зийяд был назначен наместником восточной половины империи, включая Басру, Куфу и Персию. Несколькоми годами раньше этот же пост занимал его отец Зийяд Сын-своего-отца. Когда новость о смерти Йазида достигла Басры, Убайдаллах вззошел на кафедру большой мечети и призвал жителей Басры провозгласить его халифом (поскольку политикой, как и молитвами, занимались именно в мечетях). Он разъяснил, что, согласно изученным им воинским спискам, в одном

Генеалогия бану Омейя

Примечание 1. Обратите внимание на родственные связи между бану Омейя и Мухаммадом, а также Али и Аббасом

Примечание 2. Имена халифов подчеркнуты. Даты соответствуют их восхождению на престол и смерти

Примечание 3. Порядок правления халифов: Осман, Али, Муавия I, Йезид I, Муавия II, Мерван I, Абд ал-Малик, Валид I, Сулейман, Омар ибн Абд ал-Азиз, Йезид II, Хишам, Валид II, Йезид III, (Ибрахим), Мерван II.

Примечание 4. Обратите также внимание на Хусейна ибн Али, погибшего мученической смертью в Кербеле, и Муслима ибн Акила ибн Аби Талиба, убитого в Куфе Убейдаллахом ибн Зейядом

Бану Омейя

только районе Басры зарегистрировано 80 000 человек и еще 140 000 — в восточной половине империи. Следовательно, жителям Басры нечего опасаться каких-либо соперников, и они могут избрать халифа самостоятельно. Речь произвела желаемый эффект, и присутствующие провозгласили сына Зийяда своим новым правителем.

Однако когда была отправлена делегация в Куфу с целью заручиться поддержкой ее жителей, последние решительно отвергли кандидатуру Убайдаллаха и выбрали своим лидером человека из собственной среды на время, пока не выяснится, кто унаследует халифат.

Таким образом в декабре 683 г. имелось три желающих стать Повелителем правоверных. В Дамаске был провозглашен халифом несовершеннолетний Муавия II, в Хиджазе халифом признавали Абдаллаха ибн Зубайра, а в Басре — Убайдаллаха ибн Зийяда.

Тем временем, в Басру прибыл эмиссар из Мекки, извещавший о том, что в святых городах халифом избран Абдаллах ибн Зубайр, и приглашавший жителей Басры присягнуть ему на верность. Скоро между жителями города начались разногласия. Первая гражданская война между мусульманами разразилась двадцатью шестью годами раньше, когда в Куфе халифствовал Али ибн Аби Талиб, зять Пророка, в то время как в Дамаске халифом был провозглашен Муавия I. Как уже говорилось, многие глубоко религиозные ветераны великих завоеваний испытывали отвращение к этому соперничеству амбициозных конкурентов и объявили о своей приверженности чистой теократии. «Никакой власти, кроме Божьей» — таков был их девиз, отражавший идеал, трудноосуществимый в повседневной жизни. Зийяд Сын-своего-отца и его сын Убайдаллах действовали против этих хариджитов с крайней жестокостью. Теперь, в декабре 683 г., когда Убайдаллах заявил свои права на халифат в Басре, в городе появилась значительная масса этих сектантов пуританского толка, торжественно обещавших, что их гонитель не останется у власти.

Таким образом, оказавшись в горниле истинно арабской анархии, Басра раскололась на три партии, отчасти на племенной основе. Армии, завоевавшие Ирак для ислама сорок лет назад, составляли выходцы из племен Центральной Аравии, причем каждое племя образовывало то, что мы сегодня называем воинским подразделением. Когда Басра стала крупной военной базой, разные племенные отряды были расквартированы в отдельных лагерях. Таким образом, армейская структура укрепляла племенные связи.

Теперь же племя Асд заявило о том, что поддерживает Убайдаллаха, и приняло участие в битве с его противниками, пуританами и теократами-хариджитами. К Азд примкнули бану Бакр, в то время как Кайс и бану Тамим объединились против них. В начале 684 г. провинция Басра погрузилась в кровопролитную гражданскую войну. Однако на этом этапе Убайдаллах утратил хладнокровие и ударился в бег. В сопровождении свиты своих сторонников из племени Асд и бану Бакр он бежал в пустыню и благополучно добрался до Дамаска, прихватив с собой содержимое сокровищницы Басры¹.

Ненависть, вызванная Убайдаллахом в Ираке, объяснялась многими причинами. Первой и самой важной из них было жестокое убийство Хусейна и его спутников в Кербеле, а кроме того, врагов ему создавала его бесчеловечность, и особенно многочисленность уничтоженных им людей. Его высокомерие и огромные денежные суммы, потраченные им на строительство собственного дворца, еще больше восстановили против него эгалитаристов из арабских племен. Четвертая причина проливает свет на систему внутренней администрации империи.

Сорока пятью годами ранее арабы завоевали Ирак у персов. Однако большинство из них после этого не занялось обработкой земли, а продолжило военную кампанию за пределами Ирака, углубляясь все дальше в Персию. Тем

¹ Нам знакомы подобные перевороты и реставрации, происходящие на Ближнем Востоке и в наши дни.

представителям персидской знати, которые покорились и приняли ислам, было позволено остаться на своих землях. Одной из жалоб в адрес Убайдаллаха было то, что он отдал сбор налогов в ведение этих персидских землевладельцев (большинство из них теперь принадлежало ко второму поколению после завоевания). На эти упреки сын Зийяда отвечал, что разрешить собирать налоги арабским аристократам было бы невозможно, так как, если бы он попытался призвать кого-то из них к ответу, это сразу же мобилизует все его племя, что немедленно создаст угрозу вооруженных беспорядков. Персидские землевладельцы не располагали военной силой, на которую могли бы опереться, и поэтому были вынуждены служить верой и правдой; в противном же случае от них можно было не долго думая избавиться.

После побега Убайдаллаха из Басры племена некоторое время продолжали борьбу друг с другом. Затем, устав от непрерывной нестабильности и кровопролития, они заключили перемирие, за убитых была уплачена вира, и из числа местных лидеров был избран наместник на время, пока не прояснится ситуация в империи. Куфа также выбрала себе правителя, но ни один из этих «наместников» не пользовался поддержкой какого-либо центрального правительства, поскольку его не существовало. В результате административная система фактически рухнула, повсюду воцарились насилие и грабеж, и каждый человек — или, по крайней мере, каждое племя — преследовал только собственные интересы.

Восточная половина Арабской империи включала страны, известные нам сегодня как Персия и Афганистан, а также часть Пакистана. Северная Персия управлялась из Куфы, а южная и восточная — из Басры. Когда Куфу и Басру охватила анархия, хаос скоро распространился и на персидские провинции. Пользуясь неразберихой у арабов, турки переправились через Окс, чтобы вторгнуться в Персию. Тем не менее боевая мощь арабов все еще оставалась настолько неоспоримой, что местных военных сил клана бану Тамим

оказалось достаточно, чтобы отразить грозных тюрков и выдворить их с территории империи, хотя остальные племена Персии были заняты истреблением друг друга.

* * *

В декабре 683 г., как уже говорилось, шла борьба между тремя соперничающими халифами, юным Муавией в Дамаске, Абдаллахом ибн Зубайром в Мекке и Убайдаллахом ибн Зийядом в Басре. Однако два месяца спустя Муавия умер, а Убайдаллах бежал. На какое-то время Абдаллах остался единственным имеющимся кандидатом. И Куфа, и Басра направили в Мекку делегации, официально предлагая Абдаллаху свою верность, одновременно к нему прибыли посланники из Египта и сирийских городов Киннаасрина и Хомса. Если хотя бы теперь Абдаллах отправился в Дамаск, империю можно было бы объединить, но он упрямо оставался в Мекке, вдали от центров жизни, торговли и богатства.

Весной 684 г. казалось, что империя готова упасть в руки Абдаллаха ибн Зубайра подобно спелому яблоку. Все бану Омейя собрались в Дамаске; старейший и наиболее уважаемый член этой семьи, Марван ибн ал-Хакам, уже собирался скакать в Мекку, чтобы предложить свою покорность сыну Зубайра и тем самым воссоединить империю. Только один человек мог помешать этому воссоединению, и это был Убайдаллах ибн Зийяд, который в это самое время объявился в Дамаске, убежав из вверенной ему Басры.

При всей жестокости и беспощадности в этом молодом человеке (а он сильно уступал Марвану в возрасте, поскольку ему еще не исполнилось и тридцати) было нечто особенное. Узнав о намерении Марвана покориться Абдаллаху ибн Зубайру, Убайдаллах осудил это малодушное проявление пораженчества в самых резких выражениях. Он заявил, что законным главой арабов является сам Мерван. Клан бану Омейя уже дал четверых халифов. Все они были прирощенными лидерами. Теперь трон империи должен занять сам Мерван. Воспламененные подобной энергией, бану Омейя

собрали своих сторонников в Джабийе, военной базе к югу от Дамаска. Палестина, Хомс и Киннасрин объявили о своей приверженности Абдаллаху ибн Зубайру. Заиордания и Дамаск признали Мервана, и разразилась новая гражданская война.

Среди множества причин, которые находились у арабов для междоусобных войн, одной из самых необъяснимых являлось разделение на северную и южную ветвь. Согласно древней традиции жители Аравийского полуострова считали себя представителями двух рас. Северное ответвление происходило от Аднана, потомка Исмаила, сына Авраама, и его домом был Северный Хиджаз. Южная группа вела свой род от Кахтана, иногда отождествляемого с Иоктаном, потомком Сима¹. Но эти легендарные генеалогии не должны нас интересовать. Родиной южной ветви считался Йемен, хотя в период, о котором идет речь, эти две группы были перемешаны в географическом отношении, и многие так называемые южные племена уже века жили в сирийской пустыне.

Вполне возможно, что столь древняя традиция опиралась на какой-то расовый конфликт далекого прошлого, и эта давняя вражда вылилась скорее в целую систему союзов, охватывавшую все племена полуострова, а не в простой конфликт между потомками этих двух прародителей. Подобные союзы между племенами можно наблюдать и в наше время (и даже среди государств мира). Племена А и Б состоят в конфликте. В трехстах милях от них племена В и Г начинают спор по какому-то локальному вопросу, никак не связанному с А и Б, но каждое из них ощущает потребность в союзнике. В обращается к А, а Г вступает в сговор с Б. Вскоре другие племена, у каждого из которых имеются собственные опасения и притязания, присоединяются к той или иной группе, и в конце концов оба союза становятся настолько сильными, что ни одно племя не решается оставаться в изоляции. Что бы ни было тому причиной,

¹ Быт., 10:25.

настоящее кровное родство или только что описанный процесс образования союзов, но факт остается фактом: в VII и VIII вв. все племена Аравии заявляли о своей принадлежности либо к северной, либо к южной расе.

В Сирии было два главенствующих племени — Калб, южане, и Кайс, принадлежавшие к северной группе. Стоит напомнить, что матерью халифа Йазида была поэтесса Майсун, происходившая из племени Калб, которое по этой причине добилось привилегий при Омейядах — к возмущению Кайс. Глава племени Калб был наместником Иордании, почему эта провинция и поддерживала Омейядов. Именно поэтому, а не по каким-то соображениям религиозного порядка сирийское племя Кайс объявило о своей приверженности Абдаллаху ибн Зубайру как законному халифу.

Тем временем партия Абдаллаха ибн Зубайра сосредоточилась в Мардж-Рахите на границе пустыни к востоку от Дамаска. Мерван выступил против нее с шестью тысячами человек. Военные действия продолжались всего двадцать дней, закончившись в июле 684 г. битвой при Мардж-Рахите, в которой сторонники Абдаллаха ибн Зубайра потерпели поражение. Остатки бежали в Киркисию на Евфрате, древний Цирцезий, а вся Сирия и Палестина признала халифом Мервана. Отправившись в Египет, он изгнал наместника, которого назначил ибн Зубайра, и присоединил страну к своим сирийским провинциям. И теперь империя снова оказалась разделенной между двумя соперничающими халифами из разных ветвей племени курайшитов.

* * *

Пока наместником был Убайдаллах ибн Зийяд, прежние сторонники Хусейна в Ираке оставались в тени, но с началом анархии вслед за смертью Йазида и побегом Убайдаллаха из Басры, они начали сноситься друг с другом, желая выработать план мести за кровь Хусейна. Нужно напомнить, что после смерти Муавии I народ Куфы пригласил Хусейна прийти в Ирак. Убайдаллах сын Зийяда истребил недовольных в городе и убил Хусейна с чрезвычайной

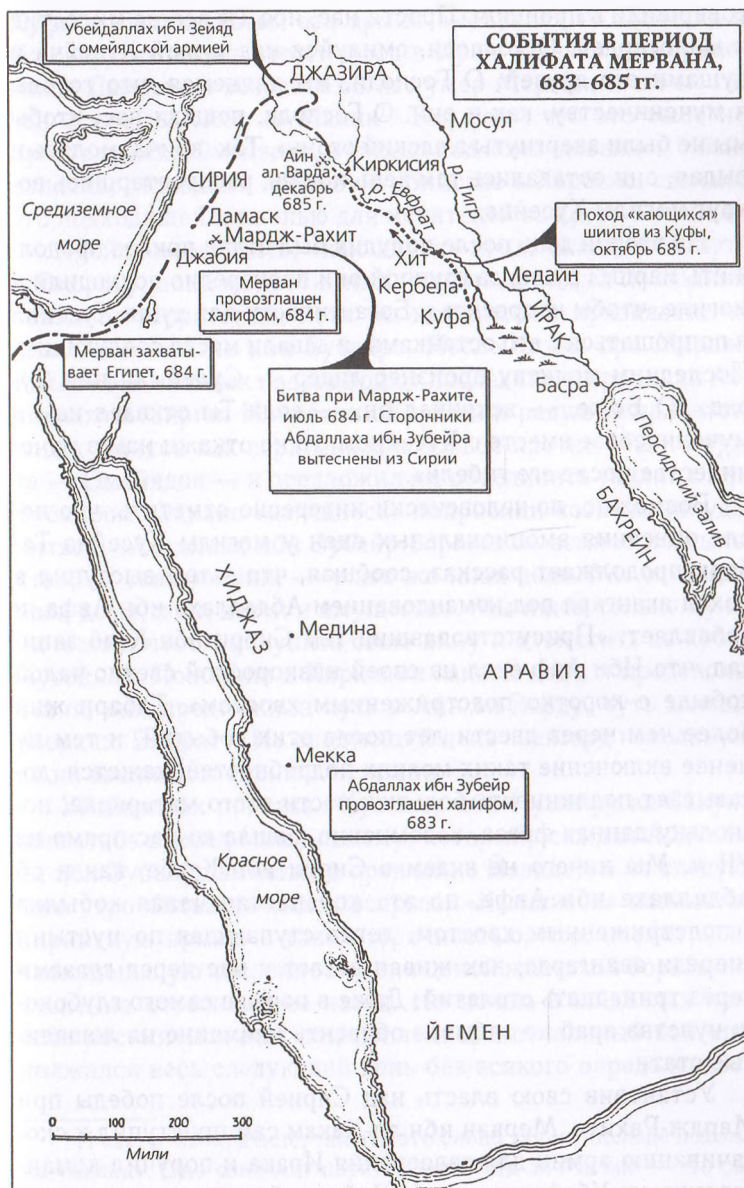
жестокостью, которая до сих пор держала жителей Куфы в страхе.

Но когда шок прошел, а Хусейн вместе со сторонниками был ликвидирован, его иракские приверженцы горько пожалели о своей неспособности его защитить. Горячо раскаиваясь в своей вине, они только и думали о том, как искупить свое малодушие и вероломство по отношению к внуку Посланника Божия. «Как, — спрашивали они друг друга, — сможем мы встретиться с Богом в день суда? Как встанем мы перед лицом самого Пророка в раю, когда на земле мы повинны в таком низком предательстве? Единственный способ загладить нашу подлость — умереть мученической смертью, стремясь отомстить за его кровь». Поначалу они обменивались своими мыслями втайне, но побег Убайдаллаха придавал им смелости выйти из тени. Под руководством Сулеймана ибн Сурада они начали устраивать публичные собрания в Куфе, чтобы обсудить план действий.

В начале октября 685 г. вооруженные шииты Куфы собрались за городской чертой. Номинальным наместником был человек, присланный Абдаллахом ибн Зубайром из Мекки, но он оказался слишком слабым, чтобы вмешаться. Кроме того, шииты объявили о намерении отомстить за кровь Хусейна, напав в Дамаске на Омейядов, которые оспаривали империю у ибн Зубайра. Некоторые из более уравновешенных шиитов желали союза с Абдаллахом, чтобы обе партии объединились для уничтожения Омейядов, но эта политика слишком напоминала сделку, чтобы привлечь более горячих приверженцев Али и Хусейна. Назвавшись «кающимися», они 20 октября 685 г. выступили из Куфы в количестве шестнадцати тысяч человек с намерением вторгнуться в Сирию. Сначала они достигли Кербелы и встали лагерем вокруг могилы мученика Хусейна. С глубоким чувством они хором восклицали: «О Господи, прости нас за то, что мы

Карта 12

События в период халифата Мервана, 683–685 гг.

совершили в прошлом. Прости нас, ибо Ты всегда милостив и милосерден. О Господи, смилуйся над душой Хусейна и душами его друзей. О Господи, мы клянемся, что готовы к мученичеству, как и они. О Господи, пощади нас, чтобы мы не были ввергнуты в адский огонь». Так, крича, молясь и рыдая, они оставались там день и ночь, распростершись вокруг могилы Хусейна.

На второй день после полудня был отдан приказ продолжить марш. Группа за группой они поочередно подходили к могиле, чтобы испросить у Бога милости для души Хусейна и попрощаться с его останками, и давали место следующим. Последним молитву произнес лидер — Сулейман ибн Сурад. «О Боже, — вскричал он, — если Ты отказал нам в мученичестве вместе с Хусейном, то не откажи нам в мученичестве после его гибели».

Возможно, по-человечески интересно отметить, что после описания эмоциональных сцен у могилы Хусейна Табари продолжает рассказ, сообщая, что затем выступил в поход авангард под командованием Абдаллаха ибн Авфа, и добавляет: «Присутствовавший там Сирри ибн Кааб записал, что Ибн Авф ехал на своей низкорослой светло-чалой кобыле с коротко подстриженным хвостом». Табари жил более чем через двести лет после этих событий, и тем не менее включение таких мелких подробностей, кажется, доказывает подлинность большей части этого материала, поскольку данная фраза, несомненно, дошла до нас прямо из VII в. Мы ничего не знаем о Сирри ибн Каабе, как и об Абдаллахе ибн Авфе, но эта коренастая чалая кобылка с подстриженным хвостом, легко ступающая по пустыни впереди авангарда, как живая встает у нас перед глазами через тринадцать столетий. Даже в порыве самого глубокого чувства араб не забывал обратить внимание на лошадиные стати.

Установив свою власть над Сирией после победы при Мардж-Рахите, Мерван ибн ал-Хакам сам приступил к сколачиванию армии для завоевания Ирака и поручил командование ею Убайдаллаху ибн Зийяду, бывшему наместнику

Куфы и Басры. Затем эта армия выступила из Дамаска в Джазиру, готовясь вторгнуться в Ирак. Однако тем временем в Дамаске в возрасте 63 лет умер Мерван, и его место занял его сын Абд ал-Малик¹. Тот факт, что это было не просто войско Омейядов, а войско под командованием Убайдаллаха, отдавшего приказ об убийстве в Кербеле, сделало его подходящей мишенью для мстителей за кровь Хусейна.

Пройдя мимо Хита, «кающиеся» продолжали свой путь к Евфрату, пока не достигли Киркисии. Это был последний аванпост территорий, хотя бы номинально признававших власть Абдаллаха ибн Зубайра. После битвы при Мардж-Рахите в его стенах нашли приют последние сторонники Абдаллаха в Сирии. Наместник Киркисии радушно приветствовал шиитов как соратников в борьбе против общего врага — Омейядов — и предложил им объединить усилия с ибн Зубайром. Однако «кающиеся» попросили позволения удалиться. «Абдаллах ибн Зубайр борется за земное владычество, — сказали они, — у нас же иная цель. Мы оставили свои дома, жен, детей и имущество. Мы ищем только мученичества, чтобы искупить свою вину и отомстить за кровь Хусейна». Пополнив в Киркисии запасы воды и продовольствия, они продолжили путь в Айн ал-Варду, чуть дальше вверх по Евфрату. На следующий день авангард натолкнулся на аванпосты сирийской армии.

Убайдаллах приказал Хусейну ибн Нумейру ал-Сакуни двигаться вперед (тому самому, который осаждал Абдаллаха ибн Зубайра в Мекке в правление Йазид), и на следующее утро битва началась всерьез. «Кающиеся» напали на сирийскую армию с такой горячностью, что, несмотря на свою меньшую численность, они ценой жестокой борьбы постепенно оттеснили ее назад. Но ночью Убайдаллах прислал восьмитысячное подкрепление, и отчаянный бой продолжался весь следующий день без всякого определенного

¹ И «а», и «и» краткие, так что это слово звучит больше похоже на «мелек». Оно означает царя, то есть Абд ал-Малик — это раб царя, под которым подразумевается Бог.

результата. Число «кающихся» достигало примерно шестнадцати тысяч воинов. Маловероятно, чтобы в армии Омейядов, снаряженной для завоевания Ирака, могло насчитываться меньше чем тридцать или сорок тысяч человек, но, возможно, при приближении шиитов она была рассредоточена, так что в первый день в бое участвовала только одна колонна дамасского войска.

В течение второй ночи к армии Омейядов присоединилось еще десять тысяч человек с тем результатом, что на третий день битвы шииты оказались в безнадежном численном меньшинстве. Сирийская армия неуклонно сжималась вокруг обреченного остатка. В рукопашной схватке «кающиеся» проявили столь беззаветное мужество, что неприятель принял решение воздержаться от прямого контакта и осыпать уцелевших стрелами со всех сторон. Видя, что его люди падают один за другим, Сулейман ибн Сурад, командир шиитов, слез со своей лошади, вынул меч и разломал ножны. Прочие последовали его примеру. Держась компактной группой, они прокладывали себе путь сквозь омейядские ряды, отчаянно работая мечами. Сражаясь впереди всех, Сулейман ибн Сурад скоро стяжал венец мученика. Тут же вперед выступил новый лидер, крича: «Кто хочет жизни, после которой нет смерти, пусть приблизится к своему Богу, убивая обманщиков, чтобы его душа вознеслась в рай». Сомкнув ряды, маленький отряд продолжил бой. В момент короткого затишья из шиитских рядов выступил человек из племени Кинда, которого сопровождал его маленький сын, и обратился к сирийской армии, спрашивая, нет ли среди них других Кинда. Вперед выступило четверо неприятельских воинов. «Я Абдаллах, сын Азиза Кинда, — выкрикнул „кающийся“, — возьмите этого мальчика, позаботьтесь о нем и отошлите его к его народу в Куфу». — «Ты мой двоюродный брат, — воскликнул воин омейядской армии, — иди сюда, ты и мальчик и ваши жизни будут спасены». — «Я не могу этого сделать, — отвечал отец мальчика. — Мои товарищи, чье благочестие было светом для всей страны, теперь ждут меня в раю, и я спешу присоединиться

к ним». Подтолкнув сына, который, плача, цеплялся за него, в неприятельские руки, он отступил на несколько шагов назад, а затем с мечом в руках бросился на сирийцев и сражался, пока не упал.

Этот случай напоминает нам о том, что в этой битве столкнулись вовсе не те сирийцы и иракцы, которых мы сегодня подразумеваем под этими названиями. И Сирия, и Ирак были завоеваны пятьдесят лет назад воинственными племенами Центральной Аравии, и армии, сражавшиеся друг с другом за того или иного претендента на халифат, по-прежнему состояли из представителей все тех же центральноаравийских племен, которые еще не растворились в населении покоренных стран.

К вечеру третьего дня битвы стало очевидным, что тающая горстка шиитов скоро будет полностью уничтожена. Один из лидеров, Рифа ибн Шаддад, высказался за постепенное отступление с оружием в руках. Некоторые из «кающихся» отказались повиноваться, и две группы, одна из ста, а вторая из тридцати человек, встав плечом к плечу и неся перед собой знамена своих племен, вонзились в ряды Омейядов и шли вперед, пока все не были убиты. Оставшиеся, крохотный осколок, отступили под покровом темноты и, пробыв в пути всю ночь, к восходу солнца уже исчезли с поля битвы. Сирийская армия не пыталась их преследовать.

Но когда настал день, многие «кающиеся» пожалели о своем спасении и захотели вернуться. Лишь с огромным трудом предводители убедили их продолжить отступление. Лишь один человек все же решил вернуться. На следующий день он в одиночестве показался перед армией Дамаска. Поправив свое снаряжение и обнажив меч, он бросился на тысячекратно превосходившего его по силе врага. Его жажда мученичества не подлежит сомнению.

Битва при Айн ал-Варде, по-видимому, произошла в декабре 685 г. Когда остатки армии «кающихся» в отчаянии двигались обратно в Куфу, они повстречались с шиитскими отрядами из Мадаина и Басры, пришедшими, чтобы

принять участие в войне. В их действиях отсутствовала согласованность, что характерно для арабских племен, и жители Куфы были фактически истреблены раньше, чем люди из Басры и Мадаина успели встать в строй. Узнав о трагической битве при Айн ал-Варде, вновь прибывшие воины уныло разошлись по домам.

Невозможно удержаться от удивления и сочувствия, видя преданность и мужество, оказанное «кающимися» из Куфы. Тем не менее следует отметить, что их раскаяние в измене Хусейну не нашло для себя иной формы, кроме мести его убийцам. Этика мести сыграла столь важную роль в истории арабов и ислама, что ей стоит уделить немного внимания.

До рождения Мухаммада Центральная Аравия не имела правительства, поскольку бедное и немногочисленное население едва ли могло служить ему опорой. При отсутствии законов, полиции и государственной власти человек, с которым поступали дурно, мог получить удовлетворение только в результате собственных действий. Если у него было украдено имущество, то единственная надежда возместить свои потери для него заключалась в том, чтобы украсть имущество вора. Если он не мог сделать этого в одиночку, его родственники были обязаны ему помочь. Если человек был убит, возместить ущерб было невозможно, но его родичи могли, по крайней мере, попытаться сравнять счет, убив убийцу. В период проповеди Мухаммада эта система «око за око» и «зуб за зуб» действовала в Аравии повсеместно. Пророк обычно предпочитал убеждение насилью, но он также был и человеком своего времени. Он призывал к прощению и примирению, где это было возможно, но не отрицал права на месть.

Однако с учреждением организованных правительств личная месть стала не только ненужной, но и опасной для общества. Тем не менее, к несчастью, с ней оказалось трудно бороться, так как она была дозволена самим Посланием Божьим. В результате эта ужасная проблема мести продолжает преследовать арабское общество даже в наши дни.

Точно так же для «кающихся» шиитов их преданность Хусейну не стала стимулом к подражанию его добродетелям, но заставила их явить свою страстную верность, убивая тех, кто был причастен к его смерти, и погибая в своем желании отомстить.

О, если вы не отомстите за него,
За сына лучшего собрата своего,
Тогда отбросьте меч, веретеном займитесь,
Отбросьте меч, не мстите за него.

Хаммам ибн Халиб ал-Фараздак¹.

Говорят, это породит кровь; кровь порождает кровь.

Шекспир. Макбет

Мечь — это своего рода дикая справедливость, которую закон должен искоренять тем упорнее, чем более стремится к ней человеческая природа.

Фрэнсис Бэкон

¹ Nicholson. *Literary history of the Arabs.*

Важные даты

Глава IV

МЕСТЬ ЗА ХУСЕЙНА

Важные даты

- Абд ал-Малик ибн Мерван провозглашен халифом в Дамаске — 685 г.
- Переворот Мухтара в Куфе — осень 685 г.
- Битва при Мосуле. Убейдаллах ибн Зейяд убит шиитами — 686 г.
- Поражение и смерть Мухтара — апрель 687 г.
- Битва при Дейр Джасалике. Поражение и смерть Мусаба ибн Зубейра — лето 691 г.
- Куфа покоряется Абд ал-Малику — осень 691 г.
- Осада Мекки Хадджаджем — февраль—октябрь 692 г.
- Смерть Абдаллаха ибн Зубейра; Абд ал-Малик становится единственным халифом — 3 октября 692 г.

Персоналии

- Абдаллах ибн Зубейр, халиф в Мекке.
- Абд ал-Малик ибн Мерван, халиф в Дамаске.
- Мухаллаб ибн аби Суфра, военачальник, победивший хариджитов.
- Мухтар ибн аби Убейд, предводитель шиитского восстания в Куфе.
- Убейдаллах ибн Зейяд, человек, приказавший убить Хусейна и убитый шиитами в Мосуле.
- Мусаб ибн Зубейр, брат Абдаллаха, победивший Мухтара и убитый Абд ал-Маликом.
- Хадджадж ибн Юсуф, осаждавший Мекку и убивший Абдаллаха ибн Зубейра.

Когда в 685 г. в Дамаске был провозглашен новый омейядский халиф Абд ал-Малик ибн Мерван, он столкнулся с ситуацией, которая вполне могла привести в уныние даже самого мужественного человека. Не считая межплеменных раздоров, вроде локального конфликта в Хорасане, существовало четыре враждебные группировки, между которыми шла гражданская война. Омейяды, владевшие Сирией и Египтом, и Абдаллах ибн Зубайр, в чьих руках находились Аравия и Ирак, вели династический спор за трон. Незадолго до смерти Мерван направил в Хиджаз армию для захвата Медины, но она была отбита, а ее командир погиб. Поэтому, когда сын Мервана Абд ал-Малик был объявлен дамаским халифом, под его твердым контролем находились только Сирия, Палестина и Египет.

Второй халиф Омар ибн ал-Хаттаб, как утверждают, говорил, что для того, чтобы стать законным халифом, человек должен быть признан в этом качестве всеми мусульманами. Моменту, когда Мерван поднял свое знамя в Дамаске, предшествовал короткий интервал, в течение которого все провинции признавали Абдаллаха ибн Зубайра. Следовательно, для борцов за чистоту ислама он стал халифом и, поскольку механизма низложения не существовало, должен был оставаться единственным законным правителем до самой смерти. На деле же за халифат теперь боролось двое претендентов.

Вдобавок к этим двум соперникам существовали еще две вооруженные религиозные группы, деятельность которых была особенно заметна в Ираке. Шииты, приверженцы Али ибн Аби Талиба и его сына-мученика Хусейна, обладали наибольшим влиянием в Центральном Ираке, от Куфы до Мадаина. Они допускали необходимость халифа, который

был бы еще и светским правителем, но отвергали притязания рода бану Омейя и Абдаллаха ибн Зубайра, настаивая на том, что халифат должен передаваться по наследству среди потомков Пророка через его дочь Фатиму, жену Али. Их фанатизм многократно усиливало то, что они чувствовали себя виновными в предательстве законных наследников трона, Али¹ и Хусейна.

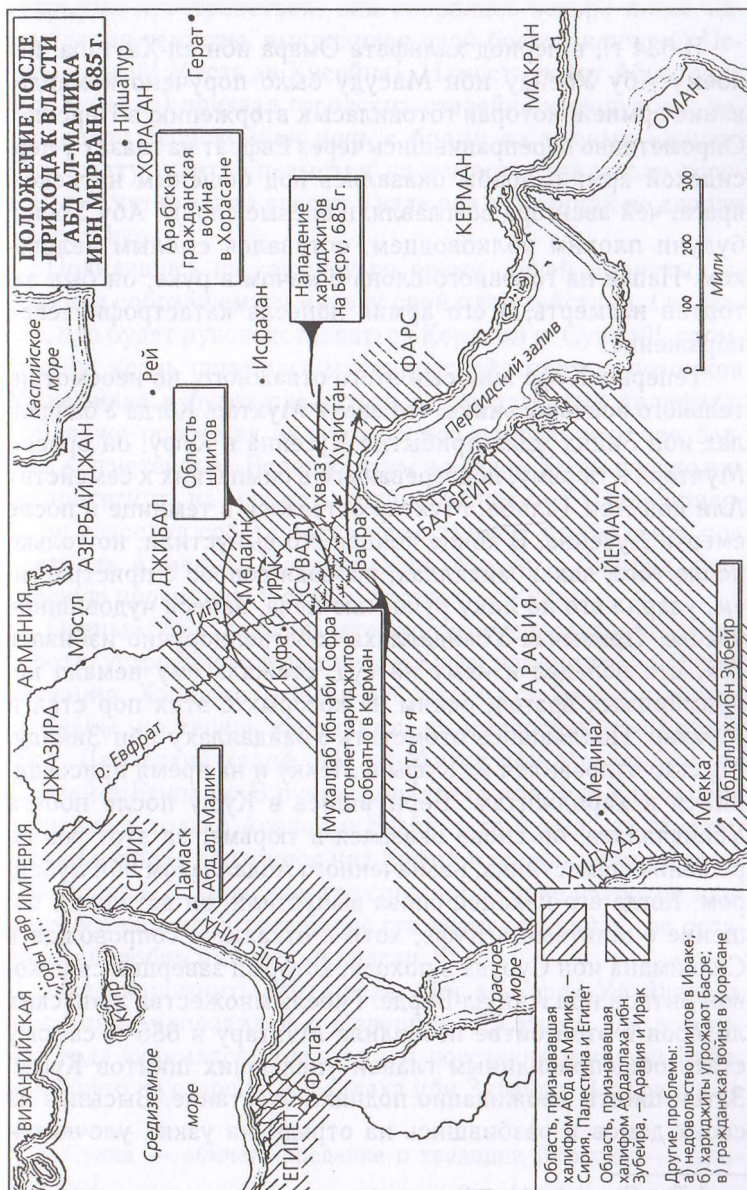
Другие действующие религиозные армии были представлены хариджитами, «выходящими», которых можно сравнить с левеллерами времен Кромвеля. Испытывая отвращение к нескончаемым войнам, которые развязывались соперничающими претендентами на халифат, они стремились к идеалу теократии. Правда, некоторые из более умеренных хариджитов допускали необходимость земного правителя, однако заявляли, что им должен быть мусульманин, наиболее достойный этой должности, и необязательно курайшит, а может быть, даже не араб.

Когда в 685 г. Абд ал-Малик был провозглашен халифом, в Хузистане действовала десятитысячная армия хариджитов, грозящая даже захватить Басру. Наместник этого города (назначенный Абдаллахом ибн Зубайром) дважды выводил против них армию Басры, но в обоих случаях понес тяжкое поражение, и, наконец, хариджиты появились на берегах реки напротив города. В этот критический момент во главу армии Басры был поставлен новый военачальник, Мухаллаб ибн Аби Суфра. Он, лично командуя войсками, сумел нанести поражение фанатикам, которые отступили к востоку, в Керман. Мы еще услышим о Мухаллабе. Однако тем временем над Северным Ираком нависла еще более грозная опасность.

Карта 13

*Положение после прихода к власти
Абд ал-Малика ибн Мервана, 685 г.*

¹ Али был убит в Куфе 20 января 661 г.

* * *

В 634 г., в период халифата Омара ибн ал-Хаттаба, некоему Абу Убейду ибн Масуду было поручено командование армией, которая готовилась к вторжению в Персию¹. Опрометчиво переправившись через Евфрат на глазах у персидской армии, арабы оказались под бешеным натиском врага, чей авангард возглавляли боевые слоны. Абу Убейд, будучи плохим полководцем, оставался смелым человеком. Напав на головного слона с мечом в руке, он был затопан насмерть, а его армия понесла катастрофическое поражение.

Теперь в Куфе жил сын этого отважного, но неосмотрительного военачальника, его звали Мухтар. Когда Убайдаллах ибн Зийяд ждал прибытия Хусейна в Куфу, он бросил Мухтара в тюрьму, подозревая его в симпатиях к семейству Али ибн Аби Талиба. Мухтар оставался в темнице и после смерти Хусейна. В конце концов его выпустили, но только после того, как Убайдаллах, проводя допрос с пристрастием, ударил его по лицу рукоятью меча, нанеся чудовищное увечье. Привычка Убайдаллаха собственноручно избивать тех, кто попадал к нему на суд, стяжала ему немало непримиримых врагов, одним из которых с этих пор стал и Мухтар. Поклявшись отомстить Убайдаллаху ибн Зийяду, Мухтар отправился из Куфы в Мекку и на время присоединился к хариджитами. Вернувшись в Куфу после побега Убайдаллаха, он снова оказался в тюрьме, на этот раз по решению наместника, назначенного Абдаллахом ибн Зубайром. Когда его наконец снова выпустили, он вступил в общение с шиитами в Куфе, хотя и отказался сопровождать Сулеймана ибн Сурада в походе, который завершился роковой битвой при Айн ал-Варде. Гибель множества шиитских лидеров в этой битве позволила Мухтару в 685 г. самому стать общепризнанным главой уцелевших шиитов Куфы. Затем шииты неожиданно подняли восстание. Высыпав из своих домов и разбившись на отряды на узких улочках и

¹ *The Great Arabian Conquests.*

открытых пространствах, они собрались вскоре после наступления темноты, выкрикивая свой боевой клич: «О Победоносный! Месть за Хусейна». Наместник (от Абдаллаха ибн Зубайра) призвал городских старейшин к оружию; последовала беспокойная ночь с боями на темных улицах. К рассвету шииты, несмотря на темноту, завладели городом, а Мухтар занял кресло в зале для аудиенций во дворце наместника.

Поднявшись на кафедру во время общей молитвы, он объявил собравшемуся народу свой план действий. Он сказал, что будет руководствоваться Кораном и Сунной¹, отомстит за кровь погибших мученической смертью потомков Мухаммада и будет сражаться с узурпаторами халифата. Он также пообещал оказать особое покровительство бедным и угнетенным. Вслед за этим жителям Куфы предложили присягнуть на верность новому господину. После присяги он разослал собственных наместников, чтобы взять под контроль Армению, Азербайджан, Мосул и Джибал, персидскую провинцию к северо-востоку от Куфы.

Осенью 685 г. в результате этого государственного переворота, устроенного Мухтаром в Куфе, изменилась и общая ситуация. Хариджиты были отброшены от Басры и сошли со сцены, но теперь кандидатов на имперский трон стало трое. Дамасский халиф Абд ал-Малик ибн Мерван владел Сирией и Египтом. В руках Абдаллаха ибн Зубайра теперь оставалась только Аравия и Басра, в то время как Мухтар ибн Аби Убейд воцарился над Куфой и провинциями Северной Персии. В Хорасане, где соперничающие арабские племена все еще вели тотальную гражданскую войну, не осталось и подобия имперской власти.

Надо напомнить, что после Айн ал-Варда Убайдаллах ибн Зийяд направился в Северную Джазиру, где в течение года занимался подавлением восстания племени Кайс, вставшего на сторону Абдаллаха ибн Зубайра. Вскоре после

¹ Сунна — обычай, предание о традиции Пророка. — *Примеч. ред.*

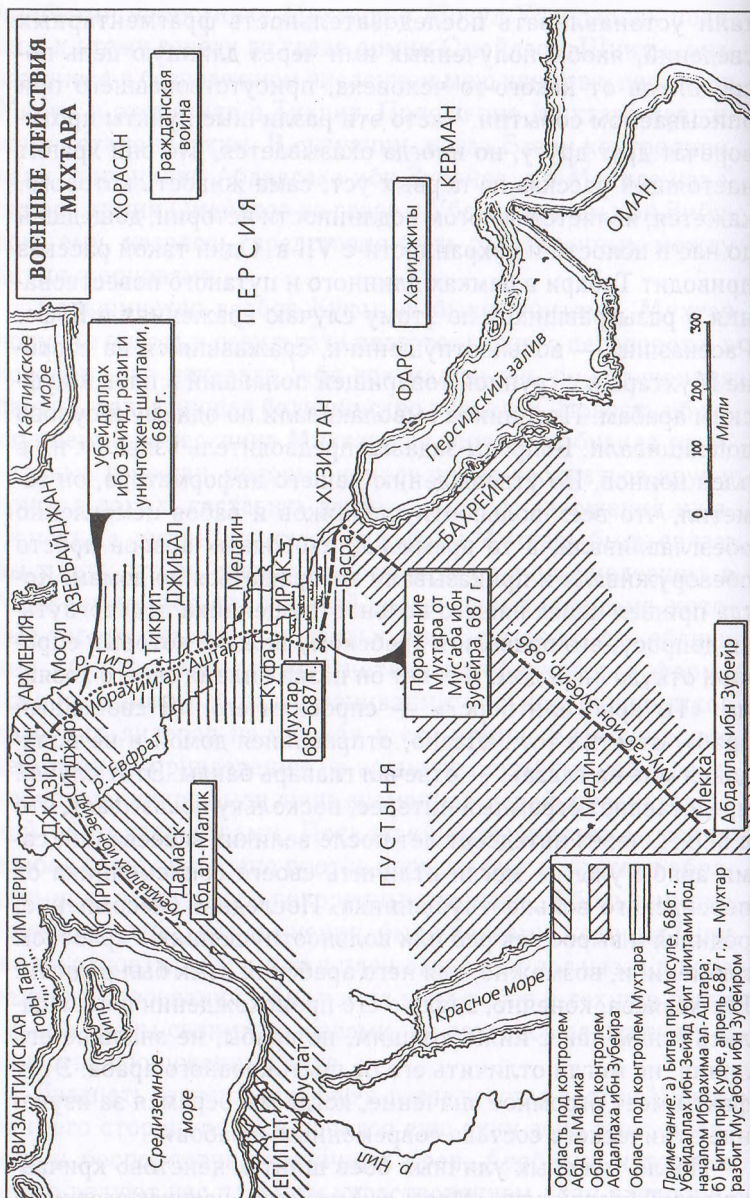
прибытия наместника Мухтара в Мосул Убайдаллах подошел к этому городу во главе армии Омейядов. Шииты, оказавшиеся в безнадежном численном меньшинстве, покинули Мосул и отступили в Тикрит. Положение Мухтара неожиданно стало шатким. В ситуации, когда Басру контролировали сторонники Абдаллаха ибн Зубайра, а в Мосуле находилась армия Омейядов во главе с Убайдаллахом ибн Зийядом, ему, казалось, предстояло быть раздавленным между двумя жерновами.

Большинство арабов Куфы не были шиитами. Мухтар получил власть в результате подготовленного переворота, в котором шиа показала себя как маленькая, но сплоченная партия, захватившая большинство врасплох. Новость об отступлении наместника Мухтара из Мосула побудила влиятельных горожан, которые начали тайно собираться друг у друга в домах, составить заговор с целью свержения шиа. Основные претензии жителей Куфы к Мухтару были связаны с тем, что он обещал действовать от лица уцелевших в Мекке потомков Али и с этой целью составил письма, которые теперь оказались поддельными. Во-вторых, его обещание помогать бедным и угнетенным облеклось в форму освобождения рабов и сманивания вольноотпущенников арабских лидеров на службу в его армии. Возможно, его действия по привлечению на военную службу рабов и вольноотпущенников были лишь временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Поскольку большинство куфских арабов было настроено против него, он был вынужден обратиться за рекрутами к покоренным народам. В большинстве своем эти рабы, без сомнения, были персами, которых (или же их отцов) арабы взяли в плен пятьдесят лет назад в ходе великих завоеваний. Многие из этих рабов с тех пор были освобождены своими хозяевами, но остались служить им в качестве вооруженных слуг.

Двадцать первого июля 686 г. город восстал против Мухтара и его сторонников, и начался еще один день ожесточенных и беспорядочных уличных боев. Арабские историки редко радуют нас плавным повествованием. Они предпочи-

тали устанавливать последовательность фрагментарных сведений, якобы полученных ими через длинную цепь посредников от какого-то человека, присутствовавшего при описываемом событии. Часто эти различные пункты противоречат друг другу, но иногда оказывается, что они хранят настоящий рассказ из первых уст, сама живость которого, кажется, является залогом подлинности истории, дошедшей до нас в целостности и сохранности с VII в. Один такой рассказ приводит Табари в рамках длинного и путаного повествования о разыгравшихся по этому случаю сражениях в Куфе. Рассказчик — вольноотпущенник, сражавшийся на стороне Мухтара и с группой товарищей попавший в плен к куфским арабам. Пленников выволакивали по одному и сурово допрашивали. Вопросы задавал предводитель взявших их в плен воинов. По утверждению нашего информатора, он заметил, что всех вольноотпущенников и рабов немедленно обезглавливали, в то время как свободных арабов просто обезоруживали и приказывали возвращаться по домам. Когда пришел черед нашего вольноотпущенника подвергнуться допросу, его подвели к арабскому вождю, который спросил, откуда он родом. В ответ он назвал племя своего хозяина. «Ты араб или перс?» — спросили его. «Я свободный араб», ответил тот. «Ладно, отправляйся домой и не попадайся мне на глаза», — отвечал главарь банды. Этот случай представляет огромный интерес, поскольку показывает, что в 686 г., через пятьдесят лет после великих завоеваний, сами арабы уже не могли отличить своего соплеменника от персидского вольноотпущенника. Последний, несомненно, родился и вырос как раб или вольноотпущенник в арабском племени, и, возможно, для него арабский язык был родным. Его хозяева, конечно, знали о его происхождении и обращались с ним как с низестоящим, но арабы, не знавшие его лично, не могли отличить его от чистокровного араба. Этот факт имеет огромное значение, когда мы беремся за изучение этнического состава современных «арабов».

После тяжелых уличных боев шииты, неистово кричавшие свой боевой клич «Месть за Хусейна!», наконец одержали

верх. Когда Мухтар впервые захватил власть, он попытался миром привлечь жителей Куфы на свою сторону, но после их неожиданного восстания его отношение к ним изменилось. Теперь все те, кто находился в армии Куфы в момент мученической смерти Хусейна, были пойманы и убиты. В соответствии с арабским понятием «око за око» их по мере возможности умерщвляли тем же способом, каким они сами убивали мучеников из семьи Хусейна. Тех, кто стрелял по ним из лука, самих пронзили столькими стрелами, что, как отмечает арабский историк, «они уподобились ежам». Человек, ударивший Хусейна копьем, был убит таким же образом. Другой, сорвавший с Хусейна одежду, перед казнью был сам раздет донага.

Колоссальное удовлетворение доставила смерть Шимира, который, как мы помним, убедил Убайдаллаха в необходимости убийства Хусейна, когда даже этот садист уже склонялся к компромиссу. Омар ибн Саад ибн Аби Ваккас, командовавший омейядским отрядом, убившим Хусейна, также был казнен. Его отец Саад фактически собственными руками основал город Куфу¹. Головы Шимира и Омара ибн Саада были посланы остававшимся в живых членам семьи Али в Мекку. Оставшиеся на свободе арабские вожди города спасались как могли и нашли убежище у сторонников Абдаллаха ибн Зубайра в Басре.

Едва этот мятеж в Куфе был подавлен, как Мухтар отправил в Мосул армию, которая должна была помешать продвижению Убайдаллаха ибн Зийяда. Командование ею он поручил Ибрахиму ибн Малику ал-Аштару², чей отец двадцатью пятью годами раньше был знаменитым и фанатичным воином армии Али ибн Аби Талиба. Примечательно то,

Карта 14

Военные действия Мухтара, 685–687 гг.

¹ *The Great Arab Conquest.*

² *The Great Arab Conquest.*

сколь многие выдающиеся люди 680-х гг. были сыновьями верховных военачальников предшествующих завоеваний. Очевидно, слава отцов помогла им тоже добиться признания, но вместо того чтобы держаться вместе, образовав правящую военную касту, они, как мы видим, истребляли друг друга в самоубийственных гражданских войнах.

Ибрахим ибн Малик ал-Аштар усиленным маршем двинулся в Мосул и нашел Убайдаллаха ибн Зийяда и армию Омейядов, стоящих лагерем вне города. На следующий день на заре обе армии выстроились друг против друга. Ибрахим проскакал вдоль шиитского строя, останавливаясь у боевого знамени каждого племени и крича: «О воины Божьи, о защитники веры, о заступники справедливости! Перед вами Убайдаллах, который убил Хусейна, сына Фатимы, дочери Посланника Божия. Это он не позволил ему, его женщинам и детям пить воду из Евфрата. Сам фараон не гнал детей Израиля так, как он гнал семью Посланника Божия».

Армия Омейядов была гораздо более многочисленной, но ее левое крыло состояло из кейситов, чья верность дамасской династии была более чем сомнительной. Когда шииты пошли в атаку, племя Кайс сдалось, и после ожесточенного боя сирийская армия потерпела поражение. Три сотни шиитов, связавшие себя клятвой убить Убайдаллаха, плечом к плечу прокладывали себе путь сквозь неприятельские ряды, пока не настигли сына Зийяда и не выполнили своего обета. Хусейн ибн Нумейр ал-Сакуни, который бомбардировал Мекку в правление Йазида, тоже был убит¹. Затем Ибрахим ибн Малик ал-Аштар занял Мосул и выслал части, которые завладели Нисибином и Синдjarом.

В качестве поразительного примера поэтической справедливости отрубленная голова Убайдаллаха была положена перед Мухтаром в том самом приемном зале куфского дворца, где всего четыре года назад сам Убайдаллах забавлялся с окровавленной головой мученика Хусейна.

¹ См. с. 119.

* * *

Пока в районе Мосула происходили эти волнующие события, в Басру прибыл Мусаб, брат Абдаллаха ибн Зубайра, чтобы принять на себя командование. Неожиданное восстание Мухтара нанесло интересам сына Зубайра больший урон, чем дамасскому халифу. Абдаллах настоял на том, чтобы сделать своей столицей Мекку, расположенную на пустынном Аравийском полуострове, в районе, который давал прекрасных воинов, но никакого дохода. Поэтому он полностью зависел от поступлений из Ирака и Персии. Возвращение Мухтара в Куфе лишило мекканского халифа прибылей из Ирака, если не считать поступлений из провинции Басра, и перерезало ему доступ к большей части Персии. Позиции Абд ал-Малика ибн Мервана были намного лучше и в финансовом, и в географическом отношении. Сирия и Египет примыкали друг к другу и представляли собой две богатейшие провинции империи. Таким образом, при необходимости Омейяды могли бесконечно править Сирией и Египтом как независимым государством. Но Абдаллах ибн Зубайр должен был незамедлительно восстановить приток средств из Ирака, иначе его режим грозил рухнуть. Поэтому именно ибн Зубайр теперь двинул на Куфу свои войска, размещавшиеся в Басре.

Прежде чем покинуть Басру, Мусаб призвал к себе на помощь Мухаллаба ибн Аби Суфра, с которым мы в последний раз встречались, когда тот выдворил хариджитов из окрестностей Басры. После этой победы Абдаллах ибн Зубайр назначил Мухаллаба наместником Южной Персии. Теперь, получив требование Мусаба принять участие в кампании против Мухтара, он не стал слишком торопиться с ответом на его призыв. Когда же Мухаллаб, наконец, добрался до Басры «с огромной армией», то отправился повидать Мусаба. Когда стражник у входа попросил его назвать свое имя, он ударил его по лицу, разбив нос до крови, и ворвался внутрь. Был Убайдаллах садистом или нет, но здесь мы встречаемся еще с одним примером заносчивого

арабского военачальника, который бьет людей по лицу. Забавно вспомнить, что, когда при жизни Мухаммада некий арабский вождь выказал признаки высокомерия, Пророк назвал его поступок пережитком язычества. По мнению Посланника Божия, мусульмане не должны быть хвастливыми или заносчивыми. Тем не менее лишь немногие народы, если вообще такие есть, могли бы совершить те поразительные завоевания, которые осуществили арабы за пятьдесят лет, и не потерять головы. На этот счет есть предание, гласящее, что сам Пророк однажды заметил, что если все высокомерие мира собрать воедино, то девять десятых его обнаружилось бы у византийцев. Едва ли он мог предвидеть, что его родные братья-арабы через пятьдесят лет унаследуют это самое качество у своих поверженных врагов. Для нас достаточно отметить, что арабы теперь стали надменной аристократией, поскольку их высокомерие должно было вскоре привести их к утрате власти.

Интересно и то, что в лице Мухаллаба ибн Аби Суфра мы впервые встречаемся с наместником персидской провинции, которого призывают встать на одну из сторон в арабской гражданской войне. Как утверждают историки, его армия была значительной, но у нас нет возможности точно определить соотношение в ее составе арабов и персов. Однако нет сомнения в том, что в нее должны были входить персидские мусульмане и вольноотпущенники. Все командиры, разумеется, имели арабское происхождение.

Получив подкрепление из Южной Персии, Мусаб ибн Зубайр двинулся к Куфе. Сам Мухтар оставался в городе, но его армия вышла навстречу завоевателям. Следует напомнить, что немалая часть войска Мухтара была набрана из персидских рабов и вольноотпущенников арабских аристократов Куфы, многие из которых бежали в Басру и теперь маршировали в рядах армии Мусаба. Таким образом, в этой войне мы видим персов с обеих сторон. Самоубийственные распри между арабскими военачальниками и племене-

нами породили необходимость вербовать персов, и этому процессу предстояло постепенно изменить состав Арабской империи.

Когда две армии встретились, первыми со своей обычной энергией напали шииты, и некоторое время исход схватки оставался неопределенным. Затем Мухаллаб начал решающую атаку, куфская пехота дрогнула, и армия Мухтара обратилась в бегство. Когда известие об этой неудаче достигло Мухтара в куфском дворце, один из его сторонников спросил его, что теперь делать. «Не остается ничего другого, кроме как умереть», — спокойно ответил тот. Собрав остатки своих сподвижников, он построил их в боевом порядке в Харуре, деревне в нескольких милях от Куфы. Во второй битве, которая продолжалась день и ночь, шиитская армия была окончательно уничтожена, и Мусаб приказал казнить всех пленников. В конце концов Мухтар с горсткой соратников заперся в куфском дворце.

Но теперь его положение стало безнадежным, и осаждающие обложили дворец так плотно, что находившиеся внутри не получали ни пищи, ни воды. Наконец Мухтар обратился к своим товарищам: «Когда я увидел беспорядок в империи, — сказал он, — один претендент в Дамаске, другой в Мекке, Йемама охвачена восстанием, а Аравия смятием, я тоже встал наравне с ними. Я сделал не больше других, не считая того, что отомстил за кровь Али и Хусейна, о чем не позаботился народ Мухаммада. Но теперь достойнее умереть с мечом в руке, чем в страхе и унижении прозябать в этом осажденном дворце». В сопровождении девятнадцати верных сторонников Мухтар обнажил меч и, выбежав из дворца на улицы города, встретил смерть в бою с неприятелем. Именно так поступили бы и первые мусульманские завоеватели, однако это было бы куда менее примечательно, ибо тех вдохновляло горячее религиозное чувство; они верили, что смерть в битве с неверными означает немедленное приобщение к райским наслаждениям. Таким образом, как ни удивительно, в своих чисто земных раздорах

арабы по-прежнему выказывали свойственное им редкое равнодушие к смерти, не слишком отличаясь в этом от первых завоевателей.

* * *

Устранение Мухтара оставило халифов Дамаска и Мекки решать спор вдвоем, хотя хариджиты в Южной Персии продолжали совершать набеги на область низовий Тигра от Мадаина до Басры. Однако прежде чем Абд ал-Малик смог посвятить все силы войне со своим соперником, ему пришлось иметь дело с более близким внутренним конкурентом. Амр ибн Саид ибн ал-Ас был его двоюродным братом¹. Он заявил, что Мерван обещал оставить трон ему, но впоследствии нарушил свое обещание и назначил наследником своего собственного сына Абд ал-Малика. В результате Амр ибн Саид открыто заявил, что законным халифом является не Абд ал-Малик, а он сам. Вражда между кузенами росла, хотя они все еще появлялись вместе на публике, демонстрируя дружеские отношения. Однако Абд ал-Малик жил в постоянном страхе убийства или переворота в пользу Амра. Кончилось это тем, что однажды халиф пригласил двоюродного брата навестить себя вечером в своих апартаментах. Сначала гостю был оказан сердечный прием, хотя тот и заметил, что Абд ал-Малика окружают его братья и ближайшие слуги. Однако после того, как Амр вошел, двери за ним сразу закрылись. После обмена взаимными обвинениями, халиф сделал знак слуге. Этот человек напал на Амра, но не сумел его убить, так как жертва приняла меры предосторожности, надев под одежду кольчугу. Сыновья Мервана не вмешивались, и отвратительная схватка продолжалась. Наконец Амр упал на землю. Поставив колено ему на грудь, халиф собственноручно перерезал горло своему кузену. Тем временем у дворца собралась толпа, и сторонники Амра могли в любой момент начать беспорядки. Голову Амра поспеш-

¹ Генеалогическое древо, с. 83.

но отделили от тела и бросили народу в доказательство того, что дело уже проиграно. После этого толпа рассеялась.

Нам может показаться странным, что впоследствии народ продолжал верой и правдой служить правителю, собственноручно убившему двоюродного брата. Возможно, арабы, свыкшиеся с войной и всегда готовые встретиться со смертью, считали совершенно естественным, чтобы человек избавлялся от соперников именно таким способом. Действительно, сам Посланник Божий способствовал физическому устранению ряда своих противников, но все они были неверными, препятствовавшими распространению ислама. Убийство братьев по вере он строго порицал.

* * *

К 689 г. возникла угроза того, что Византийская империя начнет вести более активную политику на арабских границах, и Абд ал-Малик, которого воссоединение империи волновало в первую очередь, согласился платить Константинополю дань размером в тысячу динаров еженедельно. В начале 691 г. Абд ал-Малик ибн Мерван всерьез подготовился к военной кампании, считая, что обезопасил себя от нападения Византии, и более не опасаясь того, что, если он покинет Дамаск, халифат будет захвачен его кузеном, который воспользуется его отсутствием. Врагом номер один был не Абдаллах ибн Зубайр в Мекке, а его брат Мусаба в Ираке. Непостоянные жители Куфы уже устали от правления Мусаба, и Абд ал-Малик состоял в переписке со многими их предводителями, обещавшими ему свою поддержку. Теперь он со своей армией подошел к верхнему течению Евфрата, в то время как ему навстречу, в северном направлении, из Куфы выдвинулся Мусаба. Летом 691 г. две армии столкнулись у Дейр Джасалика в Джазире. Командовавший авангардом Мусаба отважный Ибрахим ибн Малик ал-Аштар, который, сражаясь на стороне Мухтара, разбил и уничтожил Убайдаллаха ибн Зийяда при Мосуле, атаковал передовой

отряд дамасской армии и быстро обратил его в бегство, но погиб в последовавшей битве.

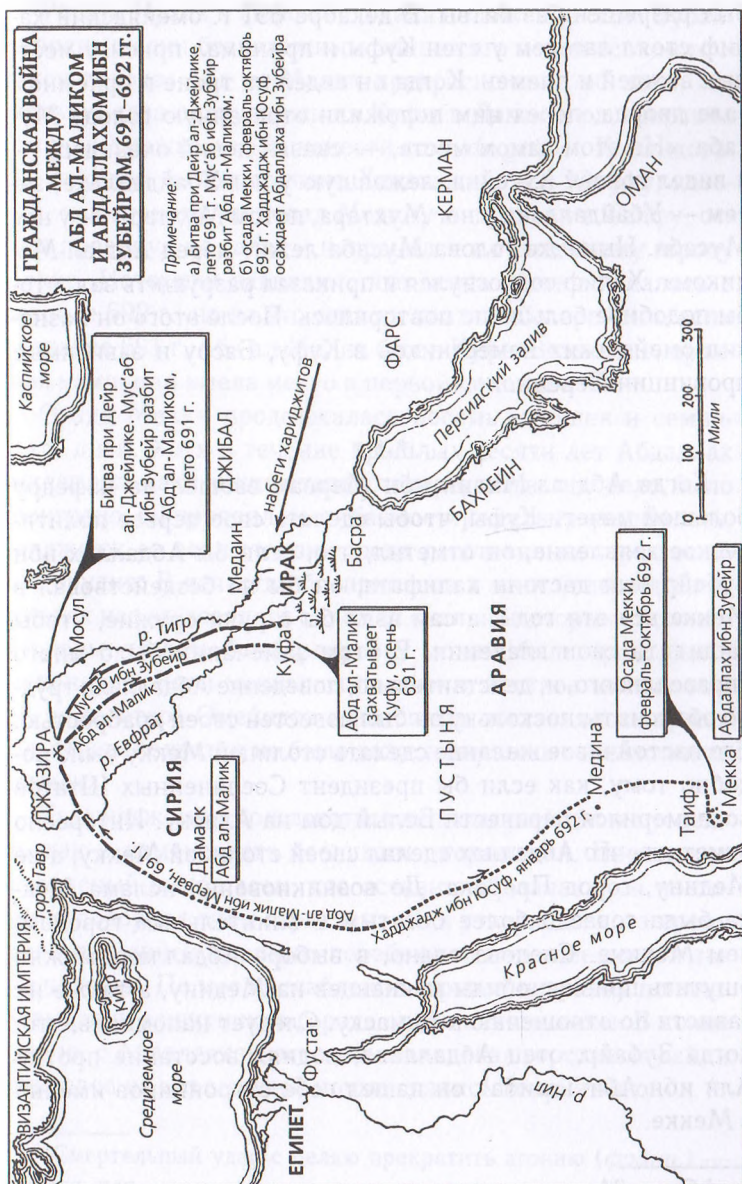
После этого Мусаб несколько раз приказывал разным военачальникам перейти в наступление, но каждый из них начинал отговариваться. «Я не хочу, чтобы мои люди несли ненужные потери», — сказал один. «Я должен просить вашего прощения», — сказал другой. «Почему я должен наступать, когда, кажется, больше никто не наступает?», — ответил третий. У Мусаба упало сердце, когда он внезапно осознал, что все это было подстроено заранее в ходе тайной переписки с Абд ал-Маликом. «О, Ибрахим, — воскликнул он, — но Ибрахима сегодня уже нет со мною». И правда, похоже, Ибрахим ибн ал-Аштар в тот день оказался единственным верным военачальником. В то время, когда армии стояли лицом к лицу, Мухаммад ибн Мерван, брат Абд ал-Малика, выехал вперед из армии Дамаска и громко крикнул: «Сын твоего дяди предлагает тебе безопасность, о Мусаб (поскольку и Омейяды, и ибн Зубайр были курайшитами и, следовательно «кузенами»!). «Такой человек, как я, — отвечал сын Зубайра, — оставляет такое поле, как это, только мертвым или победителем», но, повернувшись к своему юному сыну, стал уговаривать его принять предложение Омейядов. «Я скоро умру, — сказал он, — но смерть от меча не позор, и я не привык убегать». — «Женщины племени курайш никогда не скажут, что я оставил тебя умирать одного», порывисто вскричал юноша и, врезавшись в ряды сирийской армии, встретил смерть на глазах у отца.

Теперь вокруг Мусаба падали тучи стрел; внезапно какой-то всадник напал на него и пронзил его тело копьем, крича громким голосом: «Месть за Мухтара!» Кто-то быстро отрезал ему голову и доставил ее Абд ал-Малику. Спор

Карта 15

*Гражданская война между Абд ал-Маликом
и Абдаллахом ибн Зубейром, 691–692 гг.*

был разрешен без битвы. В декабре 691 г. омейядский халиф стоял лагерем у стен Куфы и принимал присягу местных вождей и племен. Когда он сидел на троне в приемном зале дворца, перед ним положили отрезанную голову Мусаба. «На этом самом месте, — сказал некий очевидец, — я видел голову Хусейна, лежавшую у ног Убайдаллаха, затем — Убайдаллаха у ног Мухтара, потом Мухтара — у ног Мусаба. Ныне же голова Мусаба лежит перед Абд ал-Маликом». Халиф содрогнулся и приказал разрушить зал, чтобы подобное больше не повторилось. После этого он назначил омейядских наместников в Куфу, Басру и зависимые провинции Персии.

* * *

Когда Абд ал-Малик ибн Мерван взошел на кафедру большой мечети Куфы, чтобы сделать свое первое политическое заявление, он отметил, что, если бы Абдаллах ибн Зубайр был достоин халифата, он бы не бездействовал в Мекке все эти годы, а сам взял бы в руки оружие, чтобы защитить свои владения. В этом замечании было много справедливого, и, действительно, поведение Абдаллаха трудно объяснить, поскольку он был известен своей храбростью. Его настойчивое желание сделать столицей Мекку было подобно тому, как если бы президент Соединенных Штатов вознамерился перенести Белый дом на Аляску. Интересно отметить, что Абдаллах сделал своей столицей Мекку, а не Медину, город Пророка. До возникновения ислама Мекка была гораздо более богатым и влиятельным городом, чем Медина. Следовательно, в выборе Абдаллаха можно ощутить привкус обиды мекканцев на Медину, а также их зависти по отношению к Дамаску. Следует напомнить, что, когда Зубайр, отец Абдаллаха, поднял восстание против Али ибн Аби Талиба¹, он нашел себе сторонников именно в Мекке.

¹ См. с. 34.

Утрата Ирака и Персии сделала положение сына Зубайра практически безнадежным, лишив его почти всех источников дохода. Абд ал-Малик прекрасно знал об этом, поскольку, едва вернувшись из Куфы в Дамаск, он направил армию в Хиджаз, чтобы нанести *coup de grâce*¹. Командование походом было поручено Хадджаджу ибн Юсуфу, который, как говорят, миновал Медину и подошел к Таифу, откуда повернул на запад и направился к священному городу Мекке. Историки заявляют, что осада Мекки началась в феврале 692 г., но на это едва ли хватило бы времени, если в декабре 691 г. Абд ал-Малик был в Куфе. Возможно, иракская кампания имела место в первой половине 691 г.

Осада Мекки продолжалась восемь месяцев и семнадцать дней. Хотя в течение прошлых десяти лет Абдаллах выказывал мало инициативы, теперь, когда его дело было проиграно, он проявил нестигаемое мужество и решимость. Хадджадж со всех сторон города расставил на горах осадные орудия. В качестве боеприпасов в этих больших катапультных использовались обломки скал, из которых состояли эти горы, то есть бомбардировку можно было продолжать бесконечно. Если мекканцы попали в жесткое кольцо осады, то в лагерь Омейядов в изобилии поставлялось продовольствие, нехватки не было даже в пирожных и сладостях из Дамаска.

Хадджадж умел пользоваться дипломатией так же успешно, как и командовать военными операциями. Предложив безопасный выход всем, кто оставит Абдаллаха, он постепенно подорвал силы гарнизона. Как утверждают, за время осады в сирийскую армию перебежало не менее десяти тысяч человек. По мере ослабления гарнизона частые поначалу вылазки защитников города стали невозможны. В конце концов, с Абдаллахом осталась маленькая горстка людей, и даже двое из его сыновей ночью сдались неприятелю.

¹ Смертельный удар с целью прекратить агонию (франц.) — Примеч. пер.

Матерью Абдаллаха ибн Зубайра была Асма, дочь Абу Бакра, ближайшего друга и первого последователя самого Пророка Мухаммада. Семьдесят лет назад Посланник после проповеди в Мекке подвергся гонениям, и жители города угрожали самой его жизни. Выскользнув из города в сумерках, он вместе с Абу Бакром спрятался в пещере в этих самых горах, откуда на священный город теперь дождем сыпались омейядские снаряды. Три ночи, пока продолжались поиски, Асма под покровом темноты носила двоим беглецам еду¹. На четвертую ночь Пророк и его товарищ решили искать убежища в Медине. Асма, как обычно, принесла им сверток с едой. Соединив два ремня, которыми она подпоясывала свое платье, она использовала их, чтобы привязать сумку с провизией к седлу одного из верблюдов. Как «та, с двумя ремнями» она уже семьдесят лет оставалась одной из героинь ислама, и во время осады все еще была жива. Оставленный чуть ли не всеми своими соратниками, включая даже близких родственников, Абдаллах пришел за советом к своей престарелой матери, которой, должно быть, тогда уже перевалило за восемьдесят. «Матушка, — якобы сказал он, — все покинули меня, даже мой сын и моя собственная семья. Осталась лишь горсть людей, едва ли способная продержаться еще час. Неприятель предлагает мне пощаду и все, что мне нужно для жизни. Скажи мне, матушка, что ты думаешь». — «Ты знаешь лучше, чем я, сын мой, — отвечала старая женщина. — Если ты веришь, что твое дело правое, ты должен быть готов умереть за него. Свободные мужчины не сдаются лишь потому, что их бросили трусливые сотоварищи. Если же твоей целью в этой войне была лишь земная выгода, то теперь разумнее всего согласиться на земную же сделку». Абдаллах склонился над дряхлой старушкой и поцеловал ее волосы. «Это и мое мнение, сказал он. — С того дня, когда я заявил права на халифат, я искал религии, а не мира, и не стремился к удоволь-

¹ *The Great Arab Conquest.*

ствиям жизни. Но я хотел узнать твое мнение. Сегодня я буду убит, мама, но не оплакивай меня».

Выйдя в одиночестве из ворот в стене вокруг Каабы, с мечом в руке он погнался неприятеля вверх по узким тропинкам у подножия гор, окружавших город. Вскоре снаряд ударил его в лицо, и кровь хлынула по бороде и одежде. Помолчав мгновение, он крикнул зычным голосом:

«Наши спины трусливых ранений не знают бесчестия,
Наша славная кровь по груди потечет — к нашей чести»¹.

Затем его поразили другие камни, и он упал ничком. Весть об этом была незамедлительно доставлена Хадджаджу, который с одним сопровождающим поспешил туда, где лежало тело. «Никогда женщина не носила лучшего мужчины, чем этот», — сказал товарищ Хадджаджа. «Что, — вскричал последний, — ты восхваляешь человека, который восстал против Повелителя правоверных?» — «Да, — отвечал тот, — мы осаждали его здесь восемь месяцев, хотя город не защищен ни стеной, ни рвом, и каждый раз, когда он совершал вылазку, он оттеснял нас назад». Так встретил свою смерть Абдаллах ибн Зубайр; произошло это 3 октября 692 г.

* * *

Для историка одной из самых опасных ловушек является излишнее упрощение. Очень просто осуждать скверных бану Омейя и восхвалять мучеников, которых они разгромили или убили. Но результат оказывается неудовлетворительным, поскольку и на стороне Омейядов мы находим достойных и благочестивых людей, которые с горечью осуждают упорное сопротивление своих противников. Не вполне справедливы мы и тогда, когда считаем всех тех, о ком здесь шла речь, толпой вздорных арабов, делящих добычу. Что касается кающихся шиитов, то страстная преданность могиле

¹ Цитата из классической арабской поэмы.

Хусейна полностью снимает с них обвинение в корыстолюбии. А самыми незаслуженными выглядят обвинения, которые историки предъявляют находившимся под управлением искренне веровавшим людям хариджитам, ратовавшим за теократическую республику. Несмотря на то что различные наместники Куфы и Басры предали смерти многие тысячи этих людей, они упорствовали в своих убеждениях, выказывая необычайную стойкость.

Таким же образом, в основе спора между Омейядами и Абдаллахом ибн Зубайром должно было лежать нечто большее, чем просто ревнивое соперничество правителей. Уже говорилось, что Мекка и Медина были отдаленными караванными станциями, находившимися на окраине блестящей и богатой империи, созданной воодушевлением первых мусульман. Бану Омейя теперь фактически сделались коренными жителями Дамаска, их воспитание проходило в космополитической атмосфере Сирии с ее тысячелетней древнегреческой и римской культурой и историей, уходящей еще дальше в глубь времен. Основная часть жителей Сирии и множество образованных людей все еще исповедовали христианство, и именно христиане составляли большинство правительственных чиновников, с которыми приходилось иметь дело халифу. Оставить центр этого делового мира и перенести резиденцию имперского правительства обратно в далекий пустынный оазис — Омейядам это должно было казаться совершенно непрактичным. Более того, Сирия граничила с Византийской империей, единственной в мире державой, в некоторой степени способной соперничать с арабами. Если бы правительство вернулось в Хиджаз, разве византийцы не попытались бы отвоевать Сирию? Мы даже можем представить себе, как мудрые и благочестивые приверженцы Омейядов говорят: «Мы глубоко чтим святыне города Мекку и Медину, но с точки зрения политики теперь было бы неразумно продолжать гражданское управление оттуда. Те, кто восстанут против дамасского халифа, просто уничтожат империю и мусульманское единство».

Как говорят, Абдаллах ибн Зубайр оправдывал свой мятеж, утверждая, что им двигало благочестивое негодование при виде того, как бесстыдно совершаются дела, запрещенные Богом. Возможно, мы поэтому вправе сделать вывод, что он видел в себе защитника истинной веры, которую проповедовал Посланник Божий. Его мать, как мы уже упоминали, стяжала славу при побеге Пророка из Мекки; это, можно сказать, была арабская Флора Макдональд¹, если подобное сравнение допустимо. Его отец Зубайр был одним из ближайших соратников Посланника. Мать его отца приходилась Мухаммаду теткой. Существует любопытная история о том, как однажды, когда Абдаллах ибн Зубайр был еще мальчиком, у Пророка по какой-то причине было кровотечение. Увидев юного Абдаллаха, Мухаммад подозвал его и сказал: «Абдаллах, возьми этот сосуд с кровью и вылей ее там, где никто этого не увидит». Но, выйдя из комнаты, мальчик выпил кровь. «Многие люди, — пишет арабский историк, — полагали, что он черпал свою силу и отвагу из этой крови». Возможно, он и сам так думал.

Большинство историков свидетельствует о благочестии Абдаллаха, его необыкновенно долгих молитвах и привязанности к Дому Бога — мекканскому храму Каабы. Некоторые заявляют, что он проводил в молитве ночи напролет, стоя на коленях или простершись ниц. Сторонники Дамаска объясняли его благочестие лицемерием. Однако есть и еще один фактор, влияние которого порой можно проследить в поведении ранних мусульман, а именно страх перед адом. Пророк описал мучительные пытки, ожидающие грешников, в самых устрашающих выражениях. В страстной надежде избежать столь ужасной участи многие верующие полагались на пост, рыдания и ночные молитвы.

¹ Флора Макдональд — шотландская девушка, которая после разгрома восстания якобитов помогла принцу Чарльзу Эдуарду Стюарту бежать во Францию, переодевшись в женское платье ее горничной. — *Примеч. ред.*

Как уже говорилось, Ибн Зубайр преуспел в трех вещах — отваге, благочестии и красноречии. У него был такой голос, что во время проповеди он отдавался в холмах, окружающих город. Лишь в одном его обвиняли и друзья, и враги — в скупости. Он не был щедрым дарителем, а в глазах народа Аравии это серьезный недостаток. Но зато утверждают, что он был справедливым судьей.

Ты походил на Абу Бакра и Османа¹.

И Омара, когда ты нами правил.

Вершил ты справедливость неустанно,

И нищий люд тебя любил и славил.

Но ясным утром тучи налетели,

Чтоб в горе нашем мы осиротели.

Темные тучи, сгустившиеся после смерти Абдаллаха, ознаменовали окончательное закрепление правящей династии в Дамаске и бесповоротное погружение Мекки в политическое ничтожество; она превратилась в «древний епископальный город», далекий от суеты современной жизни.

Гражданская война продолжалась двенадцать лет, начиная с восстания Хусейна, а затем Абдаллаха ибн Зубайра и заканчивая воцарением Абд ал-Малика в качестве единственного халифа. Тем не менее мы можем усмотреть в этих бесполезных и кровавых схватках не столько мелочные раздоры толпы сварливых арабов, сколько родовые муки, необходимые для рождения нового социального строя, в процессе которых дамасские новаторы и религиозные консерваторы Медины, сторонники божественного права семьи Али и хариджитские теократы, одинаково искренне верили в справедливость своего дела.

Воинственная природа первых представителей арабской расы явно приводила к тому, что они стремились разрешить все противоречия силой оружия.

¹ Абу Бакр, Омар ибн ал-Хаттаб и Осман были первыми тремя преемниками Мухаммада.

С копьем в руке и на спине кобылы —
Так я хотел бы жить, все прочее постыло, —

сказал бедуинский поэт. Но этот воинственный склад ума сам по себе не порождал тех различий во взглядах, которые разделяли верующих, — он лишь означал, что каждое подобное расхождение должно было разрешаться в бою.

Если Египет был завоеван почти без боя, на завоевание Латинской Африки ушло почти шестьдесят лет. Первый раз туда вторглись в 657 г., но Карфаген взяли только в 689 г., а вся провинция целиком была сломлена только еще через одиннадцать лет.

*Э. А. Фриман.
История сарацин*

Теперь задачей Абд ал-Малика... стало создание нового способа организации. Очевидным решением было усиление централизации, власть сосредоточилась в руках правителя, а ее главной опорой стала сирийское войско. Халифат Абд ал-Малика еще не принял форму абсолютизма древневосточного типа. Скорее он представлял собой централизованную монархию, дополненную арабскими традициями с пережитками теократических идей.

*Профессор Бернард Льюис.
Арабы в истории*

Глава V

ВЕЛИКИЙ АБД АЛ-МАЛИК

Важные даты

Хадджадж назначен наместником Куфы	— январь 695 г.
Восстание хариджитов под предводительством Шабиба в Ираке	— май 695 г.
Хассан ибн Нааман захватывает Карфаген	— 695 г.
Восстание Кахины в Ифрикии.	
Хассан ибн Нааман отступает в Барку	— 700 г.
Восстание Ашафа в Ираке	— февраль 702 г.
Мятежники Ашафа разбиты в сражении при Дейр ал-Джумаджим	— август 702 г.
Кахина разбита в бою при Табарке	— 702 г.
Муса ибн Нусайр сменяет Хассана ибн Наамана в качестве наместника Ифрикии	— 705 г.
Смерть Абд ал-Малика	— 8 октября 705 г.

Персоналии

Абд ал-Малик ибн Мерван, халиф	— 685–705 гг.
Мухаллаб ибн Аби Суфра, великий арабский военачальник в Персии.	
Хадджадж ибн Юсуф, наместник Ирака.	
Абд ар-Рахман ибн ал-Ашаф, избранный Хадджаджем для командования кабульским походом. Взбунтовался против Хадджаджа.	
Хассан ибн Нааман, арабский военачальник при завоевании Ифрикии.	
Кахина, жрица, глава берберского восстания.	
Муса ибн Нусейр, новый наместник Африки.	
Валид ибн Абд ал-Малик, халиф	— 8 октября 705 г.

Казалось, после смерти Абдаллаха ибн Зубайра Абд ал-Малик остался бесспорным владыкой империи. Только в Хузистане, к востоку от Басры, по-прежнему свирепствовали хариджиты. Мухаллаб ибн Аби Суфра пользовался репутацией единственного человека, способного сладить с ними, и теперь халиф распорядился набрать в Куфе и Басре рекрутов в войска, поставленные под командование этого военачальника, чтобы наконец усмирить упрямых фанатиков. С большим трудом в Куфе сформировали десяти тысячное войско, которое направилось на встречу с Мухаллабом в Рамхормузе, но почти все воины дезертировали и вернулись домой, не успев добраться до места назначения. Своими нескончаемыми бунтами и постоянным нежеланием подчиняться приказам законной власти, жители Куфы истощили бы терпение любого правительства. В январе 695 г. халиф написал в Медину Хадждажу ибн Юсуфу, военачальнику, победившему ибн Зубайра, чтобы тот немедленно отправлялся наместником в Куфу и Басру.

Хадждаж не склонен был к медлительности. В сопровождении всего двенадцати человек на быстрых верблюдах он пересек Аравийскую пустыню и прибыл в Куфу прежде, чем кто-либо успел узнать, что он покинул Медину. Закрыв лицо головным платком, он вошел в большую мечеть¹, поднялся на кафедру и приказал жителям города собраться. Затем, внезапно сорвав с лица покров, он начал: «Я вижу перед собой головы, созревшие для казни. Мне видится кровь, струящаяся между головными платками и бородами. Если через три дня хоть один из тех, кто получил приказ идти на

¹ Арабский головной убор всегда представлял собой кусок ткани, либо обернутой вокруг головы, либо удерживаемой на месте с помощью веревки. Я сам использовал подобный платок.

соединение с Мухаллабом, будет обнаружен в Куфе, его кровь прольется, а имущество будет конфисковано». Затем он удалился в наместнические покои и не сказал больше ни слова.

На третий день Хадджадж снова поднялся на кафедру и призвал воинов присоединиться к Мухаллабу. Некто из племени бану Тамим встал и начал спорить с ним, но новый наместник сделал знак стражнику, и тот, выйдя вперед, отрубил голову любителю перебивать. Затем по улицам был послан городской глашатай с объявлением: «Омара ибн Заби нашли по истечении трех дней, и он признался, что слышал воззвание. Он казнен. Если сегодня вечером здесь останутся еще те, кого призвали в войско Мухаллаба, их настигнет подобная смерть». Историк торжественно добавляет, что через час на мосту через Евфрат образовался затор из-за воинов, устремившихся на соединение с армией. Получив, таким образом, подкрепление, Мухаллаб сразился с фанатиками и вынудил их бежать в тайные укрытия в персидских горах.

Хариджиты разработали собственную тактическую систему, основанную на необычайной мобильности и стремлении постоянно владеть инициативой. Если ситуация оборачивалась против них, они исчезали, но спустя несколько дней неожиданно появлялись в другом месте, атаковали и уничтожали какую-нибудь одиночную колонну или часть и снова пропадали. Особенно им удавались ночные нападения, и немало воинских отрядов было застигнуто врасплох, когда в самой гуще спящих солдат обнаруживались полчища неистовых арабов, орудующих мечами направо и налево. Чтобы противостоять этой тактике, Мухаллаб взял за правило каждую ночь окружать свой лагерь рвом. Непокорные отряды из Куфы, которые, даже присоединившись к армии, отказывались копать после дневного перехода, регулярно оказывались под ударом вооруженных мечами фанатиков и несли тяжелые потери.

Но в мае 695 г., пока Мухаллаб неуклонно, хотя и не столь быстро, добивался успеха в Хузистане, хариджитское

восстание неожиданно вспыхнуло в Джазире, к западу от Мосула. Небольшая, но чрезвычайно мобильная группа фанатиков под предводительством некоего Шабиба прошла по стране от Мосула до Куфы, Мадаина, Ханикина и обратно. Одно за другим подразделения, посланные в погоню за ними, попадали в засаду или подвергались неожиданному нападению и терпели сокрушительное поражение. В сентябре 695 г. хариджиты угрожали самой Куфе. Более года Шабиб сеял страх и разрушение по всему Ираку. В основе движения хариджитов стояли убежденные республиканцы, отчаянные борцы, чьим девизом было: «Никакой власти, кроме Божьей». Однако их долгий и победоносный путь по Ираку закончился тем, что к ним примкнуло немало людей с гораздо менее возвышенными мотивами — убийцы, должники, недовольные и преступники. Но с социальной точки зрения куда интереснее отношения мятежных хариджитов с сельским населением, поскольку мелкими землевладельцами и сельскохозяйственными работниками, особенно на Тигре, все еще оставались персы. Шестьдесят лет прошло со времени первого арабского завоевания Ирака. Когда оккупация страны завершилась, арабские армии были сосредоточены в двух главных военных поселениях в Куфе и Басре, и солдатам запретили покупать землю или участвовать в ее обработке. Исконные владельцы должны были остаться на своей земле, платя дань своим завоевателям. Мы уже видели, как Убайдаллах ибн Зийяд даже позволил персидским землевладельцам собирать налоги.

Исходно арабские завоеватели были пустынными кочевниками, которые осели в двух поселениях, теперь превратившихся в города. Примечательно то, что кочевникам-бедуинам оказалось легче стать городскими жителями, чем сельскохозяйственными работниками, поскольку, чтобы прокормиться, кочевнику, как и горожанину, приходится пускать в ход самые разные средства. Степенный и однообразный труд земледельца для него бесконечно изнурителен.

В результате благодаря как политике, так и естественному ходу вещей сельское хозяйство в Ираке по-прежнему

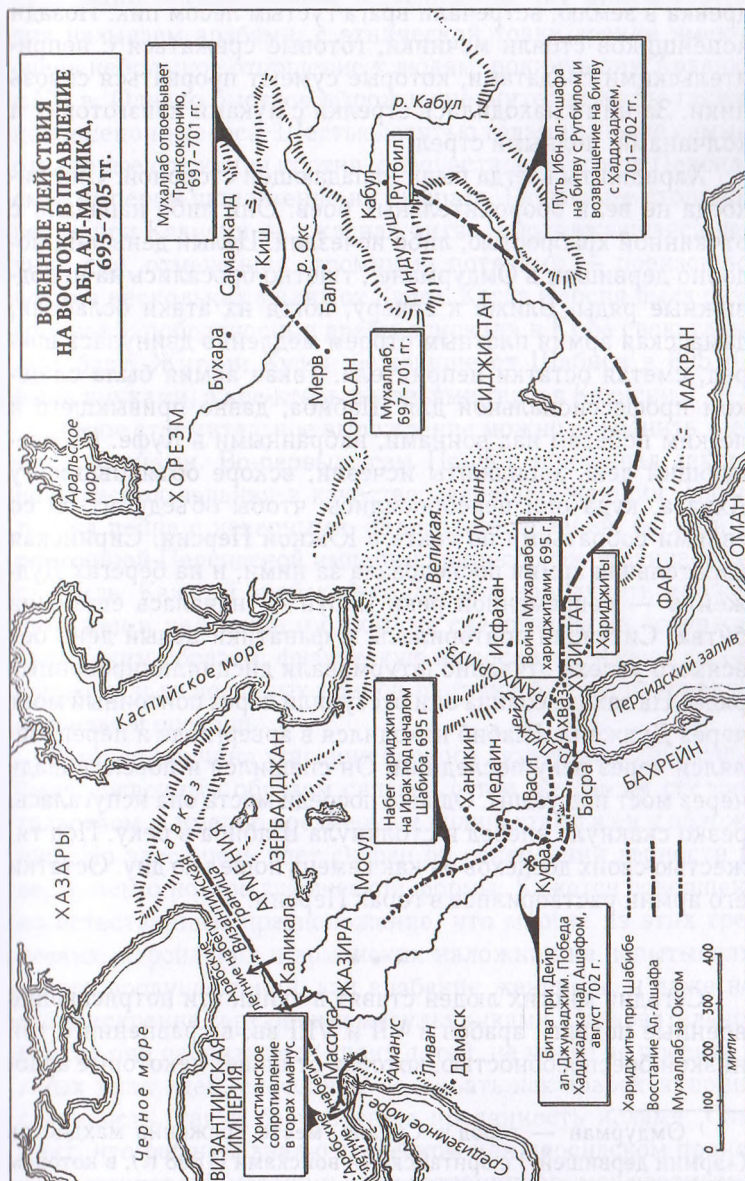
находилось в руках персов, в прошлом граждан могучей державы Сасанидов, которые теперь были низведены до уровня низшей расы, обреченной трудиться на своих арабских хозяев, не имея ни права голоса в государственных делах, ни каких-либо шансов на власть или успех. Такие люди вполне могли симпатизировать дерзкой банде мятежников, бросивших вызов государственной власти, и древние хроники повествуют о многих случаях, когда селяне угощали хариджитов, пока землевладелец-перс следил, не видны ли на горизонте правительственные войска. Во главе фанатиков, как и правительственных войск, конечно же, стояли арабы, чьи неискоренимые распри снова дали надежду покоренным народам и в конце концов позволили тем добиться если не превосходства, то, по крайней мере, равенства.

В конце концов Хадджадж, доведенный до отчаяния непостоянством и сварливостью жителей Куфы, написал Абд ал-Малику, прося прислать подразделение сирийской армии, поскольку местные призывники настолько ненадежны, что их невозможно использовать против хариджитов.

Даже через двенадцать веков после описываемых событий приятно читать о прибытии из Дамаска этих войск. Как бы далеки ни были арабские историки от военного дела, профессионализм сирийской армии чувствуется в каждом их слове. Часовые бдительны, лагерь укрепляется до наступления ночи, командир вызывает подчиненных ему офицеров, объясняет им ситуацию и убеждается, что каждый отряд знает, что ему делать. Как мало изменилась воинская служба за двенадцать столетий. Когда прибыла сирийская армия, Шабиб угрожал Куфе. Дамасская армия выстроилась в боевом порядке, на флангах — кавалерия, в центре — пехота, построенная в три линии. Первый ряд состоял из копейщиков, которые, встав на одно колено и уперев конец

Карта 16

*Военные действия на востоке
в правление Абд ал-Малика, 695–705 гг.*

древка в землю, встречали врага густым лесом пик. Позади копейщиков стояли мечники, готовые сражаться с неприятельскими солдатами, которые сумеют прорваться сквозь пики. За ними находились стрелки с луками наизготовку и колчанами, полными стрел.

Хариджиты всегда были нападающей стороной. Они никогда не вели оборонительных боев. Они либо нападали с отчаянной храбростью, либо исчезали. Целый день они, подобно дервишам в Омдурмане¹, тщетно бросались на неподвижные ряды. Ближе к вечеру, когда их атаки ослабели, дамасская армия плотным строем медленно двинулась вперед, сметая остатки неприятеля. Такая армия была слишком профессиональной для Шабиба, давно привыкшего к легким победам над воинами, набранными в Куфе. На следующий день хариджиты исчезли, вскоре объявившись у Ахваза, куда они перебросились, чтобы объединиться со своими собратьями по секте в Южной Персии. Сирийская карательная армия последовала за ними, и на берегах Дуджейла — современной реки Карун — началась еще одна битва. Ситуация повторилась, и фанатики целый день без всякого успеха отчаянно штурмовали дисциплинированные ряды. На заходе солнца они отступили через понтонный мост через Дуджайл. Шабиб находился в арьергарде и переправлялся через реку последним. Он спешился и повел лошадь через мост под уздцы. Однако посреди моста она испугалась, резко скакнула вперед и столкнула Шабиба в реку. Под тяжестью своих доспехов он как камень пошел ко дну. Остатки его армии растворились в горах Персии.

* * *

Сегодня многих людей ставят в тупик эти потрясающие военные подвиги арабов в VII и VIII вв. в сравнении с той низкой боеспособностью, которая отличает некоторые араб-

¹ Омдурман — город в Судане, место сражения махдистов («армии дервишей») с британскими войсками (1898 г.), в котором махдисты потерпели сокрушительное поражение. — *Примеч. ред.*

ские армии современности. Большинство тех, кого мы сегодня называем арабами, с этнической точки зрения имеют очень небольшое отношение к людям, покинувшим Аравию в VII в. Однако быстрое вырождение жителей Куфы также не лишено интереса. Шестьюдесятью годами раньше самые отчаянные сражения против могущественной тогда Персидской империи шли именно на Евфрате. Решающее столкновение при Кадисии — ужасная битва, продолжавшаяся четыре дня, отмеченная огромными потерями — произошло всего в нескольких милях от Куфы. Когда Персия была разгромлена, победоносные арабы основали в Куфе свою главную базу. Жители Куфы, бежавшие от Шабиба в 695 г., были внуками, а кое-кто и сыновьями героев Кадисии.

Такое стремительное вырождение можно объяснить тремя причинами. Во-первых, сам Пророк признавал законность использования в качестве наложниц женщин, добытых на войне с неверными. Завоевание древней, богатой и роскошной Персидской империи принесло фантастическую прибыль. Каждый арабский солдат мог заполучить множество жен и наложниц и огромные средства на их содержание. Таким образом, физическую выносливость некогда худощавых и выносливых воинов пустыни быстро подорвали безделье и роскошь.

Вторая причина угасания боевого духа у жителей Куфы была косвенным образом связана с тем же самым обстоятельством, а именно чрезмерным количеством жен и наложниц. Но здесь речь идет скорее об ослаблении верности и веры, чем о потере физической формы. Кажется совершенно естественным предположение, что многие из этих греческих, персидских и армянских наложниц не испытывали такого воодушевления, как арабские женщины, и даже не были искренне верующими мусульманками. Следовательно, то, как они воспитывали своих детей, не могло не посеять в юных умах идей, способных подорвать как арабскую воинственность, так и безусловную преданность исламу. Сам факт, что ребенок знал о греческом или персидском происхождении своей матери и ее родственников, мог незаметно

расширить его взгляд на мир и свести на нет готовность безропотно умереть за победу арабов.

Третья причина нежелания жителей Куфы сражаться, вероятно, заключалась в их расколе на множество партий. Некоторые симпатизировали шиитам, другие в прошлом поддерживали Абдаллаха ибн Зубайра, а третьи склонялись к хариджитам. К тому же среди горожан было немало бывших рабов самой разной этнической принадлежности, получивших свободу от своих арабских хозяев.

Особенно важно отметить, что оппозиционные секты все еще были способны воскресить феноменальный боевой дух шестидесятилетней давности. Шииты и хариджиты в равной мере обладали тем страстным энтузиазмом, который побуждал их к мученичеству в бою, а в прошлом стал причиной великих завоеваний. Как уже подчеркивалось, тот факт, что халифат объединил политическую и духовную власть, привел к угасанию религиозного рвения. Дамасские халифы нередко были способными правителями, но не святыми. Они были светскими людьми и верили в необходимость стабильного правительства; в результате в религиозной области они были вынуждены идти на компромисс. Даже если преемник Посланника Божия пил вино, одевался в шелка и содержал личный оркестр, интересы государства требовали, чтобы подданные присягнули ему на верность. Как это случается в любой государственной церкви, ортодоксальные мусульмане отличались определенной религиозной прохладностью, а их убеждения пересматривались в свете политической целесообразности. Те, кто отвергал компромисс, примыкали к более сплоченным оппозиционным сектам.

* * *

На востоке Хадждадж ибн Юсуф получил от халифа пост вице-короля всего Ирака и Персии. Мухаллаба ибн Аби Суфру после уничтожения хариджитов назначили наместником Хорасана и северо-восточных границ. Впервые за четырнадцать лет внутри империи установился мир, и на

восточных границах арабские боевые знамена снова двинулись против тюрков. Переправившись через Окс (Амударью), Мухаллаб занял Киш, где оставался год, собирая дань и карая непокорных. Арабы вторглись в Мавераннахр много лет назад, но за годы гражданской войны контроль над ним был утрачен.

Для арабов все, что находилось за Оксом, представляло собой просто Мавераннахр. Однако с географической точки зрения гористое плато Ирака заканчивается у реки Мургаб, в двухстах милях к юго-западу от Окса, который протекает посреди обширной долины, доходящей до Яксарта (Сырдарьи). В дни Кира и Дария Персидская держава доходила до этой реки, но впоследствии полчища тюркских завоевателей отбросили персов назад к Мургабу, где в период арабского завоевания и находилась граница. Однако население области между Мургабом и Яксартом все еще было в основном иранским, хотя вот уже несколько столетий в той или иной степени зависело от тюрков, живших восточнее Сырдарьи.

Таким образом, Мавераннахр уже долгое время служил ареной борьбы за Центральную Азию, которую вели между собой тюрки и персы. Разрываясь между этими двумя полюсами, население среднеазиатского междуречья так и не добилося политического единства. Когда появились арабы, эта территория представляла собой мозаику мелких княжеств, что весьма способствовало завоеванию.

Несмотря на политическую нестабильность, Мавераннахр тем не менее был чрезвычайно богатым, цивилизованным и утонченным. Его процветание строилось на том, что здесь проходил главный торговый путь из Китая в Персию, и его купцы регулярно бывали в Китае. Города Самарканд, Бухара и Байканд были богатыми промежуточными пунктами на этом торговом пути¹.

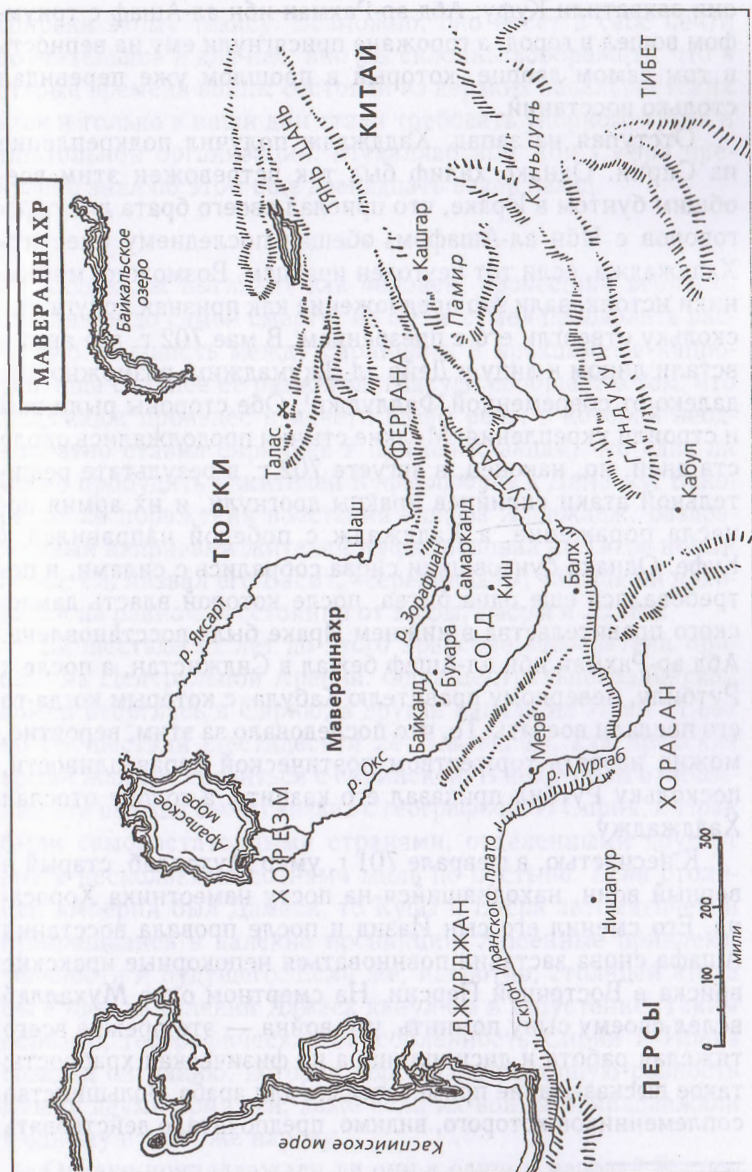
Военные действия Мухаллаба за Амударьей не позволили арабам создать упорядоченной административной системы,

¹ H. A. R. Gibb. *The Arab Conquests in Central Asia*.

и местные князьки остались на своих местах с обязательством уплаты дани. Но зато, по крайней мере, удалось восстановить арабский престиж. Затем внимание Хадджаджа обратилось в сторону Рутбила, правителя Кабула. Город Кабул тоже захватили до начала гражданских войн, но во время междоусобиц он был утрачен. Наместнику Хузистана было приказано выступить против Рутбила и склонить его к покорности, однако операция провалилась. Хадджадж решил организовать новую экспедицию, достаточно сильную, чтобы ее благоприятный исход был гарантирован. Для этой цели он набрал в Куфе и Басре по десять тысяч человек и поручил командование ими Абд ар-Рахману ибн ал-Ашафу¹, одному из наиболее влиятельных арабских вождей Куфы, который выступил в Хузистан. Хадджадж настолько щедро обеспечил эту армию, оснащение которой обошлось ему в два миллиона дирхемов, что арабы прозвали ее «павлиньим войском». Абд ар-Рахман ибн ал-Ашаф несколько вяло продвигался в глубь территории Кабула, захватывая коров и овец, но не умея довести кампанию до решающего сражения. Когда Хадджадж упрекнул его в письме, Абд ар-Рахман с возмущением прочитал письмо нижестоящим военачальникам; зазвучали крики гнева и скоро начал распространяться устный лозунг «Долой сирийскую власть». Спешно заключив перемирие с неверным Рутбилем, армия срочно вернулась в Ирак, заявляя о намерении низложить Хадджаджа вместе с Абд ал-Маликом. И в который раз оборона границ была заброшена ради новой братоубийственной войны. В феврале 702 г. застигнутый врасплох Хадджадж был вынужден покинуть Басру, которую немедленно заняли мятежники. Продолжив наступление,

Карта 17
Мавераннахр.

¹ Ал-Ашаф был одним из величайших мусульманских воинов периода первых завоеваний. *The Great Arab Conquest.*

они захватили Куфу; Абд ар-Рахман ибн ал-Ашаф с триумфом вошел в город, а горожане присягнули ему на верность в том самом дворце, который в прошлом уже перевидал столько восстаний.

Отступая на запад, Хадджадж получил подкрепление из Сирии. Однако халиф был так встревожен этим всеобщим бунтом в Ираке, что прислал своего брата для переговоров с Ибн ал-Ашафом, обещая последнему сместить Хадджаджа, если тот неугоден иракцам. Возможно, мятежники истолковали это предложение как признак испуга, поскольку отвергли его с презрением. В мае 702 г. две армии встали лицом к лицу у Дейр ал-Джумаджим, возможно, недалеко от современной Фаллуджи¹. Обе стороны рыли рвы и строили укрепления. Мелкие стычки продолжались около ста дней, но, наконец, в августе 702 г. в результате решительной атаки сирийцев иракцы дрогнули, и их армия понесла поражение, а Хадджадж с победой направился к Куфе. Однако бунтовщики снова собрались с силами, и потребовалась еще одна битва, после которой власть дамасского правительства в нижнем Ираке была восстановлена. Абд ар-Рахман ибн ал-Ашаф бежал в Сиджистан, а после к Рутбилу, неверному правителю Кабула, с которым когда-то его послали воевать. То, что последовало за этим, вероятно, можно назвать торжеством поэтической справедливости, поскольку Рутбил приказал его казнить, а голову отослал Хадджаджу.

К несчастью, в феврале 701 г. умер Мухаллаб, старый и верный воин, находившийся на посту наместника Хорасана. Его сменил его сын Йазид и после провала восстания Ашафа снова заставил повиноваться непокорные иракские войска в Восточной Персии. На смертном одре Мухаллаб велел своему сыну помнить, что война — это прежде всего тяжелая работа и дисциплина, а не физическая храбрость; такое высказывание примечательно для араба, большинство соплеменников которого, видимо, предпочитало действовать

¹ Карта 16, с. 133.

вопреки этому тезису. Возможно, оно несет в себе нечто поучительное и для нас, ибо мы склонны воображать, что в старые времена войны состояли из дерзких кавалеристских атак и только в наши дни стали требовать упорного труда и тщательной организации. Мухаллаб ибн Аби Суфра прекрасно знал об этом еще двенадцать веков назад.

* * *

Хадджадж выглядит как человек, пронесший верность Омейядам до самой смерти, но он не сумел преодолеть растущую ненависть между сирийцами и иракцами, а напротив, еще сильнее ее разжигал. Масуди сообщает о том, что Хадджадж произнес в мечети Куфы речь, в которой неоднократно ставил сирийцев в пример иракцам, что едва ли могло пробудить у жителей Куфы любовь к Дамаску. Вскоре после поражения восстания Ашафа Хадджадж, раздраженный капризами жителей Куфы, основал на Тигре новый город. Он назвал его Васит, «серединный», так как он находился на равном расстоянии от Куфы, Басры и Ахваза.

За шестьдесят лет до этого арабские завоеватели пришли из Центральной Аравии. Одна центральноаравийская армия вторглась в Сирию, а другая напала на Ирак. И вот по прошествии шестидесяти лет мы видим, как иракская армия жаждет сразиться с сирийской. В некотором отношении эта вражда была связана с географией. И Сирия, и Ирак были самодостаточными странами, отделенными друг от друга несколькими сотнями миль по пустыне. Если столицей империи был Дамаск, то Куфа и Басра автоматически превращались в далекие провинции, лишенные привлекательности и будущего. Если же, напротив, столицей стала бы Куфа, то далекий Дамаск канул бы в запустение. Таким образом, географическая обособленность Сирии и Ирака создала ситуацию, которая порождала растущую ревность между двумя армиями, даже если их воины принадлежали к одному и тому же народу.

Однако принадлежали ли они к одному народу? Второе поколение завоевателей, хотя его представители все еще

носили арабские имена, имело смешанное происхождение. Более того, и это наводит на очень интересные размышления, до арабского завоевания Сирия принадлежала Римской, а Ирак — Персидской империи. До вторжения арабов граница между Европой и Азией проходила не по Босфору (как мы считаем теперь), а вдоль Верхнего Евфрата, по линии персидско-византийского рубежа. Таким образом арабские завоеватели, осевшие в Сирии, оказались в атмосфере классической римской цивилизации, в то время как те, кого война забросила в Ирак, попали в восточную среду.

Еще одна примечательная черта восстания Ашафа заключается в том, что в борьбе с дамасским Повелителем правоверных этот человек, будучи мусульманином и арабским вождем, мог положиться на Рутбила Кабульского, неараба и немусульманина. Ранее Ибн ал-Ашаф по приказанию Хадджаджа направился воевать с Шабибом и хариджитами и потерпел поражение. Его упрекали за трусость, и Хадджадж публично бросил ему это обвинение в лицо. Кажется правдоподобным, что этот инцидент озлобил его и, как часто бывало у арабов, личная обида перевесила у него чувство долга по отношению к своему народу и религии. В средневековой Европе влиятельные аристократы тоже часто восставали из соображений личной чести. И все же нельзя полностью пренебречь темой арабского самолюбия, которое является характерной чертой этого народа.

* * *

В то время как восточную половину империи сотрясали волнения, на западе арабы снова стали наступать. Каждое лето тот или иной из сыновей халифа возглавлял набег на территорию Византии. В 700 г. Валид ибн Абд ал-Малик вторгся в Малую Азию. В 701 г. настал черед Убайдаллаха ибн Абд ал-Малика, который напал на область Каликала у истоков Евфрата. В 702 г. военными действиями командовал Абдаллах ибн Абд ал-Малик. Ни один из этих летних набегов не привел к долгосрочной оккупации территории,

но они, по крайней мере, доказали, что арабы восстановили свой боевой дух и часть былой агрессивности.

Интересное обстоятельство боевых действий против Византийской империи связано с сопротивлением джараджимов в горах Аманус¹. Эти люди были христианами, которые шестьдесят лет назад остались здесь после отступления византийцев за Тавр. Удерживая свои горные цитадели, они упорно отстаивали свою независимость от мусульман, временами даже проникая на юг, в горы Ливана, населенные их единоверцами-маронитами. Они доставляли арабам столько хлопот, что и Муавия, и Абд ал-Малик предпочитали платить им за спокойствие. Удивительно, что почти все проблемы наших дней — конкуренция между иракцами и сирийцами, соперничество между шиитами и ортодоксальными мусульманами, а также упорное сопротивление христиан Ливана мусульманскому владычеству — были весьма заметны еще в VII в.

Тот факт, что арабы так и не подчинили Ливан своей власти, или, по крайней мере, религии и культуре, служит одним из многих свидетельств их неприязни к горам. Иначе очень трудно объяснить, почему они, со своей столицей в Дамаске, оказались не в силах подавить враждебность Ливана. Когда им приходилось делать это, например, в Персии, они успешно сражались в горах. Но когда речь шла о горном хребте, проходящем по их собственной территории, они снова и снова демонстрировали неспособность очистить его от неприятеля. В итоге горные народы вели себя тихо, пока арабы были в силе. Но как только правительство оказывалось чем-то занято или ослабевало, по всей империи возникали очаги сопротивления. В их число впоследствии вошли Леон и Галисия в Испании, Атласские горы в Северной Африке и область дайлемитов² у южной оконечности Каспийского моря.

¹ Карта 16, с. 133.

² Дайлем — горная область на севере Ирака. — *Примеч. ред.*

* * *

Тем временем в Северной Африке происходили великие события. Прежде чем приступить к подробному рассказу о них, полезно сделать краткое отступление, чтобы описать эту страну и ее жителей.

Во времена Рима Африкой называли только территорию в окрестностях Карфагена, то есть приблизительно современный Тунис. Арабы восприняли это слово как «Ифрикию» и стали называть так центральный участок побережья примерно от Триполи до центра страны, которую мы сегодня зовем Алжиром. Западный Алжир и Марокко — если воспользоваться их современными названиями — арабам были известны как Магриб, или «страна заходящего солнца». Однако названия Африка и Ифрикия никогда не применялись к землям к югу от Сахары¹.

Географически Магриб и Ифрикия составляют единое целое. Атласские горы начинаются у южной границы Марокко и выдаются на несколько миль южнее города Тунис. На севере они отделены от моря прибрежной равниной, достигающей примерно сотни миль в ширину. Атласские горы идут к югу от этой прибрежной равнины и занимают пространство длиной примерно в тысячу двести пятьдесят (примерно как от Лондона до Бухареста) и шириной в сто миль. Столь мощная горная стена образует естественную преграду, задерживающую большую часть осадков на пути в глубь континента, и к югу от нее полоса люцерновых пастбищ и разбросанных оазисов быстро переходит в великую пустыню Сахара.

В ходе истории эти три пояса страны — прибрежная равнина, горы и полупустынная степь — породили три разных образа жизни. Береговые равнины интенсивно возделывались и были усеяны множеством городков и деревень. В числе этих населенных пунктов были богатые и древние города, игравшие важную роль в истории торговли и искусства Средиземноморья. Соединяясь по морю с самыми

¹ Карта 19, с. 151.

цивилизированными государствами тогдашнего мира¹ — Египтом, Грецией, Римом, Византией, Францией и Испанией, — население прибрежных равнин представляло собой смесь всех народов, обитавших в средиземноморском бассейне.

Однако далеко не все из множества народов, осевших на прибрежных равнинах, всерьез пытались установить контроль над хребтами Атласа или тем более заселить их. Здесь с незапамятных времен обитали суровые горцы, причем некоторые из них жили как оседлые земледельцы, поскольку между горными цепями пролегли плодородные долины, а прочие — как полукочевые племена, занятые сельским хозяйством и выпасом на горных пастбищах своих овец и коз. Область к югу от гор, перетекающая в Сахару, была вотчиной ведущих исключительно кочевой образ жизни скотоводческих племен, которые непрерывно перемещались по пустыне и степи, перегоняя стада верблюдов.

Коренные жители всей этой зоны назывались — и называются поныне — берберами. На приморской равнине берберская кровь смешалась с финикийской, греческой, итальянской, вандальской и испанской, однако в горах и пустынях по-прежнему жили почти исключительно чистокровные берберы.

Уже в исторические времена, примерно за 814 лет до Рождества Христова, финикийцы из Тира и Сидона, которых мы бы назвали ливанцами, основали город Карфаген. Финикийцы были моряками и торговцами, колонизировавшими все побережье Северной Африки, Испании и Сицилии. Они не пытались покорить берберов из внутренних районов. В 146 г. до н. э. после долгих войн Карфаген был уничтожен римлянами, а его земли аннексированы. В 14 г. до н. э. римский проконсул Северной Африки снова сделал Карфаген столицей провинции. В 439 г. после падения Западной Римской империи Карфаген был завоеван вандалами, варварским племенем из Северной Европы. Под владычеством вандалов он оставался до тех пор, пока в 553 г., при императоре Юстиниане, не был отвоеван византийцами

¹ Не считая Китая, лежащего вне рассматриваемой нами сферы.

под командованием знаменитого Велизария. Он оставался столицей византийских провинций в Африке, пока, как мы скоро узнаем, его не разрушили арабы.

Как правило, войны Карфагена, Рима и Византии шли на прибрежных равнинах, а атласские берберы оставались фактически независимыми. Однако они были воинственным народом и поставляли наемников в армии империй, поочередно захватывавших контроль над побережьем. Несомненно, многие берберы получили образование в приморских городах и восприняли обычаи и культуру Средиземноморья, однако племена Атласа и Сахары остались неподвластны изменениям, оказывая ожесточенное сопротивление любым попыткам покорить их.

* * *

Не успели арабы завоевать Египет, как осенью 642 г. двинулись на запад и заняли Барку¹. В 643 г. они захватили Триполи, но, разграбив город, снова отступили к Барке. В 647 г. они вернулись и в сражении при Субайтале в Южном Тунисе разбили Григория, византийского наместника Карфагена². Однако, не справившись с осадой византийской береговой крепости, арабский военачальник, которого от основной базы в Египте уже отделяло расстояние в тысячу семьсот миль, не смог удержать страну. Он вернулся в Барку, унося добычу, а византийцы по-прежнему контролировали провинцию из своей столицы в Карфагене.

Тем не менее авторитет Византии уже пошатнулся, значительная часть провинции Африка перешла в руки арабов, города были разграблены, а их жители угнаны в рабство. К тому же мусульмане отступили по собственной воле, а империя уже показала свою неспособность защищать свои владения.

Без сомнения, последовали бы новые набеги, если бы гражданская война между Али и Муавией на время не остановила арабскую экспансию. Действительно, новая арабская

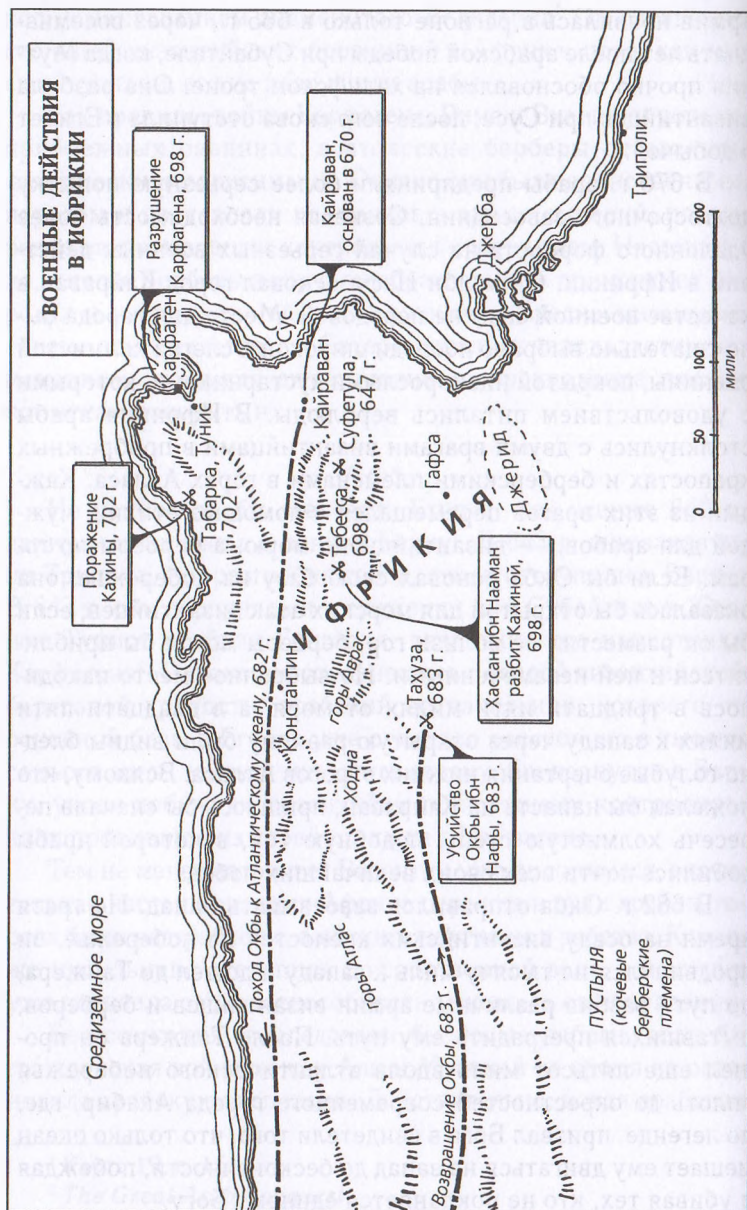
¹ Карта 19, с. 151.

² *The Great Arab Conquest.*

армия появилась в регионе только в 665 г., через восемнадцать лет после арабской победы при Субайтале, когда Муавия прочно обосновался на халифском троне. Она разбила византийцев при Сусе, после чего снова отступила в Египет с добычей.

В 670 г. арабы предприняли более серьезную попытку долгосрочного завоевания. Сознвая необходимость более удаленного форпоста на случай серьезных военных действий в Ифрикии, Окба ибн Нафи основал город Кайраван в качестве военной базы на передовой. Место для города было тщательно выбрано посреди широкой и слегка холмистой равнины, покрытой низкорослыми кустарниками, которыми с удовольствием питались верблюды. В Ифрикии арабы столкнулись с двумя врагами византийцами в прибрежных крепостях и берберскими племенами в горах Атласа. Каждый из этих врагов перемещался с помощью стихии, чуждой для арабов, — византийцы по морю, а берберы по горам. Если бы Окба основал свою базу на побережье, она оказалась бы открытой для морских атак византийцев; если бы он разместил ее вблизи гор, берберы могли бы приблизиться к ней незамеченными. Но выбранное место находилось в тридцати пяти милях от моря, а в двадцати пяти милях к западу через открытую равнину были видны бледно-голубые очертания нижних отрогов Атласа. Всякому, кто пожелал бы напасть на Кайраван, пришлось бы сначала пересечь холмистую степь, подобную той, в которой арабы добились почти всех своих величайших побед.

В 682 г. Окба отправился завоевывать Запад. Не трата время на осаду византийских крепостей на побережье, он продвинулся на тысячу миль к западу и дошел до Танжера, по пути разбив различные армии византийцев и берберов, пытавшихся преградить ему путь. После Танжера он прошел еще пятьсот миль вдоль атлантического побережья вплоть до окрестностей современного города Акабир, где, по легенде, призвал Бога в свидетели того, что только океан мешает ему двигаться на запад до бесконечности, побеждая и убивая тех, кто не поклоняется единому Богу.

В 683 г., возвращаясь на восток через горы Атласа, он опрометчиво разделил свою армию на несколько частей, а сам в сопровождении всего трехсот всадников отправился в Атласские горы, в самое сердце страны берберов. Здесь он попал в засаду и подвергся нападению многократно превосходящих сил берберов. Окба вместе со всей своей свитой пал в бою при Тахузе. В настоящее время он почитается как святой, а его гробница является местом паломничества для потомков тех самых берберов, которые сражались с ним с такой решимостью.

После его поражения и гибели арабы отказались от всех своих завоеваний и снова отступили в Барку. Победоносные берберы заняли арабскую базу в Кайраване. В этом же самом 683 г. умер халиф Йазид, и арабы вступили в новый долгий период гражданских войн, включая восстания шиитов, хариджитов, Мухтара и Абдаллаха ибн Зубайра.

Тем не менее в 686 г. в Ифрикии снова появилась арабская рать под командованием Зубайра ибн Кайса и разгромила византийско-берберскую армию на равнине Кайравана. Однако можно полагать, что у Зубайра было слишком мало сил, чтобы закрепиться в Кайраване, потому что после своей Пирровой победы он снова отступил в Барку.

Только в 695 г., через двенадцать лет после поражения и смерти Окбы, халиф Абд ал-Малик счел себя достаточно сильным, чтобы возобновить наступательную политику в Африке. В этом году Хассан¹ ибн Нааман во главе большой армии не только вторгся в Ифрикию, но и взял Карфаген приступом. Полагая, что тем самым вывел византийцев из игры, он двинулся на берберов Атласа. Однако византийский император Леонтий ответил с неожиданной энергией,

Карта 18

Военные действия в Ифрикии.

¹ Ударение падает на второй слог — Хассан. Это имя следует отличать от Хасан, в котором оба слога краткие.

у Карфагена появился византийский флот и отвоевал город, пока Хассан ибн Нааман отсутствовал в Атласских горах. Правда, закрепить этот успех византийцам оказалось не по силам. Византийский гарнизон был оставлен без подкреплений и поставок продовольствия, и в 698 г. Хассан снова захватил Карфаген и, как это сделали римляне за восемьсот сорок четыре года до него, сровнял город с землей. Карфаген, один из величайших городов мира, история которого насчитывала полторы тысячи лет, так никогда и не был восстановлен. С падением столицы были покинуты все остальные византийские крепости кроме Сеуты на западе, которая оставалась единственным плацдармом, сохранившимся у императора в Африке.

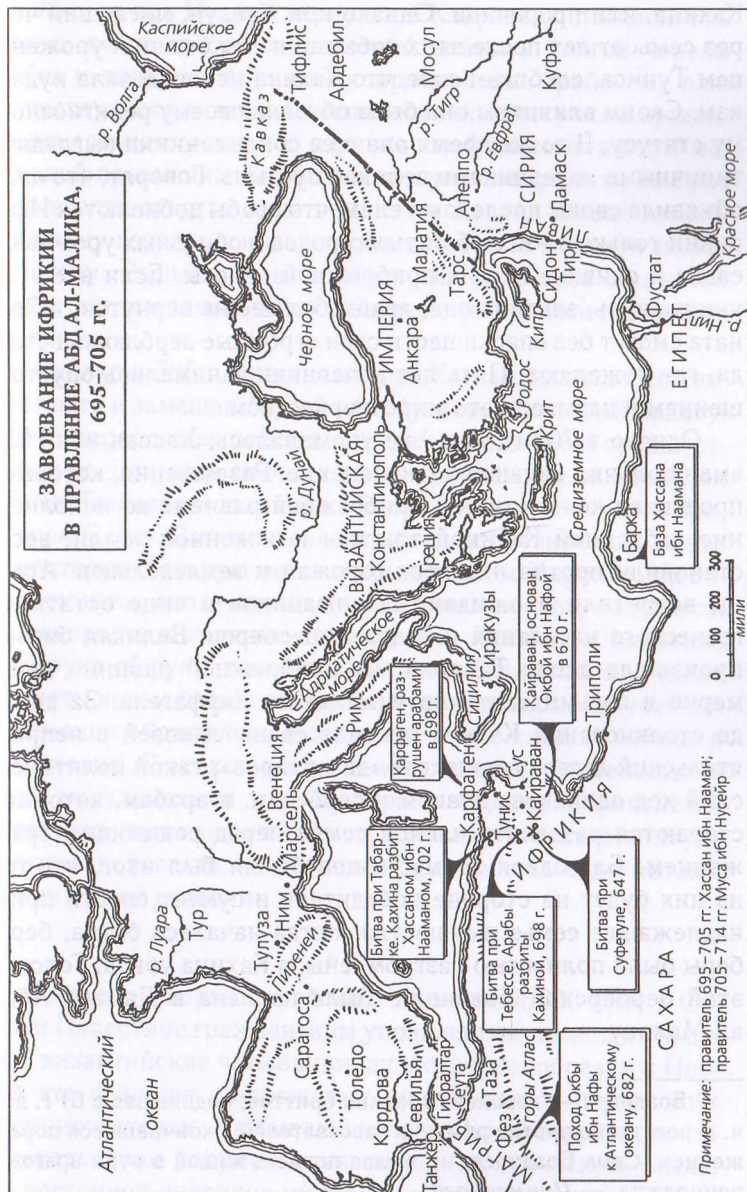
Между тем в положении берберов произошла поразительная перемена. До сих пор берберы, которые выдворяли арабов, были горцами — земледельцами и овцеводами с вершин Атласа. Неожиданно на сцене появилось кочевое берберское племя Зената, разводившее верблюдов в пустынных степях к югу от Атласа. Оно пересекло прибрежные равнины Ифрикии и нанесло арабским завоевателям серьезное поражение при Тебессе, в сотне миль к западу от Кайравана. Хассану не без труда удалось собрать свои разрозненные силы в Барке, бросив все завоеванные земли. С того момента, когда арабы впервые захватили Барку в 642 г., прошло более пятидесяти лет, и после нескончаемой череды побед и поражений они снова очутились там, откуда начали полвека назад. Но Абд ал-Малик в далеком Дамаске теперь находился на вершине своей власти. В 702 г. он направил на помощь Хассану ибн Нааману мощную армию и приказал перейти в наступление.

Кочевники-берберы, пять лет назад выбившие арабов из Ифрикии, признавали над собой власть женщины, имя которой нам неизвестно, но которая вошла в историю как

Карта 19

*Завоевание Ифрикии в правление Абд ал-Малика,
695–705 гг.*

Кахина, или пророчица. Однако ибн Халдун, писавший через семьсот лет после этих событий и сам бывший уроженцем Туниса, сообщает нам, что Кахина исповедовала иудаизм. Своим влиянием она была обязана своему религиозному статусу. В то же время она и ее соплеменники выглядят типичными кочевниками великих пустынь. Говорят, что она объявила своим последователям, что арабы добиваются Ифрикии только из-за ее богатых городов и обильных урожаев, садов и оливковых рощ прибрежной полосы. Если все это уничтожить, заявила она, арабы больше не вернутся, и Зената смогут без опаски пасти свои огромные верблюжьи стада, где пожелают. Пять лет кочевники занимались опустошением и называли это миротворчеством.

Однако в 702 г., как уже упоминалось, Хассан ибн Нааман получил сильное подкрепление. Разрушения, которые произвели кочевники на прибрежной равнине во исполнение избранной Кахиной тактики выжженной земли, восстановили против них всех горожан и земледельцев. Арабы встретили неожиданных союзников в лице остатков греческого населения и оседлых берберов. Великая битва произошла около Табарки, на прибрежной равнине примерно в восьмидесяти пяти милях от Карфагена. За день до столкновения Кахина послала своих сыновей в неприятельский лагерь в качестве «дезертиров», такой политический ход одинаково знаком и берберам, и арабам, которые стараются разделить членов семьи перед решающим сражением. Благодаря этому, каков бы ни был итог, кто-то из них будет на стороне победителя и сумеет спасти принадлежащее семье имущество. Когда началась битва, берберы были полностью разгромлены, а Кахина убита. Голова этой берберской Боадицеи¹ была послана в Дамаск Абд ал-Малику.

¹ Боадицея — королева древних бриттов, поднявшая в 61 г. до н. э. восстание против римских завоевателей, окончившееся поражением. Сама Боадицея, не желая попасть живой в руки врагов, приняла яд. — *Примеч. ред.*

Хассан ибн Нааман вернулся в Кайраван с победой. Наконец, после шестидесятилетней войны и долгой череды побед и поражений, всякое сопротивление арабскому владычеству было подавлено, и наместник приступил к организации административной и финансовой системы в своей обширной провинции. Карфаген, как уже говорилось, был раз и навсегда стерт с лица земли, но Хассан нашел замену древнему городу, основав поселение Тунис в десяти милях к западу. Располагаясь на берегу лагуны, а не открытого моря, оно тем самым было защищено от прямого нападения с моря.

Однако в 705 г. или около того Хассан был снят со своего поста и замещен Мусой ибн Нусайром, который приступил к закреплению победы, которой добились его предшественники. Двигаясь сначала вдоль прибрежной равнины, он достиг Танжера и захватил его, хотя и не сумел взять приступом Сеуту. Затем он завоевал атлантическое побережье территории, которую мы сегодня называем Марокко. На обратном пути, снова проходя через равнины к югу от Атласа, он завершил покорение этой страны. Религия и политика шли рука об руку, и окончательная победа арабов убедила принять ислам большинство берберов, которые до того попеременно обращались и отпадали после каждой победы и поражения. С этих пор многие из них стали более пламенными мусульманами, чем сами арабы. Однако неприятие авторитетов часто побуждало их примкнуть к какой-нибудь еретической секте, чье учение расходилось с догматами официальной религии.

* * *

Со времен первых арабских завоеваний 630-х гг. в Сирии и Палестине гражданским управлением продолжали вести византийские чиновники; аналогичным образом в Персии эта функция по-прежнему принадлежала персидским администраторам. На бывшей византийской территории государственная документация велась на греческом языке, а в восточной половине империи — на персидском. Только

в период правления Абд ал-Малика были изданы указы о ведении всей документации на арабском. Он также стал первым халифом, выпустившим собственную монету, тогда как до этого времени законным платежным средством являлись византийские и персидские монеты. Основой византийской валюты являлся золотой солид. Золотой динар стал его арабским эквивалентом. Однако персы использовали серебряный дирхем, и арабы продолжили чеканить серебряные дирхемы того же образца. Таким образом, у арабов оказались две главные монеты, золотой динар и серебряный дирхем. При Абд ал-Малике динар равнялся десяти дирхемам. Позднее курс дирхема упал до двенадцати или даже пятнадцати за динар. Почти невозможно сопоставить покупательную способность этих монет с чем-либо из нашего современного мира — очень примерно мы можем предположить, что динар соответствует фунту стерлингов, а дирхем приблизительно двум шиллингам.

Налоги, взимаемые правительством Абд ал-Малика, основывались на принципах, заложенных самим Пророком и приведенных в систему Омаром ибн ал-Хаттабом. Основные налоги включали:

- А. Налог на бедных. Этот налог, введенный самим Мухаммадом, носил социальную окраску. Как правило, его собирали натурой, домашними животными или сельскохозяйственными продуктами, а затем распределяли среди бедняков. Уплата этого налога являлась существенным обязательством мусульманской веры.
- Б. Подушную подать, взимающуюся с немусульман, отношение к которым было терпимым. Этот налог, колебавшийся от одного до четырех динаров с головы, ежегодно уплачивал каждый взрослый мужчина.
- В. Поземельный налог. Для немусульман он также был тяжелее, чем для мусульман.
- Г. Выплаты, осуществлявшиеся по особым соглашениям, которые заключались, когда какой-то город или район капитулировал перед первыми арабскими завоевателями.
- Д. Пятую часть всей захваченной на войне добычи.

В соответствии с чрезвычайно простой и демократической системой, введенной самим Пророком, доход государства принадлежал всей общине мусульман и поровну распределялся между ними. При этом на правительственные затраты ничего не шло и в казне ничего не должно было оставаться. Очевидно, что управлять империей без денег в казне было невозможно, но первой обязанностью государства по-прежнему оставались ежегодные выплаты арабам на началах, введенных Омаром ибн ал-Хаттабом.

В период Абд ал-Малика государственное управление приобрело облик, не слишком отличающийся от современного. Делами управления занимались различные департаменты, называвшиеся *диванами*. Например, существовали департаменты финансов и армии, а также были заведены архивы, содержавшие копии всех государственных документов. Каждый департамент сохранял копии всей корреспонденции, которая из него исходила.

Хорошо организованная почтовая система с центром в Дамаске поддерживала сообщение с самыми удаленными форпостами империи. Смены лошадей ждали на всем протяжении дорог, расходившихся из Дамаска во все концы владений халифа. Для срочных сообщений использовались почтовые голуби.

Однако главной задачей почтовой службы была доставка не частных, а правительственных писем. Вызывает сомнение, занималась ли она вообще частными письмами, а если и так (как утверждает Масуди), то было ли это частью ее официальных обязанностей, любезностью в угоду друзьям или личной инициативой писмоносцев. В провинциях смотритель почтовой станции был одним из самых влиятельных чиновников, поскольку заведование гонцами он совмещал с агентурной деятельностью. Важной частью его работы была отправка в Дамаск секретных донесений обо всем, что происходило в его провинции. Таким образом, он служил полезным сдерживающим фактором для наместника и других высших чиновников. Шла ли речь об усилении шиитской агитации, растрате средств сборщиками поземельного

налога или покупке наместником новой наложницы, все становилось темой секретного донесения «почтмейстера». Оттенок современности всему этому придает тот факт, что «почтмейстерам» предписывалось составлять отдельный доклад по каждому предмету, чтобы по получении в Дамаске каждый можно было направить в соответствующий департамент¹.

Абд ал-Малик проявлял личный интерес к управлению империей. Однажды, получив донесение о том, что некий наместник провинции имеет обыкновение принимать подарки, халиф вызвал его в Дамаск и, когда его привели, напрямик спросил: «Принял ли ты хоть один подарок, с тех пор как стал наместником?» — «О Повелитель правоверных, — ответил чиновник, — ваши владения процветают, и налоги текут рекой, ваши подданные живут в покое и удобстве». — «Отвечай на мой вопрос, — строго прервал его халиф, — принял ли ты хоть один подарок, с тех пор как стал наместником?» — «Ну, да», — признался несчастный. «Ты обманул наше доверие», — перебил Абд ал-Малик, прекращая дальнейший разговор. Затем он отдал приказ о немедленном отстранении этого человека от дел.

О смешении арабских завоевателей с коренным населением Ирака уже упоминалось. В Сирии происходил аналогичный процесс. Структура общества, какой ее видели первые завоеватели, предполагала, что арабы-мусульмане в ней будут сохранять обособленность, образуя имперскую аристократию и живя в крупных военных городах. Их единственной обязанностью должны были стать война и управление, а государство обязывалось выплачивать каждому из них жалованье. По сравнению с коренными жителями этих густонаселенных провинций количество чистокровных арабов было чрезвычайно мало. Так, около 700 г. количество арабов-мусульман, получающих государственное жалованье в провинции Дамаск, составляло 45 000, в то время как в провинции Хомс их насчитывалось лишь

¹ Von Kremer. *The Orient under the Caliphs*.

20 000¹. В правление Абд ал-Малика жители Сирии в большинстве своем все еще были христианами. К тому же почти все арабы разместились в крупных городах или же, напротив, по-прежнему кочевали по пустыне. Как и в Ираке, крестьяне и сельскохозяйственные работники были в основном местными жителями, и в аграрные районы арабские завоевания едва ли принесли какие-то изменения.

Самые глубокие социальные перемены периода, когда в Дамаске правили бану Омейя, были связаны с огромными масштабами практиковавшегося тогда рабства. Главным источником рабов были военнопленные. После каждой кампании в рабство продавались многие тысячи, иногда десятки тысяч пленников. Вскоре влиятельные арабские вожди имели по несколько сотен рабов. Зубайр, отец Абдаллаха ибн Зубайра, по смерти завещал сыну тысячу рабов и рабынь. Сам Пророк сказал, что освобождение раба заслуживает похвалы, и в результате тысячи этих иноземных пленников стали вольноотпущенниками. В период правления в Дамаске клана бану Омейя мы все чаще и чаще встречаем упоминания о том, что вольноотпущенники выполняют конфиденциальные поручения своих хозяев или сражаются в составе их свиты. Как мы видели, одной из главных жалоб арабских вождей Куфы на Мухтара было то, что он зачислял в свою армию их вольноотпущенников и рабов, тем самым выводя их из-под контроля владельцев. Дело в том, что обычно вольноотпущенник оставался на службе у своего бывшего хозяина в качестве телохранителя и иногда — доверенного секретаря. Большинство из них принимало ислам.

В правление первых халифов из клана бану Омейя практически не делалось попыток обращения в ислам коренного населения, для чего было две причины. Во-первых, со времен первых завоеваний было заведено, чтобы немусульмане платили иные и более высокие налоги, чем мусульмане. Следовательно, всеобщее обращение в ислам должно было привести к тому, что государственная казна лишилась бы

¹ Hitti. *History of the Arabs*.

значительных поступлений. За первые двадцать лет после завоевания доход Египта, где люди проявляли большую готовность к принятию ислама, чем в любой другой завоеванной стране, упал более чем вдвое. Вторая причина, по которой арабы не слишком стремились обратить покоренные народы, заключалась в том, что теоретически все мусульмане равны. Однако арабы были завоевателями, предпочитавшими взирать на египтян, сирийцев и персов, как на низшую расу.

Но хотя арабы не стремились привлечь прозелитов в ислам, в среде покоренных народов неуклонно росла численность новообращенных среди вольноотпущенников и рабов, а также среди простого населения, которое видело в принятии ислама путь к социальному равенству с завоевателями. Однако на практике чистокровные арабские завоеватели ни в коем случае не спешили признать неофитов равными себе. Поэтому новообращенные образовали социальный класс, тщетно пытающийся добиться равенства со своими господами и испытывающий все большую неудовлетворенность.

* * *

Абд ал-Малик умер 8 октября 705 г. в возрасте шестидесяти лет. Он правил в Дамаске почти двадцать один год, но в течение первых семи лет его право на халифат оспаривалось Абдаллахом ибн Зубайром. Молодым человеком, когда Мерван, его отец, был наместником в Медине при Муавии I, Абд ал-Малик увлекся религиозными изысканиями и сумел отстоять свое мнение по вопросам, связанным с толкованием Корана и Сунны, перед лицом самых образованных богословов священных городов. Когда он стал дамасским халифом, земные дела, безусловно, заняли большую часть его времени, вытеснив религиозные занятия. Он был знатоком красноречия и, как говорят, ни разу не допустил грамматической ошибки в арабском. Как почти каждый Омейяд и большинство арабов, он был поэтом. Ему приписывают следующие стихи, которые он написал в старости и оплакивал в них тщету жизни.

Долго в мире печали и вздохов я жил,
В мире зла, что враждою меня окружил:
Мимолетно здесь счастье, уносится прочь,
Меркнет в памяти, словно ушедшая ночь.
Пусть бы власти халифа не дал мне Аллах,
Ненасытны сердца в золоченых дворцах.
Пусть бы голову я со смиреньем склонил.
И пустым наслаждением ум не пьянил.
Я хотел бы убогим отшельником стать
И весь мир за гробницу однажды отдать.

Арабские историки упрекают Абд ал-Малика за ту поддержку, которую он оказывал Хадджаджу. Омейяды одного за другим назначили в Ирак трех наместников, и все они оказались несдержанными, жестокими и деятельными. Первым стал Зийяд Сын-своего-отца, вторым — Убайдаллах сын Зийяда, явившийся виновником смерти Хусейна, а третьим — Хадджадж ибн Юсуф. В оправдание их методов легко было сослаться на непостоянство, страсть к мятежам и вероломство жителей Куфы, которые сначала поддерживали, а после убили Али ибн Аби Талиба и его сына Хусейна. Тем не менее мы не можем избавиться от впечатления, что если строгость и была необходима, то подобный тотальный террор опровергал собственную цель, побуждая жителей Куфы и Басры к новым восстаниям, которым в конце концов предстояло достичь своей высшей точки в свержении династии Омейядов. Глубокое сочувствие к бедным и слабым пронизывало собой всю арабскую ментальность, но когда речь шла об управлении, обнаруживался некоторый цинизм, предполагавший, что властвовать над людьми можно только с помощью силы и страха.

Однако труды арабских историков настолько противоречивы и полны предрассудков, что сделать окончательные выводы чрезвычайно трудно. Один выдающийся европейский востоковед оставил нам гораздо более лестную оценку Хадджаджа. «Зийяд Сын-своего-отца и Хадджадж, — пишет он, — были двумя великими наместниками Омейядов в Ираке. Оба видели в себе приверженцев законного

правительства и оправдали оказанное им доверие добросовестным исполнением своих обязанностей, не беспокоясь об общественном мнении. Хадджадж не уступал своему предшественнику. Его административные меры в отношении налогообложения и поощрения сельского хозяйства стали эпохальными. Его слово имело силу закона. Мужество не покидало его ни при каких обстоятельствах. Напротив, оно проявлялось в высшей степени. Он был твердым и иногда суровым, но никогда не был жестоким или скаредным. В вопросах жизни и смерти его совесть была чиста. Прочие преступления, в которых его обвиняли, были откровенным вымыслом и плодом злопыхательства»¹. Что касается достижений в административной сфере, Хадджадж восстановил многие ирригационные каналы, от которых зависела жизнь Ирака. Он также давал земледельцам государственные займы, как в наши дни делают аграрные банки. Когда он умер, то не оставил после себя ничего, кроме своего Корана, оружия и нескольких серебряных монет.

Несмотря на ранний интерес к религиозным размышлениям, Абд ал-Малик, став халифом Дамаска, скоро пристрастился к вину. Не был он равнодушен и к прекрасному полу и, говорят, находился под сильным влиянием своей жены Атики. В разговоре о женщинах он якобы сказал, что мужчина, «который желает рабыню для развлечения, пусть возьмет женщину из варварского народа, если женщина нужна ему для рождения детей, то пусть выберет персиянку, а если ему требуется служанка, то тогда лучше всего предпочесть гречанку». Это высказывание говорит о богатом выборе рабынь, в которых, видимо, не было никакого недостатка.

Однако, несмотря на обычай иметь наложниц, арабские женщины все еще пользовались достаточным влиянием. Согласно современному историку, евнухов начали заводить только в правление Валида II, внука Абд ал-Малика, в 743 г. Их доставляли в Дамаск из Византии. Затворничество женщин, по-видимому, вступило в силу только в аббасидский

¹ Профессор Веллхаузен. Я сократил оригинал.

период, сообразно с общей ориентацией на восточный образ жизни, о которой будет упоминаться в следующей главе.

При всем своем пристрастии к женщинам Абд ал-Малик вовсе не был плейбоем. Когда его спросили, кто лучший человек на земле, он якобы ответил: «Тот, кто скромнен, занимая высокое положение, благочестив, обладая влиянием, и справедлив, имея власть». Его обвиняли в скупости, возможно, только потому, что он следил за казной, вместо того, чтобы разбрасывать деньги пригоршнями в соответствии с традиционным идеалом арабского владыки.

Короче говоря, Абд ал-Малик был необыкновенно одаренным человеком, который порой казался религиозным, хорошо образованным, наделенным литературными вкусами и приятным в общении, а порой, когда под угрозой оказывалась безопасность его государства, безжалостным. В целом нельзя отказать ему в звании великого правителя, даже если мы откажем ему в любых притязаниях на нравственную высоту.

За год до смерти Абд ал-Малик распорядился о присяге на верность его сыну Валиду как законному наследнику. Его второй сын Сулейман был назначен наследником Валида. Последний принял халифат, не встречая сопротивления, 8 октября 705 г. по смерти своего отца.

Тихая река, проснись, ты слышишь?
Берег твой окрашен алой кровью.
Много благородных полководцев
Мимо берегов твоих зеленых,
Ивами заросших, проплывает.
И у самых вод твоих прозрачных,
У песков твоих, таких блестящих,
Бьются с маврами жестоко христиане.

Томас Перси.
Из старинной испанской баллады

Тарик дошел до лагуны Жанда, когда услышал, что на него надвигается король Родерих во главе большой армии. Тарик даже не подумал об отступлении; честолюбие, алчность и фанатизм гнали его вперед... Под его началом оказалась двенадцатитысячная армия. Это было немного по сравнению с войском Родериха, но на помощь мусульманам пришло предательство.

Дози.
Мусульмане в Испании

Глава VI

АНДАЛУС

Важные даты

Готское завоевание Испании	— 509 г.
Воцарение халифа Валида	— 8 октября 705 г.
Родерих становится королем готов	— 710 г.
Первый мусульманский набег на Испанию	— лето 710 г.
Вторжение Тарика	— апрель 711 г.
Битва при Вади ал-Бекке	— июль 711 г.
Вторжение Мусы в Испанию	— июнь 712 г.
Сдача Мерида	— июнь 713 г.
Отзыв Мусы	— 714 г.
Прибытие Мусы в Дамаск	— февраль 715 г.
Смерть халифа Валида	— 23 февраля 715 г.

Персоналии

Валид ибн Абд ал-Малик, халиф.

Муса ибн Нусейр, наместник Северной Африки и завоеватель Испании.

Родерих, король готов.

Юлиан, наместник Сеуты, предложивший Мусе завоевать Испанию.

Тарик ибн Зейяд, истинный завоеватель Испании.

Абд ал-Азиз, сын Мусы ибн Нусейра, убитый в Кордове.

Сулейман ибн Абд ал-Малик, наследник халифа Валида.

Несмотря на нескончаемые гражданские войны в первый период правления Абд ал-Малика, этот халиф проделал для империи огромную работу. Внутри империи установился мир, была реформирована административная система, все расчеты и записи отныне велись на арабском языке, государственная машина окрепла. Правда, в определенной степени это все было достигнуто благодаря росту деспотизма. Муавия, первый омейядский халиф, по своему поведению немногим отличался от традиционного арабского вождя, заседавшего вместе с гражданами, которые откровенно высказывали ему в лицо критику по поводу его действий. Абд ал-Малик стал первым халифом, который воспретил критику в свой адрес. Когда он давал аудиенцию, позади него стояли стражники с обнаженными мечами.

Второй преемник Пророка, Омар ибн ал-Хаттаб, узнав, что наместник Ирака имеет обыкновение затворять двери своего дома, послал ему приказание оставлять дверь открытой, чтобы люди в любое время имели доступ к своему правителю. Теперь дамасские халифы жили во дворцах под охраной солдат, управляющих и придворных чиновников. Следует согласиться, что в условиях огромной и цивилизованной империи практиковать демократичные методы первых халифов стало уже невозможно. Тем не менее Омар ибн ал-Хаттаб умер всего за сорок один год до того, как Абд ал-Малик пришел к власти. Таким образом, эта метаморфоза — по сути социальная революция — произошла чрезвычайно быстро. И Византия, и Персидская империя давно привыкли к единоличной деспотической власти, и арабы очень скоро испытали на себе влияние их традиций.

Стоит также отметить, что три из первых четырех халифов демократической поры были убиты, и этот факт извиняет некоторые меры безопасности. Однако главным основанием

для критики халифата является крайняя жестокость, с которой он подавлял каждое проявление инакомыслия. Расовые, религиозные и социальные проблемы были неизбежны, особенно в империи, завоеванной столь быстро и объединившей так много разных народов. Тем не менее каждое восстание подавлялось без всякого снисхождения.

В какой-то мере такую безжалостность можно связать с тем, что почти все эти восстания поддерживали какого-то конкурирующего претендента на халифат, а не стремились к достижению какой-либо политической цели. При этом пространство для чисто политических реформ во многом ограничивалось убежденностью в том, что все необходимое для управления людьми — как отдельными лицами, так и сообществами — уже содержится в Коране и Сунне. Тем не менее существовало немало недовольных людей и общественных прослоек. Не имея возможности открыто противостоять государственной системе, строящейся на велениях, исходящих якобы от самого Бога, обиженные выражали свое негодование, поддерживая соперника в борьбе за престол, поскольку Коран и Сунна позабыли изложить правила избрания преемников Пророка. Вследствие этого любые политические волнения облекались в форму противодействия лично халифу, и, возможно, именно это заставляло халифов прибегать к суровым репрессивным мерам.

Однако подобные методы, естественно, вызывали обиду и давали повод для междоусобиц и ненависти, которые продолжают до сих пор. Правда, исследователь арабской истории едва ли может избежать вывода о том, что хронической ошибкой, которую этот народ совершал на протяжении всей своей истории, было как раз слишком поспешное и безжалостное применение силы. Более того, не говоря уж о каких-то политических вопросах, эти методы привели к тому, что на полях сражений пали десятки тысяч отважнейших и благороднейших арабов, и именно тогда, когда их услуги были особенно нужны по-прежнему растущей империи. Однако в 705 г., когда Валид ибн Абд ал-Малик беспрепятственно унаследовал халифат, установился внутренний

мир, и арабские знамена снова начали наступление по всем границам.

Когда великий Мухаллаб ибн Аби Суфра умер в Хорасане, наместничество в этой провинции принял его сын Йазид. Теперь Хадджадж сместил Йазидов с его поста и посадил в тюрьму, обвинив в расточительности и злоупотреблении государственными средствами. Похоже, что вдобавок он заново разжег распрю между группировками Кайс и Йемен, между которыми Мухаллабу удавалось поддерживать равновесие. Мухаллаб был действительно великим правителем, не скупившимся на гостеприимство и покровительство. В эти давние дни отсутствие упорядоченной системы расчетов и аудита неизбежно приводило к значительной путанице между государственными и частными средствами, которыми распоряжались наместники провинций. Подобная финансовая неопределенность позволяла этим магнатам создавать целые группы облагодетельствованных людей, связанных с ними узами личной верности, за счет щедрой раздачи денег, которые, по нашим представлениям, в действительности принадлежали правительству. Правда, поднимая тем самым свой личный престиж, они получали возможность поддерживать внутренний порядок и расширять границы империи, поскольку дамаский халиф был слишком далеко, чтобы вызывать личную симпатию. Тем не менее, чтобы помешать этим влиятельным людям основать свои собственные династии — как они и стали делать через два столетия, когда халифы ослабели, — безусловно, имело смысл время от времени перемещать их с одного поста на другой.

Таким образом, смещение Йазидов с поста наместника, который занимал его отец Мухаллаб, вполне могло быть мудрым шагом со стороны Хадджаджа. Тем не менее принятая мера была, как обычно, слишком жестокой, поскольку Йазидов бросили в тюрьму без суда — и это привело к очередному восстанию.

Вместо Йазидов ибн Мухаллаба Хадджадж поручил управление Хорасаном Кутайбе ибн Муслиму. Новый кандидат в

полной мере оправдал свое избрание, проявив себя как чрезвычайно удачливый военачальник. Едва успев получить назначение, он во главе армии переправился через Окс и в череде успешных кампаний жестоко покарал всех, кто за годы гражданской войны выказывал враждебность к арабскому владычеству. После Окса он двинулся к Яксарту, о чем будет рассказано в следующей главе. В Южной Персии Мухаммад ибн Касим, родственник Хадджаджа, перевел армию через Меркан и в 708 г. начал войну с царем Синда.

На византийской границе события развивались в том же агрессивном ключе. Несколько крепостей было захвачено в ходе ежегодных летних набегов. Среди этих крепостей были довольно значимые Гераклея и Тувана за Тавром. Большинство походов на Византию возглавлял Маслама ибн Абд ал-Малик, брат Валида и замечательный воин. В 708 и 710 гг. он также ходил на хазар, живших к северу от Дербентского прохода¹, узкого ущелья на западном побережье Каспия.

Однако несмотря на то что на востоке ислам снова всеместно вел наступление, величайшим завоеванием царствования Валида стала Испания. Прежде чем приступить к описанию событий этой войны, нам необходимо проследить процессы, развернувшиеся в Европе с момента падения Западной Римской империи в 475 г. и до арабского вторжения в 711 г.

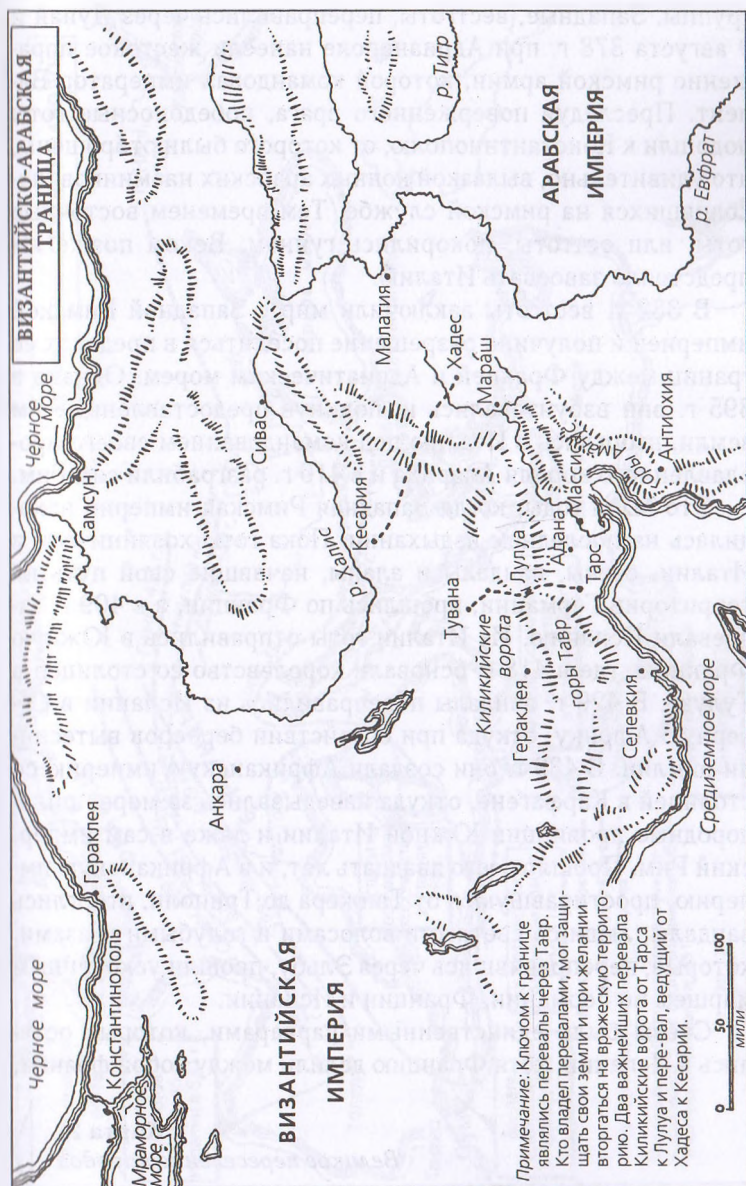
* * *

В середине IV в. (за три столетия до Мухаммада) на широком пространстве Восточной Европы от Польши до устья Дуная обосновался народ готов. В 377 г. на их восточные рубежи напали неистовые гунны, двигавшиеся на запад от китайских границ. После этого готы разделились на две

Карта 20

Византийско-арабская граница.

¹ Карта 7, с. 37.

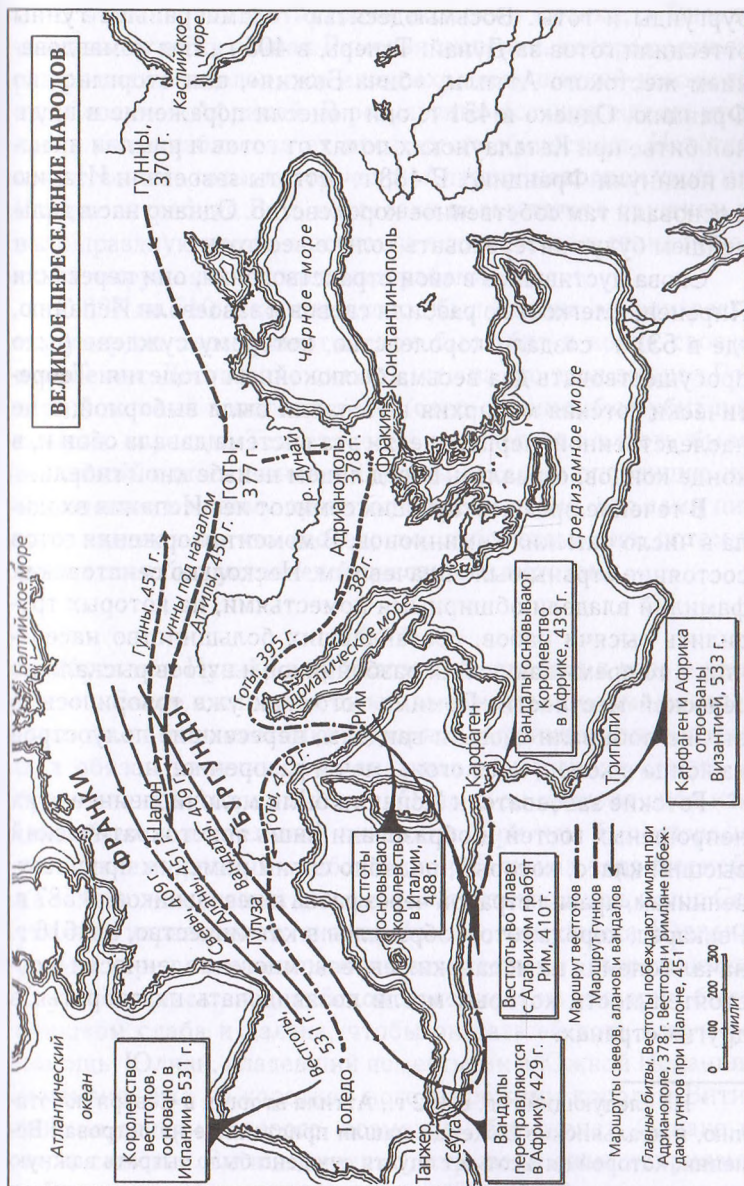
группы. Западные, вестготы, переправились через Дунай и 9 августа 378 г. при Адрианополе нанесли жестокое поражение римской армии, которой командовал император Валент. Преследуя поверженного врага, победоносные готы подошли к Константинополю, от которого были отброшены, что удивительно, вылазкой конных арабских наемников, находившихся на римской службе. Тем временем восточные готы, или остготы, покорились гуннам. Веком позже им предстояло завоевать Италию.

В 382 г. вестготы заключили мир с Западной Римской империей и получили разрешение поселиться в пределах ее границ между Фракией и Адриатическим морем. Однако в 395 г. они взбунтовались и, покинув предоставленные им земли, вторглись в Италию под командованием своего прославленного короля Алариха и в 410 г. разграбили сам Рим.

Это были годы, когда Западная Римская империя находилась на последнем издыхании. Пока готы хозяйничали в Италии, свевы, вандалы и аланы, начавшие свой путь на территории Германии, прошли по Франции, а в 409 г. завоевали Испанию. Из Италии готы отправились в Южную Францию, где в 418 г. основали королевство со столицей в Тулузе. В 429 г. вандалы переправились из Испании в Северную Африку, откуда при содействии берберов вытеснили римлян. В 439 г. они создали Африканскую империю со столицей в Карфагене, откуда наведывались за море, в плодородные провинции Южной Италии и даже в сам имперский Рим. Прошло всего двадцать лет, и в Африканскую империю, простиравшуюся от Танжера до Триполи, вторглись вандалы, люди со светлыми волосами и голубыми глазами, которые, переправившись через Эльбу, прошли ускоренным маршем по Германии, Франции и Испании.

Свевы были единственными варварами, которые остались в Испании, хотя Францию делили между собой франки,

бургунды и готы. Восьмьюдесятью годами раньше гунны оттеснили готов за Дунай. Теперь, в 405 г., под командованием жестокого Атилы, «бича Божия», они вторглись во Францию. Однако в 451 г. они понесли поражение в крупной битве при Каталаунских полях от готов и римлян и снова покинули Францию¹. В 488 г. остготы завоевали Италию и основали там собственное королевство. Однако нас в дальнейшем будут интересовать только вестготы.

Снова пустившись в свои странствования, они пересекли Пиренеи, с легкостью разбили свевов и завоевали Испанию, где в 531 г. создали королевство, которому суждено было просуществовать два весьма беспокойных столетия. Теоретически готская монархия в Испании была выборной, а не наследственной; периодически эта система давала сбои и, в конце концов, оказалась перед лицом неизбежной гибели.

В течение предшествующих семисот лет Испания входила в число римских доминионов. В момент вторжения готов состояние страны было плачевным. Несколько сенаторских фамилий владели обширными поместьями, на которых трудились тысячи рабов, составлявших большинство населения, в то время как шайки разбойников и изгоев рыскали по сельской местности. Помимо того, как уже говорилось, в стране побывали свевы и вандалы, пересекшие полуостров из конца в конец, неся огонь, меч и разорение.

Готские завоеватели Испании были малочисленнее этих непрошенных гостей и образовали лишь аристократический высший класс, который, подобно своим римским предшественникам, правил страной через рабов и невольников. В 587 г. Реккаред, король готов, обратился в католичество, а в 616 г. начал гонения на испанских евреев, многочисленности и состоятельности которых могли позавидовать их собратья в других странах.

¹ На следующий год, в 452 г., Атила вторгся в Северную Италию, и итальянские беженцы нашли пристанище на островах Венеции, которой пятьсот лет спустя суждено было сыграть важную роль в истории Арабской империи.

В этот период во Франции ослабели франки, а Византийская, или Восточная Римская империя, которая успела разгромить вандалов, все еще сохраняла шаткий контроль над Северной Африкой. В результате Испания еще на столетие была избавлена от иноземного нашествия. Некогда воинственные готы, которые при Аларихе наводили ужас на Италию и грабили Рим, перестали пользоваться оружием и вели праздную жизнь в роскоши и довольстве в своих поместьях, окруженные усердными рабами.

С 697 по 710 г. королем готов был Витица, но неизвестно, умер он своей смертью или был убит в конце своего правления. Достаточно сказать, что на его трон взошел Родерих, готский аристократ, чей отец, видимо, был убит покойным королем. Теоретически королевская власть была выборной, однако сыновья Витицы встали в оппозицию по отношению к новому правителю либо потому, что сами питали надежды на это наследство, либо, возможно, потому, что их отец был устранен бесчестными методами.

* * *

Муса ибн Нусайр в прошлом был замешан в дело о расстрате в Басре и лишился своей должности. Своим назначением на пост наместника Северной Африки он, вероятно, был обязан влиянию Абд ал-Азиза, наместника Египта и брата халифа Абд ал-Малика. Однако он проявил себя как способный и деятельный чиновник. При нем был впервые установлен прочный арабский контроль над территорией, на западе доходившей до самой Атлантики. Лишь город Сеута под управлением византийского наместника Юлиана устоял перед всеми попытками завладеть им. Теоретически Сеута являлась византийской колонией, но империя была слишком слаба и далека, чтобы оказать ей хоть какую-то помощь. Юлиан, владевший поместьями в Южной Испании, очевидно, был на короткой ноге с прежним королем Витицей, на дочери которого, возможно, был женат. Однако и он, и сыновья Витицы, видимо, скрывали свою неприязнь к Родериху. По преданию, дочь Юлиана (которая могла

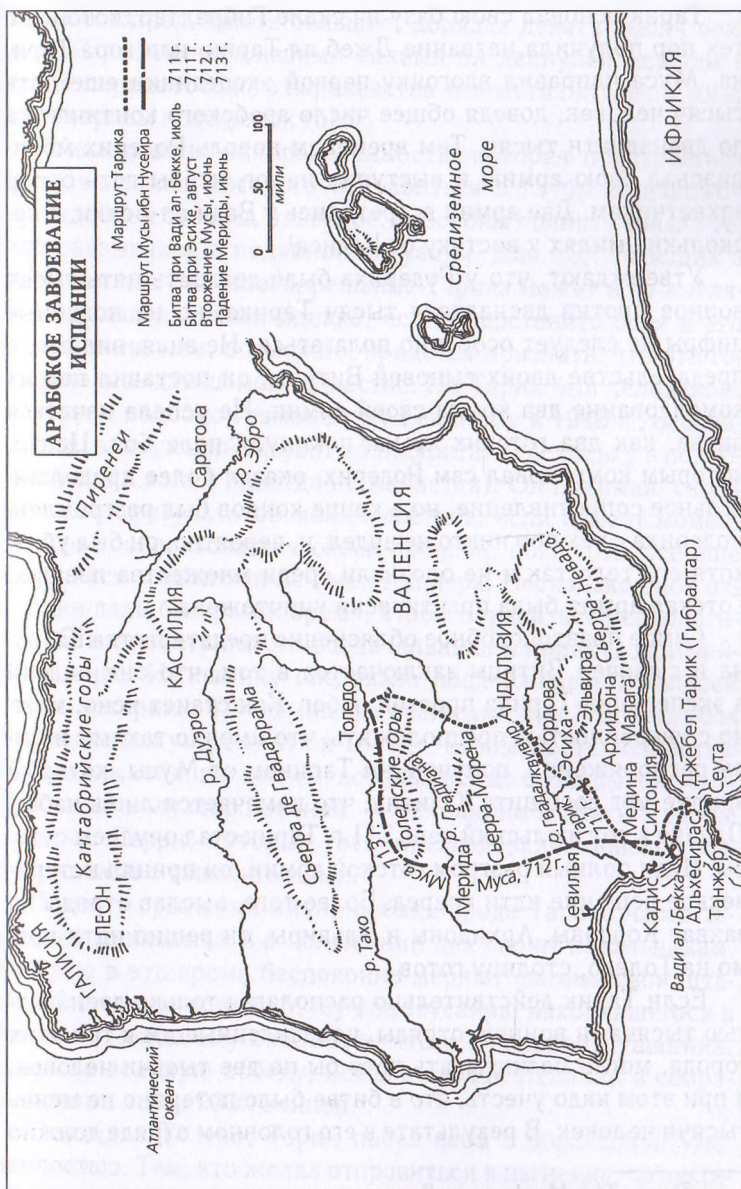
приходиться племянницей сыновьям Витицы, если жена Юлиана и впрямь была дочерью покойного короля) находилась при дворе короля Родериха, который, будучи поражен ее красотой, соблазнил ее.

Какова бы ни была причина, Юлиан, который прежде энергично отражал арабский натиск на Сеуту, неожиданно вступил в переписку с Мусой ибн Нусайром и предложил тому вторгнуться вдвоем в Испанию, обещая дать суда для переправы мусульман через пролив. Муса сообщил об этих заигрываниях Валиду, но халиф с сомнением ответил, что это предприятие выглядит слишком опасным. Однако он санкционировал разведку боем.

В результате в июле 710 г. Муса откомандировал в Испанию подразделение из четырехсот человек и сотни лошадей на кораблях, предоставленных Юлианом. Отряд высадился у Альхесираса, разграбил близлежащие деревни и вернулся в Африку. Воодушевленный успехом этого набега, Муса ибн Нусайр в апреле 711 г. отправил в Испанию семь тысяч воинов под командованием своего берберского вольноотпущенника Тарика ибн Зийяда. Большая часть этого войска состояла из берберов. Арабам понадобилось шестьдесят лет, чтобы завоевать Северную Африку, и теперь наконец все берберы были покорены и исповедовали ислам. Но как долго мог оставаться в послушании столь воинственный народ? Возможно ли, что Муса ибн Нусайр рассматривал набеги на Испанию лишь как удачный выход для воинственной энергии берберов, а не как возможность присоединить к империи новую обширную территорию? По крайней мере, такое предположение может объяснить, почему экспедиционный корпус состоял из такого количества берберов и, что еще поразительнее, был поставлен под командование берберского военачальника.

Карта 22

Арабское завоевание Испании.

Тарик основал свою базу на скале Гибралтар, которая с тех пор получила название Джеб ал-Тарик, или гора Тарика. Муса направил вдогонку первой экспедиции еще пять тысяч человек, доведя общее число арабского контингента до двенадцати тысяч. Тем временем король Родерих мобилизовал свою армию и выступил на юг, чтобы дать отпор захватчикам. Две армии встретились у Вади ал-Бекки, в нескольких милях к востоку от Кадиса¹.

Утверждают, что у Родериха было двадцать пять тысяч воинов против двенадцати тысяч Тарика, но на подобные цифры не следует особенно полагаться. Не зная, видимо, о предательстве двоих сыновей Витицы, он поставил под их командование два крыла своей армии. Не успела начаться битва, как два готских крыла покинули поле боя. Центр, которым командовал сам Родерих, оказал более продолжительное сопротивление, но в конце концов был разгромлен. Родериха с тех пор никто не видел, и, вероятно, он был убит, хотя его тело так и не опознали среди множества павших. Готская армия была практически уничтожена.

Самое правдоподобное объяснение предательства Юлиана и сыновей Витицы заключается в том, что они видели в экспедиции Тарика простой набег. Как станет ясно, можно с уверенностью предположить, что именно такими и были распоряжения, полученные Тариком от Мусы, который вполне мог сообщить Юлиану, что намечается лишь набег. Однако в тот июльский день 711 г. Тарик стал орудием судьбы. Видя полный разгром готской армии, он принял историческое решение идти вперед. Более того, выслав отряды на захват Кордовы, Архидоны и Эльвиры, он решил идти прямо на Толедо, столицу готов.

Если Тарик действительно располагал только двенадцатью тысячами воинов, отряды, направленные им в три этих города, могли насчитывать хотя бы по две тысячи человек, и при этом надо учесть, что в битве было потеряно не менее тысячи человек. В результате в его головном отряде должно

¹ Dozy. *The Moslems in Spain*.

было остаться, самое большее, порядка девяти тысяч воинов. С этими небольшими силами он двинулся маршем в самое сердце готского королевства за двести пятьдесят миль через гряды неведомых гор.

Ужасающую неопределенность, которая подстерегает военачальника, готового отправиться в глубь незнакомой враждебной страны, наверное, способны оценить только те, кто оказывался в подобной ситуации. Для нас, знающих о том, чем все кончилось, решение Тарика может и не выглядеть драматическим, однако, если представить себя в его положении, нам, возможно, придется признать, что это говорило о выдающемся мужестве. Но Тарик был человеком, который, подобно германскому Генштабу в 1940 г., осознавал парализующий эффект «блицкрига» (поскольку в подобных вещах война никогда не меняется). Он понимал, сколь огромных результатов может достичь, если сумеет моментально воспользоваться своей победой, пока готы все еще находятся в панике и не имеют лидера. Несколько дней отсрочки дали бы врагам время, чтобы оправиться психологически, назначить нового военачальника и принять дальнейшие меры. Их панику следовало поддерживать в высшей точке истерики. После нового сражения при Эсихе он без промедления устремился к Толедо. Его дерзость полностью оправдала себя, поскольку, добравшись до столицы, он обнаружил ее полузаброшенной — чиновники и знать в ужасе бежали. Евреи, которых готы преследовали, повсюду сотрудились с завоевателями.

В пылу сражения лихие рубаки вроде Тарика часто забывают докладывать о положении дел своим начальникам, которые в это время беспокойно меряют шагами свои штабы. Мы можем понять Мусу ибн Нусайра, находившегося в Танжере, когда ему сообщили, что его вольноотпущенник, одержав великую победу, исчез в сердце Испании в сопровождении всего 9000 воинов.

Завладев Толедо, Тарик повел себя с образцовой умеренностью. Тем, кто желал отправиться в изгнание, позволили это сделать, забрав с собой движимое имущество. Сыно-

вья Витицы были награждены за свое предательство землями готской короны, на которых находилось более трех тысяч хозяйств. Для христианского богослужения был выделен ряд церквей, епископам и священникам было позволено по-прежнему исполнять свои обязанности. Обосновавшись в Толедо, Тарик затем приступил к усмирению северных провинций — Кастилии и Леона.

Следующим летом, в июне 712 г., сам Муса ибн Нусайр переправился через пролив, оставив наместником Северной Африки своего старшего сына Абдаллаха. Его армия состояла из 18 000 воинов, в большинстве своем арабов, включая многих знатных курайшитов и потомков сподвижников Пророка. Муса принял капитуляцию Медины Сидонии, но жители Севильи сопротивлялись с большей решимостью. Однако пальму первенства следует отдать Мериде, осада которой продолжалась несколько месяцев, и мусульманской армии пришлось заплатить за нее жизнями многих мучеников. Семью веками раньше именно в этой римской колонии поселились ветераны из легионов Августа.

Шестьдесят лет назад, в ходе великих арабских завоеваний, арабы были непобедимы на полях сражений, но самой ничтожной городской стены было достаточно, чтобы отразить их натиск. Однако теперь они усвоили вполне научные подходы к ведению войны. Они возводили деревянные башни, открывавшие обзор поверх городских стен, и прилежно продвигали их вперед на катках, пока не получали возможность обстреливать город с близкого расстояния. Катапульти забрасывали город огромными камнями, а пристальное наблюдение не давало подвозить продовольствие и препятствовало прибытию подкрепления из окрестностей. Мужественная оборона Мерида подчеркивает огромную ценность принятого Тариком решения воспользоваться своей победой, пока первая паника готов еще сковывала их сопротивление. Если бы он действительно задержался, чтобы известить Мусу, у защитников хватило бы времени восстановить равновесие, и тогда каждый город мог бы стать Меридой.

Перед лицом голода город, в конце концов, договорился о почетной капитуляции. Жителям было позволено выбрать между добровольным изгнанием и уплатой дани. Церкви поделили между мусульманами и христианами, а земли и имущество убитых или убывших захватили в качестве трофея правоверных. Мерида сдалась 1 июня 713 г., через год после высадки Мусы в Испании. Непонятно, почему в течение этого года Тарик, чья штаб-квартира находилась в Толедо, всего в ста пятидесяти милях от Мерида, не присылал сообщений своему начальнику.

Приняв капитуляцию Мерида, Муса направился в Толедо. Тарик вышел ему навстречу, однако был сурово принят своим хозяином, который сделал ему строгий выговор, приказал арестовать и, вероятно, даже велел его высечь. Большинство западных историков, кажется, обходят этот эпизод стороной, замечая, что, очевидно, Муса завидовал успеху своего подчиненного. Однако образ мысли тогдашних арабов кое в чем настолько отличался от нашего, что, возможно, нам следовало бы повременить с его оценкой. Тарик, по-видимому, был берберским подданным Мусы, возможно, бывшим рабом, отпущенным им на свободу.

Соответственно представлениям того времени, вольноотпущенник обязан был остаться преданным тому, кто даровал ему свободу. В бесчисленных повествованиях о тогдашних сражениях мы встречаем арабских аристократов, которых в бою окружают молодые тюркские, персидские или берберские вольноотпущенники, которые снова и снова отдают жизнь, защищая своего хозяина на поле брани. Поэтому Муса, наверное, рассматривал Тарика как человека, всем ему обязанного, чьим долгом было умереть за хозяина в смиренном самопожертвовании. И правда, подобное смешение между личной службой и официальной обязанностью проходит через всю историю арабских стран. Влиятельный человек продвигал тех, кому доверял, а кому он мог доверять больше, чем собственным домашним слугам? Более того, данное соображение помогает понять не менее удивительный факт — после такого наказания Муса снова поручил

Тарику командование важными операциями. Поскольку Муса, без сомнения, расценивал этого бербера не как подначального армейского офицера, а как домашнего слугу, которому необходимо указывать его место, но который, покорно приняв наказание, оставался неотъемлемым членом его семьи.

Этот вопрос подводит нас к проблеме семейственности, которая так часто становится причиной недопонимания. Примечательно, что каждый раз, когда выдающийся араб назначался халифом на независимый пост, он тут же расставлял по нижестоящим должностям своих сыновей, братьев или вольноотпущенников. Когда Убайдаллах ибн Зийяд был наместником Ирака и Персии, его братья стали наместниками персидских провинций. Когда Мухаллаб сделался наместником Хорасана, его сыновья заняли следующие по значению посты. Когда сам Муса переправился в Испанию, он оставил наместником Северной Африки своего старшего сына. Эти примеры можно перечислять без конца.

Подобная система была настолько всеобщей и открытой, что ее нельзя считать чем-то постыдным. Действительно, в том состоянии общества, когда нечестность не была чем-то необычным, а восстания происходили сравнительно часто, такая система обладала определенными преимуществами. Наместнику далекого Хорасана или Северной Африки неизбежно приходилось обходиться собственными силами. Время, которое требовалось для получения из Дамаска распоряжений и тем паче подкрепления, было непомерно большим. Поэтому, когда халиф поручал попечение о какой-то отдаленной провинции надежному наместнику, он ожидал от него, что тот сам позаботится о своем штате, составив его из людей, которым сможет полностью доверять. Естественно, при прочных семейных связях, бытовавших у арабов, такими людьми чаще всего являлись ближайшие родственники, вольноотпущенники и рабы наместника, за послушание которых был в ответе он один, как глава их семейства, а не правительства.

В то время как Муса и Тарик были заняты покорением Северной Испании, старший сын наместника, Абд ал-Азиз ибн Муса, был занят наведением порядка на юге. Здесь, в апреле 713 г. (пока Муса все еще осаждал Мериду), он заключил соглашение с Теодемиром, готским аристократом, владевшим этой частью страны, чье имя арабы сократили до Тадмира. Условия договора гласили, что Тадмир сохранит власть над своим княжеством и никакого вреда не будет причинено жизни, имуществу, женщинам и детям, религии и церквям христиан. Далее, Тадмир обязался предоставить семь городов арабским гарнизонам и не помогать врагам халифа, а, напротив, сообщать об их намерениях. Он был обязан выплачивать подушную подать в размере одной золотой монеты за каждого благородного и половины монеты за простолюдина, причем обложению подлежали только взрослые мужчины. Ему также предписывалось поставлять пшеницу, ячмень, мед и масло для обеспечения мусульманских гарнизонов. Эти условия очень напоминали те, которые предоставлялись пятьдесят или шестьдесят лет назад, во время первых завоеваний Сирии, Ирака и Персии.

Остальная часть Испании сдалась без особого сопротивления. Такому исходу способствовало еще одно обстоятельство, которое повсеместно отличало арабскую политику. Все те, кто добровольно вступали в переговоры, как это было в случае Тадмира, капитулировали на великодушных условиях, но те, кто покорялись силе, не имели никаких прав; их самих, их жен и детей продавали в рабство, а имущество распределяли между мусульманами. Следовательно, если только не было большой вероятности одержать окончательную победу — а оснований для подобной надежды в Испании, похоже, уже не было, — куда мудрее было договариваться о сдаче, чем сражаться до последней капли крови. Поэтому, за исключением гористых районов Галисии, остальная часть современной Испании и Португалии была успешно покорена через год с момента сдачи Мериды.

Европейские писатели часто любят утверждать, что арабы не имели других представлений о политике, кроме племенной вражды, и надо признать, что многое из их истории в период Омейядов, похоже, подтверждает подобные критические выпады. Тем не менее мы вынуждены также признать чрезвычайную широту и мудрость, которую они, как завоеватели, проявили в своей политике, превзойдя в этом великие державы нашего времени, настаивавшие на безоговорочной капитуляции после обеих мировых войн. Действительно, именно в роли завоевателей древние арабы достигли самых больших высот. Их необыкновенная отвага и смелость в бою, великодушные условия, предлагаемых ими всем сдавшимся, и честность, с которой эти условия соблюдались, могли бы послужить примером множеству современных государств. Только после окончания завоеваний, когда арабы получили возможность наслаждаться богатством, роскошью и безопасностью, их нравственные устои начали стремительно рушиться.

Муса теснил последних христиан, которые все еще не сложили оружия, в диких горах Галисии, когда летом 714 г. получил от халифа Валида ультимативный приказ немедленно явиться в Дамаск с официальным рапортом. Тарик, очевидно, получил такой же вызов.

Преступление, совершенное Мусой, было куда страшнее жестокости или несправедливости — он добился слишком большого успеха и приобрел слишком большое влияние. Как наместник Северной Африки от Триполи до Марокко и завоеватель Андалуса — такое название арабы дали всей подвластной им части Испании, — он контролировал территорию, по величине почти такую же, какая находилась в руках его господина, — от Египта до Индии. Если бы он пожелал, он вполне мог бы добиться независимости от Дамасского халифата. Кажется, ни один арабский историк не считает, что Муса вынашивал подобную идею, хотя некоторые из них и намекают, что он серьезно подумывал о завоевании Франции и Италии и возвращении в Сирию через Грецию, захватив по пути Константинополь. Если бы

арабы уже не потеряли так много жизней и сил в братоубийственных гражданских войнах, такая программа могла бы оказаться им по плечу, поскольку в тогдашней Европе не было государств, достаточно могущественных, чтобы противостоять им. К тому же за последнее время к арабам пришел колоссальный приток людской силы со стороны новообращенных берберов, такого же отважного, воинственного и частично кочевого народа, как и они сами. Однако арабы упустили эту возможность. Вскоре после завоевания Испании они вернулись к своим междоусобным распрям, вдобавок чувство расового превосходства помешало им предоставить равенство берберам, а ведь, согласись они с радостью на союз с последними, Европа вполне могла бы оказаться завоеванной.

Если причиной отзыва Мусы на самом деле была зависть халифа Валида, то, похоже, выбранная им политика, призванная успокоить подозрения его господина, была ошибочной. Его путь из Сеуты через Африку и Египет в Палестину был сплошным грандиозным триумфальным шествием. Если верить сообщениям, Мусу сопровождали четыреста готских аристократов в золотых коронах, а в обозе следовали примерно восемнадцать тысяч рабов и огромные богатства, захваченные в древних городах Андалуса.

Когда Муса со своей великолепной свитой достиг Тивериады, он впервые услышал о том, что халиф Валид серьезно болен. Одновременно он получил послание от брата халифа, Сулеймана ибн Абд ал-Малика, повелевшего ему ждать дальнейших указаний в Тивериаде. Абд ал-Малик, как мы помним, перед смертью приказал народу присягнуть Сулейману как наследнику Валида на случай, если его старший брат умрет первым.

Отношения между братьями Валидом и Сулейманом не отличались особой сердечностью. Теперь же, предвидя преждевременную смерть халифа, Сулейман хотел, чтобы испанский триумф состоялся уже после его восшествия на престол. Мусе предстояло принять щекотливое решение. Если он отложит прибытие в Дамаск по просьбе Сулеймана, а

Валид поправится, то ясно, что последний возмутится. Он решил проигнорировать послание Сулеймана и продолжил путь. Халиф Валид чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы его принять, но вскоре после этого его болезнь обострилась, и он умер. Не успел Сулейман принять халифат в свои руки, как Муса вместо того, чтобы стать героем и победителем, оказался преступником. Его секли, оскорбляли и осудили на выплату штрафа в размере двухсот тысяч золотых монет — предполагали, что именно таков был объем богатств, которые скопились в его руках. Его отпустили на свободу лишь в пожилом возрасте, и Муса окончил свои дни в нищете и забвении в оазисе Вади ал-Кура в сотне миль к северу от Медины.

Тарику ибн Зийяду, чей молниеносный набег на Толедо сделал завоевание Испании таким легким, повезло больше, чем его хозяину. Он не понес наказания за свою службу. Как зависимый бербер, он, вероятно, не считался опасным для верховной власти халифа и поэтому был отпущен на свободу, получив позволение вернуться к своим первоначальным обязанностям домашнего слуги.

Устранение Мусы и Тарика не полностью успокоило опасения халифа, потому что, прежде чем покинуть Испанию, Муса поручил обязанности наместника своему второму сыну Абд ал-Азизу. Получив весть о приеме, оказанном его отцу, он вполне мог отказаться от своей присяги на верность Дамаску. Поэтому халиф поспешно направил из Сирии в Андалус группу убийц, которые вполне справились со своим поручением, убив Абд ал-Азиза в Кордове. Его отрубленную голову, доставленную в Дамаск, халиф с особенно утонченной жестокостью и ненавистью отправил престарелому Мусе в его пустынное пристанище.

* * *

Завоевание Андалуса арабами не было непоправимой катастрофой для многих его жителей, большинство которых во времена готов были сервами или рабами. Арабские аристократы в целом не были глубоко религиозными, но

отличались терпимостью и широтой взглядов. Никаких попыток обращения христиан в ислам не предпринималось, так как этот процесс, как мы уже разъясняли, приводил к сокращению прибыли государства.

В некоторых областях прежним землевладельцам было позволено по-прежнему распоряжаться своей землей, как это произошло в случае Тадмира. Земля, конфискованная арабами, имущество собственников, которые бежали или были убиты, как и владения Церкви, были поделены между правоверными. На этом этапе, как мы уже видели, арабы пренебрегали сельским хозяйством и презирали земледельцев. В результате на земле были оставлены прежние землепользователи при том условии, что часть урожая шла их новым хозяевам.

Однако ислам подарил сервам и рабам, принадлежавших немусульманам, совершенно новую возможность, так как, произнеся формулу: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, и Мухаммад — Посланник Его», они могли получить свободу от своих христианских или еврейских владельцев. Пророк установил принцип, по которому христиан и иудеев следовало терпеть, но при условии безропотности с их стороны. Иными словами, они должны были превратиться в низший социальный класс. В соответствии с этим правилом христиане не могли владеть мусульманскими рабами. Таким образом, готский аристократ, который исповедовал ислам, мог сохранить за собой своих рабов, а тот, кто оставался христианином, такой возможности не имел, разве что его рабы тоже оставались христианами.

Решение о том, что мусульманином человека делает простое произношение исламской формулы исповедования веры, возможно, было одним из самых дальновидных шагов Пророка. Даже ближайшие ученики Мухаммада часто сетовали на неискренность подобного обращения, которое было столь простым, что в минуту опасности или разочарования немусульмане испытывали искушение произнести несколько слов и тем самым спасти себя. Но, принимая подобные обращения без сомнений, Посланник Божий не знал

жалости к отступникам, которые впоследствии отвергали ислам, и наказанием для них обычно была смерть. Вхождение в ислам было обманчиво простым, а отречение невозможным. К тому же детей таких новообращенных можно было воспитать истинными мусульманами.

Таким образом, многие сервы и рабы спешили получить свободу, произнеся мусульманскую формулу. Некоторых впоследствии стали терзать муки совести, в результате чего появилось сообщество тайных христиан. Отречься от ислама публично означало смерть, поэтому эти люди продолжали по видимости исповедовать ислам, но втайне совершали христианские обряды. Однако для огромного большинства угнетенных классов христианство во все времена значило не слишком много.

С социальной точки зрения арабское завоевание принесло некоторые чрезвычайно благотворные плоды. Конфискация имущества многих готских аристократов, короны и Церкви во много раз увеличила количество мелких землевладельцев. Даже там, где земля оказывалась в руках какого-нибудь арабского аристократа, презрение последнего к сельскому хозяйству часто давало землепользователям возможность разрабатывать землю так, как они хотели, при условии уплаты ренты. Таким образом, в чем-то бедуинская нелюбовь к земледельцам оказалась той бедой, которая оборачивается благодеянием.

Но хотя сервы и рабы могли стать свободными людьми, произнеся мусульманскую формулу, на практике они при этом не достигали социального равенства. В теории все мусульмане считались равными. На деле же арабы составляли правящую элиту, которая не стремилась предоставить равенство неарабам. Именно эта аномалия, как мы видели, уже вызывала недовольство в Персии, Ираке и Сирии. Вскоре империю ожидало повсеместное восстание мусульман-неарабов против высокомерного господства арабов. В Испании арабы относились к христианским отступникам, принявшим ислам, с большим презрением, чем к тем, кто остался в лоне своей первоначальной веры.

Один только народ выиграл от арабского завоевания более других, а именно евреи. Гонимые в прошлом христианами, они теперь пользовались той же терпимостью, что и их прежние хозяева. Более того, держа обиду на своих бывших гонителей, они неизменно выступали в роли шпионов, осведомителей и советчиков мусульман против христиан.

Восток цветистый нанимала ты на службу,
И Западу была надежным другом.
Пора пришла, ты полюбила мужа,
И море избрала своим супругом.

Вордсворт

После завоевания Испании воды Западно-го Средиземноморья стали мусульманскими... Ислам расколол средиземноморское единство, устоявшее в период германских нашествий. Это стало главнейшим событием европейской истории со времен Пунических войн. Оно положило конец классическим традициям. Оно ознаменовало начало средних веков.

Анри Пиренн.

Мухаммад и Карл Великий

Таким образом, бесспорно вот что: тому, кто владеет морем, многое позволено, и он может воевать так много или так мало, как захочет.

Фрэнсис Бэкон

КОНЕЦ *MARE NOSTRUM*

После рассказа о завоевании Северной Африки и Испании нам придется отступить от строгой хронологии в своем повествовании об Арабской империи, чтобы рассмотреть один из самых важных итогов арабской экспансии — темные века Европы. Наше сознательное пренебрежение арабской историей, о котором я уже упоминал¹, связано с существенным недоразумением — иллюзией, что темные века являются следствием завоевания Европы северными варварами.

Нам, жителям Западной Европы, нравится думать, что Англия и Франция играли важную роль в составе Римской империи. Однако на самом деле Римское Содружество объединяло главным образом народы, обитавшие по берегам Средиземного моря. В течение нескольких столетий это море полностью принадлежало римлянам — «Наше море», как они его называли. Больше ни одна держава не владела ни каким из его берегов. Когда речь идет об античности, для нас важно отвлечься от представления об Европе, Азии и Африке, как о трех разных континентах. Ни римляне, ни арабы не разделяли подобного представления. И для римлян, и для византийцев берега Средиземного моря были единым географическим целым, и этот подход к геополитическому делению был гораздо ближе к действительности, чем современная тенденция объединять Тунис и Алжир с Центральной Африкой, как части одного континента.

Поскольку Римская империя являлась береговым сообществом, все ее границы проходили по суше, как правило, параллельно берегам Средиземного моря на расстоянии от двухсот до четырехсот миль от них. По этой причине все войны Рима, по крайней мере с момента уничтожения

¹ См. Предисловие.

Карфагена, были сухопутными. Это объяснялось тем, что на Средиземном море не было другой державы, способной воевать с Римом на море. В результате мы склонны думать о Риме как о военной, а не морской державе. В действительности же все его господство строилось на морской силе. По сути, целью римской колонизации Северной Франции, Бельгии, Голландии и Британии (если воспользоваться их современными названиями) было просто создание форпостов, призванных помешать северным варварам пробиться к берегам Средиземного моря.

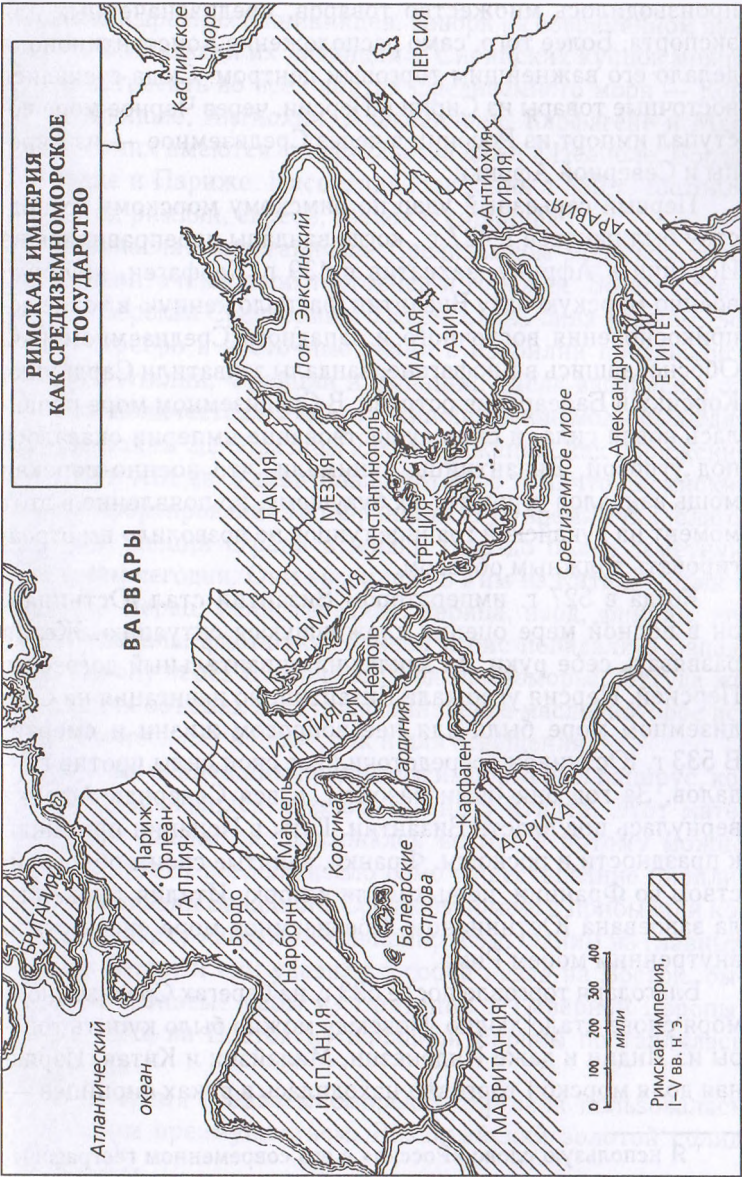
Правда, в первой половине V в. варвары начали совершать крупномасштабные вторжения в империю и даже достигать Средиземного моря, однако нашествие северян примечательным образом отличалось от арабских завоеваний. Готы, вандалы, лангобарды и франки находились под глубоким впечатлением от величия римской цивилизации. Никакие религиозные соображения не подталкивали их к нападению на империю, поскольку в большинстве своем они все еще оставались язычниками. Едва успев проложить себе путь на римскую территорию, они принимали латинские имена и начинали подражать манерам тех, кого победили, обращались в христианство и стремились к титулам и почестям императорского двора. Арабы же в своем религиозном энтузиазме, напротив, заявляли, что их вера выше христианства, и презирали жителей империи. Таким образом, варварские нашествия из Северной Европы не отменили того факта, что Средиземное море по-прежнему оставалось внутренним морем Римской империи. Варвары стремились влиться в римский мир, а не изменить его.

После того как в 475 г. западный император сошел со сцены, Византия осталась единственной наследницей империи, но она интересовалась морем еще больше, чем Рим. Константинополь был величайшим портом мира, и в нем

Карта 23

Римская империя как средиземноморское государство.

производилось множество товаров, предназначенных для экспорта. Более того, само расположение Константинополя делало его важнейшим торговым центром. Сюда стекались восточные товары из Сирии и Персии, через Черное море поступал импорт из России¹, а через Средиземное — из Европы и Северной Африки.

Первый серьезный удар по римскому морскому господству был нанесен в 427 г., когда вандалы переправились из Испании в Африку, захватив в 439 г. Карфаген, крупную военно-морскую базу Византии, расположенную в точке соприкосновения восточного и западного Средиземноморья. Обосновавшись в Карфагене, вандалы захватили Сардинию, Корсику и Балеарские острова. В Средиземном море появилась новая сила, и само существование империи оказалось под угрозой. Византийцы понимали, что военно-морская мощь вандалов угрожает их будущему, но появление в этот момент на дунайской границе гуннов не позволило им отреагировать должным образом.

Когда в 527 г. императором Византии стал Юстиниан, он в полной мере оценил сложившуюся ситуацию. Желая развязать себе руки, он заключил унижительный договор с Персией. Персия угрожала Византии, но навигация на Средиземном море была для нее вопросом жизни и смерти. В 533 г. Юстиниан сосредоточил все свои силы против вандалов. За год они были разбиты, и вся Северная Африка вернулась под власть Византии. Готы в Испании привыкли к праздности и роскоши. Франки, занятые своим обустройством во Франции, не выходили к морю. Италия также была завоевана Юстинианом. Средиземное море снова стало внутренним морем Рима.

Благодаря торговле после 533 г. на берегах Средиземного моря снова стало людно. Повсюду можно было купить товары из Индии и даже Индонезии, Малайзии и Китая. Изрядная доля морской торговли находилась в руках сирийцев —

¹ Я использую слово «Россия» в его современном географическом смысле. В V в. этого названия еще не существовало.

потомков древних финикийцев. Говоря на современном языке, мы бы назвали их ливанцами. Сирийских купцов можно было встретить во всех портах Средиземного моря — Константинополе, Антиохии, Александрии, Карфагене и Марселе. О них имеются свидетельства даже в Неаполе, Бордо, Орлеане и Париже. Население Нарбонна в 589 г. состояло из готов, римлян, евреев, греков и сирийцев¹.

Безопасная навигация на Средиземном море восстановила зажиточный слой торговцев и горожан. Во всех гаванях по берегам Средиземного моря жизнь была ключом. Золото, серебро и восточные ткани в изобилии продавались по всей Италии, Франции и Испании. Шелк ввозился в огромных количествах, а константинопольские моды были для Запада таким же образцом для подражания, как парижские в XVIII и XIX вв. Удивительно читать о том, что сирийские вина импортировались во Францию. В то время духи, благовония и специи играли в жизни гораздо более заметную роль, чем сегодня. Они ввозились в Рим из Китая, Индии и Аравии. Перец, тмин, гвоздика, корица, нард, финики, инжир, миндаль, фисташки, оливки и рис попадали в Западную Европу через Восточное Средиземноморье. Оттуда же в больших объемах поступало оливковое масло, которое использовалось как в пищу, так и для освещения.

Другим ценнейшим предметом импорта был папирус, который производился исключительно в Египте. Этот материал при письме использовался всеми, а потому можно сказать, что от него зависело само существование цивилизации. В гавани Западного Средиземноморья прибывали корабли, доверху нагруженные папирусом. Одним из главных грузов, который они увозили с собой назад на Восток, были светловолосые рабы из Британии и Северной Европы. Кроме того, на Восток из Западной Европы поставлялась древесина.

В то время средиземноморская торговля пользовалась еще одним преимуществом. Византийский золотой солид

¹ Henri Pirenne. *Muhammad and Charlemagne*.

имел хождение повсеместно — в готских и франкских королевствах Испании и Франции, в Африке, Египте, Сирии и Греции. Поэтому купцы были избавлены от препон и затруднений, связанных с обменом валюты. Очевидно, в обращении находились огромные средства, и многие богатые купцы и финансисты систематически отдавали деньги в рост.

Таким образом, в период между поражением вандалов в 633 г. и арабским завоеванием, последовавшим менее чем через сто лет, возродилась торговля того типа, который существовал в течение пяти веков римского владычества. Восточная, или греческая, часть Средиземноморья всегда отличалась большим богатством и цивилизованностью, и в течение этого «века торговли» почти все крупные купцы и торговые суда были либо греческими, либо сирийскими. Эта экономическая система была очень близка к нынешней, с характерной для нее международной торговлей, крупными гаванями, богатыми купцами и финансистами, свободной циркуляцией денег, оживленными городами и ссудами под проценты. С политической точки зрения западная часть Римской империи была разделена на несколько варварских королевств, но готы, лангобарды и франки не имели веских причин для вражды с Византией. Напротив, император по-прежнему пользовался огромным авторитетом, и многие из этих королей признавали его сюзеренитет и даже просили его подтвердить их право занимать трон, хотя, разумеется, воспротивились бы любым попыткам Византии восстановить свой политический контроль над ними — все это не слишком отличалось от ситуации внутри британского общего рынка после Первой мировой войны.

Таким образом, политический распад Западной империи не уничтожил торговых маршрутов имперского Рима, а варварские завоевания не породили феодальной системы или сельскохозяйственной экономики, которой впоследствии предстояло воцариться в Западной Европе. Варварские короли не стремились к каким-либо переменам в доходной коммерческой системе Рима; действительно, процветание

этой торговли приносило им колоссальные прибыли в силу того, что они могли взимать огромные суммы в виде таможенных пошлин и налогов. Византия была разорена войнами с Персией, но Средиземноморье в целом было богатым и процветало. Кроме того, никто не предвидел катастрофы. Арабы никогда раньше не представляли опасности для своих соседей. В прошлом завоеватели всегда приходили из причерноморских степей России и Центральной Азии, но теперь варвары уже давно жили в пространстве римской торговли и были его частью.

* * *

Если бы арабы вышли из пустынь Аравийского полуострова на завоевание Византии лишь потому, что их манило ее богатство, результат был бы совершенно иным. Именно алчность привела в империю северных варваров, которые, как мы уже видели, едва успев обустроиться, восприняли римские манеры и религию. Если бы арабы пришли по той же причине, они тоже были бы романизированы и христианизированы, и жизнь Средиземноморья, по крайней мере торговая, и дальше бы шла своим чередом. Но арабами двигала уверенность в том, что их религия возвышает их над всеми прочими. Поэтому они и не поддались романизации, в отличие от северных варваров. Напротив, жители бывших Римских провинций подверглись арабскому влиянию.

Согласно арабским историкам, Муса ибн Нусайр намеревался завоевать Францию и Италию и предполагал вернуться в Сирию через Грецию, чтобы напасть на Византию с Запада. Если бы этот план осуществился, единство Средиземноморья было бы восстановлено, но теперь это было бы уже арабское, а не римское внутреннее море. Вместо того халифы погрязли в роскоши и деспотизме, и завоевания прекратились, оставив Средиземноморье раздробленным. Однако в целом военный контроль над Средиземным морем перешел к мусульманам.

Хотя у византийского императора по-прежнему оставался его флот, он, как правило, был заперт на одной четвертой

части Средиземного моря, от Сицилии до побережья Малой Азии и Греции.

Во второй половине XI в., как мы увидим, мусульмане заняли Сицилию, Корсику и Сардинию, и снова возникла вероятность того, что они завоюют все побережье Средиземного моря, но им это снова не удалось.

Если бы ислам не подразумевал непременно священной войны, арабское завоевание Северной Африки и Испании не уничтожило бы средиземноморскую торговлю. После завоевания установился бы мир, и торговые связи между средиземноморскими народами возобновились бы. Но на деле Средиземноморью, которое в прошлом столетиями служило главной торговой магистралью, предстояло на шесть веков превратиться в ничейную полосу, воды которой бороздили в основном военные флоты и пираты.

Должно быть, торговля между Западной Европой и Востоком фактически прекратилась еще до завоевания Испании. Сирия была завоевана арабами в 636 г., а, как мы знаем, большинство купцов и торговых кораблей были сирийскими. Египет был захвачен в 642 г., обмен с Востоком велся в прошлом по большей части именно через эту страну. В 648 г. уже сами арабы начали создавать в Египте и Сирии военные флоты, и с этой целью без сомнения конфисковали большинство кораблей. С этого времени арабские нашествия и берберские восстания поочередно будоражили дотоле мирные и благополучные провинции Северной Африки, пока в 689 г. арабы не захватили Карфаген, крупный порт и морскую базу, и не стерли его с лица земли.

С этого момента Европа оказалась полностью отрезанной от мировой торговли, зато для арабских купцов открылись Китай, Индия, Малайзия и Африканский континент до Мадагаскара и Ганы; христианский же мир ждала полная

Карта 24

Арабская империя как барьер между христианским миром и Индией, Китаем и Востоком.

**АРАБСКАЯ ИМПЕРИЯ КАК БАРЬЕР
МЕЖДУ ХРИСТИАНСКИМ МИРОМ
И ИНДИЕЙ, КИТАЕМ И ВОСТОКОМ**

Примечание:

- а) Восточные товары тонкой струйкой могли поступать в Константинополь через хазар и Черное море.
 б) Константинополь по-прежнему мог осуществлять каботажную торговлю вдоль берегов Греции и в Черном море. Основными центрами этой торговли были три византийских колонии: Сиракузы на Сицилии, Венеция в северной точке Адриатического моря и Херсон в Крыму. Помимо этой ограниченной по объему торговли, в Средиземном море не было коммерческих перевозок на христианских кораблях.

изоляция. Византийский флот все еще мог обеспечивать безопасность прибрежной торговли между Константинополем, Грецией и Адриатическим морем, но не более того. Франция и Италия неожиданно обнаружили, что вся их прибыльная торговля с Востоком обрублена. Говоря словами Ибн Халдуна: «Христиане теперь не могли пустить по морю даже доски».

Результатом стал настоящий переворот в жизни Западной Европы. Первым исчез папирус, который до этого времени ежедневно использовался при письме. На нем составлены все документы из архивов франкского двора Меровингов. Внезапно поставки прекратились и были восполнены за счет пергаменты, который изготавливался на месте из шкур животных. Первый франкский королевский документ, написанный на пергаменте, датирован 12 сентября 677 г. Вскоре после этого пропали и специи, которые прежде употреблялись каждый день. Скоро европейцам пришлось отказаться от перца, гвоздики, нарда, корицы, фиников и фисташек. С этого времени в число пищевых продуктов уже не входили предметы импорта, отныне это был хлеб, свинина, птица, яйца, овощи, рыба, сыр и другие продукты явно местного производства. Вскоре резко сократился объем поставок оливкового масла. В каком-то количестве его можно было производить на юге Франции, но конечный продукт мог удовлетворить только малую часть спроса. Теперь его нельзя было использовать в лампах, и церкви перешли на свечи. Шелк вышел из употребления, хотя ранее при дворе Меровингов его носили и мужчины и женщины¹.

Точно так же прекратился приток золота. Поначалу Меровинги выпускали свои золотые монеты с растущей примесью серебра, но, в конце концов, даже это стало невозможным. Во времена Карла Великого в обращении находились только серебряные монеты. Когда в 771 г. Карл Великий стал королем Франции и Германии, он оказался во главе

¹ Henri Pirenne. *Op. cit.*

государства, отрезанного от моря и не имеющего внешней торговли¹.

Другим важным следствием арабского владычества над Средиземным морем стало уничтожение влияния Византии на Западную Европу. В течение двух столетий со времени падения Западной Римской империи в 475 г. и до арабских завоеваний влияние Византии на Западе постепенно росло благодаря ее товарам, купцам, ученым и художникам. Арабские флоты и пираты, наводнившие Средиземное море, отрезали Европу не только от Египта и Индии, но и от Византии. Впоследствии Карлу Великому и его наследникам пришлось строить новую цивилизацию, почти полностью независимую от византийских и даже римских традиций. Если бы арабского вторжения не было, Западная Европа пошла бы по пути Восточной Римской империи, городской цивилизации с богатыми купцами и могущественными городами. Подобная цивилизация возродилась на Западе только по прошествии шести или семи веков, когда Европа вновь получила возможность свободно торговать с остальным миром.

А пока у империи Карла Великого не было внешней торговли, а значит, богатых купцов, и она могла располагать очень малыми наличными средствами. Странам, которыми правил Карл, приходилось жить за счет местного производства, и в результате источником богатства стала земля, а не звонкая монеты. Крупными государственными мужами теперь становились не городские дельцы и финансисты, а земельные бароны, и эта система продолжала существовать, по крайней мере отчасти, вплоть до XIX столетия. Более того, отсутствие торговли, а значит, ликвидных денег в руках

¹ Здесь автор допускает явную неточность. Карл Великий стал королем Франкского государства (территория которого частично совпадала с территорией современных Франции и Германии), которое имело выходы к морю, в том числе и Средиземному. Морская торговля шла преимущественно через северные порты. —

Примеч. ред.

государства привело к появлению феодальной системы. Дело в том, что император или местные правители, обладавшие капиталом в виде земли, а не наличных денег, не могли оплачивать регулярную армию. Чтобы компенсировать скудость своих средств, они оплачивали военную службу земель. К тому же там, где не было торговли, города угасали, и центром власти и влияния оставался замок барона, а не палата городского совета.

Вскоре образование начало страдать от бедности городов и недостатка писчих материалов. Земледельцы в своей массе не видели проку в грамотности и в любом случае не имели возможности ее достичь. В течение долгого времени лишь Церковь поставляла людей, умеющих читать и писать. Настали Темные века Европы. Этот возврат к невежеству иногда ошибочно связывают с варварскими завоеваниями, в то время как на самом деле его основной причиной оказывается арабская блокада Европы. Темные века начались не с варварскими завоеваниями V в., а только в VII в., когда арабы перекрыли доступ к Средиземному морю. Они постепенно подошли к концу после 1000 г., когда Арабская империя ослабела.

Но в то время как Франция и Германия стали полностью феодальными, аграрными и самодостаточными государствами, некоторые области Италии по-прежнему вели опасную торговлю с Константинополем. Первой и величайшей из них была Венеция. В V в. первыми обитателями этих негостеприимных островков на северной оконечности Адриатического моря стали какие-то незадачливые беженцы с материка, которых привел сюда панический ужас перед кровожадными полчищами гуннов Атиллы. Сначала эти злополучные беглецы еле-еле влачили свое жалкое существование благодаря рыболовству. Естественно, что в поиске средств к существованию они обратили свои взоры к морю, а лишения, которые они терпели, сделали их выносливыми и предприимчивыми. Вскоре они открыли собственную навигацию, и в VIII в., когда порты Италии и Франции были уничтожены арабским владычеством над Средиземным морем,

венецианские корабли совершали регулярные плавания в Константинополь вокруг греческих берегов. Город находился под византийским протекторатом, и это было удобно, так как император был слишком далеко, чтобы вмешиваться в его жизнь. В течение IX в. влияние Венеции распространилось на часть побережья Далмации, и город получил более или менее полный контроль над Адриатикой. Несколько более мелких итальянских портов соперничали с Венецией в торговле с Востоком, хотя и уступали ей в масштабах. Все эти итальянские порты были чисто коммерческими, хотя их флоты временами оказывали содействие императорам и сражались с арабами в море. Однако в другие периоды они не гнушались тайно торговать с мусульманами и даже вывозили в арабские страны белокожих рабов.

В результате сохранения этой торговли, при всей ее ничтожности, специи, благовония, драгоценные ткани, золото и папирус по-прежнему поступали в Венецию и Южную Италию. На юге Италии даже ходили золотые монеты, тогда как Карл Великий был вынужден использовать исключительно серебряные деньги.

* * *

Однако, с нашей точки зрения, самой поразительной стороной тех веков, в течение которых арабы контролировали Средиземное море, были социальные последствия этого владычества. Как мы уже видели, прекращение международной торговли полностью изменило общественное устройство Западной Европы. Класс купцов и финансистов исчез, города зачахли, а Франция и Германия стали аграрными странами, управляемыми крупными землевладельцами. Поскольку у императоров и князей не было денег, чтобы оплачивать регулярную армию, возникла феодальная система военной службы. Интересно отметить, что арабы, становясь все богаче и богаче благодаря своей обширной мировой торговле, двигались в ином направлении. Если первые военные завоевания осуществлялись племенами под командованием вождей (арабский эквивалент феодальной системы), халифы,

как мы вскоре увидим, постепенно переходили к платным наемническим армиям.

Цивилизация, основанная на сельском хозяйстве и аристократии, порождает совершенно иной менталитет, нежели коммерческое и индустриальное государство. При такой системе распределения основным предметом гордости влиятельных людей становятся военные подвиги, героические поступки, благородное гостеприимство и романтическая любовь. Именно к этим идеалам и стремились древние арабы в те времена, когда Рим и Византия строили свое могущество на богатстве, торговле, мореплавании и больших городах. Когда торговлей завладели арабы, Западная Европа обратилась к «арабским» ценностям войны, гостеприимства и романтики, а Арабская империя с ее колоссальным богатством, как мы впоследствии увидим, говоря о багдадских халифах, погрязла в материализме.

Но есть и еще более завораживающий аспект. В Испании арабы, находясь вдалеке от разлагающего материализма Багдада, вновь обрели свое преклонение перед войной, гостеприимством и любовью. Их неизменная преданность этим «арабским добродетелям» вызвала сочувственный отклик в умах западноевропейской феодальной аристократии, которая, лишившись своей торговли по вине арабов, вновь обратилась к этим самым ценностям. Хотя религиозные разногласия между христианскими рыцарями Франции и мусульманскими всадниками Андалузии не раз обрекали их на военные столкновения, они вызывали друг у друга уважение и даже восхищение.

Поэтому, если примерно с 700 г. Западная Европа шла по пути сельского хозяйства, а Арабская империя — торговли и производства¹, Испания на Западе в какой-то степени составляла исключение. Однако на Востоке византийская зона от Адриатического моря до Константинополя вновь обрела свое прежнее торговое значение. В VIII и IX вв. торговля едва дышала из-за той угрозы, которую представляли

¹ В прямом противоречии с современной ситуацией.

арабские пираты для мореплавания. Константинополь по-прежнему мог торговать с Русью через Черное море и сохранял в незначительной степени свои связи с Востоком либо через язычников-хазар, живших к северу от Кавказа, либо через контрабандистов или еврейских купцов, для которых были открыты все пути. Дело в том, что двумя враждебными лагерями, которые взирали друг на друга через Средиземное море, были христианство и ислам. Обе стороны были готовы торговать с евреями или язычниками, соблюдавшими нейтралитет.

Благодаря тому что осталась эта торговля, выжил и купеческий класс, а города не лишились своего влияния в этой ограниченной зоне. В Византии и Южной Италии купцы часто находились в отношениях конфликта или, по крайней мере, политического соперничества с землевладельцами и аристократией, но продолжение международной торговли препятствовало воцарению полностью феодальной системы. В Южной Италии порты Салерно, Неаполь и Амальфи периодически спорили с герцогом Беневенто, который тем не менее сумел благодаря их торговле восстановить циркуляцию золотых денег в своих владениях. Венеция, находившаяся в безопасности на своих островах, сохраняла собственную плутократическую систему управления. Начиная с X в. ослабление Арабской империи позволило Европе постепенно возобновить торговые контакты с Востоком, следствием чего стал Ренессанс и возрождение коммерческого духа с его спутниками — городской жизнью и капитализмом. Тем не менее в Западной Европе еще в XIX в. сохранялось ощущение, что землевладельцы стоят выше финансовых воротил.

Возможно, для полного расцвета любой культуры требуется сочетание романтического и воинственного духа аграрного строя с богатством, образованием и просвещением коммерческого общества. Мы не сумеем понять, почему Европа пережила подобный культурный взлет в XVIII и XIX вв., если не принимать во внимание то влияние, которое оказал на историю Запада период Арабской империи.

Господи, помилуй Валида и подобных ему,
который завоевал Индию и Испанию и построил
мечеть в Дамаске и всегда давал пластины
серебра, чтобы их разделили между бедными.

*Шамс ад-дин ас-Суюти.
История халифов*

Мы беглецам пронзили спины острьями,
Повергли ниц, мечом урезав гордых.
Вождей их головы катились перед нами
Как груз, упавший со спины животных.
Еще упорнее на них мы нападали,
Тесня назад, с лица земли стирая.
Мечами головы от шеи отрубали,
Пустыми плечи им навеки оставляя.
Быстрее молнии наш острый меч мелькает,
Мы беспощадны и от крови пьяны,
Откуда смерть пришла, убитый не узнает.
И меч врага трещит как деревянный.
Смотри, мы земли погрузили в запустенье —
До края гор, и воды нас страшатся.
Младенцу нашему — задолго до взросленья —
Владыки мира робко поклонятся.

Амр ибн Култум

Глава VIII

ГОДЫ ТРИУМФА

Важные даты

Юстиниан Безносый провозглашен императором Византии	— 685 г.
Абд ал-Малик ибн Мерван провозглашен халифом.	
Смерть Абд ал-Малика	— 705 г.
Валид провозглашен халифом.	
Смерть Юстиниана Безносого	— 711 г.
Анастасий II провозглашен императором	— 713 г.
Омар ибн Абд ал-Азиз, наместник Медины	— 705–710 гг.
Год побед	— 712 г.
Муса ибн Нусейр вторгается в Испанию.	
Аббас ибн Валид захватывает Антиохию Писидийскую.	
Кутейба ибн Муслим берет Самарканд.	
Кампания Мухаммада ибн Касима в Индии.	
Смерть Валида, провозглашение Сулеймана халифом	— 715 г.
Кампания Йезида ибн Мухаллаба в Джурджане	— 716–717 гг.

Персоналии

Халифы.

Абд ал-Малик ибн Мерван.

Валид ибн Абд ал-Малик.

Сулейман ибн Абд ал-Малик.

Маслама ибн Абд ал-Малик, арабский военачальник на византийском фронте.

Муса ибн Нусейр, арабский военачальник в Испании.

Кутейба ибн Муслим, арабский военачальник на китайском фронте.

Мухаммад ибн Касим, арабский военачальник на индийском фронте.

Хадджадж ибн Юсуф, наместник Ирака и Персии.

Йезид ибн Мухаллаб, заключенный в тюрьму Хадджаджем, назначен

Сулейманом на пост наместника Хорасана.

Омар ибн Абд ал-Азиз, наместник Медины.

Юстиниан Безносый, император Византии.

Прежде чем рассказать историю арабского завоевания Испании, мы в 710 г. оставили халифа Валида в Дамаске. Теперь нам следует вернуться на несколько лет назад, чтобы проанализировать состояние Византийской империи, на территории которой вскоре предстояло произойти великим событиям. Восточная Римская империя в очередной раз оказалась на грани уничтожения. На самом же деле, каким бы невероятным это ни казалось в то время, ее ожидало еще семь столетий существования — дольше целой жизни большинства империй в истории.

В 685 г., в том самом году, когда халифом Дамаска стал Абд ал-Малик ибн Мерван, на трон Византии взошел шестнадцатилетний император Юстиниан II. Казалось, что Византийская империя находится при последнем издыхании. Со стороны Европы Константинополю угрожали славяне и болгары, а со стороны Азии — арабы. Сначала Юстиниан II добился некоторых успехов, поскольку арабы были заняты гражданской войной между Абд ал-Маликом и Абдаллахом ибн Зубайром. Император завоевал Армению, но, сделав это, не смог устоять перед искушением заставить армянскую церковь согласиться с догмами греческого православия. Армяне восстали и изгнали его войско.

В это же время гражданская война между арабами подошла к концу, и мусульмане, осудив заключенный в прошлом договор о перемирии, вторглись в Малую Азию. Надеясь отсрочить новую войну с арабами, Юстиниан вывел из гор Амана горцев-христиан, которые до того времени чрезвычайно затрудняли военные операции арабов.

Однако в 695 г. Юстиниан II, оказавшийся жестоким тираном, был свергнут в результате военного переворота в Константинополе. Ему отрезали нос и отправили в изгнание в Крым. Однако, не желая сдаваться, он установил

отношения с хазарами и женился на сестре хана Феодоре. Правители Византии протестовали, а хазары, видимо, начали уставать от него и потому подослали к нему человека с поручением убить его. Юстиниан задушил своего несостоявшегося убийцу и чудом бежал, чуть не стал жертвой кораблекрушения на Черном море, поднялся вверх по Дунаю и подружился с Тербелом, князем болгар. В конце концов, в 705 г., как раз тогда, когда Валид получил халифат, Юстиниан вернул себе императорский трон — почти невероятное достижение.

Константинополю угрожали не только болгары с запада и арабы из Малой Азии: большая часть Италии находилась в руках варваров, хотя города Рим и Равенна все еще признавали над собой власть Восточной Империи. В этой отчаянной ситуации Юстиниан, который теперь носил прозвище Безносый, решил издать богословский эдикт. Римский папа ответил немедленным протестом. Юстиниан приказал арестовать его, однако войска встали на сторону понтифика и отказались выполнять приказы императора. В 710 г. войска в Равенне тоже восстали и убили императорского наместника. И, как уже не раз бывало на протяжении бурной истории Византии, именно теперь, когда ситуация стала особенно шаткой, император выступил с богословскими суждениями, немедленно отвратившими от него тех немногих подданных, которые все еще признавали его власть.

В 711 г., после бурного правления, полного приключений, достойных голливудского фильма, Юстиниан Безносый пал от руки убийцы. Его царствование было хаотическим, а смерть привела к полной анархии. Именно в этот момент Дамасская империя Омейядов достигла высшей точки своего могущества. На западе ее победоносные армии покоряли Испанию. На востоке, о чем пойдет речь в дальнейшем, они подступали к границам Китая.

Явный распад Византийской империи ставил арабов, которые снова приступили к всевозможным завоевательным операциям, перед непреодолимым искушением. В 711 г., в год смерти Юстиниана, на византийскую территорию

вторглись три крупные мусульманские армии, двумя из которых командовали сыновья халифа Валида, а одной — его брат, опытный ветеран, Маслама ибн Абд ал-Малик. В следующем году, 712-м, Аббас ибн Валид занял Антиохию Писидийскую на полпути от Константинополя до прежней границы.

По причине явного упадка византийского государства произошли изменения в арабской стратегии. В прошлом привычными были ежегодные летние набеги на территорию империи, от которых не ожидалось никакого долговременного результата. Однако теперь наступление арабов превратилось в организованное завоевание. Армии халифа упорно продвигались вперед с сознательным намерением достичь Константинополя, захватить его и уничтожить Византийскую империю раз и навсегда.

Семьюдесятью годами ранее, в период великих арабских завоеваний, первые мусульмане, исполненные воодушевления, выплескивались из Центральной Аравии и вели атаку на своих соседей одновременно во всех направлениях. Хотя первоначальный пламенный энтузиазм арабов теперь охладел, они продолжали придерживаться все той же традиции. Гарнизоны каждой провинции нападали на того врага, который находился непосредственно перед ними. Если бы всю силу империи удалось сосредоточить на одном фронте, вся последующая история мира могла бы пойти совершенно по-другому. Если бы главные силы Арабской империи были брошены в Испанию, то оттуда они могли бы завоевать Францию и Италию, а, кроме того, возможно, исполнилась бы мечта Мусы о нападении на Константинополь через Италию и Грецию. И напротив, если бы армии халифа могли собраться в Малой Азии, Константинополь был бы взят с востока, а Византийская империя пала бы. Затем арабские войска могли бы двинуться на завоевание Греции и Италии. По-видимому, подобная стратегия никогда даже не рассматривалась; вероятно, это в любом случае было невыполнимо. Различные территории империи обнаруживали все большую тенденцию к местничеству. Ответственность за персидские

границы с самого начала лежала на гарнизонах Куфы и Басры. Сирийская армия действовала на границе Фарса. Испания была особым миром и располагала собственными местными армиями. Мало того, как уже говорилось, постоянно росла пропасть, разделявшая армии Ирака и Сирии, которые временами проявляли больше готовности биться друг с другом, чем с внешним врагом.

Медленность сообщения в те времена можно счесть вполне достаточным оправданием этих местнических тенденций, но мы вправе заметить, что Римская империя в период своего расцвета владела почти такой же территорией, не давая воли подобным проявлениям местничества своей оборонительной политике. Тот факт, что римляне добились в этом отношении большего успеха, можно объяснить двояко. Более веское объяснение связано с той быстротой, с которой была создана Арабская империя. Владения Рима медленно расширялись на протяжении веков, поэтому к тому моменту, когда империя достигла своего максимального размера, за плечами у нее уже был опыт многих поколений. Арабская империя достигла своей наибольшей протяженности за семьдесят лет, а этот период слишком короток, чтобы превратить неграмотное племенное сообщество в имперский правящий класс, способный на размышления о мировой политике.

Вторая причина, возможно вытекающая из первой, состояла в том, что в первые годы никто не мог предвидеть этих проблем. Иракцев использовали против Персии, а сирийцев — против Византии, потому что в разгаре военных действий это казалось проще всего. Впоследствии было уже слишком поздно строить упорядоченную систему «смены караула» путем отправки иракских частей в Испанию и наоборот. А ведь Рим пользовался этими методами еще пять столетий назад. Однако можно отметить, что, хотя Римская империя была почти такой же большой, как Арабская, ее расположение на берегах Средиземного моря было более компактным. Ее наибольшая протяженность составляла 2600 миль, а владения халифа простирались на 4250 миль.

Из-за того, что арабские армии действовали только на своем ограниченном участке границы, исключалась возможность их концентрации для крупной военной операции против какого-то одного врага.

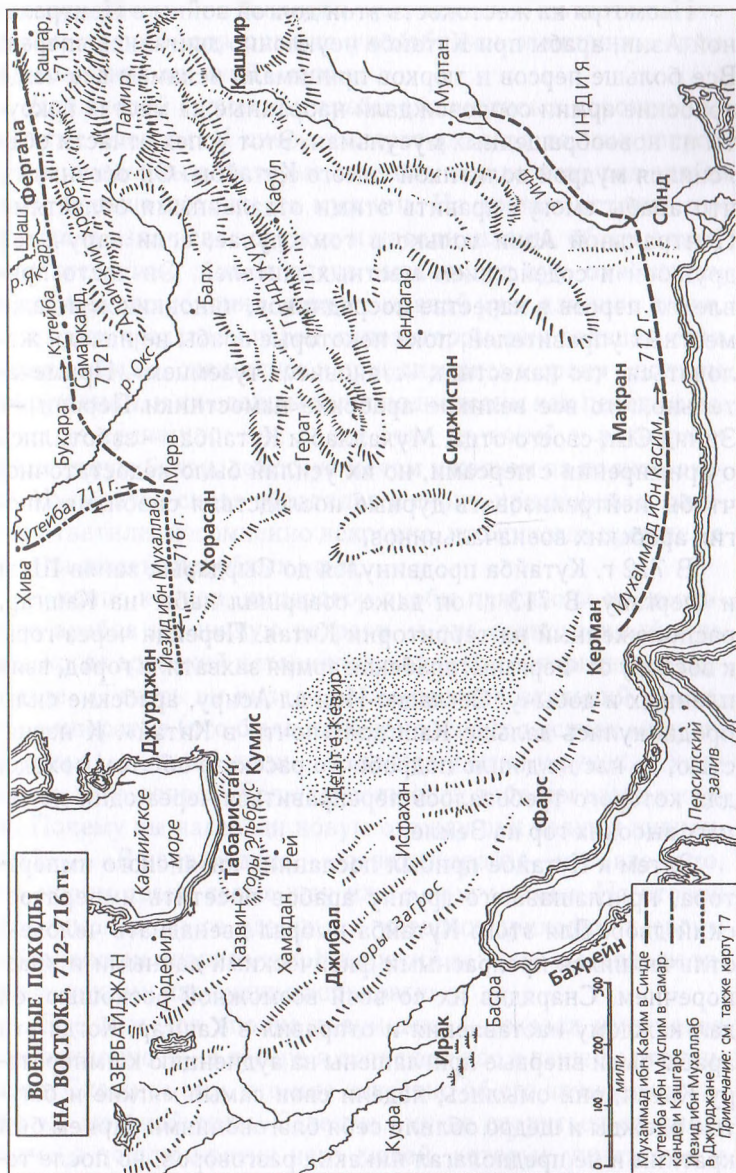
Отвлечемся от арабских армий, пока они, в 712 г., с боями прокладывают себе путь через Малую Азию, и рассмотрим ход событий на восточной границе. Подавив восстания в Ираке и Персии, Хадждадж теперь начал наступление за границы халифата. В 711 г. он поручил своему двоюродному брату Мухаммаду ибн Касиму ал-Такафи завоевать Индию. В 712 г. — это был счастливый год побед, когда Муса ибн Нусайр переправился в Испанию, а Аббас ибн Валид находился на полпути к Константинополю — Мухаммад ибн Касим в ожесточенном бою нанес поражение брахману Дахиру, царю Синда, и убил его. В 713 г. он занял Мултан, и его власть распространилась на большую часть территории, которая сегодня называется Западным Пакистаном.

Тем временем в ходе нескольких победоносных войн, отправной точкой для которых служил Мерв в Хорасане, Кутайба ибн Муслим переправился через Окс и захватил Хиву и Бухару. В 712 г. он осадил Самарканд. Когда кольцо плотно сомкнулось, осажденные тайно отправили послание к жителям Ферганы, прося их внезапно напасть на арабский лагерь ночью. Однако шпионы Кутайбы немедленно сообщили ему об этом плане, назвав и предполагаемую дату его исполнения. Когда настала выбранная ночь, военачальник в полной тишине послал четырехста всадников по дороге в Фергану. Некоторые из них заняли позицию на дороге, в то время как два отряда спрятались невдалеке от дороги чуть впереди. Ранним утром на дорогу выехали воины ферганского подкрепления, наивно полагая, что сейчас застигнут врасплох арабский лагерь. Неожиданно они натолкнулись на баррикаду, устроенную арабами поперек дороги, и тотчас же энергично атаковали ее. Однако когда обе стороны были полностью вовлечены в битву, оба засадных отряда ударили неприятелю в тыл. Подкрепление было практически уничтожено. На рассвете четыре сотни

арабских конников вернулись в лагерь, и у каждого из них к седлу была приторочена голова вражеского пособника. В отличие от легкого завоевания Испании, пятидесятилетняя война на Амударье привела лишь к ожесточению борьбы, в которой пленных не брали. В связи именно с этими осадами мы впервые узнаем о том, что мусульмане закладывают взрывчатку под стены неприятельских городов. Очевидно, что теперь арабы стали опытными профессиональными воинами.

Самарканд был взят в 712 г. По всей видимости, здесь господствующим верованием был буддизм. Имелись здесь и огнепоклонники-зороастрийцы, чьи храмы были уничтожены вместе с горевшим в них священным огнем. Кутайба приказал разрушить всех идолов в городе. Жители предупредили мусульман, что подобное святотатство неизбежно навлечет на них гибель, но Кутайба немедленно сбросил идолов на землю и собственноручно предал огню.

Однако захват Самарканда имел одно следствие, куда более важное, чем сожжение храмов или обезглавливание пленников. В городе находилась мастерская по изготовлению бумаги — эта технология была изобретена в Китае и впоследствии перенесена в Самарканд группой китайских ремесленников. Благодаря арабам бумагу стали производить в Багдаде, Дамаске, Каире, Северной Африке, Испании и на Сицилии. Написанные на бумаге арабские рукописи IX в. прекрасно сохранились до наших дней. В Европе бумагу научились производить лишь через четыре столетия после того, как ею начали пользоваться арабы. Она пришла на Запад в XII в. через мануфактуры, основанные арабами на Сицилии и в Испании. Как мы увидим в последующих главах, счастливое знакомство с китайским секретом производства бумаги сыграло важную роль в мощном расцвете арабской науки и культуры в IX и X вв.

Несмотря на жестокость этой долгой войны в Центральной Азии, арабы при Кутайбе неуклонно двигались вперед. Все больше персов и тюрок принимали ислам, и все чаще арабские армии сопровождали набранные на местах рекруты из новообращенных мусульман. Этот успех отчасти объяснялся мудрой политикой самого Кутайбы. Он осознавал, что арабы смогут править этими отдаленными областями Центральной Азии только в том случае, если заручатся дружбой и содействием местных жителей. Он часто привлекал персов в качестве посредников, чиновников и даже местных управителей, пока некоторые арабы не начали жаловаться, что наместник «становится туземцем». Примечательно, что все великие арабские наместники Персии — Зийяд Сын-своего-отца, Мухаллаб и Кутайба — заботились о примирении с персами, но их усилий было недостаточно, чтобы нейтрализовать дурные последствия снобизма многих арабских военачальников.

В 712 г. Кутайба продвинулся до Сырдарьи, заняв Шаш и Фергану. В 713 г. он даже совершил набег на Кашгар, расположенный на территории Китая. Перейдя через горы к востоку от Ферганы, арабская армия захватила город, взяв пленных и добычу. Согласно Ибн ал-Асиру, арабские силы продвинулись дальше Кашгара «почти в Китай». К несчастью, до нас не дошло подробного рассказа об этом походе, для которого требовалось переправиться через одни из самых высоких гор на Земле.

Затем к Кутайбе прибыл посланник китайского императора, приглашавшего группу арабов посетить императорский двор. Для этого Кутайба выбрал двенадцать человек, отличавшихся прекрасными физическими данными и красноречием. Снарядив их со всей возможной роскошью, он дал каждому наставления и отправил в Кашгар. Когда эти арабы были впервые приглашены на аудиенцию к императору Китая, они омылись, надели свои самые мягкие и богатые одежды и щедро облили себя благовониями. Прием был кратким и не предполагал никаких разговоров, но после того как арабы удалились, император спросил своих прибли-

женных, какого они мнения о чужеземцах. Те ответили, что арабы, видимо, совершенно уподобились женщинам из-за своих мягких одеяний и духов.

Для второй аудиенции арабы облачились в хорошие, но простые одежды. И снова император задал тот же вопрос своим подданным, которые сказали, что на этот раз арабы были больше похожи на мужчин. На третью встречу мусульмане взяли свое оружие и надели шлемы, сбоку у каждого висел меч, а из-за плеча выглядывал лук, они сидели верхом на своих конях, держа в правой руке длинное копье. Когда они предстали перед императором, они вонзили свои копья в землю, спешились и приблизились к трону в полном вооружении, и их одежды были подпоясаны как перед боем. В конце аудиенции они снова сели на коней и разыграли безмолвную битву, действуя мечом и копьем на полном скаку. Император снова обратился к своим придворным, которые ответили, несомненно искренне, что никогда прежде не видели людей, подобных этим.

В конце концов, император якобы пригласил предводителя арабов на личную встречу, и это единственный случай, когда арабский историк упоминает о состоявшемся разговоре. «Теперь вы видели размеры моих владений, — начал император (это было примерно в двух тысячах миль от Кашгара), — ваши жизни находятся у меня в руках. Я хочу задать тебе вопрос. Если ты солжешь, тебя предадут смерти. Почему вы надевали новую одежду при каждой аудиенции?» — «В первый день, — ответил араб, — мы надели то, что носим среди своих жен или в кругу семьи. На второй день мы надели те одежды, в которых приходим к своим собственным правителям. На третий день мы выглядели такими, какими нас видят наши враги».

«Это кажется вполне разумным, — сказал император благосклонно, — а теперь я отпускаю вас к вашему повелителю. Скажите ему, что мне известно об его алчности и нехватке людской силы. Советую ему не ссориться со мной, иначе я пошлю против него людей, которые уничтожат и его, и вас».

«Как может он испытывать недостаток в людях, — смело ответил араб, — если передовой отряд его конницы уже в Китае, а арьергард — в стране оливковых рощ?»¹ И как может он питать алчность к этому миру, который ничего не стоит? А что касается твоей угрозы убить нас, то день нашей смерти установлен заранее и мы ждем его без страха или отвращения».

«Чего же тогда желает ваш повелитель?» — спросил император.

«Он поклялся, — ответил храбрый Хубайра, — что не повернет назад, пока не пройдет по земле твоей страны и не поставит своего клейма на шеи ваших царей и не соберет с вас дани».

«Мы освободим его от этой клятвы, — ответил император мягко, по-видимому, совершенно не задетый упоминанием о дани. — Мы пошлем ему немного земли нашей страны, чтобы он мог пройти по ней, и некоторые из наших сыновей пойдут с вами, чтобы он мог заклеить их шеи, а что касается дани, то мы пошлем ее в достаточном количестве».

Затем было принесено золотое блюдо, на котором лежало несколько пригоршней китайской земли. Четверым молодым людям было приказано отправиться с арабами, чтобы Кутайба мог заклеить им шеи и отослать назад. После этого арабов осыпали дарами и вручили богатое подношение, состоявшее из золота и серебра, для их повелителя, чтобы освободить его от обязательства получить дань с императора Китая.

Вот такой красочный рассказ приводит ал-Табари. Однако вовсе не исключено, что в действительности у этой делегации были коммерческие цели. Основой благосостояния народов Средней Азии была торговля с Китаем. Возможно, арабские набеги на Кашгар встревожили их. Состояние войны между арабами и Китайской империей должно было положить конец торговле, что для них означало финансовый

¹ Испания.

крах. Кутайба, как мы уже видели, стремился к примирению с местными жителями и вполне мог направить эту миссию по их просьбе, чтобы обеспечить бесперебойное продолжение их торговли. В последующие годы китайский двор предстояло посетить многим другим посольствам. Китайские летописи подтверждают, что миссия Кутайбы прибыла в 713 г., и отмечают, что арабы отказались совершить обычный низкий поклон коу-тоу перед императором¹.

* * *

В то время как боевые знамена арабов двигались вперед к победе в Испании, Малой Азии, Синде и Центральной Азии, Валид в 705 г. назначил наместником Медины молодого человека, который, в отличие от других представителей его народа и поколения, не интересовался войной. Омар ибн Абд ал-Азиз был двоюродным братом Валида, а его отец Абд ал-Азиз доводился родным братом Абд ал-Малику². Не успел он прибыть в Медину, чтобы занять свой пост, как созвал в свой дом религиозных лидеров и кадиев. Он сообщил им, что желает править единственно по законам Бога, и умолял их часто удостоивать его своими советами, которыми он обещал неизменно руководствоваться. Подобное смирение со стороны наместника наполнило сердца жителей Медины и Мекки радостью после стольких войн с осадами и отрубленными головами, к чему они уже успели привыкнуть за последние двадцать пять лет.

Однако восточной половиной империи в то время все еще железной рукой правил Хадджадж ибн Юсуф. Правда, мятеж и сопротивление прекратились, а войска, снова ставшие дисциплинированными и победоносными, вторглись в Китай и Индию. Но кровь, пролитую этим тираном, не так просто было простить. Многие иракцы больше не хотели жить в стране, которой правил Хадджадж, и предпочли бы перебраться в Медину или Мекку, где благочестивый

¹ Н. А. R. Gibb. *Op. cit.*

² См. генеалогическое древо, с. 83.

молодой наместник, видимо, открыл секрет, как поддерживать порядок без кровопролития. Омар оставался наместником Медины шесть лет, посвящая большую часть своего времени религиозным изысканиям, хотя и жил в удобстве и не был чужд земных радостей. За это время миграция иракцев в Медину разозлила Хадджаджа, который, в конце концов, написал Валиду, жалуясь, что при Омаре ибн Абд ал-Азизе священные города превратились в средоточие интриг, нацеленных против автора послания и сплетаемых недовольными иракцами. На смертном одре Абд ал-Малик, отец молодого в то время Валида, просил последнего всегда руководствоваться советами Хадджаджа, единственного понастоящему преданного слуги правящей династии. «Сын мой, ты нуждаешься в нем больше, чем он в тебе», — сказал старый халиф.

Валид внял отцовскому завету и неизменно выполнял всякую просьбу со стороны наместника Ирака и Персии. Он не только решил незамедлительно сместить Омара, но и назначил на освободившийся пост кандидата, выдвинутого Хадджаджем. Прибыв в Медину, новый наместник повелел всем иракцам немедленно вернуться в свою страну, или же им отрубят головы, что было обычным наказанием. Омар ибн Абд ал-Азиз беспрепятственно вернулся в Дамаск в 712 г. Однако недовольству иракцев суждено было вскоре закончиться, так как Хадджадж, двадцать лет правивший восточными провинциями империи, умер в августе 713 г. В момент смерти ему было всего пятьдесят четыре.

Забавную историю о Хадджадже рассказывает Масуди. Когда Хадджадж еще был наместником Ирака, его посетил молодой двоюродный брат, кочевник из племени Такиф, и спросил, почему он не поставил свободных арабов, вроде него самого, править «этими городскими парнями». Сам Хадджадж был прекрасно образован, говорил на превосходном арабском, сочинял стихи и цитировал классических авторов. Этот же неотесанный кочевник, очевидно, был совершенно невежественен. «Городские жители, о которых ты

говоришь, умеют читать и писать, а также изучили арифметику, — объяснил наместник. — Ты неграмотен, и я не думаю, что ты умеешь хотя бы складывать».

«Дерзну сказать, что я умею складывать и писать не хуже, чем они», — гневно сказал бедуин.

«Ладно, посмотрим, — ответил, наверняка с усмешкой, Хадджадж. — Как бы ты разделил три дирхема между четырьмя претендентами?»

Мгновение кочевник казался обескураженным, а затем жизнерадостно ответил: «Конечно же, о Эмир¹. Я бы дал по дирхему троим из них, а потом, — он открыл грязную суму, привязанную к его поясу, — я бы дал четвертому человеку дирхем из своего собственного кошелька. Тебе не провести меня этими городскими фокусами».

От этого остроумного ответа наместник и его приближенные так и покатались со смеху. «Клянусь Богом² — сказал Хадджадж, — жители Исфахана задолжали налоги за три года. Ни один из наместников, которых я посылал туда, не смог заставить их заплатить ни дирхема — ты как раз тот человек, который нужен для этого дела».

Искушенные исфаханцы обрадовались, когда к ним в качестве наместника прибыл неграмотный бедуин. Такого простака, не сомневались они, нетрудно провести. Поэтому они встретили его с особым почтением, целуя ему руки и ноги.

«Почему вы не уплатили своих налогов?» — прямо спросил новый наместник.

«Все наши прежние наместники угнетали нас», — захныкали горожане, чрезвычайно позабавленные подобным простодушием пастуха.

«Ладно, а что вы собираетесь предпринять по этому поводу теперь?» — спросил наместник.

«Дай нам восемь месяцев, и мы соберем деньги», — ответили они, посмеиваясь.

¹ Эмир — на арабском языке наместник. — *Примеч. ред.*

² У мусульман клясться Богом не считается кошунством.

«У вас есть десять месяцев, — сказал кочевник, — но назовите мне имена десяти поручителей, которые выступят гарантами».

Когда десять месяцев истекли, он послал за поручителями и потребовал денег. «Год выдался неудачный — дела совсем остановились — зимой не было дождей», — начались все прежние отговорки. «Отрубите голову первому поручителю, — сказал араб, — и прибейте ее к дверям».

Через несколько часов к первой голове присоединилась вторая, но прежде чем был обезглавлен третий поручитель, горожане выплатили долги за четыре года. Наш бедуин успешно справился с обязанностями наместника Исфахана, которые ему предстояло выполнять еще многие годы.

Имя Хадджаджа ибн Юсуфа вошло в историю, как и сам образ этого бессердечного тирана. Некоторые обвиняют его в жестокости и садизме. Помимо того что он предал смерти множество людей, он, как говорят, оставил после себя полные темницы, в которых томились как мужчины, так и женщины. Другие — те, кто не питает симпатий к иракцам, — в восторге восклицают, что он единственный, кто когда-либо правил народом этой страны так, как тот заслуживает. Правда, жители Куфы стяжали дурную славу своим непостоянством и мятежами. Чтобы справиться с их проступками, понадобилось три авторитарных наместника, Зийяд Сын-своего-отца, Убайдаллах сын Зайяда и Хадджадж ибн Юсуф. Каждый из них дал Ираку много лет мира и безопасности, однако стоило оказаться у власти более умеренному наместнику, как вновь воцарялся хаос. Таким образом, они положили начало традиционному представлению, что иракцами можно управлять только силой, — в определенной степени этот взгляд до сих пор присутствует в арабской политике. Однако его опровергли не только первые мусульмане, но и Муавия II, основатель династии бану Омейя, который допускал довольно значительную свободу слова и оказался единственным халифом, против которого не было ни одного восстания.

Абд ал-Малик, как мы помним, назвал своим наследником Валида, а после него — своего второго сына Сулеймана. Народ поклялся в верности обоим. Примерно за два года до своей смерти Валид попытался отстранить от власти своего брата Сулеймана, с которым у него были не слишком сердечные отношения, и заручиться клятвами в верности своему собственному сыну как официальному наследнику. Однако Сулейман не пожелал отступить от своего права. Валид написал наместникам провинций, приказав, чтобы они привели население к присяге на верность его сыну, но повиновались ему только Хадджадж и Кутайба ибн Муслим в Хорасане. В Дамаске молодой Омар ибн Абд ал-Азиз, благочестивый наместник Медины в отставке, заявил, что присягнул Сулейману при Абд ал-Малике и не может нарушить своей клятвы. Валид приказал бросить его в тюрьму.

В конце февраля 715 г. Валид умер в возрасте сорока шести лет. Он правил десять лет и оставил после себя двенадцать сыновей. Его правление было сплошной чередой военных побед. В течение десяти лет его халифата империя расширялась быстрее, чем за любой другой равный по времени период в прошлом или будущем, если не считать правления Омара ибн ал-Хаттаба с 634 по 644 г. Валид никогда сам не вел свои войска в бой, хотя его сыновья и особенно брат, Маслама ибн Абд ал-Малик, постоянно участвовали в войне с Византией. Но хотя Валид не командовал своими армиями лично, именно его мудрый и твердый контроль стал основной причиной внутреннего мира и, следовательно, внешней экспансии. Враги обвиняли его в упрямстве, авторитарности и деспотизме, а друзья ставили ему в заслугу твердость и силу. В том, что касалось денег, он был щедр и тратил огромные суммы на строительство и общественные работы.

Память о нем в первую очередь связана с расширением и украшением большой мечети в Дамаске. Почти все Омейяды занимались обустройством своей столицы, но Валид, возможно, сделал больше других. Воды реки Барада, протекающей через город, находились под таким тщательным

учетом и так умело отводились, что во дворе почти каждого дома, независимо от социального статуса владельца, имелся фонтан или мраморный водоем. «Дворец, — пишет древний арабский хронист, — был полностью вымощен зеленым мрамором. В центре двора находился огромный бассейн с водой, которая орошала сад, где росли красивейшие растения и деревья всех сортов, а бесчисленные певчие птицы, чье пение не уступало сладчайшим мелодиям, придавали ему живость и разнообразие».

«Дворец халифов, — пишет фон Кремер, — сиял золотом и мрамором, прекрасные мозаики украшали стены и пол, от неиссякающих фонтанов и каскадов веяло ароматной прохладой, и их нежное журчание клонило к освежающей дремоте. Потолки в комнатах блистали золотом. Во внутренних покоях жили прекраснейшие женщины мира»¹.

Валид был более всего популярен в Сирии, где он щедро помогал бедным, прокаженным и слепым. Его особенно интересовало поощрение производства, но, наверное, главным его увлечением была архитектура.

Его арабский не соответствовал грамматическим канонам, поскольку, будучи мальчиком, он отказывался уделять какое-либо внимание своим урокам. В конце концов потворствовавший ему отец повелел учителям оставить его в покое. Однако неправильность его способа выражать мысли все же смущала Абд ал-Малика, строгого поборника чистоты речи. Рассказывают, что, когда наместником Медины был Омар ибн Абд ал-Азиз, Валид совершил паломничество и молился в мечети Пророка. Во время своей проповеди он процитировал стих из Корана, «О, если бы при этом была и смертная кончина!»², употребив неправильное падежное окончание. Перед ступенями кафедры стояли его братья Омар ибн Абд ал-Азиз и Сулейман ибн Абд ал-Малик, и Сулейман воскликнул: «Клянусь Богом, это было бы хорошо».

¹ Von Kremer, op. cit. Я слегка сократил оригинал.

² Коран, сура 69; перев. Саблукова, т. 2, с. 1085.

Интересно отметить, что уже тогда имело место тираническое господство арабского языка¹.

В целом Валид, видимо, был серьезным и способным правителем, и при нем империя завоевала столь большую военную славу. Критика, которая с тех пор направляется в его адрес, в немалой степени связана с жестокостями Хадджаджа, каждое действие которого встречало безоговорочную поддержку Валида.

* * *

Сулейман ибн Абд ал-Малик был провозглашен халифом в Рамле в тот самый февральский день 715 г., когда в Дамаске умер Валид. Незамедлительно все те, кто поддерживал Валида, были смещены, а те, кто при последнем служили источником беспокойства, были возвышены. Хадджаджу посчастливилось умереть раньше Валида. Напомним, что Йазид, сын великого Мухаллаба, был посажен в тюрьму Хадджажем. Однако он бежал из заключения и нашел прибежище у Сулеймана, который, вероятно, всегда с распростертыми объятиями встречал тех, кого не устраивало правление Валида. Валид тотчас же приказал Сулейману выдать беглеца. Но древние обычаи арабов обязывали хозяина защищать своего гостя, и Сулейман отказался. Напряженные отношения между халифом и его братом угрожали взрывом насилия, но Йазид ибн Мухаллаб заявил о своей готовности сдаться, чтобы не стать причиной гражданской войны. В конце концов Йазид сдался, но Сулейман послал вместе с ним своего собственного сына, сковав его одной цепью с Йазидом и поручив ему умолять халифа, чтобы тот не пятнал его чести араба, причиняя зло его гостю. Валид признал справедливость этого требования и отпустил Йазид.

(В 1929 г. в моем лагере в пустынях Ирака появился человек, который разыскивался ибн Саудом за серьезное

¹ Арабский язык пользовался огромным религиозным престижем, поскольку, как верят мусульмане, сам Бог использовал его, диктуя Коран. Следовательно, это был язык Неба.

преступление. Король потребовал, чтобы он сдался, но когда я заявил, что этот человек является моим гостем, король немедленно отказался от своего требования.)¹

Стоит напомнить, что Валид пытался заручиться клятвами в верности своему сыну как официальному наследнику, но только Хадджадж и Кутайба ибн Муслим выказали готовность повиноваться. Хадджадж был мертв, но Кутайба по-прежнему возглавлял свою армию на границах Китая. Когда до него дошла весть о смерти Валида и восшествии на трон Сулеймана, он понял, что ему грозит крах, а возможно, и гибель. Он посоветовался со своими братьями и приближенными, некоторые из которых рекомендовали ему безотлагательно восстать. В далеком Хорасане, пользуясь поддержкой победоносной армии, он был бы вне досягаемости для халифа Дамаска.

В недобрый час Кутайба принял это предложение и, собрав свои войска, обратился к ним с речью, в которой осудил нового халифа и призвал армию поддержать требование о его низложении. «Признайте меня, — вскричал он, — иракцем по всему. Иракцем по отцу и по матери, иракцем по рождению, иракцем в чувствах, мыслях и верности. Не позволяйте сирийцам прийти и уничтожить вашу страну. Смотрите, как процветаете вы здесь в Хорасане. Царит общественное спокойствие, дороги безопасны, торговля оживлена. Где раньше кипела война, сегодня вы можете без страха или помех путешествовать в Балх, Бухару и Самарканд. Встаньте на мою сторону, и мы не позволим сирийцам вмешаться».

Когда военачальник закончил свою речь, криков одобрения не послышалось. Многие солдаты смотрели друг на друга и говорили с сомнением: «То, к чему он призывает, означает гражданскую войну, а она в прошлом принесла этой стране несказанные несчастья». Интересно отметить, что жители Куфы и Басры составляли в армии лишь меньшинство, а большая часть состояла из представителей кочевых

¹ *The Story of the Arab Legion.*

племен. Ал-Табари описывает тогдашний состав хорасанской армии следующим образом:

люди из Басры	— 9000;
люди из Куфы	— 7000;
бану Бакр	— 7000;
бану Тамим	— 10 000;
Азд	— 10 000;
Абд ал-Кайс	— 4000;
вольноотпущенники	— 7000;
и новообращенные из местных жителей	
<i>всего</i>	— 54 000.

Из пятидесяти четырех тысяч человек только шестнадцать тысяч были родом из Куфы и Басры. Быть может, бесовственная попытка Кутайбы вбить клин между сирийцами и иракцами импонировала этим людям, но она встретила гораздо меньший отклик со стороны племен. Видя, что его призыв не достигает цели, Кутайба вышел из себя и начал оскорблять бану Бакр, бану Тамим, Абд ал-Кайс и Азд, упоминая название каждого племени. Ничего более пагубного нельзя было и придумать, ведь в том, что касалось чести, этих запальчивых, страстных людей было легко довести до неистовства. Командир, который вел их к победе в течение стольких лет, оскорбил их в самых унижительных выражениях. Теперь между ними все было кончено. Оставалось только смыть эти оскорбления кровью.

Лагерь пришел в смятение, люди повсюду бежали к оружию, кто-то спорил, другие кричали. Кутайба, видимо, понял, что сам подписал себе смертный приговор. Он отступил и сел в своем шатре. Сначала он послал за своим конем, но потом решил, что это бесполезно. Он аккуратно надел головной платок, некогда присланный ему матерью, который он с тех пор всегда надевал в бою (удивительно обнаружить подобную сентиментальность у столь безжалостного борца). Рев возмущенных воинов становился все громче. Кутайба тихо сел на кровать — такие люди всегда знали, как

нужно умирать. Скоро мятежники окружили шатер. Кое-кто из приближенных главнокомандующего выскользнул наружу и покинул его. Он встал лицом к своим солдатам и произнес:

«Каждый день я стрелять его метко учил,
Он достиг мастерства и меня застрелил»¹.

Затем разгневанные воины ворвались в шатер, и через несколько мгновений все было кончено.

По всей вероятности, Кутайба был талантливым военачальником. Он выиграл все свои сражения с народами, которые всегда были превосходными бойцами. К тому же он вел свои кампании в далекой и труднопроходимой местности у подножия крыши мира, где ему приходилось полагаться исключительно на свои собственные силы. Мы не знаем, почему он повел себя именно так, но, возможно, ему стало известно о том, что Сулейман предложил казнить его, а значит, у него оставался только один шанс выжить — подтолкнуть свою армию к восстанию.

Со смертью Хадджаджа и Кутайбы продвижение в глубь Центральной Азии остановилось на двадцать пять лет. Найти замену для двух столь выдающихся лидеров оказалось непросто.

* * *

Едва успев взойти на халифский трон, Сулейман назначил наместником Ирака Йазида ибн Мухаллаба. Однако, полагая, что быть преемником Хадджаджа — непростая задача, Йазид убедил халифа освободить его от этого назначения и сделать его наместником Хорасана вместо Кутайбы. Стоит напомнить, что отец Йазида, прославленный Мухаллаб ибн Аби Суфра, занимал ту же должность. Джурджан был населен тюрками, которые уже долгое время тревожили

¹ Это цитата из поэмы доисламского времени. Когда я был отстранен от командования Арабским легионом, один из моих бывших солдат прислал мне на клочке бумаги эти самые строки.

арабов своими набегами на Кумис и Табаристан¹. Как мы увидим, центр Персии занимала Великая Соляная пустыня, которая лишь на сотню миль не доходила до южных берегов Каспийского моря. Этот проход шириной в сто миль преграждали горы Эльбрус. Совершая набеги в этот район, жители Джурджана часто прерывали сообщение между Реем и Хорасаном. Вследствие трудности этого пути сообщение с Хорасаном у арабов теперь осуществлялось из Басры через Фарс и Керман.

Йазид ибн Мухаллаб решил помериться силами с тюрками Джурджана. В ходе тяжелой военной кампании он их разгромил. Кровавое пролитие было огромным — множество народу погибло и в бою, и после него, так как, по-видимому, все пленники были обезглавлены. Женщин и детей продали в рабство. Добычу стоимостью в сорок миллионов или более дирхемов отправили халифу в Дамаск в качестве положенной пятинны. В своем донесении о победе Йазид похвастался, что ни Шапур, ни Хосров (доисламские императоры Персии), ни Омар ибн ал-Хаттаб, ни Осман (первые халифы-завоеватели) никогда не наносили подобного поражения тюркам. Теперь по всему восточному фронту от Каспия до Инда арабы оставили позади границы Персии и повсюду вели войну с тюрками, монголами, китайцами и индийцами. Джурджанская кампания Йазидов состоялась в 716 и 717 гг.

¹ Карта 25, с. 215.

Спасение Константинополя можно, в большой степени, отнести за счет... действенности греческого огня... Это достижение военного искусства, к счастью, сохранилось до того тревожного периода, когда выродившиеся римляне Востока уже не могли тягаться с воинственным энтузиазмом и юношеской энергией сарацин.

Гиббон.

Упадок и гибель Римской империи

Он неизменно придерживался мнения, хотя и непопулярного, но которое он всегда был готов отстаивать, что право управлять — не собственность, а имущество, которым распоряжаются по доверенности.

Чарльз Джеймс Фокс

Великодушие в политике нередко оказывается самой настоящей мудростью; огромная империя и ограниченные умы плохо сочетаются.

Эдмунд Берк

Мудр ли и разумен кто из вас, докажи это на самом деле... Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь... ибо где зависть и сварливость, там неустройство и все худое. Но мудрость, сходящая свыше... мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна.

Иаков, 3:13-17

Когда короля называют добрым человеком, его правление неудачно.

Наполеон Бонапарт

Глава IX

ПРАВЕДНЫЙ ХАЛИФ

Важные даты

Приход к власти Сулеймана ибн Абд ал-Малика	– 715 г.
Осада Константинополя	– 716–717 гг.
Смерть Сулеймана	– 717 г.
Воцарение Омара ибн Абд ал-Азиза.	
Смерть Омара ибн Абд ал-Азиза	– 720 г.
Воцарение Йезида II ибн Абд ал-Малика	– 720 г.
Рождение Абдаллаха ибн Мухаммада ибн Али из клана Аббасидов	– 722 г.
Смерть Йезида ибн Абд ал-Малика	– 724 г.

Персоналии

Халифы.

Сулейман ибн Абд ал-Малик.

Омар ибн Абд ал-Азиз.

Йезид ибн Абд ал-Малик.

Византийские императоры.

Юстиниан II Безносый – 705–711 гг.

Филиппик – 711–713 гг.

Анастасий II – 713–716 гг.

Феодосий III – 716 г.

Лев III Исавр – 716–741 гг.

Маслама ибн Абд ал-Малик, главнокомандующий армией.

Мухаммад ибн Али ибн Аббас, организатор революционной пропаганды в пользу клана бану Аббас.

Величайшей военной акцией, предпринятой в правление Сулеймана ибн Абд ал-Малика, стала осада Константинополя. На этот шаг его побудило существовавшее якобы пророчество о том, что столица Византии будет захвачена мусульманами при правителе, который будет носить имя пророка¹. Еще в правление Валида арабские армии проложили себе путь через Малую Азию, не дойдя ста пятидесяти миль до Константинополя, чему весьма способствовало то состояние хаоса, в котором пребывала Византийская империя при Юстиниане II Безносом. Но после смерти последнего беспорядки только усилились.

После Юстиниана царскую порфиру надел военачальник, возглавлявший мятеж, в итоге которого и свергли императора. Однако, процарствовав всего восемнадцать месяцев, узурпатор Филиппик сам был убит, а новый император, под радостные крики народа, принял имя Анастасия II. В течение его короткого правления до Константинополя дошли вести о масштабных приготовлениях, которые велись в Сирии и имели конечной целью захват Константинополя. Сообщения были достаточно тревожными, чтобы побудить правительство Византии собрать внутри городских стен огромные запасы продовольствия и приказать всем слабым и немощным покинуть столицу. Огромные башни и зубцы стен отремонтировали и увеличили в высоту. Были собраны большие запасы оружия, снарядов и военного снаряжения, а флот получил подкрепление за счет поспешного сооружения дополнительных судов.

¹ Имя Сулейман, безусловно, являлось арабским эквивалентом Соломона. Пророчество сбылось семь веков спустя, когда Константинополь был взят турками-османами под командованием Мехмеда, то есть Мухаммеда.

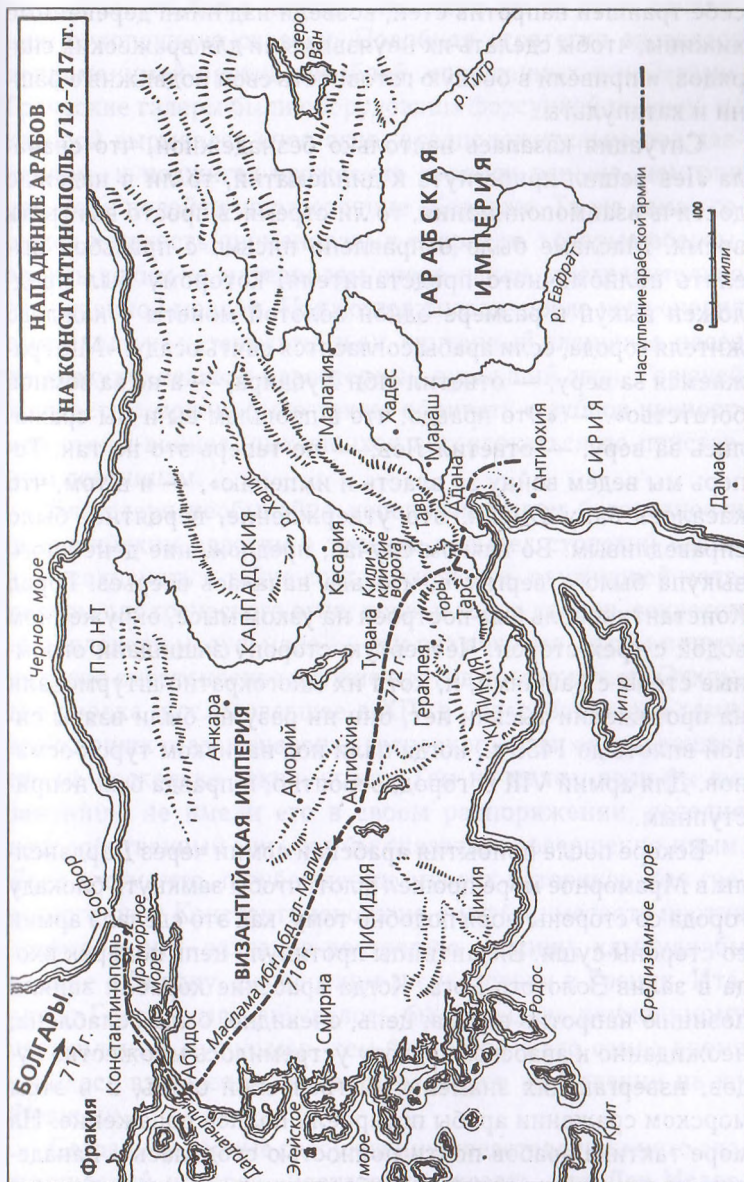
Однако в 716 г. Анастасий был свергнут, а войска провозгласили императором никому не известного правительственного чиновника по имени Феодосий. По мере того как Маслама ибн Абд ал-Малик во главе арабской армии подходил все ближе к Константинополю, столица все глубже погружалась в хаос. Тем не менее в самый критический момент неминуемой опасности на сцену вышел человек, которому предстояло спасти государство.

Лев, по прозвищу Исавр, был незнатного происхождения, родился в 680 г. на границе с Сирией вблизи Мараша¹. Рассказывают, что он мог свободно изъясняться по-арабски. Он сделал выдающуюся военную карьеру в византийской армии, и Анастасий II поручил ему командование восточными частями, отвечавшими за оборону границ Армении. Когда же трон Анастасия захватил узурпатор Феодосий, Лев двинулся на Константинополь, в результате чего Феодосий был свергнут и заточен в монастырь, а Исавр стал императором под именем Льва III. Нельзя было терять ни минуты, потому что Маслама с 80 000 воинов уже беспрепятственно переправился через Дарданеллы у Абидоса и шел маршем через Фракию, чтобы напасть на город с запада. Халиф повелел ему любой ценой продолжать осаду, пока город не падет. Чтобы доказать свою решимость, Маслама приказал каждому всаднику в своей армии навьючить по два мешка зерна на своего коня. Как только армия расположилась под стенами города, осаждающие вспахали землю вокруг своих лагерей и посеяли зерно, которое привезли с собой, приготовившись терпеливо ждать всходов и урожая, пока победа не увенчает их оружия. Они быстро выкопали

Карта 26

Нападение арабов на Константинополь. 712–717 гг.

¹ Исаврия представляла собой маленькую провинцию на северных склонах гор Тавра.

себе траншеи напротив стен, возвели над ними деревянные хижины, чтобы сделать их неуязвимыми для вражеских снарядов, и привели в боевую готовность свои подвижные башни и катапульты.

Ситуация казалась настолько безнадежной, что сначала Лев решил прибегнуть к дипломатии, то ли в надежде достичь взаимопонимания, то ли стремясь просто выиграть время. Масламе было отправлено письмо с просьбой выслать полномочного представителя, которому был предложен выкуп в размере одной золотой монеты с каждого жителя города, если арабы согласятся снять осаду. «Мы сражаемся за веру, — ответил Ибн Хубайра, — а не за земное богатство». — «Это правда, что в прошлом вы и мы сражались за веру, — ответил Лев, — но теперь это не так. Теперь мы ведем войну за власть и империю», — и в том, что касалось бану Омейя, это утверждение, вероятно, было справедливым. Во всяком случае, предложение денежного выкупа было отвергнуто, и осада началась всерьез. Город Константинополь был построен на узком мысе, окруженном водой с трех сторон. Четвертую сторону защищали огромные стены с башнями, и, хотя их многократно штурмовали на протяжении тысячи лет, они ни разу не были взяты силой вплоть до 1453 г., когда пали под натиском турок-османов. Для армий VIII в. город, вероятно, и правда был неприступным.

Вскоре после прибытия арабской армии через Дарданеллы в Мраморное море прошел флот, чтобы замкнуть блокаду города со стороны моря подобно тому, как это сделала армия со стороны суши. Византийцы протянули цепь поперек входа в залив Золотого Рога. Когда арабские корабли заняли позицию напротив города, цепь, очевидно, была ослаблена; неожиданно к арабскому флоту устремилось множество судов, извергающих знаменитый греческий огонь, и в этом морском сражении арабы потерпели полное поражение. На море тактика арабов почти полностью сводилась к нападению на вражеские корабли и абордажу, то есть к превраще-

нию морского боя в хорошо знакомую им на суше отчаянную рукопашную схватку. Подобная стратегия оказалась неприменимой против кораблей, оснащенных огнеметами. Греческие галеры были оборудованы форсункой на носу, из которой вырывался сноп огня, предположительно под давлением, и поджигал вражеские корабли раньше, чем они успевали подойти на расстояние абордажа. Та же самая горючая жидкость применялась в снарядах, которые обертывались каким-то материалом вроде пакли, предварительно пропитанной маслом. Паклю поджигали, после чего снаряд выпускали из катапульты, и он, окутанный пламенем, несясь по воздуху, издавая характерный пугающий звук. Горючей жидкостью можно было также обливать с зубцов крепостной стены воинов, пытавшихся вскарабкаться по приставным лестницам.

Благодаря необычайно успешным мерам безопасности византийским властям в течение четырех столетий удавалось сохранять в тайне состав жидкости, служившей материалом для греческого огня, пока, в конце концов, секретом не завладели мусульмане — как раз вовремя, чтобы применить это смертоносное оружие против крестоносцев. Открытие пороха, последовавшее в XIV в., способствовало тому, что в наших глазах значение греческого огня, опередившего его на несколько веков, упало. Тем не менее, если бы византийцы не имели его в своем распоряжении, сегодня наш собственный мир мог бы оказаться совершенно иным. Дело в том, что, по убеждению многих историков, без греческого огня Константинополь не смог бы выстоять против арабов, а они, захватив восточную столицу, хлынули бы дальше в Европу. Варварским государствам в Греции, Италии и Галлии едва ли удалось бы помешать неумолимому наступлению мусульман, тем более что в это самое время началось вторжение арабов и берберов из Испании на юг Франции.

Сегодня подобные рассуждения представляют чисто академический интерес. Достаточно сказать, что Лев Исавр,

уничтожив арабский флот, выиграл первый бой в период осады. Во втором победил «генерал Зима». По воле рока, явно не сочувствовавшего арабам, зима 716–717 гг. была необычайно суровой, и глубокий снег покрывал арабский лагерь более трех месяцев. Продовольствия и фуража остро не доставало, а одежда воинов, большинство которых прибыло из стран с теплым климатом, несомненно, совершенно не соответствовала погоде. Как сообщает один из историков¹, арабам приходилось есть своих коней (причем не только мясо, но и шкуры), корни и листья деревьев, и вообще все, что им удавалось отыскать, кроме земли. Лишения, которые они испытывали, дрожа в своих деревянных хижинах, очень напоминают нам о невзгодах, которые одиннадцать веков спустя претерпела британская армия в Крыму. К тому же потеря флота лишила их надежды получить дополнительное продовольствие или снаряжение из Сирии или Египта.

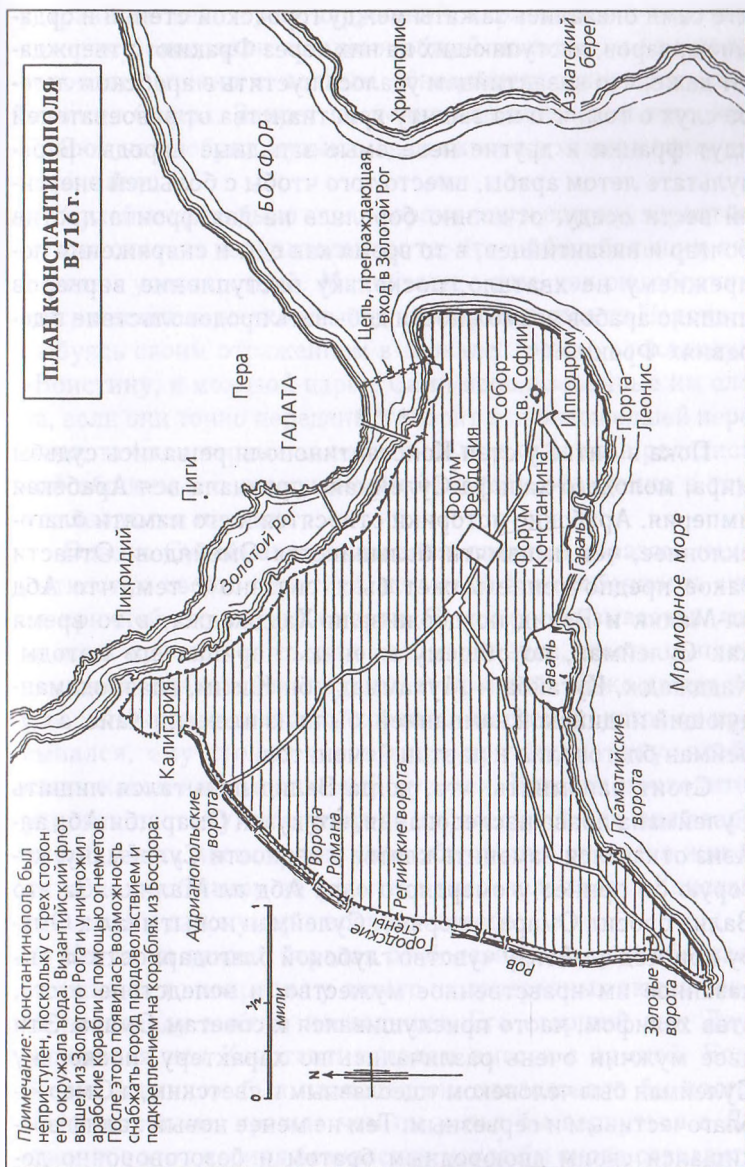
С началом весны положение осаждающих улучшилось, а новые эскадры, снаряженные в Африке и Египте, доставили им подкрепление, оружие и пищу. Но хотя у арабов имелась возможность разгрузить суда на некотором расстоянии от Константинополя, блокировать город они уже не могли, опасаясь нового огневого удара по своим кораблям. Таким образом, в Византий продовольствие могло поступать в изобилии через Босфор, в то время как осаждающие продолжали свое полуголодное существование у городских стен. Вместе с тем энергия и мужество Льва постоянно укрепляли боевой дух византийцев.

Однако, без сомнения, величайшим триумфом императора стало то, что ему удалось убедить дунайских болгар напасть на арабов с запада. Вскоре осаждающие обнаружили,

Карта 27

План Константинополя в 716 г.

¹ Ибн ал-Асир.

что сами оказались зажаты между городской стеной и ордами варваров, наступающих на них через Фракию. Утверждают даже, что византийцам удалось пустить в арабском лагере слух о том, что на защиту христианства от завоевателей идут франки и другие неведомые западные народы. В результате летом арабы, вместо того чтобы с большей энергией вести осаду, отчаянно боролись на два фронта против болгар и византийцев, в то время как еды и снаряжения по-прежнему не хватало, поскольку наступление варваров лишило арабов возможности добывать продовольствие в деревнях Фракии.

* * *

Пока в битве у стен Константинополя решались судьбы мира, молодого халифа Сулеймана признала вся Арабская империя. Арабские историки относятся к его памяти благосклоннее, чем к памяти большинства Омейядов. Отчасти такое предпочтение может быть связано с тем, что Абд ал-Малик и Валид поддерживали Хадджаджа, в то время как Сулейман, по общему мнению, порицал его методы. Хадджадж, Кутайба и Мухаммад ибн Касим, главнокомандующий индийской кампанией, были из племени Кайс, а Сулейман благоволил к партии йеменитов.

Стоит напомнить, что, когда Валид попытался лишить Сулеймана права наследования, его кузен Омар ибн Абд ал-Азиз отказался изменить клятве в верности Сулейману, которую он принес у смертного одра Абд ал-Малика. За это Валид бросил Омара в тюрьму. Сулейман испытывал к Омару ибн Абд ал-Азизу чувство глубокой благодарности за оказанное им нравственное мужество, и вследствие этого, став халифом, часто прислушивался к советам Омара. Эти двое мужчин очень различались по характеру, поскольку Сулейман был человеком тщеславным и светским, а Омар — благочестивым и серьезным. Тем не менее новый халиф восхищался своим двоюродным братом и безоговорочно доверял ему. Так, одним из первых шагов Сулеймана стало

устранение некоторых нарушений, вкравшихся в порядок, которому следовали во время общей молитвы, и эту меру, вероятно, можно с полным основанием отнести за счет влияния Омара. Запрет на пение под предлогом того, что Пророк не одобрял музыки, возможно, восходит к тому же источнику.

Сулейману не было еще и сорока лет, и потому, вероятно, можно считать извинительным то, что он был большим любителем удовольствий. Мы читаем о том, как он, облачившись в зеленое шелковое одеяние, присланное из Персии, и любуясь своим отражением в зеркале, громко воскликнул: «Воистину, я молодой царь». Сами использованные им слова, если они точно переданы, говорят о произошедшей перемене, так как первые халифы видели в себе глав религиозной общины и с возмущением отметали обвинение в том, что являются царями.

Однако Сулейман прославился, главным образом, ненасытностью своего аппетита, и именно эта особенность стала причиной его ранней смерти. О нем рассказывается, что за один присест он съедал целого ягненка, шесть цыплят, семьдесят гранатов и корзинку смородины. Даже ночью рядом с его кроватью стояли корзины сластей, и, когда он просыпался, ему стоило всего лишь протянуть руку, чтобы взять какой-нибудь лакомый кусочек. Едва ли приходится удивляться тому, что умер он от расстройства пищеварения. Однако, несмотря на свое обжорство, он питал живой интерес к событиям на фронте, намеревался взять Константинополь и даже умер в военном лагере.

Когда он лежал, страдая от болезни, которая оборвала его жизнь, то попросил у одного из доверенных людей совета по поводу выбора наследника. Его старший сын Дауд находился под Константинополем вместе с армией. Если бы наследником был назначен он, последовало бы долгое междоусобице, прежде чем он успел бы вернуться в Дамаск, и в этот период безвластия могла бы снова разразиться гражданская война. Его второй сын был слишком молод.

«Как насчет Омара ибн Абд ал-Азиза?» — спросил его советник.

«Ни мои сыновья, ни сыновья Абд ал-Малика не примут его», — ответил халиф.

«Назначьте его своим прямым наследником, — парировал Райа, — а ему пусть наследует ваш брат Йазид ибн Абд ал-Малик. Когда родственники увидят, что халифат вернется к сыновьям Абд ал-Малика, они позволят Омару править в промежутке».

Этот дипломатичный план был принят. Сулейман написал завещание, назвав своим наследником Омара ибн Абд ал-Азиза, но указав, что в случае его смерти халифат вернется к Йазиду ибн Абд ал-Малику. Затем документ был положен в конверт и запечатан. Тем не менее Сулеймана беспокоило то, как встретят это завещание. Поэтому он приказал Райе собрать принцев семьи Омейядов, чтобы они присягнули человеку, названному в запечатанном завещании халифа, кто бы это ни был. Несколько дней спустя Сулейман умер.

Когда печать была сломана и выяснилось что наследником избран Омар ибн Абд ал-Азиз, сыновья Абд ал-Малика (а их после него осталось семнадцать) сначала готовы были оспорить завещание. Но услышав, что преемником Омара станет один из них, Йазид, они уступили. Затем были спешно проведены приготовления к церемонии публичной присяги. В двери ударили конские копыта, конюх вывел вперед великолепного скакуна, а принцы и знать, все на прекрасных конях, приготовились принять участие в процессии.

«Что все это значит?» — спросил новый халиф.

«Это скакун для Государя правоверных, чтобы ехать во главе процессии», — ответил придворный.

«Мне он не нужен, — тихо ответил Омар, — приведите мне моего старого мула».

И этот незначительный эпизод задал тон всему его правлению.

* * *

Тем временем у стен и земляных валов Константинополя и в полях Фракии по-прежнему полыхала отчаянная битва. Каким мог быть ее исход, теперь остается только гадать, потому что халиф Сулейман до самой смерти оставался таким же решительным, как и прежде, и деловито собирал людей и все необходимое для подкрепления армии. Однако Омар ибн Абд ал-Азиз был человеком абсолютно другого мировоззрения, потому что руководствовался скорее совестью и религией, чем воинским честолюбием или чувственным сластолюбием. И одним из первых его шагов стало письмо к Масламе ибн Абд ал-Малику с приказом снять осаду и вернуться в Сирию.

* * *

В первые годы существования ислама, за восемьдесят или девяносто лет до того времени, о котором сейчас идет речь, первые два преемника Мухаммада жили в Медине как простые бедуины, а их армии уже сокрушали великие империи Персии и Византии. По материнской линии Омар ибн Абд ал-Азиз был правнуком второго наследника Пророка Омара ибн ал-Хаттаба, известного своей аскетической жизнью, что, впрочем, не отличало его разительным образом от его последователей, которые все без исключения были полны религиозного рвения. Но с тех давних дней арабы успели создать величайшую империю своего времени, и халифы жили во дворцах, окруженные толпами придворных, охраняемые со всех сторон стражниками и армией слуг.

В веселом светском городе Дамаске Омар ибн Абд ал-Азиз попытался подражать суровому аскетизму своего прадеда. Утверждают, что у него была всего одна грязная и заплатанная рубашка, а питался он практически одной постной похлебкой. Он с такой щепетильностью отделял свое личное имущество от государственного, что пользовался казенной свечой, когда занимался своей официальной

корреспонденцией, но как только работа была завершена, зажигал свою собственную лампу и гасил светильники, принадлежавшие государству.

Многие из тех историй, которые о нем рассказывают, без сомнения, содержат преувеличения, тогда как другие могут показаться нам откровенным абсурдом. Тем не менее порой вопреки историкам, мы начинаем подозревать, что в том, что касалось государственных дел, халиф Омар ибн Абд ал-Азиз обладал острой проницательностью. В течение шестидесяти лет вражда между курайшитскими кланами бану Хашим и бану Омейя разделяла империю на два враждебных лагеря — и эта распря привела к убийству Хусейна и возникновению движения шиитов. Со времени Муавии I мечети Сирии призывали проклятия на семью Али ибн Аби Талиба во время общей молитвы. И только в период халифата Омара ибн Абд ал-Азиза эта практика была прекращена. Ее запрещение было отнесено, возможно, оправданно, за счет благочестия халифа, но и с точки зрения политики стремление к прекращению распрей, которые уже столько раз ввергали империю в гражданские войны, несомненно, было проявлением мудрости.

Вместо проклятий, дотоле произносимых в адрес врагов бану Омейя, он приказал во время пятничного богослужения зачитывать с кафедры следующую молитву:

«О Господи, помилуй нас и наших братьев, которые предшествовали нам в вере. Не оставь в наших сердцах какой-либо вражды против наших единоверцев. О Господи, Ты всегда готов миловать и спасать нас».

Омар назначил наместником Мосула некоего Яхью ал-Гассани. Приступив к своим обязанностям, тот обнаружил, что воровство и разбой в городе считаются в порядке вещей. Он написал халифу, сообщая о положении дел и спрашивая: «Должен ли я хватать людей по подозрению и наказывать их по одному обвинению, или же арестовывать их при наличии ясного доказательства и в соответствии с законом?» В ответ Омар ибн Абд ал-Азиз написал, что

людей следует лишать свободы только в том случае, если их вина безусловно доказана, и в соответствии с законом, «ибо если правосудие не научит их честности, то и Бог, возможно, их не исправит».

Эта краткая выдержка из переписки VII в. проливает яркий свет не только на те взгляды, которых придерживался благочестивый халиф, но также и на действовавшие тогда методы управления. Наказывать людей, даже отрубать им головы на основании простого подозрения — возможно, именно так действовали Убайдаллах ибн Зайяд и Хадд-жадж, но показательно, что наместник Мосула счел для себя необходимым получить указания халифа относительно образа действия, которого ему надлежит придерживаться. В нижеследующем рассказе о времени своего правления наместник написал со ссылкой на письмо Омара, «поэтому я действовал соответствующим образом и покинул Мосул только тогда, когда он стал одним из самых спокойных городов, а кражи и грабеж в нем сделались редким явлением».

Возможно, нам трудно не упрекнуть арабское правосудие за то, что вопрос, вроде того, что задал наместник Мосула, вообще нуждался в ответе. Поэтому следует вспомнить о том, что в тогдашнем мире бессистемность методов правосудия была повсеместной. Даже хваленая римская юриспруденция применяла такой же грубый и примитивный подход. Например, в Деяниях (22:24) мы читаем о римском тысяченачальнике, который вместе со своими воинами спас Павла от толпы разъяренных иудеев. Доставив его в замок, тысяченачальник приказал «бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него». Даже в британской истории «подвергнуть допросу» означало пытаться с целью вырвать признание. Поэтому в своих взглядах на правосудие Омар явно опережал свое время.

Арабские историки объясняют административные меры Омара лишь его благочестием и с удовольствием распространяются о его аскетизме, благотворительности и привычке

регулярно проводить большую часть ночи в молитве со слезами, струящимися по лицу. Исполненный сарказма Гиббон, идя по их стопам, осудил правление Омара одной фразой. «Трон, — пишет он, — был унижен бесполезными и пагубными добродетелями фанатика». Должны ли мы принять эти оценки за чистую монету, или же в действительности Омар был правителем и администратором, опередившим своих современников? Разве он не действовал как мудрый государственный деятель, пытаясь прекратить жестокую вражду, разобщившую бану Омейя и бану Хашим? Неужели же тщательное разделение государственных и личных расходов и наказание обвиняемых только после подтверждения их преступления в соответствии с законом суть «пагубные добродетели фанатика»?

Исследователя ранней истории Арабской империи неизменно удивляет та внезапность, с которой идеалистическая теократия первых двух халифов с 632 по 644 гг. обернулась тиранией, жадностью и ожесточенными гражданскими войнами, которые через каких-то пятьдесят лет стали скорее правилом, чем исключением. Правда, произвол в управлении и внутренние неурядицы в ту эпоху были обычными и для христианской Византии, например, при Юстиниане Безносом. В VIII в. мятеж, интрига и личное честолюбие были характерной чертой государственной жизни во всех странах, а убийство, пытки и заключение без суда были обычными средствами всех партий. Исключением как раз был идеализм Абу Бакра, Омара ибн ал-Хаттаба и Омара ибн Абд ал-Азиза.

Мы уже упоминали о том, что Пророк заложил основу политики, согласно которой христиан и евреев не следовало насильственно обращать в ислам, но на них возлагалось более тяжкое налоговое бремя, чем на мусульман. Таким образом, принятие ислама людьми, исповедующими другие религии, приводило к тому, что новообращенные платили меньше налогов, а казна терпела убыток в своих доходах. Однако на деле эти правила нередко не исполнялись,

и новообращенным приходилось по-прежнему платить налоги по старым расценкам. Омар ибн Абд ал-Азиз постановил, что первоначальная политика должна соблюдаться со всей аккуратностью. Это решение привело к огромному всплеску обращений в ислам по всей империи. Очевидно, что эти перемены веры были обусловлены скорее финансовыми, чем религиозными мотивами, но тем не менее ислам от этого сильно выиграл. Сами новообращенные и впрямь могли быть не вполне искренни, но их дети воспитывались как мусульмане. Через два-три поколения соображения, ставшие причиной первых обращений, оказывались забытыми.

Омар ибн Абд ал-Азиз, безусловно, был прав, настаивая на равенстве мусульман неарабского происхождения с арабами. Последние представляли собой лишь малочисленный правящий класс империи, а неарабское большинство становилось все более беспокойным. Единственной альтернативой революции было объединение. К тому же равенство всех мусульман было основополагающим законом ислама, который не признавал расовых различий.

Однако в финансовой сфере Омар столкнулся с дилеммой, которую ему так и не удалось разрешить. Предоставление равенства в статусе мусульманам-неарабам должно было повлечь за собой два следствия. Во-первых, казна понесла бы колоссальный убыток. Во-вторых, неарабы получили бы право на ежегодное жалование от государства, но со времен второго халифа Омара ибн аль Хаттаба его платили только тем, кто в переписи населения значился как араб. Таким образом, в тот момент, когда государство решилось бы взять на себя это тяжелое новое обязательство, связанное с выплатой жалования, его доходы должны были резко упасть. Без сомнения, халиф Омар ибн Абд ал-Азиз рассматривал этот вопрос прежде всего в религиозном, а не финансовом ключе. В ответ на замечание, что, если все покоренные народы обратятся в ислам, казна разорится, он сказал: «Бог послал Своего Пророка, чтобы тот исполнял работу

апостола, а не сборщика налогов». Первейшей целью Омара было привести в действие систему, зародившуюся при Пророке и первых двух халифах. Проще всего было бы сказать, что условия изменились, а халиф был глупцом, но это значило бы пренебречь фактом существования почти непреодолимой проблемы.

Омар ибн Абд ал-Азиз, имевший мужество следовать своим убеждениям, распорядился, чтобы мусульмане-неарабы платили лишь те налоги, которые взимались с арабов, и тоже получили право на ежегодное пособие. В результате казна скоро стала испытывать трудности, и невозможно сказать, что бы случилось с государственными финансами, если бы в скором времени халиф не умер. Его наследники отменили его распоряжения и восстановили прежнюю систему налогообложения новообращенных, как если бы они не были мусульманами. У покоренных народов это, естественно, вызвало острое неприятие, которое тридцать лет спустя вылилось в революцию.

Теперь, оглядываясь назад, мы можем увидеть эту дилемму яснее, чем Омар и его современники, но даже сейчас непросто, если вообще возможно, найти для нее реалистичное решение. Если, что рано или поздно должно было стать неизбежным, неарабам предстояло платить одни и те же налоги с арабами, тогда понадобилось бы реформировать всю налоговую систему, и арабам пришлось бы платить больше, чтобы размер государственного дохода остался прежним. Иными словами, финансовые меры, принятые веком ранее в примитивном сообществе Медины, больше не годились для величайшей империи мира. Назрела необходимость в коренном преобразовании фискальной системы.

Ни Омар ибн Абд ал-Азиз, ни его современники не могли видеть этого. Для них проблема сводилась к одному частному вопросу: должны мусульмане-неарабы платить такие же налоги, как арабы, или нет? Но даже если бы Омар осознал необходимость финансовых реформ, маловероятно,

чтобы у него или кого-то другого хватило силы для их претворения в жизнь. Тут существовали два непреодолимых препятствия. Во-первых, арабы, все еще остававшиеся правящим классом, вполне могли воспротивиться изменениям и спровоцировать новую гражданскую войну. Во-вторых, существовавшие методы и тарифы налогообложения восходили к Пророку и двум первым халифам, а значит, обладали религиозным авторитетом, преодолеть который, вероятно, не было возможности.

В правление Омара ибн Абд ал-Азиза не велись крупные военные кампании. Незначительный всплеск движения хариджитов в Джазире был подавлен. Халиф Омар в этом случае действовал совершенно иначе, нежели его предшественники, которые, когда дело касалось хариджитов, прибегали к отрубанию голов, рук и ног с большей готовностью, чем при подавлении других мятежей. Омар ибн Абд ал-Азиз, напротив, предложил им прислать в Дамаск делегацию, чтобы рассказать о своих бедах.

По прибытии двух представителей хариджитов халиф из всех сил старался опровергнуть их доводы и объяснить, что сам Мухаммад запретил мусульманам убивать друг друга, хотя хариджиты считали справедливым предавать смерти всякого человека, исповедующего ислам, если он не принадлежит к их собственной узкой секте. Хотя еретики остались при своих ошибочных убеждениях, при жизни Омара они больше не становились источником беспокойства.

Примечательно, что правление доброго халифа обошлось без подстрекательства к бунту и междоусобных войн, однако можно утверждать, что именно в его время были посеяны семена революции, которая, в конце концов, уничтожила правящую династию. И это не удивительно, а вполне соответствует нормальному политическому процессу. Нередко случалось так, что в периоды самовластного и единоличного управления какая-то страна пребывала в покое, но как только к власти приходила более справедливая и

либеральная администрация, вспыхивало восстание. Так и милосердный халиф Омар положил начало движению, которое должно было привести его семью к краху.

Омар ибн Абд ал-Азиз умер 10 февраля 720 г. в возрасте тридцати девяти лет, пробыв на вершине власти всего два года и пять месяцев. Некоторые источники намекают, что он был отравлен своими кузенами из клана бану Омейя, чьи доходы он сократил, которые жаждали, чтобы халифат перешел к тому, кто даст им возможность по-прежнему наслаждаться придворной жизнью. Однако впоследствии против Омейядов действовала столь мощная политическая пропаганда, что подобные обвинения нельзя с готовностью принимать на веру.

* * *

Если бану Омейя почти в полном составе перебрались в Сирию, откуда они правили империей, раскинувшейся от Пиренеев до Инда, то их соперники по племени курайш, бану Хашим, оставались в Мекке и Медине, где продолжали жить в неизвестности, не принимая участия в жизни государства. Сами хашимиты теперь делились на две ветви — потомков Али ибн Аби Талиба и Аббаса¹. Обе ветви были одинаково близкими родственниками Пророка по мужской линии, поскольку и Аби Талиб, и Аббас были дядями Мухаммада. Но потомки Али имели то преимущество, что последний женился на дочери Пророка Фатиме. Значит, через нее дети Али ибн Аби Талиба стали прямыми потомками Посланника Божия. К тому же они играли более важную роль в становлении ислама. Али был халифом, а его сын Хусейн, как мы видели, принял мученическую смерть в Кербеле, породив тем самым секту шиитов.

Потомки Аббаса не играли никакой политической роли вплоть до правления Омара ибн Абд ал-Азиза. В 718 г. главой семьи Аббасидов являлся некий Мухаммад ибн Али ибн

¹ Генеалогическое древо, с. 39.

Абдаллах ибн Аббас¹, который жил в Шере, области к западу от Маана, ныне на территории королевства Иордания. Сирия была довольна бану Омейя и верна им. Поэтому Мухаммад ибн Али ибн Аббас направил секретных эмиссаров в Ирак и Хорасан, которые всегда завидовали Дамаску и бурлили от недовольства, чтобы те вели в этих городах политическую пропаганду в пользу дома Аббаса. Вскоре это движение обрело размах, особенно в Хорасане, издавна славившемся своей необузданностью, волнениями и воинственностью.

В 722 г. на территории современной южной Иордании у Мухаммада ибн Али ибн Абдаллаха ибн Аббаса, главы аббасидского клана племени курайш и создателя этой подпольной пропагандистской сети, направленной против Омейядов, родился сын. Младенца назвали Абдаллахом. Случилось так, что через несколько дней из Хорасана прибыла тайная миссия заговорщиков, чтобы обсудить свои планы с Мухаммадом ибн Али. Агитация, сообщили они, набирает ход, а наместникам провинций так и не удалось изблечь никого из эмиссаров, которые обычно маскируются под торговцев, чтобы оправдать свои перемещения с места на место. Гордый отец вынес на руках своего крошечного сына и показал своим тайным сторонникам. В будущем этому ребенку предстояло сделаться первым в долгой череде императоров и стяжать вполне заслуженное прозвище Кровавого.

* * *

Как только Омар умер, в соответствии с завещанием его старшего брата, халифа Сулеймана, халифом был провозглашен Йазид ибн Абд ал-Малик. Этот несколько бесцветный персонаж правил четыре года и умер в Ирбиде, расположенном на севере современной Иордании, 28 января 724 г. Он находился по влиянию Омара ибн Абд ал-Азиза,

¹ Генеалогическое древо, с. 39.

пока тот был жив, и, говорят, следовал его примеру сорок дней после того, как стал халифом. Затем испытание властью и соблазнами оказалось ему не по силам, и он предался удовольствиям.

У Йазида ибн Абд ал-Малика были две певицы, имена которых вошли в историю, Хабаба и Суллама. Хабабу он купил за четыре тысячи динаров, совершая паломничество в Мекку и Медину в обозе своего старшего брата халифа Сулеймана. Однако последний по какой-то неясной причине (поскольку Сулейман и сам не был блюстителем нравов) запретил эту покупку, и Хабабу продали одному египтянину. Через четыре года Йазид сам стал халифом. По этому торжественному случаю его жена Суада спросила его, осталось ли на земле что-то, чего он желает, или все его чаяния теперь вознаграждены. «Я все еще хочу Хабабу», — ответил бестактный муж. Суада послала в Египет на поиски рабыни, выкупила ее за четыре тысячи динаров и устроила, чтобы ее тайно доставили во дворец. Омытую, надушенную и облаченную в восхитительные одежды, Хабабу посадили в комнате за занавесом. Когда вошел муж, Суада безыскусно повторила свой вопрос: «Есть ли на земле, мой дорогой, что-то, чего ты все еще хочешь?» — «Ты уже спрашивала меня об этом, — с раздражением ответил Йазид, — и я сказал тебе, что все еще хочу Хабабу». — «Ладно, вот Хабаба, мой дорогой», — ответила лучшая из жен, широким жестом убирая занавес и тактично удаляясь из комнаты.

Но этой настоящей любви было отпущено лишь краткое время, поскольку вскоре после этого Хабаба умерла. Сраженный горем, халиф заперся в своей комнате, где провел семь дней, отказываясь видеть кого-либо, к раздражению своего воинственного брата Масламы, не терпевшего подобной несдержанности в эмоциях. Встревоженный тем, что по вине Йазида сам халифат может оказаться посмешищем, он убедил брата снова показаться на люди.

Йазид II производит на нас впечатление человека со слабым и мелким характером. Он склонялся к благочестию,

пока был жив Омар ибн Абд ал-Азиз, но когда влияние последнего прекратилось, быстро стал совершенно светским человеком. Быть может, достаточно сказать, что мы и помним-то его, главным образом, как владельца двух прекрасных рабынь, Хабабы и Суллады.

Я испытал все радости мира, кроме одной.
Я никогда не имел рядом с собой настоящего
друга, в обществе которого я мог бы отдохнуть
душой.

Халиф Хишам

На равнинах Тура арабы потеряли мировую империю, которая тогда почти была у них в руках. К этой катастрофе привела недисциплинированность и межплеменные раздоры — всегдашнее проклятие мусульманских общин.

Амир Али.

Краткая история сарацин

Завоевание Испании стало самой серьезной заявкой на Мировую империю, когда-либо сделанную арабами.

Р. А. Николсон.

Литературная история арабов

Глава X

ХОЗЯИН

Важные даты

Арабское вторжение в Южную Францию	– 718 г.
Хишам провозглашен халифом	– 724 г.
Арабы захватывают Ним	– 725 г.
Восстание в Хорасане	– 728 г.
Хазары вторгаются в Азербайджан	– 730 г.
Битва при Туре	– 732 г.
Поражение кагана тюрков в Харистане декабрь	– 737 г.
Арабы захватывают, а затем теряют Авиньон	– 737 г.
Восстание и гибель Зейда ибн Али в Куфе	– 740 г.
Берберское восстание в Северной Африке	– 740 г.
Битва благородных.	
Битва при Бакдуре в Африке	– 741 г.
Поражение берберов под Кайраваном от Ханзалы	– 742 г.
Восстановление арабского владычества в Северной Африке	– 743 г.
Смерть Хишама	– 743 г.

Персоналии

Халиф Хишам ибн Абд ал-Малик.

Маслама ибн Абд ал-Малик, брат Хишама, главнокомандующий.

Мерван ибн Мухаммад, оставленный Масламой на посту наместника Азербайджана.

Тюркский каган – «старый надоеда».

Ханзала ибн Сафван, наместник Ифрикии.

Эд, герцог Аквитании.

Карл Мартелл, майордом франкского короля, – 717–741 гг.

Абд ар-Рахман ибн Абдаллах, арабский военачальник, разбитый и павший при Туре.

Зейд ибн Али, внук Хусейна, убитый во время восстания в Куфе.

Абу Муслим, бывший раб из Куфы, завербованный для содействия пропагандистской кампании Аббасидов.

Хишам ибн Абд ал-Малик, сменивший на троне своего брата Йазид, был провозглашен халифом в возрасте тридцати четырех лет. В то время как Йазид отдавал предпочтение северной или кейситской племенной группировке, Хишам скорее склонялся к йеменитам. Через год после его восшествия на престол между двумя объединениями племен произошло настоящее сражение в Хорасане, несмотря на то что к границе в это самое время подступали тюрки.

Привычные набеги на территорию Византии продолжались, хотя теперь и ограничивались летними вылазками. Попыток завоевать империю и осадить Константинополь больше не предпринималось. Правда, энергичный характер императора Льва Исавра, казалось, вдохнул новую жизнь в древнюю и несколько одряхлевшую Византийскую империю. Однако, несмотря на это возрождение, в 726 г. Маслама ибн Абд ал-Малик снова занял Кесарию, а перевалы Таврских гор по-прежнему оставались в руках арабов. Новшеством этого времени стала ежегодная отправка флота на самостоятельный летний промысел в Средиземном море.

В 728 г. в Хорасане проблема налогообложения новообращенных мусульман неожиданно приняла острую форму. Новый наместник провинции, назначенный Хишамом, организовал миссию, которая должна была объезжать территории за Амударьей, убеждая людей принять ислам. Прежде чем оправиться в путь, будущие проповедники поинтересовались у наместника, будут ли освобождаться от подушной подати те язычники, которые примут ислам. Напомним, что сам Пророк и Коран постановили, что подушный налог должны со смирением платить одни немусульмане. Наместник подтвердил, что обращенные будут освобождены от этого налога, дав, несомненно, правильный с теоретической точки зрения ответ.

Вооружившись этим обещанием, миссия начала свой путь по городам вдоль Амударьи и Яксарта. Отклик, который они нашли, далеко превосходил ожидания наместника и их собственные. От желающих быть принятыми в ислам и избавиться от налога не было отбоя. Но вскоре к наместнику поступили донесения от подчиненных ему сборщиков налогов. «Все обращаются в ислам, люди строят мечети, — говорилось в этих посланиях. — Отныне подушной подати фактически не будет. Как можно будет управлять без денег?» Мимоходом интересно отметить слова, которые Табари приписывает чиновникам налоговой службы. «*Sag an nas kulhum arab*», — пишет он («Все люди стали арабами»). Эта незамысловатая фраза из пяти слов объясняет изрядную долю той путаницы, которая сегодня существует вокруг употребления слова «араб». Первые завоеватели были арабами и мусульманами, и поначалу эти два слова употреблялись как синонимы. Когда в ислам стали обращаться турки Центральной Азии или испанские готы, о них также сообщалось, что они сделались арабами.

Можно допустить, что наместник не предвидел финансового кризиса. Неожиданно оказавшись в столь неловкой ситуации, он позволил сборщикам налогов по-прежнему взимать подушную подать со всех тех, кто платил ее в прошлом, независимо от того, приняли они ислам или нет. Но на попытки собрать налог новообращенные ответили с чрезвычайным ожесточением. Многие из них во всеуслышание отказывались от своей новой веры. Некоторые писали тюркскому кагану, приглашая его прийти и завладеть страной. Положение отрекшихся от ислама было опасным, поскольку наказанием за вероотступничество была смерть. В конце концов общественное возмущение достигло предела, и летом 728 г. Мавераннахр восстал.

Со времен побед Кутайбы пятнадцать лет назад ситуация существенно изменилась. Его кампании были направлены против местных правителей Мавераннахра. Тюркские племена по ту сторону Яксарта были заняты конфликтами друг с другом. Однако после 716 г., когда с момента смерти

Кутайбы не прошло и года, племя тюргешей, возглавляемое новым вождем — китайские источники называют его Су-Лу, — основало тюркское государство в долине Или¹. Китайцам, вероятно, не слишком нравилось существование могущественной тюркской конфедерации, но поскольку в тот момент они были не в состоянии помешать ее образованию, они вполне могли подталкивать нового кагана к нападению на арабов. Первые тюргешы появились в Мавераннахре в 720 г. Поэтому, когда в 728 г. началось восстание против непомерного арабского налогообложения, могучая тюркская армия из-за Яксарта оказалась готова принять в нем участие. Арабы обнаружили, что попали в отчаянное положение — разрозненные гарнизоны были осаждены, и вся территория за Амударьей оказалась в руках мятежников и их тюркских союзников.

В 729 г. наместник был снят со своего поста, и на его место из Дамаска прислали некоего Джунейда ибн Абд ар-Рахмана. По слухам, новый наместник был избран благодаря тому, что преподнес Хишаму и его жене по изумительному ожерелью, украшенному драгоценными камнями. У Джунейда раньше не было опыта войны с тюрками на этих диких гористых границах. Он совершил все те ошибки, которые с тех самых пор и до наших дней снова и снова повторяют неискушенные. Он двинулся колонной по горной долине, не позаботившись о том, чтобы предварительно выставить дозоры на высотах, в результате с возвышенности по обеим сторонам ущелья на отряд дождем посыпались снаряды. У ветеранов, чья жизнь прошла в сражениях на этой границе, подобное невежество нового дворцового генерала вызвало гнев и презрение. Один из них схватил его лошадь под уздцы и закричал: «Если ты собираешься действовать таким образом, то потеряешь не только эту армию, но и весь Хорасан».

Скажем справедливости ради, что Джунейд, по-видимому, не страдал самонадеянностью или, возможно, наконец понял, что биться не на жизнь, а на смерть с кочевыми

¹ См. карту 17, с. 139.

племенами в заснеженных горах Центральной Азии труднее, чем дарить халифским женам драгоценные ожерелья в Дамаске. Во всяком случае, он прислушался к советам своих более опытных подчиненных и после долгой и рискованной кампании, сопровождавшейся большими потерями, тюркский каган был вынужден отступить в свою собственную страну, так что летом 730 г. Джунейд ибн Абд ар-Рахман вновь завладел Самаркандом и Бухарой.

Арабские неудачи за Амударьей, без сомнения, окрылили хазар, обитавших по ту сторону Кавказа, поскольку летом 730 г. они покинули свои пределы, вторглись в Азербайджан, разбили арабские силы, убив их военачальника, и заняли Ардебил. И только тогда, когда прибыл брат халифа, неутомимый Маслама ибн Абд ал-Малик, удалось изгнать их и оттеснить назад через Дербентский проход в область к северу от Кавказа. Прежде чем вернуться в Сирию, беспощадный Маслама вторгся в их страну, взял штурмом множество городов, захватил пленников, угнал в рабство женщин и детей, выжег поля и деревни, попутно убив сына хазарского кагана. Затем он провел год, строя укрепления в Дербентском ущелье, чтобы предотвратить новые вторжения хазар в будущем. В 732 г., по уходе Масламы ибн Абд ал-Малика, наместником Джазиры и Азербайджана стал Марван ибн Мухаммад ибн Марван¹.

По ходу дела интересно отметить, что Римская империя более трех столетий билась за то, чтобы удержать варваров на линии Рейн — Дунай, в то время как арабы в течение приблизительно такого же периода отражали натиск тюрков и монголов в Центральной Азии на пространстве между Кавказом и Гиндукушем. Слабая, обе империи постепенно сдавали позиции, вербуя варваров в свои вооруженные силы в качестве наемников. В конце концов обе империи были сломлены и уничтожены теми самыми варварами, с которыми они так долго воевали, но между делом принимали их в свои собственные армии.

¹ Генеалогическое древо, с. 83.

Наместником Хорасана стал Асад ибн Абдаллах. Летом 737 г. он предпринял карательную экспедицию против Хуттала, где захватили множество овец и пленников. Многие жители даже бежали через границу на китайскую территорию. В октябре арабская армия отступила и разбила лагерь на северном берегу Амударьи, чтобы отдохнуть и распределить добычу. Каган тюрков, который в предшествующие годы стал источником стольких хлопот на границе, что арабские солдаты прозвали его «старым надоедой», в тот момент, казалось, не представлял опасности.

Неожиданно местный вельможа известил Асада ибн Абдаллаха, командовавшего армией, о приближении кагана. Однако военачальник не поверил этому рассказу. «Наверное, всего лишь обычное паникерство», — был его ответ. Затем нежданно-негаданно на расстоянии всего мили или двух показались тюрки. Можно было видеть приближение их разведки, рассыпанных здесь и там всадников. Первой мыслью арабов, застигнутых врасплох, рассеянных и неорганизованных, было укрыться от неприятеля за рекой. Началась настоящая паника. Асад, который даже при таких обстоятельствах не желал оставлять всю добычу, приказал каждому воину взять с собой хотя бы по овце. Все в суматохе бросились в реку, которая местами была слишком глубока для перехода вброд. Некоторые, сражаясь с брыкающейся овцой, упали в воду с коней, и, наконец, Асад крикнул, чтобы овец бросили. Войска все еще переправлялись, когда тюрки появились на берегу, захватив массу снаряжения, угнанных овец, лагерную службу и множество арабских пленников. Затем, почти не медля, они тоже бросились в реку по пятам арабов, которым только-только удалось устроить лагерь и занять позицию. От катастрофы их спасло только наступление темноты.

Во время дележа добычи из Хуттала Асад послал еще до появления тюрков свою немалую долю вперед в сторону Мерва. На следующее утро, тревожно всматриваясь в предрасветные сумерки со своих позиций, арабы не увидели никаких врагов. Ночью каган отправился в погоню за арабским

обозом. Тюрки собрали огромную армию, о чем не было известно арабской разведке, должно быть, отличавшейся необыкновенной беспечностью, и Асад обнаружил, что подавляющее численное превосходство отнюдь не на его стороне. Он выступил с опаской, но каган уже захватил обоз, хотя арабская армия, которая осторожно маневрировала, не переходя к действиям, сумела освободить кое-кого из уцелевших. Затем Асад отступил и заперся в городе Балх, оставив Хорасан без защиты. Перепуганные арабы собрались на военный совет. Некоторые рекомендовали наместнику остаться в стенах Балха и отправить к халифу гонцов с просьбой о подкреплении. Другие предлагали выйти, миновать тюрков усиленными маршами и занять Мерв, столицу Хорасана, пока до нее не успел добраться каган. Прочие, более смелые, выступали за то, чтобы дать бой, даже при численном перевесе неприятеля.

В декабре 737 г. каган двинулся на запад к сердцу Хорасана — но здесь малодушие арабов обернулось в их пользу. Каган, якобы располагавший 30 000 воинов, испытывал такое презрение к войскам, укrywшимся в Балхе и явно охваченным ужасом, что рассредоточил большую часть своей армии, разбившейся на грабительские и продовольственные отряды. Без сомнения, зима была суровой, и снабжение армии представляло трудность. Каждый тюрк оставил дом, приторочив к седлу суму соленого мяса, но теперь эти запасы уже были съедены.

Асад приказал открыть одни из ворот Балха и поставил свой собственный шатер снаружи на открытой равнине. Некоторые из его военачальников пришли к нему и сказали: «Да дарует Аллах процветание эмиру¹. Не испытывай нашего послушания, держа нас взаперти в Балхе. Веди нас к победе».

Карта 28

Реконструкция войны с каганом.

¹ Обычное приветствие при обращении к старшему по званию.

Главнокомандующий созвал свои войска на молитву. Совершив предписанный ритуал, он повернулся к воинам и крикнул: «Пусть каждый солдат молит Бога о победе». Молитвы были продолжительными и усердными. Затем Асад встал на ноги и, снова обратившись лицом к своим людям, трижды воскликнул: «Вы победите, клянусь Богом Каабы».

Арабы выступили налегке и без промедления. Каган с небольшими силами разбил лагерь в Харистане в Джузджане, ощущая себя полновластным хозяином страны, а его люди рассыпались во всех направлениях, грабя плодородную сельскую местность. Неожиданно ему сообщили о клубах пыли, показавшихся на севере. Кагана охватили сомнение и дурные предчувствия. Не может ли это оказаться трусливый Асад из Балха? На встречу всадникам выехала разведка, пока тюрки спешно вооружались и седлали коней. Арабы сразу перешли в атаку и стремительно развернули свою боевую линию. Хотя тюрки и были застигнуты врасплох, их правое крыло ударило с такой силой, что смешало боевой порядок арабов. Но на другом фланге отряды племен бану Азд и бану Тамим сметали все перед собой. Скоро тюрки обратились в бегство, и каган чудом спасся примерно с четырьмя сотнями всадников, частью добычи и лагерной obsługi. В общей сложности победителям досталось сто пятьдесят пять тысяч овец.

Каган укрылся в диких горных долинах на востоке. Здесь он наконец почувствовал себя в безопасности. Был разбит лагерь, загорелись костры, женщины нарезали мясо и повесили огромные котлы над огнем. Каган мог вытянуть ноги и отдохнуть, а может, и упрекнуть себя за излишнюю самонадеянность, так внезапно бросившую его с вершины успеха в бездну поражения.

Однако кто-то из представителей местного племени предложил мусульманам провести их к горному укрытию кагана. Арабский отряд прокрался вверх по горной тропе и с господствующей высоты заметил в долине лагерь кагана с котлами, кипящими над кострами. Поднялась тревога, тюркские барабаны дали сигнал к отступлению, но арабы окружили

лагерь со всех сторон. Лошадь кагана поскользнулась на покрытой грязью тропе, но самому ему удалось скрыться. Убегая, тюрки бросили все, включая своих собственных женщин и множество пленных арабских девушек. Бегство кагана оказалось удачным, и, вернувшись в свою страну, он приготовился продолжить войну, но вскоре был убит другим тюркским племенным вождем, возможно, по наущению китайцев. Объединение, которое стало возможным благодаря его руководству, распалось, и тюркские племена вернулись к своему прежнему занятию — войне друг с другом.

Асад спешно выслал гонца, чтобы доставить новости в Дамаск. Изнуренный и утомленный путешествием, гонец встал у дверей дворца и воскликнул: «Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!» Когда его ввели в покои халифа, он вскричал: «Победа, победа! О государь правоверных!» Выслушав его рассказ, Хишам спустился со своего ложа и распростерся на земле, вознося благодарственную молитву Богу.

* * *

Из всех народов, покоренных арабами, североафриканские берберы оказали им самое упорное сопротивление. Как мы уже видели, их в конце концов привел к покорности Муса ибн Нусайр. В 712 г. он переправился в Испанию, оставив своего сына Абдаллаха действовать в Северной Африке от своего имени. С этих пор все больше берберов стало обращаться в мусульманскую веру. Но смена религии не заставила их смириться с арабским владычеством. Напротив, она добавила к их обидам тот же самый повод для недовольства, который, как мы уже знаем, стал причиной восстания в Хорасане, — сознание того, что арабы отказывают берберам, перешедшим в ислам, в социальном равенстве.

Мы уже много раз рассказывали о хариджитах, их пуританском фанатизме, их стремлении к власти одного Бога, отвращении к несправедливостям правителей, суровом аскетизме, жестокости в бою и уверенности в том, что всех мусульман, не принадлежащих к их секте, следует истребить. Со времени правления Абд ал-Малика, при котором в Аравии

их усмирили силой, они начали проникать в Северную Африку. Среди берберов они моментально добились успеха, поскольку обе общины ненавидели власть Омейядов. К тому же хариджиты признавали равенство всех мусульман, независимо от народности, а потому получили горячую поддержку со стороны обращенных в ислам берберов. Берберы были простыми, усердными, доверчивыми. Они не имели той жилки цинизма, которая всегда отличала арабов, поэтому энтузиазм хариджитов вызывал у них самый жаркий отклик¹.

Раньше берберы, восставая против арабов, первым делом отвергали ислам. На этот раз хариджиты внушили им, что они более истинные мусульмане, чем сам Повелитель правоверных. Теперь, в результате причудливой смены ролей, берберы во имя мусульманской веры были готовы восстать против суннитов, которые ранее обратили в ислам их самих. Когда в 724 г. Хишам был провозглашен халифом, господство арабов в Северной Африке снова находилось в опасности. В 740 г. началось всеобщее восстание берберов от Танжера до Кайравана. Мятежники столкнулись с арабскими силами в крупной битве в Вади Шелиф между Алжиром и Ораном². Окруженные многократно превосходящими силами берберских племен, арабы вновь проявили одно из самых благородных своих качеств — умение умирать. Они сражались до тех пор, пока все до одного не погибли. В этой битве пало так много вождей, что впоследствии арабы помнили ее как Битву благородных.

Услышав об этой неудаче, халиф Хишам так разгневался, что поклялся проучить берберов. В Сирии была сформирована армия численностью в 27 000 человек, и летом 741 г. она достигла Ифрикии. Она дошла до провинции Танжер, где, однако, при Бакдуре³ была полностью разгромлена бербер-

¹ Дози описывает этот процесс живой фразой: «Наконец-то, — пишет он, — кальвинисты ислама нашли свою Шотландию». *The Moslems in Spain*.

² Некоторые авторитетные историки считают местом этой битвы территорию современного Северного Марокко.

³ Или Нафдуре.

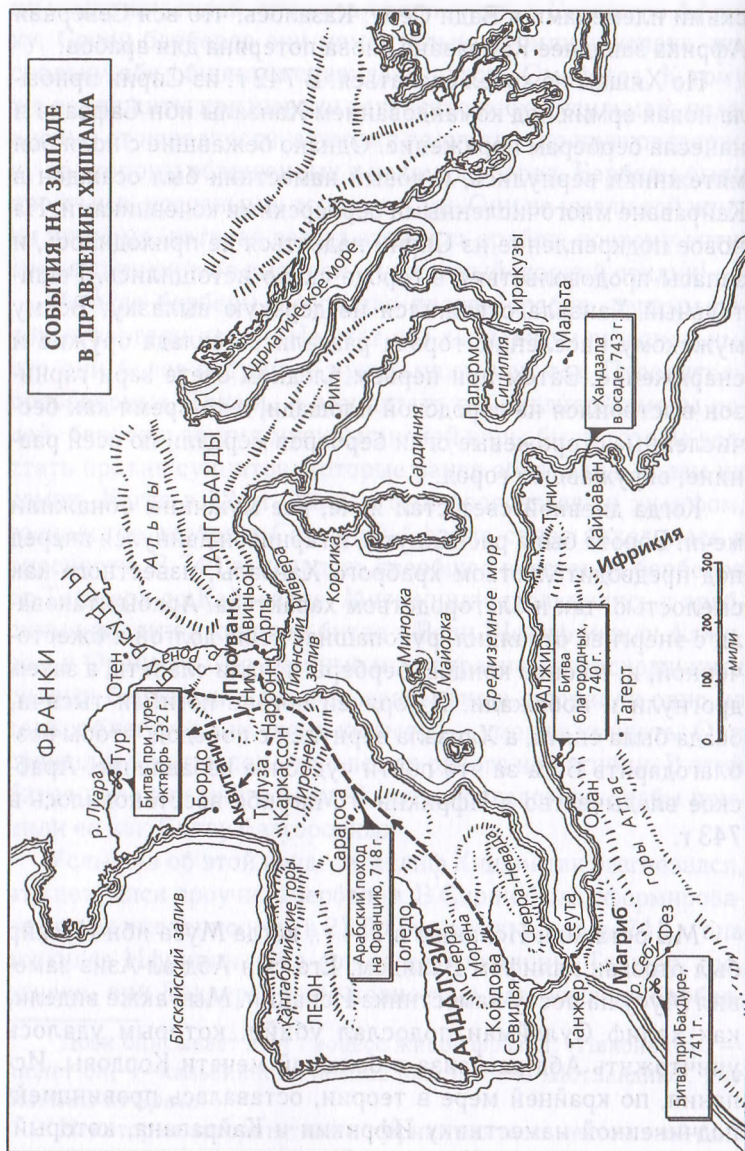
скими племенами в Вади Себу. Казалось, что вся Северная Африка западнее Кайравана снова потеряна для арабов.

Но Хишам не хотел сдаваться. В 742 г. из Сирии прибыла новая армия под командованием Ханзалы ибн Сафвана и нанесла берберам поражение. Однако бежавшие с поля боя мятежники вернулись, и новый наместник был осажден в Кайраване многочисленными берберскими кочевниками. На новое подкрепление из Сирии надеяться не приходилось, и запасы продовольствия в городе скоро истощились. Решительный Ханзала отважился на дерзкую вылазку. Всему мужскому населению города раздали со склада оружие и снаряжение. Затем при первом бледном свете зари гарнизон выстроился на городской площади, в то время как бесчисленные сторожевые огни берберов мерцали по всей равнине, окружавшей город.

Когда дневной свет стал ярче, все мужчины обнажили мечи. Ворота были распахнуты, и гарнизон двинулся вперед под предводительством храброго Ханзалы, известного как смелостью, так и благородством характера. Арабы атаковали с энергией отчаяния, рукопашная была долгой и ожесточенной, и, в конце концов, берберы начали слабеть, а затем дрогнули и побежали. В горячей погоне погибли тысячи, осада была снята, а Ханзала вернулся с победой, чтобы возблагодарить Бога за это почти чудесное избавление. Арабское владычество в Ифрикии и Магрибе восстановилось в 743 г.

* * *

Мы оставили Испанию в 714 г., когда Муса ибн Нусайр был отозван халифом Валидом. Его сын Абд ал-Азиз заменил Мусу на посту наместника Испании. Мы также видели, как халиф Сулейман подослал убийц, которым удалось уничтожить Абд ал-Азиза в большой мечети Кордовы. Испания, по крайней мере в теории, оставалась провинцией, подчиненной наместнику Ифрикии и Кайравана, который, однако, не считал для себя возможным отвлекаться от нескончаемых войн с берберами.

Таким образом, мусульмане Испании, арабы и берберы, оказались предоставлены сами себе. Поначалу они заботились о себе довольно успешно, поскольку все еще были исполнены предприимчивости и боевого духа. В 718 г. они прорвались через восточный край Пиренеев и захватили Каркассон и Нарбонн, откуда продолжали совершать набеги, доходя до самой Аквитании и Бургундии. Однако в 721 г. под стенами Тулузы они получили отпор от Эда, герцога Аквитании. Франкское королевство в тот момент находилось в упадке. Династия Меровингов, основанная Хлодвигом (481–511 гг.), ослабела. Последние короли утратили власть, которая была узурпирована так называемыми майордомами. В результате герцогу Эду поначалу приходилось обороняться от мусульман безо всякой поддержки.

В 725 г. арабы добились новых успехов, захватив всю территорию вплоть до Нима, из которого пускались в набеги на север вверх по долине Роны и в конце концов добрались до Отена, откуда вернулись с богатой добычей. В 732 г. арабы под командованием своего наместника Абд ар-Рахмана ибн Абдаллаха осадили Бордо, разбили Эда и, направившись на север, дошли до Луары, опустошая все кругом. Эд обратился за помощью к Карлу Мартеллу, майордому франкского королевства, который выступил на юг. В октябре 732 г. вблизи Тура состоялось жестокое сражение между франками и арабами. Абд ар-Рахман ибн Абдаллах был убит, а арабы остановлены, и поле битвы осталось за Карлом Мартеллом. Однако франки, по-видимому, понесли настолько тяжелые потери, что не стали пытаться догнать неприятеля, а отступили сами. В 735 г. Эд умер, и Карл присоединил Аквитанию к владениям франков. Однако он не попытался напасть на арабов, которые удерживали Арль.

Карта 29

События на Западе при Хишаме.

Нет смысла рассуждать о том, что бы случилось, если бы при Туре арабы разбили франков. Преодолели бы они еще двести пятьдесят миль до Ла-Манша? Или же повернули бы к востоку, в Италию, и двинулись на Рим? Однако, как оказалось, Туру суждено было стать высшей точкой их экспансии.

В течение четырех лет арабы, похоже, контролировали все побережье Лионского залива, отрезав франков от Средиземного моря. В 737 г. арабы захватили Авиньон, но Карл Мартелл освободил город, продвинувшись вплоть до Нарбонна. Проследить все эти кампании непросто. Страна, которая сегодня известна нам как Франция, в то время еще не была объединена под властью франков — Аквитания нередко становилась независимой, а временами проявляла открытую враждебность к Карлу. Бургундцы и жители Прованса тоже не питали к нему дружественных чувств.

В 738 г. Арль, очевидно, снова находился в руках арабов, которые даже угрожали границам Италии на современном побережье Ривьеры. Лиутпранд, король лангобардов Северной Италии, счел необходимым выступить против них и отбросить назад. Более двадцати лет арабы удерживали значительную часть Франции (примерно половину территории нынешней Франции). Причиной постигшей их в финале неудачи является, во-первых, военный гений Карла Мартелла, а во-вторых, их собственные внутренние неурядицы в Испании.

С 732 по 741 г. наместником Испании был Окба, сын Хадджаджа ибн Юсуфа, и, по-видимому, в стране царило полное спокойствие. Однако в январе 741 г. Окба умер, и на смену ему пришел некий Абд ал-Малик ибн Катан, уроженец Медины. После Битвы благородных, в которой сирийская армия в Африке была почти поголовно истреблена берберами, несколько тысяч уцелевших сирийцев нашло приют в Испании. Битва благородных произошла в Ифрикии в 740 г. На следующий год берберы Испании, вдохновленные успехом своих собратьев в Северной Африке, восстали против арабов, и последовала жестокая гражданская война

между мусульманами. После тяжелых боев бунт был подавлен, но сразу же после этого разразился конфликт между самим арабами: выходцы из Медины, которые со дня «Битвы Лавы» в правление Йазид I всегда противостояли Омейядам, не поладили с сирийцами, тем самым перенесли в Испанию жестокие междоусобные распри Аравии. В конце концов, мединцы были сломлены, из Ифрикии прибыл новый наместник, и порядок восстановился. И в этот момент, в 745 г. мы должны оставить арабов Испании и вернуться к событиям в Дамаске.

* * *

В 740 г. в Куфе произошла еще одна запутанная трагедия. Зейд, внук мученика Хусейна, отправился в Куфу, по видимому, в связи с судебной тяжбой. Однако после ее окончания он на год задержался в городе, тайно вербуя сторонников.

Право наследования Али ибн Аби Талибу принадлежало не Зейду, а его старшему брату Мухаммаду, теперь уже умершему. Сын Мухаммада Джафар, по прозвищу Праведный, был шиитским имамом. Депутация из Куфы посетила Джафара в Хиджазе, спрашивая, как относиться к Зейду, и, очевидно, получила указание поддержать его. Зейд выбрал для начала восстания в Куфе 6 января 740 г. и известил своих приверженцев об этой дате. Наместник Куфы скоро узнал о заговоре и созвал жителей города на собрание в большую мечеть за несколько часов до назначенного времени. Затем двери мечети закрылись, и значительная часть заговорщиков оказалась запертой внутри.

В назначенный час Зейд представился народу. Немногочисленные сторонники подняли клич «О победоносный!», «Йа Мансур!», но лишь горстка людей пришла с оружием. В конце концов, набралось триста всадников, и Зейд пустился вперед во главе этого отряда. Беспорядки продолжались около сорока восьми часов, несколько человек было убито или ранено. Наконец, сам Зейд пал от стрелы, и его последователи моментально рассеялись. Голову бунтовщика

отсекли и послали в Дамаск халифу, а тело распяли за стенами Куфы. Так бесславно закончилась одна из первых попыток потомков Али ибн Аби Талиба захватить халифат. Предстояло еще много других, и почти все они будут политически незрелыми. Англичанам здесь вполне уместно напомнить о Стюартах, чьи неудачи только усиливали их романтическое обаяние.

Восстание Зейда в 740 г. представляет особый интерес, так как оно породило секту зейдитов, существующую до наших дней, прежде всего в Йемене, где к ней принадлежит королевская семья. Хасан, сын Зейда, укрылся в горах у южной оконечности Каспийского моря, где впоследствии основал Зейдитское государство. Зейдиты считаются ветвью шиитского движения.

* * *

Тем временем все больший и больший размах приобрело другое подрывное движение. Пропаганда клана бану Аббас велась методами, которые заставляют нас вспомнить о революционных движениях современности. Сеть тайных ячеек покрыла Ирак и Персию, но наибольшим влиянием они пользовались в беспокойном Хорасане. Теперь власти уже знали о том, насколько активно ведется подпольная агитация. То и дело кого-то арестовывали и казнили, предварительно отрубив ладони и ступни, а других заключали в тюрьму, хотя количество лишенных свободы было ничтожным по сравнению с числом обитателей концентрационных лагерей при тоталитарных режимах наших дней. Как часто бывает, когда речь идет о подпольных движениях, властям никогда не удавалось получить свидетельств против подозреваемых.

В 742 г. Букейр ибн Махан, чиновник, служивший секретарем наместника Синда, и один из главных организаторов аббасидской кампании, проезжал через Куфу, где в замке томились некоторые из его помощников. Прислуживал этим пленникам мальчик-раб по имени Абу Муслим. Услышав, как заключенные обсуждают пороки своего времени,

он был глубоко тронут и прослезился. Его душевное волнение не укрылось от Букейра, который купил мальчика за четыреста динаров. В будущем мы еще услышим об Абу Муслиме.

* * *

Халиф Хишам умер в возрасте пятидесяти трех или пятидесяти четырех лет. Он был мудрым и проницательным правителем, который тратил на управление империей много сил. Он тщательно проверял доходы казны и был необыкновенно добросовестным в своих судебных решениях. «Я никогда не видел халифа, для которого кровопролитие было бы более ненавистно, чем для Хишама», — сказал один из его современников. Он подчинял своих сыновей строгой дисциплине и отправлял их в военные походы на Византийскую империю. Когда один из них, отсутствовавший на пятничной молитве, сослался в свое оправдание на то, что у него пала лошадь, халиф ответил, что это не причина для того, чтобы пропускать молитвы, и приказал ему в течение года каждую пятницу приходить в мечеть пешком.

Другой сын написал ему (похоже, они не могли или не смели обращаться к нему в устной форме), что его мул слишком ослабел для верховой езды, и спросил, нельзя ли получить другого. Хишам без всякого сочувствия ответил, что, без сомнения, мул ослабел из-за того, что его кормление было поручено конюху. «Сам отмеряй и давай ему корм, — распорядился суровый отец, — и увидишь, что твой мул скоро снова станет сильным».

Он лично контролировал все, включая обработку своих земель, и приказывал работникам собирать оливы руками вместо того, чтобы колотить палками по деревьям, пока плоды не попадают на землю, следуя технологии, которая до сих пор применяется и до сих пор воспрещается чиновниками сирийского и иорданского правительств. Как мало изменилось с 40-х гг. VIII в.!

Из-за своей бережливости Хишам приобрел репутацию скряги. Тем не менее мы можем отнести к этому обвинению

с осторожностью. Щедрость у арабов принимала размеры, делавшие ее уже пороком, и чрезмерные расходы многих халифов сыграли большую роль в ослаблении империи. Хишам страдал косоглазием и был крепким и коренастым — мы бы, наверное, прозвали его Хозяином. Он страстно любил лошадей и часто устраивал в Дамаске бега. Он усилил укрепления на границах и построил каналы и бассейны вдоль паломнической дороги в Мекку. Короче говоря, он был трудолюбивым, экономным, деятельным и практичным.

Существует забавная история, явно показывающая, что даже в то время в отношении халифа допускалась значительная свобода слова, что достойно особого упоминания, особенно ввиду последующей истории халифата. Однажды халиф Хишам устроил смотр своим войскам в Хомсе. При его приближении конь одного из младших военачальников бешено вскинулся. «Что заставило тебя сделать своим верховым животным такую пугливую лошадь?» — осведомился халиф.

«О нет, Повелитель правоверных, клянусь Богом, — ответил военачальник, — он не пугливый. Причина в том, что у нашего коновала Газвана тоже косоглазие, как у тебя, вот он и принял тебя за него».

«Чтобы тебе провалиться вместе с конем», — сердито, но явно без обиды отвечал Хозяин¹.

Клан бану Омейя, пишет Масуди, дал троих великих государственных деятелей — Муавию I, Абд ал-Малика ибн Марвана и Хишама ибн Абд ал-Малика. Последний если и не был гением, то, по крайней мере, был трудолюбивым, успешным и ответственным. Он умер 6 февраля 743 г., оставив империю в состоянии торжества и покоя после девятнадцати лет благополучного правления.

¹ Я его так называю лишь затем, чтобы дать англоязычным читателям более ясное понятие об этом человеке. (В оригинале — Farmer George, прозвище, данное английскому королю Георгу III за его любовь к сельскому хозяйству. — *Примеч. ред.*)

* * *

Конец правления Хишама — время, когда арабы все еще находились на вершине военного могущества, — подходящий момент, чтобы поговорить об их методах ведения войны.

Они создали свою огромную империю за удивительно короткий срок, хотя ранее не имели военной доктрины «Большого кулака». Мы, безусловно, вправе допустить, что успех на этом первом этапе завоевания в основном был связан с религиозным подъемом. Однако не стоит забывать, что после первых побед с 634 по 654 г. они неизменно оставались величайшей военной силой в мире в течение двухсот лет — это такой же срок, как, скажем, между захватом Квебека Вулфом и сегодняшним днем. Тот факт, что они в течение столь долгого периода удерживали за собой военное превосходство, нельзя объяснить лишь взрывом необузданного энтузиазма. Это означает, что на протяжении двух веков они должны были оставаться непревзойденными воинами своего времени.

К несчастью, наши сведения об их военных операциях в золотой век Омейядов чрезвычайно скудны. И все-таки мы в состоянии рассмотреть некоторые интересные факты. Мы склонны думать, что арабская тактика заключалась в неистовых конных атаках на полном скаку в состоянии яростного и безрассудного возбуждения. Поэтому удивительно вдруг обнаружить, что в начале сражения арабы предпочитали оставаться в обороне. С этой целью их пехота выстраивалась в ряды друг за другом. Копейщики вставали на одно колено, упирали тупой конец своего копья в землю и заслоняли тело длинным щитом, образуя прочную стену из острых наконечников и щитов. У них в тылу рядами стояли мечники, а позади — лучники. В таком строю они встречали атаку неприятеля. Если они отражали ее, то могли переместиться вперед, но в этом случае их движение было чрезвычайно медленным, шаг за шагом, очевидно, для того, чтобы их боевая линия оставалась совершенно непроницаемой. Мы уже видели, как сирийская армия применила эту тактику против хариджитов под Куфой.

Не менее удивительно то, что конница никогда не атаковала на полном скаку, чтобы, увлекшись яростной погоней, не утратить согласованности в действиях. Прорвав неприятельский строй, конница должна была вновь построиться, вернувшись на свои исходные позиции в боевой линии¹. Бросается в глаза, как во всех описаниях военных действий подчеркивается, что храбрость в бою заключается не в стремительном натиске, а в терпеливой стойкости.

Не представляется возможным определить, когда именно племенная организация войска уступила место регулярным подразделениям. Уже в битве при Сиффине в 657 г. участвовал корпус из четырех тысяч человек, носивших зеленый головной убор в качестве военной формы. Несомненно, образцы армейской структуры арабам дала Византия, обладавшая многовековым опытом.

Обычно арабы широко использовали засады на заранее выбранном поле битвы. Ночью перед боем под покровом темноты высылались отряды с приказом залечь в укрытии и ждать, выставив только дозорных для наблюдения за ходом битвы. Затем на заре основная арабская армия выстраивалась на виду у неприятеля. В подходящий момент сражения засадные полки неожиданно появлялись и ударяли врага с флангов и в тыл. Впервые такой маневр упоминается в 640 г. в связи с битвой при Гелиополисе, в которой арабами командовал Амр ибн ал-Ас².

Сами арабы принимали большие меры предосторожности, чтобы обезопасить себя от подобных неожиданностей. Во время военных действий армия следовала в боевом порядке с авангардом, флангами, основным корпусом и арьергардом. Впереди армии двигались конные разведки и лазутчики. Когда выяснялось, что противник находится в пределах пяти дней пути, войска двигались, развернув все знамена, в любой

¹ Кавалерия Кромвеля в его армии нового образца была обучена действовать таким же образом.

² *The Great Arab Conquests.*

момент готовые к бою. Знамена, служившие сборными пунктами, играли важную роль в сражении.

В то время, как и сейчас, армии обходились недешево. По-видимому, арабский воин получал значительно больше, чем его византийский собрат. Кроме того, ему выдавался паек. По-прежнему соблюдалась традиция раздела добычи между воинами. При ежегодных летних набегах на византийскую территорию добыча часто оказывалась ценной. К тому же плата арабским воинам в этот период задерживалась реже, чем жалование византийских солдат. Средний доход арабского солдата составлял примерно 500 дирхемов в год, причем конник получал вдвое больше в компенсацию за то, что ездил на собственных лошадях.

Личное вооружение воина не слишком изменилось со времен Пророка, если не считать того, что армия стала регулярной, в результате чего оружие и доспехи были унифицированы. В добавление к шлему и кольчуге всадники теперь носили на ногах латы в виде металлических пластинок (наголенники). Есть упоминания о том, что во времена Валида воины использовали не только копья, но и булавы. Каждую ночь армия разбивала свой лагерь по стандартной схеме и укрепляла его рвом. Когда решающее сражение было неминуемо, обоз при возможности заранее располагали внутри укрепленного лагеря позади боевой линии.

Для осадного обоза требовалось немало дорогого оборудования, включая баллисты и катапульты для метания скальных обломков и стрел в стены или вовнутрь осажденного города. «Артиллерию» сопровождали каменщики, которые дробили скалы окрестных гор и придавали обломкам форму, пригодную для стрельбы. Арабы постигли все технические приемы осадной войны. Например, стенобитные орудия для штурма городских ворот, прикрытые сверху щитами, предохраняющими от сбрасываемых со стен снарядов. В ходу также были подкопы, траншеи и туннели под стенами. Для перевозки имущества, палаток, продовольствия, оружия, снаряжения и осадного обоза использовались верблюды. В качестве вьючных животных употреблялись и мулы.

Огромные суммы денег тратились на фортификацию. Главными крепостями на византийском фронте были Фарс, Адана, Массиса, Мараш и Малатия, но немало было и фортов помельче. Хотя на укрепление византийской границы уходило больше средств, чем где-либо еще, тем не менее одни и те же методы применялись повсеместно — в Дербентском ущелье против хазар, и по всему Хорасану и Мавераннахру.

Короче говоря, арабы с присущей им способностью приспособливаться совершенно изменили те дикие методы племенной войны, которые господствовали во времена Пророка. Они быстро овладели передовыми методами византийцев и персов. В течение двух столетий им предстояло быть величайшей военной силой мира и в техническом, и в профессиональном отношении. Более того, их военные приемы отличались осмотрительностью, методичностью, упорядоченностью и организованностью. На поле боя их тактика заключалась в постепенности, осторожности и точности. Превыше всего постоянно ставились терпение, стойкость, упорство и осторожность.

На море арабы обладали таким же, если не большим могуществом, чем на суше. И это было удивительней всего, потому что до 650 г. большинство из них было совершенно незнакомо с морем. Однако среди покоренных народов, особенно на побережье Сирии и, в меньшей степени, в Египте, было много моряков с давними традициями службы на торговых судах.

В ранний период, скажем, с 650 по 700 г., представители этих народов были гребцами и рулевыми на этих судах, в то время как арабы, готовые к битве, несли вахту на палубе. Капитаном, отвечавшим за сражение, был араб. За управление судном и командой отвечал раис, особое должностное лицо, как правило, ливанец или египтянин. После 750 г. выясняется, что большинство моряков являются мусульманами, а расовые различия, видимо, стерлись.

Арабские суда, которые, по большей части, строились в гаванях Ливана, несомненно, копировали византийские

образцы. Ифрикия и Андалус сами строили свои корабли. Основной движущей силой на них были гребцы. На более крупных кораблях обычно находилось по двести гребцов на двух палубах, которые сидели на двадцати пяти сиденьях по два человека на каждом. На носу корабля располагалась каюта, где ждали воины, готовые либо стрелять по неприятелю из луков, либо идти на абордаж. На некоторых больших кораблях верхняя палуба была полностью занята воинами, а гребцы размещались на нижней.

Арабская тактика на море заключалась в том, чтобы сразу подойти к противнику, сцепиться с его судном с помощью абордажных крючьев и схватиться с ним на палубе на мечах. Иногда, как мы уже видели, византийские суда были оснащены орудиями, извергавшими жидкий огонь. Арабам нечего было противопоставить этому оружию, и во время осады Константинополя их флот был полностью уничтожен. Однако мы не слышим об огнеметах на кораблях, сражавшихся на Средиземном море. Возможно, жидкий огонь не использовался на кораблях, плавающих в открытом море, из опасения, что какой-то из них потерпит крушение или попадет в плен и секрет этого могущественного оружия достанется врагу. Достаточно сказать, что арабы контролировали Средиземное море примерно четыреста лет — такой же срок отделяет наши дни от испанской Армады.

Прежде Дамаск всегда был оплотом Омейядов. При Валиде II впервые произошла роковая перемена. Его страсть к музыке и скачкам... его распутство и неприкрытое пренебрежением нравственными нормами восстановило против него даже лучших сторонников... Они в гневе восстали, и к ним присоединился народ Дамаска... Его отрубленную голову пронесли по улицам Дамаска.

Амир Али.
История сарацин

Превратности Фортуны, которая не щадит ни человека, ни самых гордых его произведений, которая погребает империи и города в общей могиле.

Эдвард Гиббон

ПАДЕНИЕ ОМЕЙЯДОВ

Важные даты

Воцарение Валида II	– 743 г.
Восстание Яхьи ибн Зейда ибн Али в Хорасане	– 743 г.
Свержение и смерть Валида II	– 17 апреля 744 г.
Приход к власти Йезида III.	
Смерть Йезида III	– 12 октября 744 г.
Битва при Айн ал-Джурре	– ноябрь 744 г.
Воцарение Мервана II	– 23 ноября 744 г.

Персоналии

Валид II, сын Йезида II, – Валид Пьяница.
Йезид III, сын Валида I, – Йезид Уменьшитель.
Ибрахим, брат Йезида III.
Мерван ибн Мухаммад ибн Мерван I – Мерван Осел.

Йазид ибн Абд ал-Малик, предшественник Хишама, умер молодым, когда его сыну Валиду было всего пятнадцать лет. Не имея возможности назначить столь юного наследника, Йазид остановил выбор на своем брате Хишаме, но повелел народу присягнуть на верность молодому Валиду как будущему наследнику Хишама.

После смерти своего отца, Йазид II, Валид проявил себя с плохой стороны. (Самого Йазид, господина прекрасной Хабабы, едва ли можно назвать великим правителем.) Валид получил известность пьяницы и циника, насмехающегося над религией. Он не скрывал своей пламенной ненависти к дяде Хишаму, которого избегал изо всех сил, живя как можно дальше от Дамаска. Хишам предостерегал Валида и читал ему нотации на тему его распутного образа жизни. Но молодой человек отвечал лишь непристойными виршами и оскорбительными замечаниями, называя своего дядю «этим старым проклятым косоглазым». Утверждается даже, что Валид однажды высказал желание совершить паломничество в Мекку, чтобы устроить пьяную вечеринку на крыше Каабы.

Хишам желал бы, и отчасти оправданно, лишить Валида права наследования, завещав халифат своему собственному сыну. Однако возникло обычное затруднение. Наиболее влиятельные государственные мужи уже связали себя клятвой признать Валида халифом после смерти Хишама. Освободиться от этого обязательства они могли только в том случае, если сам Валид аннулирует его, что он решительно отказался сделать. В результате смерти Хишама халифат перешел к Валиду II, который не встретил никакого сопротивления.

Несмотря на беспробудное пьянство и откровенное пренебрежение к религии (сообщается, что он использовал

Коран в качестве мишени при стрельбе из лука), он был щедр и расточителен, в то время как Хишама упрекали за скупость. Несомненно, Валид II намеренно постарался сделать так, чтобы его поведение разительно отличало его от ненавистного дяди. Жалование армии моментально увеличилось на десять процентов. Поэты, певцы и музыканты, при Хишама имевшие ничтожные заработки, были осыпаны дарами и отовсюду слетались в Дамаск, чтобы снять золотой урожай. Он и сам был поэтом, посвятившим свое творчество непристойностям и эротике.

Я Валид, я имам. Во всей красе убора
Я пение рабынь услышу скоро.
И, гордо шествуя к ее покою,
На злую клевету махну рукою.
Прекрасен звук, пленительный для слуха,
И то вино, в котором разум утопает.
Я райских гурий не ищу всей силой духа —
Так мудрый человек не поступает¹.

Еще одной страстью Валида были скачки, и он устраивал небывалые по масштабам бега за стенами Дамаска.

Вскоре после того, как Валид стал халифом, Яхья, сын Зейда² ибн Али ибн Хусейна, поднял знамя восстания в Хорасане, куда он бежал, когда в Куфе погиб его отец. Он какое-то время вел борьбу, но в конце концов был убит стрелой в одном из сражений с войсками наместника. Его труп, прибитый к кресту, был выставлен на обозрение публики. Согласно Масуди, каждого мальчика, родившегося в том году в Хорасане, родители называли либо Зейдом, либо Яхьей, так велико было сочувствие местного населения к этим двум мученикам из рода Али.

Скоро разразился мятеж в самом Дамаске. Во главе восстания встал Йазид, сын Валида I³, и Валид II был осажден

¹ Nicholson. *Op. cit.*

² Речь идет о Зейде, восставшем в Куфе.

³ Генеалогическое древо, с. 83.

в собственном замке за пределами столицы. Имея лишь горстку сторонников, халиф завершил полную пьянства и разгула жизнь неожиданным и отчаянным проявлением мужества. Но было слишком поздно. Замок, служивший ему убежищем, был быстро взят штурмом, и Валид погиб. На следующий день, 17 апреля 744 г., его голову, надетую на копье, торжественно пронесли по улицам Дамаска. Его халифат продолжался год и три месяца.

* * *

Как только восстание увенчалось победой, его организатор Йазид, сын Валида I, сразу же был провозглашен халифом Дамаска. Он стал третьим носителем своего имени, получившим титул Повелителя правоверных. Предыдущие два Йазиды были бездеятельными и легкомысленными — тот Йазид с бочкообразным животом, в правление которого был убит Хусейн, и влюбчивый Йазид, поклонник Хабабы. Казалось, что от Йазиды III можно ожидать более сознательного отношения к своим обязанностям.

Его мать была внучкой Йездигерда, последнего царя Персии. Прапрабабушка приходилась дочерью византийскому императору, в то время как бабка была дочерью тюркского кагана. В хвастливом стихотворении Йазид заявил:

Я сын Хосрова, и предком моим был Марван,
Цезарь мне прадед, и дедом моим был каган.

Забавно вспомнить о том, что второй халиф, Омар ибн ал-Хаттаб, всю жизнь боялся повести себя как царь. «Царь я или халиф?» — спросил он, по преданию, группу своих товарищей. «Халиф не берет ничего, кроме того, что принадлежит ему по закону, — ответил один из них, — и ты, хвала Богу, именно таков. А царь угнетает народ». Все и впрямь изменилось, раз теперь халиф мог хвалиться своим происхождением от царей и императоров, ни один из которых не был мусульманином.

Однако, несмотря на гордость своим происхождением, Йазид III, по-видимому, был настроен серьезно. Во время своей первой проповеди в Дамаске он заявил, что действовал исключительно в интересах религии, которую нечестивый Валид оскорблял и почти искоренил. Он взял на себя обязательство служить лишь государственным интересам и истинной вере, пообещав сложить с себя полномочия, если объявится более достойный кандидат.

Одним из первых его действий стало запрещение деятельности певцов и музыкантов, которых так щедро поощрял его предшественник¹. Напомним, что Валид II был неразумен в расходах и пытался завоевать поддержку, повысив оплату армии. Осторожный и добросовестный Йазид III полагал, что это увеличение расходов на армию было чрезмерным или большим, чем могла себе позволить казна, и поэтому отдал приказ об их сокращении. Воины немедленно окрестили его Йазидом «Уменьшителем», и именно под этим прозвищем мы знаем его в истории.

В целом Йазид III вполне мог добиться успеха в качестве халифа и восстановить, по крайней мере на время, богатство и авторитет Омейядов. К несчастью, ему не суждено было прожить достаточно долго, чтобы успеть предотвратить катастрофу.

* * *

Следует напомнить, что Маслама ибн Абд ал-Малик в течение многих лет был ведущим военачальником империи. Четверо его братьев, Валид I, Сулейман, Йазид II и Хишам стали халифами, но Маслама никогда не проявлял никакого интереса к политике или стремления к власти. Все интересы этого худого, смуглого и деятельного человека («этой желтой саранчи», как называл его Йазид ибн Мухаллаб)

¹ Многократные приказы запретить деятельность профессиональных певцов, видимо, подтверждают выдвигаемые против них историками обвинения в поголовной сексуальной распущенности, ведшей молодое поколение к разврату.

были отданы армии и лагерной жизни. Достигнув зрелых лет, он приучил к тому же образу жизни своего двоюродного брата Марвана ибн Мухаммада ибн Марвана. Мы уже видели, что в 732 г. Маслама передал Марвану свой пост наместника Джазиры и Азербайджана.

Эта должность не была синекурой. Она подразумевала контроль над большим участком византийской границы на западе, а на севере находился Кавказ, занятый воинственными хазарами. В ходе блестящей кампании 737 г. Марван прошел через Дербентское ущелье, полностью разгромил хазарскую армию, покорил их страну и занял столицу Итиль¹. Великий хан хазар сдался на милость арабов. Оказавшись в безвыходном положении, он согласился публично исповедовать ислам. Очевидно, это было единственное, что могли придумать хазары, чтобы добиться отступления арабской армии из своей страны.

Дочь (или, возможно, сестра) хана была замужем за византийским императором Константином V, и Византия постоянно оказывала на хазарского государя давление с целью привлечь его к христианству. В конце концов он отрекся от ислама и принял иудаизм по той причине, что, став иудеем, он не подпадал под влияние ни одной из сверхдержав. Следовательно, в его глазах иудаизм оказывался наиболее удобной верой для небольшой страны.

Марван провел много лет в почти непрерывных боевых действиях. Подобно своему бывшему командиру Масламе, он был профессиональным воином до мозга костей. Его стойкость и мужество принесли ему титул «джазирского осла», поскольку арабы считают осла не глупым, а терпеливым животным, долго выдерживающим тяжелую работу и недостаток пищи. На нашем языке смысл этого прозвища, вероятно, удачнее передает словосочетание «джазирский мул».

Едва услышав об убийстве Валида II, Марван оставил кавказскую границу и двинулся на юг во главе двадцати-

¹ Карта 7, с. 36.

тысячной армии. Йазид III, не надеясь победить столь прославленного и опытного военачальника, предложил компромисс. Казалось, что соглашение вот-вот будет достигнуто, когда 12 октября 744 г. Йазид III внезапно умер после шести месяцев правления.

Все опять пришло в смятение. В Дамаске халифом был провозглашен Ибрахим, брат Йазидов III и сын Валида I¹. Если с Йазидом Марван, судя по всему, был готов договориться, то признать Ибрахима он отказался категорически, и объявил, что поддерживает двух юных сыновей пьяницы Валида II, которые, видимо, томились в темнице Дамаска. Усиливало раздражение и то, что в Дамаске Ибрахима поддерживали йемениты, в то время как Марван благоволил фракции кейситов.

Марван стремительно, что всегда отличало его военные операции, выступил из Харрана. Захватив по пути Киннасрин и Хомс, он ускоренным маршем двинулся на столицу. В Айн ал-Джурре, между Баальбеком и Дамаском, путь ему преградила армия халифа. Войско Марвана было значительно меньше халифского, но под его командованием находилась профессиональная армия, давно приученная к войнам и победам над византийцами и хазарами, к тому же возглавляемая выдающимся военачальником. Марван атаковал армию Ибрахима в лоб, одновременно тайно отослав отряд, который должен был зайти противнику в тыл. Битва на передовом краю продолжалась почти день, но как только началась атака с фланга, армия Ибрахима распалась, понесла большие потери от ветеранов Марвана. Ибрахим бежал из Дамаска, но перед этим приказал казнить в тюрьме Хакама и Османа, двух малолетних сыновей Валида II. Предлогом для восстания Марвана послужила защита прав этих двух мальчиков, которые теперь были мертвы. Понятно, что халифом Дамаска был провозглашен сам Марван с титулом Мервана II. Это произошло 23 ноября 744 г.

¹ Генеалогическое древо, с. 83.

Всего два года назад, при Хишаме, казалось, что династия Омейядов находится в полной безопасности, но за эти два года с 743 по 745 г. клан бану Омейя потерял почти все. Видя сначала вечно пьяного и распутного Валида II, а затем гражданские войны между разными членами клана, народ империи навеки утратил доверие к этой семье. Марван был прекрасным воином, опытным командиром и человеком аскетического образа жизни. Если бы он унаследовал халифат сразу после Хишама, все могло бы кончиться хорошо. Но в 745 г. уже было слишком поздно.

Прежде чем перейти к описанию предсмертной агонии бану Омейя, стоит вкратце обрисовать разнообразные и жестокие междоусобицы, раздиравшие живую плоть Арабской империи.

Во-первых, наиболее важным в этот момент был конфликт между северным и южным ответвлениями арабского народа, Аднан и Кахтан, или, как мы уже называли их, Кайс и Йемен. Может даже показаться, что главными подстрекателями в этой борьбе выступали сами халифы, поскольку, имея самых разнообразных жен, они порой женились на кейситках, а порой предпочитали йемениток. Возможно, в обстановке распрей между соперничающими женами молодые Омейяды вырастали, нося в сердце отвращение к своим единокровным братьям, рожденным какой-нибудь ненавистной соперницей из племени Кайс или Йемен. Во всяком случае, достаточно сказать, что последние омейядские халифы часто питали острую ненависть к собственным родственникам в зависимости от того, с какой из двух партий те ладили или враждовали. Возможно, с нашей точки зрения, вражда между Голубыми и Зелеными в Византийской империи была такой же бессмысленной, хотя и не столь разрушительной для государства. Почти так же трудна для нашего понимания распря между гвельфами и гибеллинами из европейской истории.

Но не только раздор между йеменитами и кейситами грозил уничтожить империю. Произошел также раскол, разделивший восточную и западную половины, иракцев и

сирийцев, или, быть может, бывшую персидскую и бывшую византийскую территории. Это была куда более реальная несовместимость, чем между арабами племени Кайс и Йемен, поскольку это была та самая граница между востоком и западом, которая не стерлась и сегодня. Сто лет назад, до арабского завоевания, Византийская империя была христианской, а Персидская — зороастрийской, и различие между этими двумя религиями породило две непохожие культуры. Арабы навязали себя обеим в качестве правящего класса, но их готовность брать в жены женщин из покоренных народов означала, что через четыре поколения в Сирии и Палестине «арабы» были наполовину византийцами, в то время как в Ираке и на востоке — наполовину персами.

Третий источник разногласий лежал в области религии, а формой, в которую облекся конфликт, стал прежде всего спор о наследовании халифской власти. Здесь существовали четыре группировки. С одной стороны, имелись сторонники бану Омейя, в основном правоверные мусульмане, или сунниты. Против них выступали шииты, или партия, заявлявшая, что законное наследование ограничивается потомками Али ибн Аби Талиба. Хотя секта шиитов возникла из-за спора о наследовании, под влиянием отсутствия успеха она уже начала превращаться скорее в экзальтированный полумистический религиозный культ, чем в практическое политическое движение.

Вдобавок к тем, кто поддерживал притязания бану Омейя или рода Али, на сцене недавно появились сторонники потомков Аббаса. Более искусные и «современные» в своей методологии, чем шииты, они построили разветвленную подпольную организацию, которая покрыла восточную половину империи тайными ячейками. И действительно, эта организация была столь засекреченной и так строго управлялась, что многие ее члены даже не подозревали о ее целях, полагая, что стараются ради семьи Али. Наконец, хариджиты, стоявшие на чисто религиозных позициях, заявляли о своем отвращении к порокам и амбициям правителей.

Еще один повод для разногласия был порожден недовольством покоренных народов. В VIII в. еще не существовало национализма в знакомом нам виде, то есть люди не считали, что различия расового происхождения должны непременно приводить к антагонизму. Однако жители всех покоренных стран остро ненавидели арабский правящий класс. Многие персы, сирийцы, египтяне, берберы и испанцы приняли мусульманскую веру, неважно, по религиозным, социальным или финансовым причинам, но тем не менее — и вопреки теории ислама — не добились социального и финансового равенства с арабами.

Как будто по случайному капризу обстоятельств, все эти партии недовольных теперь объединились против Марвана. Поскольку было известно о его симпатиях к кейситам, йемениты были настроены против него. Поборники бану Али и бану Аббас неизбежно ненавидели его как Омейяда. Хариджиты стремились к его свержению как правителя. Покоренные народы готовы были к восстанию против него, потому что он был арабом. И вот именно теперь вспыхнули все накопившиеся обиды на бану Омейя — пожар зажгла вера в то, что колесо фортуны повернулось в другую сторону и дни Омейядов сочтены.

* * *

Прежде чем рассказать о событиях, приведших к падению династии Омейядов, можно остановиться на минуту, чтобы окинуть взором те девяносто лет, в течение которых бану Омейя правили империей арабов.

Сейчас мы предложим читателю список халифов из рода Омейядов. Как мы увидим, три из них — Муавия, Абд ал-Малик и Хишам — обладали выдающимися личными качествами и способностями. Более того, общее время правления этих трех человек составляет пятьдесят восемь лет из девяноста, то есть почти две трети эпохи Омейядов. Помимо них очень способным халифом можно назвать Валида I, правившего десять лет; его брат Сулейман пользовался популярностью, а Омар ибн Абд ал-Азиз был мудр, благочестив

и любим, хотя и несведущ в финансах. Если прибавить эти три правления к первым трем, обнаружится, что из девяноста лет Омейяды правили с успехом семьдесят три года. Йазид I и Йазид II были легкомысленными, чувственными и в каком-то смысле бесплодными. В сумме время их правления составляет семь лет. Валид II, без сомнений, был порочным пьяным животным, но он правил всего лишь какой-то год. Правления Марвана I и Марвана II были заполнены гражданскими войнами, хотя оба тезки были способными людьми. Таким образом, с обыденной точки зрения бану Омейя были не более и не менее способными, чем любая другая династия в истории.

Отсутствие стандартной процедуры определения наследника халифата породило практически все гражданские войны; оно же стало причиной возникновения сект, и некоторые из них разъединяют ислам до настоящего времени. Продолжительные гражданские войны между Муавией и Али ибн Аби Талибом, а позже между Марваном I, Абд ал-Маликом и Абдаллахом ибн Зубайром остановили арабов, когда завоевание шло полным ходом. Если бы этих двух гражданских войн не было и арабы продолжили бы свое победное шествие, начатое при Омаре ибн ал-Хаттабе и Османе, то мы не в силах даже представить себе, где бы могли закончиться их завоевания. Но гражданские войны не только связывали им руки в течение нескольких лет, а еще и разрушили идеализм и ощущение братства, воспламенявшие первых мусульман. К тому же в этой братоубийственной борьбе пало огромное количество самых храбрых воинов.

Возможно, стоит вкратце рассмотреть историю и развитие принципа наследования власти в Арабском халифате. Первоначальная теория, относящаяся к мединской эпохе, гласила, что халифом следует избирать того, кого «провозглашает» таковым вся мусульманская община. Это было выполнимо до тех пор, пока эта община фактически сводилась к народу Медины, но когда речь шла об огромной империи, само понятие «провозглашения», очевидно, уже не имело смысла.

ТАБЛИЦА ХАЛИФОВ ДИНАСТИИ ОМЕЙЯДОВ

<i>Имя</i>	<i>Длительность правления в годах</i>	<i>Качества</i>	<i>Примечания</i>
Муавия I, сын Абу Суфьяна, 661—680 гг.	19 лет	Государственный деятель выдающихся достоинств — первый халиф, избранный не по чисто религиозным причинам	Сражался за халифат в ходе гражданской войны против Али ибн Аби Талиба
Йазид I, сын Муавии I, 680—683 гг.	3,5 года	Достаточно мелкий и легкомысленный персонаж, страдавший ожирением, обладатель бочкообразного живота	Во время его краткого правления произошло убийство Хусейна и его спутников у Кербелы
Муавия II, 683 г.	2 месяца	Слабый и болезненный мальчик, считался добродетельным и благожелательным	Был провозглашен халифом, уже страдая серьезным заболеванием, возможно, туберкулезом
Марван I	2 года	Восстал против Абдаллаха ибн Зубайра и провел два года в гражданской войне с ним.	С точки зрения закона, Марван в этот период не был халифом, хотя и был провозглашен в Дамаске. По закону он был всего лишь мятежником, восставшим против Абдаллаха ибн Зубайра

Продолжение таблицы

Имя	Длительность правления в годах	Качества	Примечания
Абдаллах ибн Зубайр, 683–692 гг.	9 лет	Не принадле- жал к клану бану Омейя. Все его пра- вление прошло в гражданских войнах	После смерти Муавии II был признан всеми провинциями. В конце концов, погиб при осаде Мекки в правле- ние Абд ал-Малика
Абд ал-Малик ибн Марван, 685–705 гг.	20 лет	Великий прави- тель и государ- ственный дея- тель. Обвинения в его адрес свя- заны с безогово- рочной поддерж- кой Хадджаджа в Ираке	Начал свое прав- ление с граждан- ской войны про- тив Абдаллаха ибн Зубайра. Стал единолич- ным законным правителем лишь в 692 г. по смер- ти Абдаллаха
Валид I, сын Абд ал-Малика, 705–715 гг.	10 лет	Хороший серьезный прави- тель, при котором империя, благо- даря военной силе, достигла своей максималь- ной протяженно- сти. Великий строитель. Также поддержи- вал Хадджаджа	
Сулейман ибн Абд ал-Малик, 715–717 гг.	2 года	Не был выдаю- щейся личностью, но проявлял интерес к армии.	«Молодой царь» в зеленых шел- ках перед зеркалом

Продолжение таблицы

Имя	Длительность правления в годах	Качества	Примечания
		В его правление был осажден Константинополь. Отличался обжор- ством	
Омар ибн Абд ал-Азиз, 717—720 гг.	3 года	Глубоко благочести- вый, а также мудрый и добросовестный правитель. Благода- ря его спокойной справедливости утихли многие внут- ренние распри, раз- диравшие империю	Добрый халиф
Йазид II, сын Абд ал-Малика, 720—724 гг.	4 года	Малоинтересный персонаж. Легко- мысленный, хотя не злобный и не слиш- ком порочный — хозяин рабыни Хабабы	
Хишам ибн Абд ал-Малик (Хозяин), 724—743 гг.	19 лет	Четвертый сын Абд ал-Малика, заняв- ший пост халифа. Выдающийся пра- витель грубоватого и деятельного типа	
Валид II, сын Йазид II, 743—744 гг.	1 год и 3 месяца	Пьяница и распут- ник, убитый через год и три месяца правления	Непосредст- венный виновник гибели династии

Окончание таблицы

<i>Имя</i>	<i>Длительность правления в годах</i>	<i>Качества</i>	<i>Примечания</i>
Йазид III, сын Валида ибн Абд ал-Малика, 744 г.	6 месяцев	Мы мало знаем о нем. Он воз- главил восста- ние против Валида Распут- ника, заявлял о своей рели- гиозности, однако его взгляды не отли- чались орто- доксальностью	Йазид Уменьшитель
Ибрахим, брат Йазиды III, сын Валида ибн Абд ал-Малика, 744 г.	2 месяца	О нем мало известно, хотя, по-видимому, большинство народа считало его неподходя- щим для поста халифа.	Был свергнут Марваном, кото- рому впоследст- вии присягнул на верность.
Марван II, сын Мухам- мада ибн Марвана, 744–750 гг.	6 лет	Хороший и энергичный воин, но не по- литик. В любом случае, ситуа- ция уже зашла слишком далеко из-за неудачных правлений Валида Распутника, Йазиды III и Ибрахима	Марван Осел

Более того, поскольку все управленческие функции были сосредоточены в руках халифа, нельзя было допускать, чтобы после его смерти наступал долгий период междоусобия, неизбежный, если бы приходилось запрашивать мнение отдаленных провинций. Правда, некоторые мусульманские юристы ратовали за всеимперский референдум, однако эта идея оставалась чисто теоретической и не могла быть претворена в жизнь. Таким образом, на практике право «провозглашения» вскоре сосредоточилось в руках наиболее влиятельных придворных, членов правящего рода и их вассалов, высших чиновников, светских и духовных, и командиров расквартированных в столице войск.

Опасность гражданской войны по смерти халифа была столь велика, что очень рано появился обычай заблаговременно назначать себе преемника. К тому же этот прием давал возможность убедиться в согласии провинций. Однако даже при этом не существовало эффективного механизма, позволявшего заручиться одобрением общества в целом. На деле правящий халиф предлагал наместнику, высшим чиновникам, военачальникам и влиятельным людям провинции принести присягу выбранному им наследнику еще при его жизни. Эти клятвы в верности воспринимались чрезвычайно серьезно, и, как мы уже видели, большинство тех, кто их приносил, чувствовали себя связанными ими.

Интересной аномалией являлось то, что наследник, которому заранее приносилась присяга на верность, обычно избирался правящим халифом. Поэтому никогда не существовало полной ясности, где кончается право халифа назначать себе преемника (всецело автократическая система) и начинается право общества самому избирать себе халифа (вполне демократическая система). Как мы видели, Сулейман ибн Абд ал-Малик назвал своим наследником Омара ибн Абд ал-Азиза в запечатанном письме, которое запретил вскрывать до своей смерти, и все равно очень сомневался в том, что его воля будет выполнена.

Неприязнь арабов к системе первородства становится очевидной из того факта, что из четырнадцати халифов рода

бану Омейя только четверо имели наследниками собственных сыновей. Арабская система, согласно которой наследником становился наиболее достойный представитель правящей семьи, уходила корнями в доисламскую эпоху. Средняя продолжительность жизни халифов-Омейядов составляла сорок три года, и поэтому во многих случаях их сыновья еще не были взрослыми. Поскольку по всеобщему убеждению ребенок не мог стать халифом, сама краткость жизни многих Омейядов исключала наследование халифата сыном умершего.

В отличие от Аббасидов, которым предстояло прийти на смену Омейядам, последние, почти без исключений, были отпрысками жен-арабов. Марван Осел, матерью которого была курдская наложница, стал отступлением от правила. Поэтому, как правило, халифы бану Омейя были чистокровными арабами, предки которых жили на Аравийском полуострове.

Короче говоря, можно заключить, что, хотя правящие халифы все чаще использовали свое право назначать себе преемника при жизни, на словах они продолжали следовать теории всенародного избрания, что, несомненно, влияло на выбор наследника. Во избежание мятежей и гражданских войн советники рекомендовали халифам кандидатуры, приемлемые для общества.

Единовластие Омейядов вызывает особенное удивление потому, что в доисламскую эпоху арабы, похоже, дорожили личной свободой больше всех остальных народов. Первые арабские завоеватели были кочевниками из пустыни. Их вожди, хотя и были окружены определенным уважением в силу своего благородного происхождения, в остальном не пользовались особым авторитетом. Объяснение очевидно. Человек, чье имущество заключалось в животных, а жилище представляло собой палатку, которую перевозили эти самые животные, был абсолютно ничем не связан. Если ему не нравилось общество, в котором он жил, или же вождь пытался оказать на него давление, ему нужно было лишь погрузить свой шатер на верблюда и отправиться в путь, чтобы присоединиться к другой группе. Поэтому этот житель палатки был истинно свободным человеком. Его не слишком

заботили приказы вождя или воля большинства его собратьев. Он в буквальном смысле был сам себе законом.

Сегодня граждане Британии и Соединенных Штатов заявляют о том, что они свободные люди, живущие в свободных странах, но их свобода лишь относительна. На практике они пошли на компромисс. Они согласились уступить свою свободу расплывчатой общности, называемой большинством, которая может устанавливать законы, обязательные для всех. Другими словами, человек, живущий в оседлом сообществе, не имеет личной свободы. В этой ситуации, чтобы наслаждаться ограниченным объемом свободы, он соглашается отказаться от остальной ее части.

Тот факт, что, существуя в этой системе, мы заявляем о своей свободе, лишает нас возможности понять, что означала свобода для арабского кочевника. Он ничего не знал о большинстве. Он считал себя вправе поступать так, как хочет, даже если все остальные люди на свете не одобряют его поступка. Этот кочевник был по-настоящему свободен, и ключом к этой совершенной свободе была мобильность. Как только арабы начали жить в городах и обросли недвижимым имуществом, они утратили свою подвижность, а вместе с ней и свою абсолютную свободу. Но, конечно же, они не рассматривали этот вопрос с такой точки зрения. Для них личная свобода стала инстинктом. Даже теперь, живя в городах и домах, они не желали исполнять чьи угодно приказы. Все те, кто пытался создать империю и править ею, имея таких подданных, скоро убеждался, что эта задача невыполнима.

В подобной ситуации правитель оказывался перед альтернативой. Этих жестоких и неуправляемых людей нужно было либо убедить, либо принудить отказаться от части своей свободы. Для двух первых халифов, Абу Бакра и Омара, мощной поддержкой явилась религия. Их собратья, заявляли они, служат не им, а Богу. Пока религиозное чувство не затухло, этого довода было достаточно, чтобы обеспечить покорность или, по крайней мере, порядок. Когда же религиозный энтузиазм начал остывать, на долю Муавии выпало заменить его политическим убеждением. Он никогда не

претендовал на деспотическую власть. Он всегда выглядел лишь первым среди равных, главным советником арабского народа. Он проводил бесконечные часы, разговаривая и споря с влиятельными людьми общины, и с невозмутимым чувством юмора воспринимал грубые замечания, которые бросали ему в лицо недруги. Примечательно, что он оказался единственным халифом, против которого не было ни одного восстания.

Ни один народ не породил династии, которая бы вся состояла только из гениев. Для халифа с легкомысленным характером или неразвитым интеллектом ситуация была чрезвычайно трудной. Если все зависело от наличия терпения или дара убеждения у халифа, то, когда на троне оказывался глупец, вся система рушилась. Таким образом, халифы, которым не доставало ума или способностей, чтобы убеждать свой народ, сталкивались с восстаниями. В общем, именно при слабых халифах использовались самые жестокие меры принуждения.

При всей своей любви к личной свободе выходцы из Центральной Аравии самоотверженно следовали за тем, кого считали достойным верховной власти на основании его персональных качеств. Когда же халиф не внушал им должного уважения, ему приходилось прибегать к чрезвычайным и деспотическим мерам, чтобы поддерживать порядок. Коротко говоря, тот факт, что арабы, самый свободный народ на земле, постепенно подпали под автократическое управление, представляется не лишенным логики. Даже в наши дни часто случается так, что избыток свободы приводит вначале к беспорядку, а затем — к диктатуре.

Второстепенным фактором, ведущим к абсолютизму, было то, что именно таким образом осуществлялось управление в Византийской и Персидской империях. Когда на плечи арабов неожиданно легло бремя управления империей, им поначалу пришлось привлечь к этому делу гражданских чиновников, оставленных их предшественниками. Для всех этих людей деспотическая система была привычной. Это была единственная форма правления, с которой они когда-либо сталкивались.

Нам представляется, что одной из главных политических ошибок, допущенных в период Омейядов, стал отказ в социальном равенстве неарабам — тем не менее этот просчет можно связывать скорее с присущей всем арабам национальной гордостью, чем с политикой халифов. С аналогичным затруднением приходилось сталкиваться всем империям, как до арабов, так и после них, и еще никто не нашел ему безупречного решения.

При столь свободном использовании слова «араб» стоит добавить оговорку, что арабы периода Омейядов, хотя и изрядно смешанные с другими народами, все еще в массе своей демонстрировали черты, присущие ранним завоевателям, которые были родом из племен, кочевавших по теперешней Саудовской Аравии, Йемену и Хадрамауту. Разнообразные народы, именующие себя арабами в наши дни, имеют к этим первым завоевателям очень небольшое отношение, если оно вообще есть. Однако свою культуру они унаследовали от той самой, начальной поры ислама, а потому, несмотря на неодинаковое этническое происхождение, они в какой-то мере разделяют с древними арабами их страстность и неуправляемость, включая и склонность к колебаниям между анархической свободой и диктатурой.

Одной из причин недовольства Омейядами было тяжелое налогообложение. Как уже объяснялось, эта система восходила к Пророку и первым двум халифам. Однако в своем стремлении собрать как можно больше денег Омейяды, вдобавок к обычной мусульманской системе, иногда вводили различные доисламские или персидские подати. Тот факт, что обращение покоренных народов в ислам сокращало доход казны, приводил к дальнейшим осложнениям.

Оценивая достоинства бану Омейя, нужно отдать им должное за их военные достижения. За девяносто лет владычества Омейядов Арабская империя увеличилась более чем вдвое. Еще удивительнее то, что после их падения империя не только прекратила расти, но и тотчас же начала уменьшаться и с тех пор всегда вела только оборонительные войны.

Боже, царь царства! Ты даешь царство кому хочешь и отъемлешь царство у кого хочешь; Ты возвышаешь кого хочешь и унижаешь кого хочешь...

Коран, 3, 25

Совлек с меня славу мою и снял венец с головы моей. Кругом разорил меня... Полки Его пришли вместе и направили путь свой ко мне и расположились вокруг шатра моего... Покинули меня близкие мои, и знакомые мои забыли меня... Зову слугу моего, и он не откликается; устами моими я должен умолять его... Гнушаются мною все наперсники мои, и те, которых я любил, обратились против меня.

Иов, XIX, 9—19

Западная Азия находилась в состоянии хаоса. Повсюду в воздухе носилось ожидание взрыва.

*Амир Али.
История сарацин*

...мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда.

2 Петр. III, 13

Глава XII

РЕВОЛЮЦИЯ

Важные даты

Воцарение Марвана II	– 23 ноября 744 г.
Куфа захвачена хариджитами	– июнь 745 г.
Мосул захвачен хариджитами	– 746 г.
Битва при Куфар Туфе	– 746 г.
Подавление восстания в Иордании	– 746 г.
Абу Муслим переходит к открытому восстанию	– июнь 747 г.
Ибн Хубайра отвоевывает Куфу	– 747 г.
Хиджаз освобожден от хариджитов	– 748 г.
Гражданская война между племенами Кайс и Йемен в Хорасане	– 745–748 гг.
Абу Муслим становится правителем Хорасана	– март 748 г.
Мятежники под командованием Кахтабы берут Рей	– август 748 г.
Битва при Исфахане	– весна 749 г.
Кахтаба захватывает Нехаванд	– май 749 г.
Имам Ибрахим казнен Марваном	– август 749 г.
Кахтаба берет Куфу	– октябрь 749 г.
Ас-Саффах провозглашен халифом в Куфе	– 28 октября 749 г.
Битва при Забе	– 25 января 750 г.
Падение Дамаска	– июнь 750 г.
Смерть Марвана	– 5 августа 750 г.
Смерть халифа Ас-Саффаха	– 9 июня 754 г.

Персоналии

Халиф Марван, прозванный Ослом.

Имам Ибрахим, сын Мухаммада ибн Али из рода Аббаса.

Йазид ибн Хубайра, наместник Марвана в Ираке.

Абу Муслим, организатор аббасидского восстания в Персии.

Кахтаба ибн Шабиб, командующий аббасидской армией в Персии.

Халид ибн Бармак из Балха, один из его подчиненных.

Халиф ас-Саффах (Абдаллах Абу-л-Аббас), Кроволийца.

Абдаллах ибн Али из рода Аббаса, победитель при Забе, наместник Дамаска, дядя ас-Саффаха.

Абу Джафар, брат халифа ас-Саффаха.

При жизни Мухаммада его дядя Аббас, по-видимому, играл достаточно сомнительную роль, содействуя врагам Пророка и одновременно осведомляя об их действиях его самого. Мы уже упоминали об Абдаллахе ибн Аббасе, сыне этого своеобразного предтечи «викария из Бре¹» и друге Хусейна, попытавшемся отговорить последнего от его рокового путешествия в Кербелу. Али, сын Абдаллаха², слыл человеком любезным, благочестивым и ученым. Большую часть своей жизни он провел в Дамаске, где в течение многих лет был другом халифа Абд ал-Малика. Однако он впал в немилость, вступив в брак с женщиной, с которой ранее развелся этот халиф. Представляется, что Абд ал-Малика этот инцидент просто задел, но его сын Валид I по неизвестным нам причинам был глубоко разгневан. Унаследовав халифат, он приказал высечь Али ибн Абдаллаха ибн Аббаса и протащить по улицам Дамаска. Так, дав выход личной неприязни, Омейяды выказали неуважение к собственным родственникам из племени курайш.

Али пережил это унижение и умер только в 735 г. в правление Хишама, но он и его дети покинули двор и удалились в сельскую глушь. Мухаммад, сын Али, горько негодовал по поводу того, как обошлись с его отцом, и вынашивал явно несбыточную мечту свергнуть правящую династию. Живя в далеком селении, он не располагал общественной поддержкой, но зато задумал подпольную политическую кампанию. Пропаганда в интересах «семьи» велась через широко раскинувшуюся нелегальную сеть. Ее двусмысленный лозунг

¹ Викарий из Бре — викарий XVII в., четыре раза менявший религию. Имя его стало нарицательным для обозначения человека беспринципного, ренегата, приспособленца. — *Примеч. ред.*

² Генеалогическое древо, с. 319.

привел многих сторонников к ошибочному убеждению, что они действуют ради потомков Али¹, однако эмиссары Мухаммада не спешили развеять это заблуждение. Тем не менее в преддверии того момента, когда правду придется раскрыть, аббасидские миссионеры подготовили историю, согласно которой от Али ибн Аби Талиба имамат по наследству перешел к Мухаммаду ибн ал-Ханафийе, его сыну от другой жены, не Фатимы. Этот человек завещал его своему сыну Абу Хашиму, который, не имея собственного сына, впоследствии передал его Али ибн Абдаллаху ибн Аббасу (тому, которого высек Валид в Дамаске). Таким образом, от потомков Али имамат перешел к потомкам Аббаса².

Хотя, разумеется, Мухаммад ибн Али из рода Аббаса был стопроцентным арабом, самого большого успеха его эмиссары добились в Ираке и Персии, особенно в беспокойной провинции Хорасан. Жители этих областей не только были известны как прекрасные воины, но к тому же среди них имелось огромное число неаравов, обращенных в ислам, которых раздражало презрительное отношение арабской аристократии. В 743 г., в правление вечно пьяного Валида Распутника, Мухаммад ибн Али умер, завещав руководство движением своему сыну Ибрахиму, который впоследствии стал известен как имам Ибрахим.

Тем временем, как мы уже видели, в 745 г. Марван стал хозяином Дамаска и проявил себя как ярый сторонник кейситской партии. Из-за общеизвестной тенденциозности халифа во многих местах произошли стычки между кейситами и йеменитами. В Бахрейне и Омане племенная вражда успела начаться еще раньше. В Фарсе и Хузистане йемениты

¹ Имеется в виду Али ибн Аби Талиб, потомков которого шииты считали единственными законными наследниками халифата. — *Примеч. ред.*

² Согласно шиитскому учению, имамат передавался от отца к сыну в роду Али. Имам обладал харизмой и передавал это своеобразное вдохновение свыше сыну.

объявили о своем неповиновении Марвану. Видя, что вся страна охвачена волнением, хариджиты Ирака захватили Куфу, изгнав наместника. Другие хариджиты из Йемена вторглись в Хиджаз и фактически завладели Меккой и Мединой. Восстал даже Хомс, расположенный куда ближе к столице.

Старый солдат Марван всех врагов встретил лицом к лицу. Он стремительно подошел к Хомсу и взял его штурмом, прежде чем мятежники узнали о его приближении, и повесил пятьсот мертвых тел на городских стенах. Но пока он двигался к Хомсу, взбунтовался Дамаск. Не успели еще составшие организовать, как армия Марвана уже вновь была в столице, волнения окончились, а их зачинщика повесили. Полагая, что Сирия усмирена, халиф двинулся к Ракке, приказав своим силам сосредоточиться там для нового завоевания Ирака.

Некогда, при Айн ал-Джурре, Марван разбил дамасскую армию под командованием Сулеймана, сына халифа Хишама. Впоследствии тот принес присягу Марвану и теперь сопровождал его в этом походе на Ракку. Однако по прибытии туда он получил от Марвана разрешение вернуться обратно в Сирию. На обратном пути он встретился с десяти тысячной армией, следовавшей на подкрепление Марвану. Хотя всего несколько дней назад Сулейман клялся в верности Марвану, он склонил эту армию к измене, провозгласил себя халифом и занял Киннасрин.

Отказавшись от вторжения в Ирак, Марван вернулся, но мятежники напали на Хомс и задержали халифа почти на год, который потребовался ему, чтобы взять этот город осадой. Тем временем Сулейман, сын Хишама, организовавший это восстание, видимо, покинул бунтовщиков в Хомсе и бежал в Ирак, где примкнул к хариджитам, фанатическим противникам любых правителей.

Эти иракские хариджиты, занявшие Куфу в июне 745 г., теперь завладели и Васитом. Затем они двинулись на север — пока Марван все еще осаждал Хомс — и в сентябре

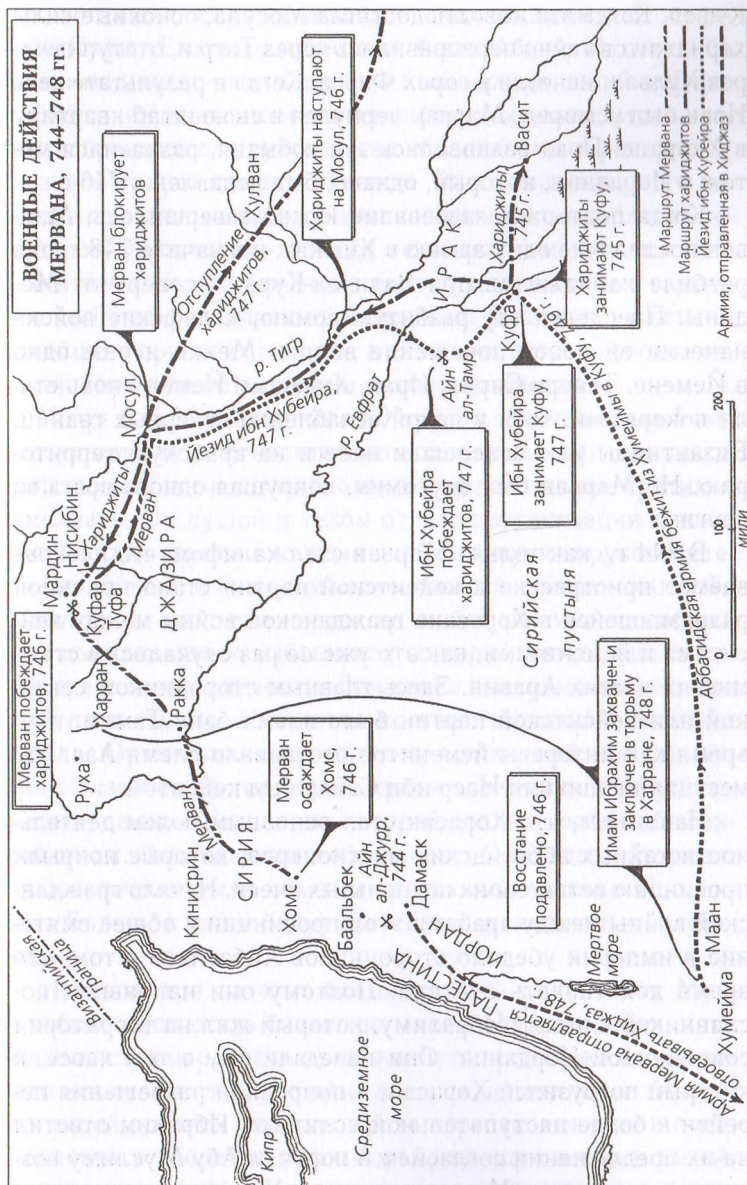
746 г. захватили Мосул. Оттуда они выслали вперед колонны, чтобы осадить Ракку и Нисибин. Однако в этот момент Марвану, наконец, удалось взять Хомс, и, бросившись стремительным маршем на восток, он разбил хариджитов в крупной битве при Куфар Туфе, в тридцати милях от Нисибина.

Хариджиты, вместе с которыми был и Сулейман, сын халифа Хишама, отступили в Мосул, где окопались на западном берегу Тигра. Марван, преследуя их по пятам, не сумел взять их лагерь штурмом и был вынужден осадить его. Во время одной из вылазок хариджитов воины Марвана захватили в плен племянника Сулеймана ибн Хишама по имени Муавия. Мальчик умолял сохранить ему жизнь.

«Я зываю к твоему состраданию, о дядя», — плакал он.
«Между мной и вами не может быть никакого сострадания», — отвечал Марван.

Юношу вывели на нейтральную полосу между двумя армиями. Для начала ему отрубили руки, а после и голову. Каким бы безжалостным ни был этот поступок, отчаяние Марвана вполне понятно. В Хорасане, как мы скоро увидим, уже началось аббасидское восстание. Ирак и Хиджаз находились в руках хариджитов. На карту было поставлено само существование бану Омейя, но, как ни странно, против него выступали даже его собственные завистливые родичи из клана Омейядов. Не может быть сомнения, что в значительной степени именно эти гражданские войны между представителями бану Омейя повинны в крушении династии и в конечном счете распаде империи.

Пока Марван все еще осаждал главную хариджитскую армию в Мосуле, он направил в Ирак еще одно войско под командованием Йазид а-бн Хубайры, который разгромил хариджитов при Айн ал-Тамре и в июне 747 г. вновь завладел

Куфой. Когда эта новость достигла Мосула, основные силы хариджитов тайно переправились через Тигр и, отступив через Хулван, исчезли в горах Фарса. Когда в результате весь Ирак был усмирен, Марван вернулся в свою штаб-квартиру в Харране. Пока развивались эти события, разразился мятеж в Иордании, который, однако, был подавлен в 746 г.

Когда повторное завоевание Ирака завершилось, Марван послал еще одну армию в Хиджаз, и в начале 748 г. она разбила хариджитов при Вади ал-Кура, к северу от Медине. Преследуя эту разбитую армию, халифские войска нанесли ей новое поражение вблизи Мекки и еще одно в Йемене. Теперь Сирия, Ирак, Хиджаз и Йемен вновь стали покорными, хотя и ценой ослабления северных границ. Византийцы уже совершали набеги на арабскую территорию. Но Марван был неутомим, сокрушая одного врага за другим.

В 744 г., как только Марван стал халифом, его нескрываемое пристрастие к кейситской партии стало причиной разразившейся в Хорасане гражданской войны между кейситами и йеменитами, как это уже не раз случалось в столь многих частях Аравии. Здесь главным сторонником северной или кейситской партии было племя бану Тамим, в то время как интересы йеменитов отстаивало племя Азд. Наместник провинции Наср ибн Сайяр был кейситом.

Напомним, что Хорасан стал основным полем деятельности тайных аббасидских миссионеров, которые покрыли провинцию сетью своих подпольных ячеек. Начало гражданской войны между арабами этой провинции и общее смятение в империи убедило сторонников Аббасидов в том, что время действовать настало. Поэтому они направили посланников к имаму Ибрахиму, который жил на территории современной Иордании. Они поведали ему о том хаосе, в который погрузился Хорасан, и попросили разрешения перейти к более наступательной политике. Ибрахим ответил на их предложения согласием и поручил Абу Муслиму возглавить движение. Мы впервые встретились с этим челове-

ком, когда он обслуживал аббасидских заключенных в темнице Куфы. Его настоящее имя было Абд ар-Рахман ибн Мухаммад, и, по-видимому, это был перс, живший в Куфе. Несмотря на незнатность своего происхождения, этот человек, избранный для руководства аббасидским переворотом, оказался прирожденным лидером. Этого миниатюрного человека со смуглым лицом и красивыми чертами, обладавшего даром убеждения, никогда не видели смеющимся. Его безмятежность едва ли могли нарушить даже самые серьезные события, величайшие победы не вызывали в нем ни малейшего признака радости, и самые катастрофические перемены никогда не выводили его из равновесия.

Когда он впервые прибыл в Хорасан, его моложавый вид вызвал сомнения относительно его пригодности для такой роли, но его явные способности вскоре заставили критиков замолчать. Он душой и телом отдался организации движения. Каждая группа и каждая ячейка получила руководителя. Беспорядки и лишения нескончаемых гражданских войн подготовили согласие народа на любой режим, способный дать долгожданного избавителя, который установит царство мира и справедливости. Движение выступило с мессианской проповедью, абсолютно соответствовавшей чаяниям народа. Организация скрывалась под маской мусульманского благочестия, призывая хранить верность клану бану Хашим, семье Пророка, из которой должен выйти обещанный имам. Запятнавшие себя кровью Омейяды, которые с самого начала были самыми заклятыми врагами Посланника Божия, в итоге будут свергнуты, и, наконец, воцарится мир.

Но несмотря на этот благочестивый облик, Абу Муслим был готов стать буквально «всею для всех». Так, хотя большинство персидских горожан в то время уже исповедовало ислам, многие крестьяне все еще цеплялись за верования своей древней религии, вроде переселения душ и представления о творении как о борьбе между светом и тьмой. У таких людей Абу Муслим создавал впечатление, будто

верит, что в их воззрениях много правды. Он проявил столько такта в отношении секты хуррамитов, что они впоследствии признали его как своего мессию. Некоторые обещания и недоразумения в будущем должны были вызвать яростную реакцию, но к этому моменту Аббасиды уже прочно стояли у власти.

Хотя большинство тайных сторонников этой партии были мусульманами неарабского происхождения, среди ее горячих приверженцев находились и многие арабы. Тот факт, что первоначально пропаганда говорила о семье Пророка без особого упоминания о потомках Аббаса, обеспечило симпатии многих шиитов, которые полагали, что действуют в интересах потомков Али.

В июне 747 г., пока Марван осаждал хариджитов в Мосуле, Абу Муслим в Хорасане получил письмо от имама Ибрахима с приказом перейти к открытому восстанию под лозунгом «За семью!». Кроме того, прибыло два боевых знамени, которые были тут же водружены на копья. Переворот начался.

В провинции Хорасан новые мятежники вооружились и собрались, разместившись в нескольких укрепленных лагерях. Когда Абу Муслим приказал всем верным явиться в черном, многие его сторонники, вступившие в тайную организацию, впервые таким образом обнаружили себя.

Асад ибн Абдаллах, нанесший поражение кагану в 737 г., умер на следующий год, и его преемником на посту наместника стал Наср ибн Сайяр, проводивший тридцать лет на службе в Хорасане и прекрасно знавший страну. Под его мудрым руководством был вновь завоеван весь Мавераннахр, включая Шаш и Фергану. Отметим, что, если население Хорасана примкнуло к восстанию Абу Муслима, народы Мавераннахра оставались верны Насру¹. Последний теперь в отчаянии писал Марвану, обрисовывая неуправляемое состояние провинции и растущую опасность, которую пред-

¹ Н. А. R. Gibb. *Op. cit.*

ставляет собой Абу Муслим, и молил о подкреплении. Но Марван мог ответить только извинениями и советами. У него не было свободной армии. Когда Наср прочитал ответ халифа, ему оставалось только с горечью сказать своим приближенным: «Наш друг, кажется, практически уверен, что просто не в состоянии победить».

Тем временем в Хорасане продолжалась гражданская война между кейситами и йеменитами. В конце концов Абу Муслим в пику наместнику открыто заявил о своей поддержке йеменитов. Состоялось решающее сражение, йемениты одержали победу, но их вождь погиб. Наместнику пришлось покинуть Хорасан и отступить в Рей. Ничего более удачного для Абу Муслима нельзя было и придумать. Его союзники йемениты победили, но лишились предводителя. В марте 748 г. он сам поселился во дворце наместника в Мерве и стал правителем Хорасана. С той поры, когда потомок Аббаса Мухаммад ибн Али начал свою тайную пропагандистскую кампанию, прошло двадцать шесть лет.

Тем временем имам Ибрахим по-прежнему жил в уединении в деревне Хумейма вблизи Маана в современной Иордании. Лишь горстка руководителей восстания знала, что именно он должен стать ожидаемым «Махди» (мессией). Затем на короткое время удача, казалось, повернулась к Марвану, перехватившему тайное письмо Ибрахима, адресованное Абу Муслиму, в котором первый убеждал второго активно развивать восстание. Имам Ибрахим был арестован и брошен в тюрьму в Харране¹.

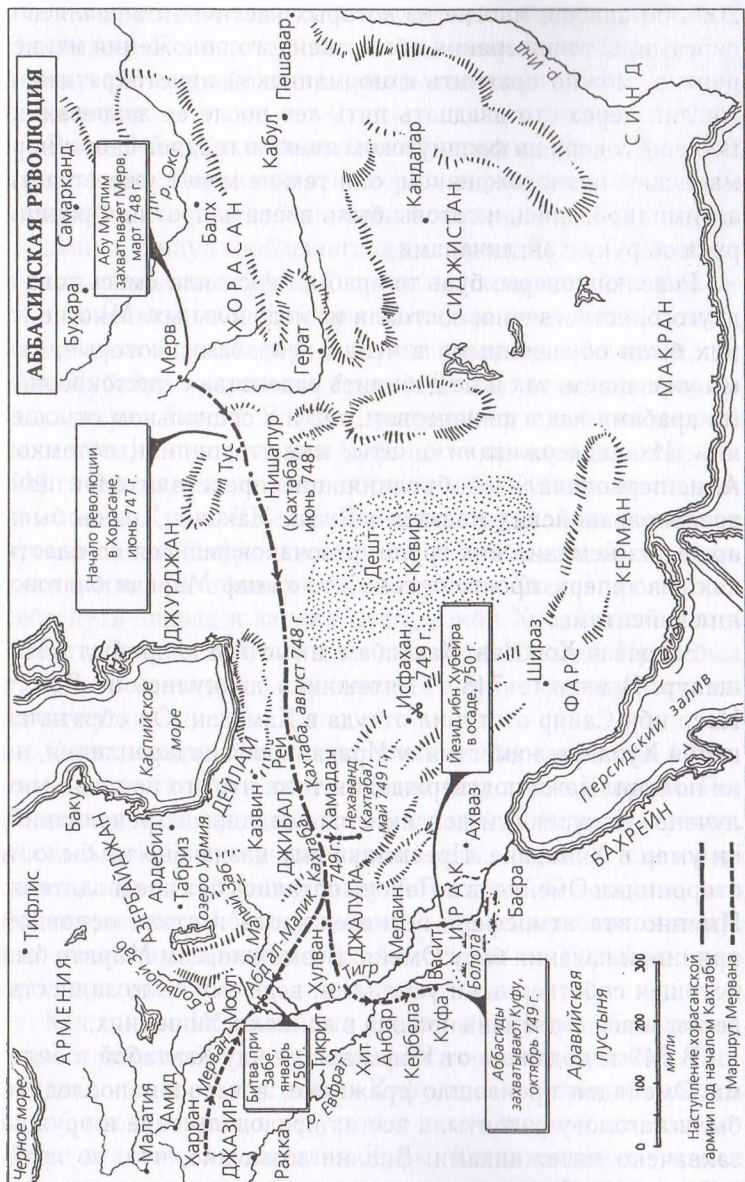
Не успел Абу Муслим обосноваться в мервском дворце, как потребовал от народа присяги на верность клану бану Хашим. Поскольку о бану Аббас особо не упоминалось, шииты охотно дали клятву. В свое время некий Кахтаба ибн Шабиб, араб из племени Тай, доставил от имама Ибрахима два боевых знамени, о которых уже говорилось. Теперь Абу

¹ Карта 30, с. 309, см. расположение деревни Хумейма в Южной Иордании и Харрана в Северной Сирии.

Муслим поручил этому Кахтабе командовать собранной им армией. Одновременно он направил собственных наместников в различные районы Хорасана и Мавераннахра и продолжил взимать налоги и вербовать войска, как будто был законным правителем. Двое из его приближенных заслуживают упоминания. Один, Мухаммад ал-Ашаф, был потомком того самого Абд ар-Рахмана ал-Ашафа, вождя племени Азд, который некогда поднял восстание против Хадджаджа в Ираке. С тех пор семейство Ашаф, жившее в Персии, сжигала ненависть к роду бану Омейя. Арабское племя Азд, принадлежавшее к йеменитам, сыграло ведущую роль в перевороте. Другим был некий Халид ибн Бармак, уроженец Балха, о котором мы еще услышим.

В современную эпоху, когда принято считать, что человеческий род делится на несколько разных рас, мы склонны рассматривать исторические движения в свете национальности. Тем не менее невозможно, чтобы действующие лица аббасидской революции думали о себе в таком ключе. Это движение не было национальным восстанием персов против арабов. Большинство его участников мыслило, оперируя понятиями ислама, а не национальности. Обе стороны, пытаясь привлечь симпатии, заявляли о том, что руководствуются Кораном и Сунной Пророка. Если бы движущей силой выступал национализм, мы бы читали о призывах персам восстать против арабов. Но о таких лозунгах нет никаких упоминаний. Руководители переворота подогревали воодушевление своих войск рассказами о том, как бану Омейя противились Посланнику Божию и убили мученика Хусейна.

В Хорасане жило немало арабов. Семьдесят пять лет назад Зийяд Сын-своего-отца поселил в провинции 50 000 арабских семей. Теперь, в 748 г., в Хорасане насчитывалось

200 000 арабов, многие из которых частично смешались с персами. С точки зрения общественного положения их, вероятно, можно сравнить с норманнской аристократией в Англии через сто двадцать пять лет после ее завоевания. Все еще говоря на французском языке и гордясь своим норманнским происхождением, они тем не менее уже отчасти ассимилировались и готовы были воевать против Франции рука об руку с англичанами.

Революционеры, будь то арабы, персы или смесь того и другого, естественно, состояли из недовольных. Многие из них были обращенными в ислам неарабами, которые, как мы уже знаем, так и не добились равенства с чистокровными арабами как в финансовом, так и в социальном отношении. Их поддерживали шииты, или сторонники потомков Али, первоначально объединявшие представителей центральноаравийских племен в Куфе. Наконец, здесь были арабы из йеменитских групп, разочаровавшиеся во власти как раз теперь, просто потому что халиф Марван благоволил кейситам.

Завоевав Хорасан, Кахтаба в июне 748 г. прибыл в Нишапур. В августе 748 г. мятежники двинулись на Рей, а Наср ибн Сайяр отступил оттуда в Хамадан. Он обратился к Ибн Хубайре, наместнику Ирака, прося подкрепления, но не получил даже подтверждения того, что его послание получено. Изнуренный долгими годами войн и треволнений, он умер в Хамадане. Преемника ему назначено не было, и сторонники Омейядов в Персии остались без предводителя. Именно эта атмосфера безнадежности и стала основной причиной падения бану Омейя. Возможно, сам Марван был истощен собственными усилиями, ведь ему было за шестьдесят, и вся его жизнь прошла в войнах и лишениях.

В 749 г. недалеко от Исфахана между Кахтабой и силами Омейядов произошло сражение, в котором последние были наголову разбиты, а все их продовольствие и оружие захвачено мятежниками. Вполне возможно, что, по крайней мере, в Персии неуклонное распространение револю-

ции на протяжении двух лет подорвало боевой дух армии Омейядов. Если в прошлом они неизменно одерживали победу, теперь они всегда оказывались в положении побежденных.

В мае 749 г. Кахтаба захватил Нихавенд, где веком раньше древняя Персидская империя нашла свое Ватерлоо, столкнувшись с непобедимыми в то время арабами, и немедленно двинул свой авангард дальше, в Хулван, где обнаружил аванпосты куфской армии под командованием наместника Йазида ибн Хубайры. Вслед за этим Кахтаба молниеносным броском передвинулся севернее того места, где Ибн Хубайра удерживал брод у Джалулы и, переправившись через Тигр и Евфрат, устремился вдоль последней реки вниз, в направлении Куфы. Это произошло в августе 749 г. Обнаружив, что его обошли, ибн Хубайра поспешил на защиту Куфы. В беспорядочном столкновении, которое произошло на Евфрате в темноте, Кахтаба пал, но хорасанская армия под командованием его сына Хасана проложила себе путь вперед и заняла Куфу, а ибн Хубайра отошел в Васит. Однако к этому времени весь Южный Ирак был охвачен волнением, а хорасанская армия повсюду наступала на пятки.

Стоит напомнить, что по приказу Марвана имам Ибрахим был арестован и заточен в темницу замка Харрана. По видимому, такая возможность была предусмотрена заранее, поскольку Ибрахим успел подготовить документ, в котором завещал имамат своему брату Абдаллаху. С того дня, как мы видели этого Абдаллаха новорожденным ребенком на руках отца, показывавшего его эмиссарам из Хорасана, уже прошли годы.

Как только Ибрахим был уведен в тюрьму, Абдаллах со всем семейством покинул свой дом в селении Хумейма. Они отправились через пустыню в Куфу, где их встретил и укрыл какой-то сторонник, в результате чего о них не было известно ни властям, ни жителям Куфы. Когда мятежная армия вошла в город, шииты попытались выдвинуть кандидата на

халифат из рода Али. Однако хорасанская армия отказалась. Затем появился новый аббасидский имам и торжественно подъехал к большой городской мечети. Здесь он, возглавив собравшихся, совершил полуденную молитву и произнес проповедь, обличая грехи Омейядов. Затем он объявил о пришествии силы из рода Пророка, которая отныне будет распространять царство религии и справедливости во всей земле. Окончив свою речь, обессиленный Абдаллах сел, но тут заговорил его дядя Дауд ибн Али. Заявив, что семья Аббаса будет руководствоваться исключительно религией, он добавил: «Отныне и впредь мы, семья Пророка, будем править до тех пор, пока не передадим своих обязанностей Иисусу Сыну Марии в Последний день при Его втором пришествии»¹.

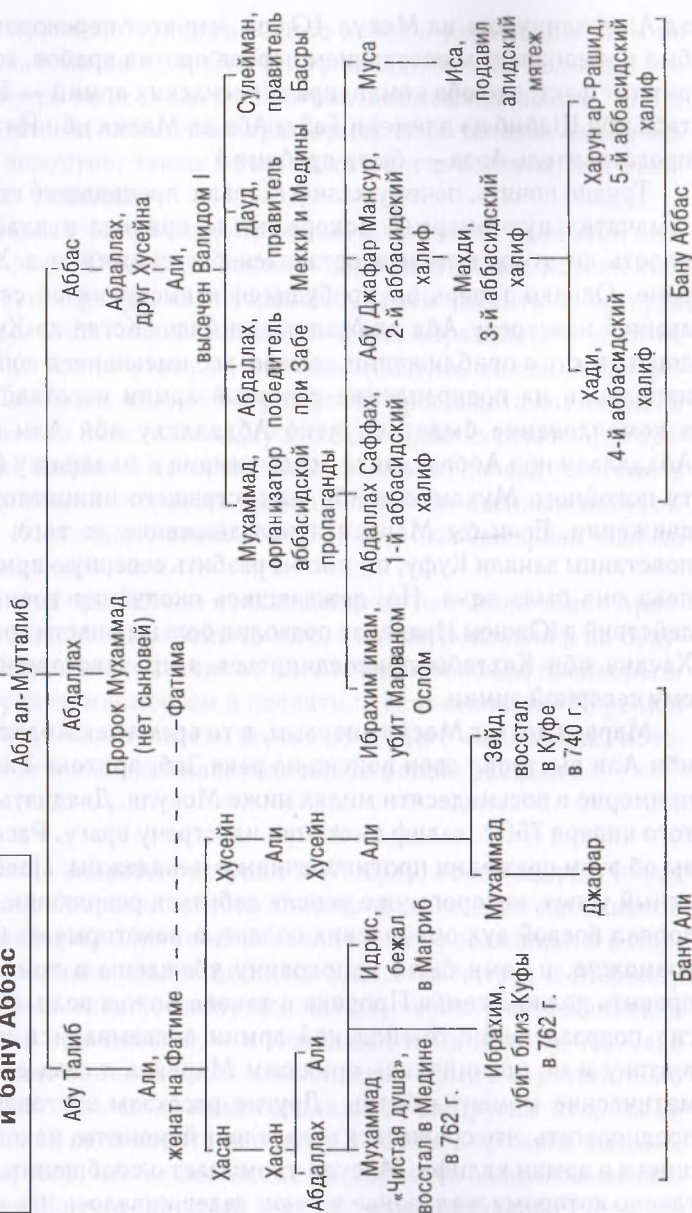
Ситуация была несколько рискованной, поскольку присутствующие в большинстве своем были шиитами, то есть приверженцами потомков Али, а не Аббаса. Лозунги «Бану Хашим» и «Семья Пророка», использовавшиеся революцией, намеренно затуманивали суть дела. Однако в этом поколении Аббасиды были мудрее потомков Али. Они не стали беспомощно взывать к жителям Куфы, прося о поддержке, как поступил Хусейн. Напротив, они не обнаруживали своего участия в революции до тех пор, пока хорасанская армия не захватила Куфу. Оказавшись перед *fait accompli*², жители Куфы с воодушевлением приветствовали своего нового халифа, который хотя и не был потомком Али, но, по крайней мере, разбил и изгнал бану Омейя и ненавистных сирийцев. Остаток дня с полудня и до темноты густые толпы жителей Куфы, сменяя друг друга, клялись на верность новому имаму. Это было 28 октября 749 г.

Тем временем Абу Муслим выслал из Хорасана другую армию. Когда Кахтаба повернул на юг, чтобы взять Куфу, это войско под командованием Абд ал-Малика ибн Йазид

¹ Duri. *Al Asr al Abbasi al awal*.

² Совершившимся фактом (франц.). — Примеч. пер.

Генеалогия бану Али и бану Аббас

ал-Азди двинулось на Мосул. (О том, что этот переворот не был национальным восстанием персов против арабов, говорит тот факт, что оба командира аббасидских армий — Кахтаба ибн Шабиб из племени Тай и Абд ал-Малик ибн Йазид, представитель Азда — были арабами.)

Трудно понять, почему халиф Марван, проявивший столь замечательную энергию вскоре после прихода к власти, вплоть до этого момента оставался без движения в Харране. Однако теперь он пробудился и выступил со своей армией навстречу Абд ал-Малику ал-Азди. Когда до Куфы дошла весть о приближении халифа, все имеющиеся войска направили на подкрепление северной армии восставших, а командование было поручено Абдаллаху ибн Али ибн Абдаллаху ибн Аббасу, дяде нового имама и младшему брату покойного Мухаммада ибн Али, ставшего инициатором движения. Если бы Марван начал движение до того, как повстанцы заняли Куфу, он мог бы разбить северную армию, пока она была одна. Но, дождавшись окончания военных действий в Южном Ираке, он позволил большей части армии Хасана ибн Кахтабы присоединиться к противостоявшей ему северной армии.

Марван достиг Мосула первым, в то время как Абдаллах ибн Али выстроил свои войска на реке Заб, притоке Тигра, примерно в восьмидесяти милях ниже Мосула. Двадцать пятого января 750 г. халиф выступил навстречу врагу. Рассказы об этом сражении противоречивы и ненадежны. Невероятный успех, которого уже успела добиться революция, подорвал боевой дух омейядских солдат, а некоторые из них, возможно, и сами были наполовину убеждены в том, что править должна семья Пророка и такова Божья воля. Многие подразделения омейядской армии отказывались идти в атаку и не подчинялись приказам Марвана в самые драматические моменты битвы. Другие рассказы заставляют предполагать, что сражаться отказались йемениты, находившиеся в армии халифа. Масуди упоминает о сообщении, согласно которому жалованье воинам задерживалось, по всей

видимости, по причине общего хаоса в управлении. Тем не менее, если бы дело Омейядов находилось на подъеме, эти элементы не посмели бы противиться командованию. Таким образом, их нежелание сражаться, если таковое имело место, вероятно, также объяснялось впечатлением, что революция побеждает.

Каковы бы ни были истинные события на поле этой битвы, армия Омейядов понесла сокрушительное поражение. Марван переправился через Заб, чтобы ударить по врагу, а в результате, когда сирийская армия обратилась в бегство, многие воины утонули, пытаясь спастись вплавь через реку. Печально, что нет возможности проследить ход событий битвы при Забе, поскольку это было одно из решающих сражений мировой истории. На самом деле победа Аббасидов объяснялась скорее их пропагандой, чем военным искусством. Боевой дух омейядской армии был подорван еще до начала боя.

Битва при Забе не только целиком изменила облик Арабской империи, но, помимо того, глубоко повлияла и на будущее Европы. В отличие от Омейядов, Аббасиды пренебрегали Средиземноморьем и посвятили свое внимание Персии и Востоку. В результате угроза арабского завоевания, которая в течение века нависала над Европой, растаяла.

* * *

Когда Марван отступил к Мосулу, город закрыл перед ним свои ворота, поэтому он в сопровождении небольшого отряда вернулся в свою первоначальную резиденцию в Харране. Однако армия Аббасидов шла по пятам, и Марвану пришлось спешно двинуться дальше через Хомс в Дамаск, а после и еще дальше — в Иорданию и Палестину. По мере того как победоносная аббасидская армия стремительно двигалась вслед за ним, города один за другим открывали перед ней свои ворота, и одетые в черное горожане высыпали наружу, чтобы поклясться в верности новым хозяевам. Только Дамаск, который девяносто лет оставался столицей

бану Омейя, закрыл ворота и вынудил Абдаллаха ибн Али готовиться к осаде. Но скоро внутри городских стен возникли разногласия. Начались бои между теми, кто желал сдаться, и теми, кто все еще хранил верность проигравшей династии. В июне 750 г. ворота открылись, белый флаг Омейядов был разорван, и на зубцах стен показались черные флаги Аббасидов. Абдаллах ибн Али отметил падение Дамаска избиением Омейядов и всех тех, кто еще оставался им верен.

Крах был полным и непоправимым. Оставленный всеми, незадачливый Марван добрался до Египта, но и там не мог передохнуть, так как вражеская конница следовала за ним по пятам. Когда 5 августа 750 г. он остановился на ночной отдых в маленьком селении Бусир в Фаюме, в темноте на него неожиданно напал отряд всадников. Свита халифа бежала, а Марван, спавший в деревенской церкви, почти в одиночку принял бой с атакующими, которые, в конце концов, сбили его с ног. Через несколько минут он был мертв, и специальный гонец повез отрезанную голову врага Абдаллаху ибн Али, успевшему со своей армией захватить Палестину.

Марвану, когда его убили, шел седьмой десяток. Большая часть его жизни прошла в Северной Джазире и Армении в военных действиях против византийцев и хазар. Его образ жизни отличался воздержанностью и деятельностью, и почти все время он проводил вместе с войсками на арене военных действий. Когда один из близких друзей спросил его, почему он не имел пристрастия к женщинам, благоволениям и прочим чувственным удовольствиям, он в ответ рассказал историю о халифе Абд ал-Малике.

«Однажды во время восстания Ашафа, — сказал он, — Абд ал-Малик ибн Марван получил письмо от Хадджаджа, в котором говорилось, что две армии стоят лицом к лицу у Дейр ал-Джумаджима и избежать решающего столкновения невозможно. Пока он читал это послание, к нему ввели девушку-рабыню, присланную ему в подарок наместником

Ифрикии. Лицом, фигурой и манерами она была самой прекрасной женщиной, какую ему когда-либо доводилось видеть.

„Клянусь Богом, ты поистине столь прекрасна, что о лицезрении подобной красоты может мечтать любой мужчина“, — сказал Абд ал-Малик, на мгновение подняв голову, и снова вернулся к донесению, которое читал.

„Если я такова, как ты говоришь, то почему же ты, как видно, не желаешь меня?“ — спросила молодая женщина, по-видимому, обиженная недостатком внимания со стороны халифа.

„Клянусь Богом, — ответил Абд ал-Малик, — как я могу думать о какой-то женщине, когда Хадджадж и Ашаф стоят в боевом строю и вожди арабов готовятся перебить друг друга?“

Вот поэтому-то и у меня никогда не хватало времени на женщин», — залончил рассказ Марван Осел.

Его слова были правдой. Он всю жизнь провел в войнах и сражениях, а на досуге изучал историю и войны великих царей и военачальников прошлого.

Приняв халифат в возрасте примерно шестидесяти лет, он, вероятно, был слишком невежественен в придворной жизни и политике, чтобы успешно править огромной империей. Он не умел лицемерить с врагами или стравливать одного с другим, чтобы выиграть время. Возможно, он к тому же был суров и не склонен к жалости, по крайней мере, по отношению к окружающим.

Он никогда не жил в Дамаске, а даже став халифом, предпочитал оставаться в Харране, где прошла большая часть его жизни. Его военная политика в течение первых трех лет правления была энергичной и действенной, однако политическая ситуация уже слишком расшаталась, чтобы ее можно было восстановить силой. Шансы на успех здесь имел бы только настоящий государственный муж высочайшей пробы, однако для столь необъятной задачи Марван обладал слишком ограниченным интеллектом и мелким

характером. Однако самая грубая ошибка, допущенная им в качестве правителя, заключалась в том, что он отождествил себя с кейситской партией. В результате он не только восстановил против себя народ Хорасана, шиитов и хариджитов, но еще и оттолкнул йеменитов, составлявших половину арабских племен.

В области военной тактики ему приписывается преобразование арабской армии, которая со времен Пророка всегда сражалась стоя в линию. Утверждается, что Марван научил ее ведению боя с построением в колонны, более подвижные и маневренные, чем непрерывная линия; подобная перемена знакома и нам, ведь мы помним сплошные линии окопов Первой мировой войны и видели, как они превратились в подвижные колонны блицкрига.

* * *

Пока Абдаллах ибн Али, дядя нового халифа, был занят покорением Иордании и Палестины, народ Киннастрина в Северной Сирии внезапно «переоделся в белое». Черный и белый были цветами соответственно Аббасидов и Омейядов, и в каждом городе политические симпатии жителей обозначались цветом их одеяний. Так случилось, что в окрестностях Киннастрина аббасидские воины повели себя недолжным образом и изнасиловали нескольких женщин. Жители отплатили им убийством нескольких солдат, а затем, опасаясь наказания, облачились в белое, и это движение стремительно распространилось до Хомса и Пальмиры. Абдаллах ибн Али двинулся на север, но не успел он миновать Дамаска, как и в столице поднялось восстание. После жестоких боев в июле 751 г. мятеж в Киннастрине был подавлен, и люди снова сменили одежды на черные. Однако в это время к белым нарядам вернулся народ Джазиры, и понадобилась многомесячная война, чтобы Ракка, Харран, Руха и Мардин¹ изъявили покорность и снова облеклись в черное.

¹ Карта 30, с. 309.

Следует напомнить, что Йазид ибн Хубайра был наместником Марвана в Ираке, и когда хорасанская армия захватила Куфу, ибн Хубайра отступил в Васит, где его окружили аббасидские силы. Ибн Хубайра был старым боевым товарищем Марвана в его многочисленных кампаниях на Кавказе и в Малой Азии. Хотя все и вся покорились новому режиму, он месяц за месяцем продолжал активно защищать Васит. В конце концов, халиф Абдаллах, известный также как Абу-л-Аббас, прислал своего брата Абу Джафара, чтобы усилить осаду. Последний начал переговоры с ибн Хубайрой, и к тому моменту, когда соглашение было достигнуто, осада продолжалась уже год. Абу Джафар гарантировал ибн Хубайре и его гарнизону безопасность, ворота были распахнуты, и осажденные разбили лагерь снаружи рядом с недавними осаждающими. Халиф Абу-л-Аббас написал своему брату Абу Джафару, чтобы тот предал ибн Хубайру смерти, однако Абу Джафар из всех сил противился этой идее. Тем не менее нарушить приказ халифа, разумеется, было нельзя, и, несмотря на обещанную неприкосновенность, ибн Хубайру и его военачальников вероломно казнили.

Халиф Абу-л-Аббас и впрямь много раз подтверждал свой титул ас-Саффах, или Кровопийца, под которым он вошел в историю и который мы в дальнейшем будем использовать, говоря о нем. Он распорядился об убийстве всех членов клана бану Омейя, будь то в честном бою или из-за угла. Сколько-то из их числа истребили в Басре, а тела бросили на корм бродячим собакам. Но ужаснее всего были деяния Абдаллаха ибн Али, дяди Кровопийцы и победителя в битве при Забе.

Халиф ас-Саффах назначил своего дядю наместником в Сирии с особым поручением истребить всю семью Омейядов. Тот сделал это, пообещав им всем прощение и пригласив всех членов бану Омейя на специальный пир, на котором они должны были принести присягу верности. Когда зал наполнился, воинам был подан знак, и они хладнокровно

перебили от восьмидесяти до девяноста Омейядов. Едва кровопролитие закончилось, как Абдаллах ибн Али велел нести кушанья, хотя мертвые и умирающие еще не были убраны из зала. Кажется невероятным, но это факт, что Аббасиды и их сторонники предавались радостям пира, пока на полу зала все еще лежали залитые кровью тела, а веселые восклицания живых смешивались со стонами умирающих. Дауда ибн Али, брата Абдаллаха ибн Али, халиф Саффах направил наместником в Мекку и Медину с приказом использовать тот же способ для искоренения рода Омейя в священных городах.

Проблема выбора места для столицы империи поставила новую династию в тупик. Сирийцы слишком долго хранили верность бану Омейя, чтобы Аббасиды могли без опасений расположиться в пределах их досягаемости. Ас-Саффах был провозглашен халифом в Куфе, но непостоянство, отличавшее жителей этого города, делало его неподходящим на роль столицы империи. Сначала новый халиф сделал своей резиденцией замок вблизи Куфы, который назвал Хашимией, но в 753 г. он перебрался в город Анбар в ста милях вверх по Евфрату. Однако оставалось неясным, где в итоге будет располагаться столица.

Пока в Ираке, Сирии и Египте происходили эти волнующие события, Абу Муслим, организатор первоначального восстания, оставался наместником Хорасана и Джибала. В 750 г., что достаточно удивительно, в Фергане на Сырдарье объявилась китайская армия и напала на Шаш, правитель которого обратился за помощью к Абу Муслиму. Помощь оказали, арабская армия переправилась через Сырдарью и в июле 751 г. наголову разбила китайцев при Таласе в двухстах милях от этой реки¹. Вскоре после этого в Китае, где в то время пришла в упадок династия Тан, разразилась гражданская война. Битва при Таласе отмечает собой конец китайской экспансии в Мавераннахр. При Абба-

¹ Карта 17, с. 139.

сидах эта провинция вступила в долгий период процветания и породила собственную блестящую мусульманскую цивилизацию.

В 753 г. Абу Муслим написал халифу ас-Саффаху, прося позволения посетить его, и в начале 754 г. прибыл в Ирак. Так случилось, что брат халифа Абу Джафар тоже оказался в Анбаре, куда прибыл из вверенной его наместническому управлению Армении и Джазиры с целью совершить ежегодное паломничество в Мекку.

Успех переворота во многом был связан с хорасанской армией, силы которой теперь использовались в Сирии, Джазире и Ираке, а также в Персии. Фактически безопасность режима, видимо, до сих пор зависела от лояльности хорасанцев. Правда, бану Омейя были истреблены, но шииты все еще были непредсказуемы. Многие поддерживали восстание против Омейядов, веря, что халифом станет потомок Али, а в результате оказались разочарованы. В столь неопределенной ситуации авторитет Абу Муслима в хорасанской армии принял угрожающие размеры.

Абу Джафар обратился к своему брату халифу с предложением убить Абу Муслима. «Если ты не позавтракаешь им сегодня, он пообедает тобой завтра», — сказал он. Кровавый колебался, но, правда, причиной тому были не угрызения совести, а страх, что подобный поступок может ускорить тот самый кризис, которого опасались оба брата, то есть восстание хорасанской армии. Абу Джафар и Абу Муслим продолжали относиться друг ко другу с подозрением.

В мае 754 г. Абу Джафар отправился в паломничество в Мекку в сопровождении Абу Муслима. Перед отбытием каравана ас-Саффах назначил брата своим первым наследником на посту халифа, а вторым после него назвал своего племянника Ису ибн Мусу. В том же месяце Абдаллах ибн Али, наместник Сирии и убийца бану Омейя, выступил на север со своей армией. Его цель заключалась в том, чтобы доказать религиозное рвение новой династии, возобновив

старый омейядский обычай ежегодных летних набегов на территорию Византии.

Халиф ас-Саффах умер от оспы 9 июня 754 г., когда его брат и наследник все еще отсутствовал, совершая свое паломничество. Ему было тридцать четыре; а правление его продолжалось всего четыре с половиной года.

* * *

Нас вполне может ужасать жестокость Омейядов, отрубленные головы, руки и ноги; хладнокровное избиение военнопленных, особенно если последние были арабами и мусульманами. Аббасидские агенты никогда не переставали нашептывать своим сторонникам, что семья Пророка придет и положит конец всем этим кошмарам. В своих посланиях они рисовали почти мессианский портрет хашимитских спасителей, которые установят по всему миру согласие, милосердие и справедливость. В эти пропитанные кровью времена в основном именно эти мечты вознесли Аббасидов к победе и власти.

Есть определенная ирония в том, что первым представителем этой семьи, которой предстояло положить начало новой эре, стал холодный и расчетливый ас-Саффах, Кровопийца¹. На самом деле, взойдя на вершину своего могущества, Аббасиды стали править силой и даже более безжалостно, чем Омейяды. Разочарование не замедлило распространиться, даже несмотря на пропаганду, которую продолжала вести новая династия.

«О, если б „гнет“ бану Марван вернуть / И в ад бану Аббас с их „правдой“ ввергнуть», — написал тогдашний поэт Абу-л-Аттар.

Бану Омейя, действительно, внесли свой вклад в кровопролитие, но они были скорее жестокими, чем вероломными.

¹ Профессор Дури полагает, что прозвище Кровопийца правильнее применять к Абдаллаху ибн Али, виновнику резни в Дамаске.

В целом, они следовали древним арабским традициям гостеприимства и священной неприкосновенности гостя. Мы видели, как Сулейман ибн Абд ал-Малик попросил своего брата Валида I не обречать его на бесчестье, арестовав его гостя, Йазида ибн Мухаллаба. Тем не менее первые Аббасиды специально пригласили всех членов клана бану Омейя на пир примирения, чтобы убить их. Интересно вспомнить, что их предок Аббас, дядя Пророка, похоже, и сам обладал не вполне искренним характером.

Поистине печально наблюдать расцвет предательства в империи. Первые мусульмане с чрезвычайной щепетильностью следовали всем своим обязательствам, даже если сами в результате оказывались в проигрыше. Более того, в своих отношениях с иудеями, христианами и язычниками они придерживались такой же несгибаемой и незамысловатой честности, как и с единоверцами. Ближе к концу периода Омейядов мы становимся свидетелями нескольких эпизодов чуть сомнительного свойства, но в анналах бану Омейя ничто не может сравниться с избиением на пиру в Дамаске или убийством Йазида ибн Хубайры в Васите.

Как и Марван, ас-Саффах обладал любопытной чертой — его не интересовали женщины. У него была всего одна жена, с которой он часто советовался по поводу текущих событий, но он так и не женился вторично и никогда не пользовался услугами рабынь и наложниц. Он был щедр в денежных делах и обладал приятными манерами. Ему нравились остроумные разговоры, и частенько он почти всю ночь просиживал со своими близкими друзьями, рассказывая и слушая анекдоты, декламируя стихи или обсуждая деяния великих царей древности. Возможно, мы вправе заключить, что Саффах был образцом чистого интеллектуала, руководствовавшегося логикой, которому недоставало чувств или слабостей, порожденных любовью или жалостью. Все рассказы сходятся в том, что это был весьма целеустремленный человек.

* * *

Более того, не стоит впадать в заблуждение, сопоставляя незрелость арабской власти в VII в. с режимами современных государств и делая вывод о неспособности этого народа к управлению. Чтобы увидеть описываемые события в нужном ракурсе, мы можем вкратце описать некоторые эпизоды в тогдашней Византии. Коран устанавливал принцип воздаяния, «око за око, зуб за зуб», хотя Мухаммад добавлял, что человек, способный удержаться от мести, приобретет награду в другом мире. Однако византийцы исповедовали христианство, религию любви, религию Нагорной проповеди. Вот некоторые случаи из истории Византии, которая в то время считалась самым цивилизованным государством средиземноморского мира.

Императрица Ирина, вдова Льва IV и мать Константина VI, свергла и ослепила собственного сына. Льва V, армянина, императором провозгласила армия. У него был фаворит по имени Михаил Аморийский. Но Лев начал подозревать своего друга Михаила и приказал арестовать его в рождественский сочельник по обвинению в заговоре. Суд тотчас же постановил привязать к нему обезьяну и обоих подвесить на столбе. Затем его следовало бросить в печь, отапливавшую дворцовые бани. Однако на следующее утро император Лев был убит в церкви во время рождественской службы. Михаила Аморийского неожиданно для него самого извлекли из темницы и облачили в пурпур. Опасаясь, что когда-нибудь сыновья Льва могут попытаться вернуть себе трон отца, Михаил приказал кастрировать всех четверых. Во время этой процедуры один из них умер.

Подобно халифу Валиду II, император Михаил II был постоянно пьян. И так же как Валид, он развлекался, издеваясь над религией; рассказывают, что однажды он нарядил свинью (или, возможно, какого-нибудь доброго приятеля по кличке Свинья) в одежды епископа и заставил вести богослужение. Этого Михаила убил Василий Македонянин, сменивший его на императорском троне.

Императора Никифора Фоку убила во сне его собственная жена. Через три часа после убийства мужа императрица добилась возведения на престол своего любовника Иоанна Цимисхия.

Когда император Василий II разбил болгар, он захватил пятнадцать тысяч пленников; всех их отправили домой с выколотыми глазами.

Эти и многие другие эпизоды из истории христианских соседей арабов помогают нам увидеть зверства последних в свете всеобщих нравов их времени.

Если Омейяды по сути были просто проводителями беспокойной арабской аристократии, их преемники вернулись к восточной деспотии старого типа, знакомого персам со времен Дария и Ксеркса.

Николсон.

Литературная история арабов

Короли становятся тиранами из соображений политики, когда их подданные становятся мятежниками из принципа.

Эдмунд Берке

В 762 г. Ал-Мансур заложил камень в основание своей новой столицы, Багдада. Как будто вызванный к жизни мановением волшебной палочки, этот город унаследовал величие Ктесифона, Вавилона, Ниневии, Ура и других столиц древнего Востока и приобрел авторитет и великолепие, поспорить с которым в Средние века мог, пожалуй, один Константинополь.

Хитти. История арабов

Глава XIII

ЛОМАНЫЙ ГРОШ

Важные даты

Воцарение Мансура	– 754 г.
Абд ар-Рахман ибн Муавия высаживается в Испании	– 755 г.
Восстание Мухаммада и Ибрахима, сыновей Абдаллаха ибн Хасана	– 762 г.
Абд ар-Рахман становится правителем Испании	– 763 г.
Основание Багдада	– 763 г.

Персоналии

Халиф Мансур.

Абу Муслим, лидер революции.

Халид ибн Бармак, первый из Бармекидов.

Абд ар-Рахман ибн Муавия, Омейяд, захвативший Испанию.

Омар ибн Хафс, наместник Синда.

Абу Джафар все еще совершал свое паломничество в Мекку, когда его достигла весть о смерти халифа ас-Саффаха. Он поспешно вернулся в Куфу, а затем в Анбар и был объявлен халифом с титулом Мансур¹, Победоносный, и принял присягу от горожан. Тем временем, как уже упоминалось, его дядя, Абдаллах ибн Али, отправился в поход на Византийскую империю. Однако, не успев добраться до границы, он также узнал о смерти ас-Саффаха. Призвав своих военачальников на совет, он объявил себя претендентом на трон, и его армия тотчас же провозгласила его новым Повелителем правоверных. Поворотившись спиной к неприятелю, войска двинулись маршем назад в Джазиру.

В этот критический момент халиф Мансур обратился к Абу Муслиму, убить которого он советовал три месяца назад своему брату. Поскольку в армии Абдаллаха ибн Али было немало сирийцев, халиф осознавал, что теперь его победа в очередной раз зависит от хорасанской армии, в глазах которой Абу Муслим пользовался непрерываемым авторитетом. Две армии столкнулись вблизи Нисибина в Джазире, но силы были настолько равны, что оба противника не решались рискнуть всем в позиционной битве. После нескольких месяцев маневров, в декабре 754 г., наконец произошло генеральное сражение, в котором благодаря великолепному полководческому искусству Абу Муслима армия халифа одержала полную победу.

«Что нам теперь делать?» — воскликнул Абдаллах ибн Али, обращаясь к своему арабскому приверженцу, когда его армия обратилась в бегство.

¹ Все Аббасиды имели обыкновение принимать новый титул при восшествии на халифский трон, что может запутать читателя. Этот обычай был позаимствован в Персии.

«Я помню, — искренне ответил его товарищ, — как после битвы при Забе ты сказал: „Да проклянет Бог Марвана, потому что он испугался и бежал“. Мне кажется, что после тех слов тебе стоит сражаться до тех пор, пока тебя не убьют». Однако такое предложение принято не было, и коварный дядя халифа устремился прочь с поля боя, чтобы в конце концов найти приют у своего брата Сулеймана ибн Али, наместника Басры.

Тем не менее великая победа отнюдь не успокоила халифа Мансура, как я отныне буду его называть, потому что Абу Муслима он боялся больше, чем своего дядю Абдаллаха ибн Али. Абу Муслим представлял опасность в силу своего влияния в Персии и того уважения, которое питала к нему хорасанская армия. Поэтому халиф написал ему льстивое письмо, поздравляя со столь блистательной победой и сообщая, что он назначается наместником Сирии и Египта.

Однако Абу Муслим был слишком проницателен, чтобы поддаться на столь очевидную уловку, призванную отделить его от хорасанских воинов, у которых он пользовался столь высоким авторитетом. Поэтому он коротко ответил, что возвращается в Хорасан. Если он так и сделает, думал Мансур, то сможет бросить вызов халифу, поскольку большинство воинов, на которых теперь опирались Аббасиды, были персами. Поэтому Мансур направил к нему депутацию младших членов клана бану Аббас с самыми настойчивыми приглашениями по дороге посетить халифский двор.

У Абу Муслима появились подозрения. Его подчиненные советовали ему не принимать приглашения. В конце концов, после долгих размышлений он решил согласиться. Мансур встретил его, сидя один в шатре, предварительно спрятав за занавесом четверых доверенных людей из своей личной охраны. По его хлопку они должны были выйти и нанести удар. Когда Абу Муслим вошел, повелитель правоверных стал упрекать и оскорблять его, но тот отвечал извинениями и попытался поцеловать руку халифа, который уклонился от этого и хлопнул в ладоши. Появились четыре

воина и обрушились на свою жертву, в то время как Мансур кричал: «Бей его! Бей!» Последние слова Абу Муслима якобы были: «Прости меня», но невозможно понять, у кого он просил прощения, у Бога или у Мансура. Его тело было завернуто в ковер и брошено в Тигр, на берегу которого у Мадаина стоял его лагерь.

Некоторую тревогу вызывало то, как отнесется к случившемуся армия, но халиф вручил крупные денежные суммы нескольким старшим военачальникам, и дело обошлось без резких выступлений. Избавившись от человека, которому он был обязан трон, Повелитель правоверных почувствовал себя более уверенно. Действительно ли Абу Муслим угрожал династии, или на самом деле он был ее самоотверженным и преданным слугой, мы уже никогда не узнаем.

В Персии имя Абу Муслима еще долго помнили и почитали, особенно секта хуррамитов, о которой мы поговорим более подробно в одной из следующих глав. Некоторые из этих сектантов даже верили, что однажды он вернется на землю как обещанный Махди, который установит царство мира и справедливости.

Аббасиды были настолько поглощены вначале революционной борьбой, а затем ликвидацией Абу Муслима, что летние набеги на территорию Византии прекратились. В первое лето после прихода к власти Мансура император Константин V Копроним («имя-которого-навоз») поменялся ролями с арабами. На этот раз в летний поход отправились византийцы. Во время этого набега они захватили и разрушили Малатию. На следующий год арабы отстроили этот город, но в течение последующих семи лет новых походов арабов на византийскую территорию фактически не было.

Абдаллах ибн Али, дядя Мансура, по смерти ас-Саффаха сам заявил права на халифат, но был разгромлен Абу Муслимом и укрылся в Басре у своего брата Сулеймана ибн Али. Оттуда он послал халифу свою клятву в верности. В 756 г. последний пригласил Абдаллаха ибн Али и главных военачальников, которые его поддерживали, прибыть

к нему в Куфу, обещая неприкосновенность. Не успели они приехать, как Абдаллах был брошен в тюрьму, а большая часть его сподвижников обезглавлена. Впоследствии Абдаллаха убили в темнице.

Любопытно, что, хотя хорасанская армия стала орудием, поднявшим Аббасидов на вершину власти, недовольство в этой провинции не улеглось, как и во дни Омейядов. В этом восстании в Хорасане была патетическая нотка; повстанцы заявляли, что они привели к власти семью Пророка, чтобы установить царство милосердия и справедливости, а не ради появления новой череды кровожадных тиранов. Стерпеть подобные оскорбительные выпады со стороны подданных было нельзя, и движение было быстро подавлено. Мессианские мечты, породившие всеобщую революцию против Омейядов, теперь, несомненно, растаяли. Если Аббасиды были не хуже, чем Омейяды, то, уж конечно, они были ничуть не лучше. Но, во всяком случае, теперь они уверенно сидели в седле, и сожаления уже не имели никакой ценности.

Один класс, определенно, выиграл от этой перемены, и это были персы, обращенные в ислам, которым при Омейядах всегда отказывали в социальном равенстве с арабами. Теперь они заняли многие ведущие политические посты, включая должность главного сборщика налогов, доставшуюся Халиду ибн Бармаку, уроженцу Балха, который попал в Ирак в составе армии, присланной Абу Муслимом.

* * *

Один молодой человек уцелел при почти полном истреблении семейства бану Омейя. Его имя было Абд ар-Рахман ибн Муавия, и он доводился внуком халифу Хишаму. Надо вспомнить, что Абдаллах ибн Али выпустил воззвание, предлагая амнистию членам бану Омейя и приглашая их в Дамаск на пир. Примерно восемьдесят Омейядов приняли приглашение и были безжалостно убиты в пиршественном зале. У Абд ар-Рахмана и его брата Яхьи предложенное помилование вызвало подозрения, и они не явились во

дворец. Однако их отсутствие не осталось незамеченным, и на их поимку и убийство были немедленно отправлены воины. Яхью схватили и предали смерти, но когда воины пришли за Абд ар-Рахманом, тот по счастливой случайности оказался на охоте. Предупрежденный верным слугой, он сумел укрыться в своем сельском доме на берегу Евфрата. Но через несколько дней и здесь показались приближающиеся черные знамена, и у принца хватило времени только на то, чтобы убежать пешком вместе с младшим братом и залечь в зарослях кустарника на берегу реки. Однако один из рабов указал убийцам место, где скрывались беглецы. Вскоре туда во весь опор примчался конный отряд и окружил лесок. Два принца бросились в Евфрат, но младший из них скоро устал. Солдаты позвали его вернуться, обещая не причинять ему вреда, и юноша повернул к берегу. Не успел он с трудом выбраться из воды, как тотчас же ему отрубили голову. Обессиленный Абд ар-Рахман, совсем один, остался на противоположном берегу.

Путешествуя без спутников, он неузнанным добрался до Палестины, и здесь к нему присоединились двое преданных слуг, Бедр и Салим, которые принесли с собой деньги и драгоценности, спрятав их в одежде. Достигнув Египта, трое скитальцев после череды чудесных спасений оказались в Барке, где прятались в течение некоторого времени. Правителем Ифрикии в то время был некий Абд ар-Рахман ибн Хабиб, который захватил власть, воспользовавшись всеобщим смятением, вызванным аббасидской революцией. Приходясь праправнуком знаменитому Окбе ибн Нафи, основателю Кайравана, он надеялся под шумок создать в Ифрикии собственное независимое государство. Разоблачив двух других беглецов из семьи Омейядов, сыновей беспутного халифа Валида II, ибн Хабиб поймал и казнил их. Зная о судьбе своих родичей, Абд ар-Рахман ибн Муавия и его верный слуга Бедр (поскольку Салим вернулся в Сирию) бежали в Атласские горы к берберам. В конце концов, после пяти лет скитаний без гроша за душой, двое гонимых беглецов добрались до Сеуты вблизи Гибралтарского пролива и

задумали переправиться в Испанию, где оставалось немало вождей и вольноотпущенников клана бану Омейя. Мы уже знаем, что в арабском обществе на вольноотпущенниках лежало моральное обязательство из поколения в поколение служить потомкам человека, который даровал свободу последнему рабу в их роде.

Исходя из этого, Бедр перебрался в Испанию, чтобы проверить, готовы ли обосновавшиеся там омейядские вольноотпущенники поддержать беглого принца. Вольноотпущенники, как и повелевал их священный долг, немедленно объявили, что готовы пожертвовать жизнью за своих господ. Тогдашний наместник Испании принадлежал к кейситской партии, поэтому двое предводителей вольноотпущенников попытались обратиться к этой группировке, но не имели успеха. Однако йемениты, оказавшиеся не у дел, с радостью предложили свое содействие. После нескольких месяцев отсутствия Бедр поспешил назад в Африку, где его встретил встревоженный хозяин. Было решено немедленно сесть на судно, отправляющееся в Испанию, и в сентябре 755 г. Абд ар-Рахман высадился в Ал-Мунекаре, примерно в сорока пяти милях к востоку от Малаги.

Наместником Андалуса¹ был Юсуф ал-Фихри, также претендовавший на происхождение от Окбы ибн Нафи, первого завоевателя Ифрикии. Когда на юге высадился Абд ар-Рахман ибн Муавия, Юсуф вел военные действия в области Сарагосы, но, услышав о прибытии принца, вернулся в свою столицу Кордову. Ему недоставало решительности, и, вместо того чтобы без промедления напасть на своего врага и горстку его сторонников, он направил к нему эмиссаров для переговоров, предложив Абд ар-Рахману руку своей дочери и земельные владения, если он не станет претендовать на пост правителя страны. Переговоры провалились, и посланники вернулись в Кордову, но, поскольку началась

¹ Название Андалусия, по-видимому, было позаимствовано у вандалов, завоевавших эту территорию триста пятьдесят лет назад.

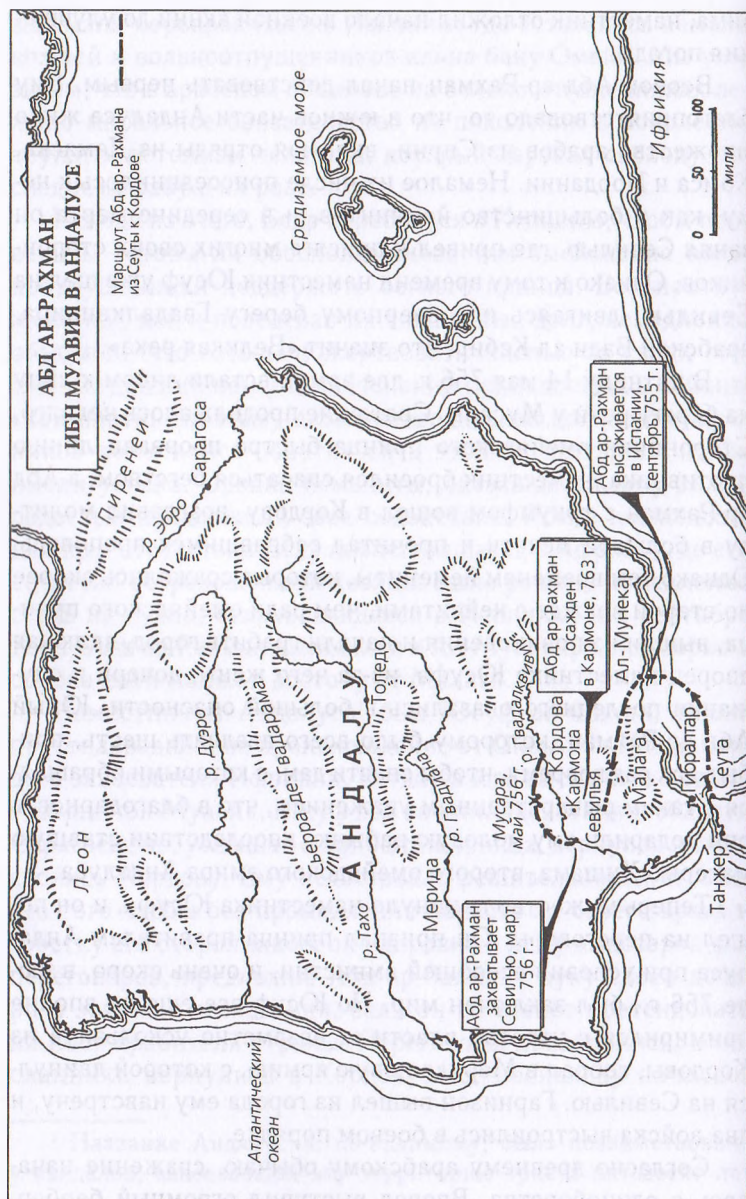
зима, наместник отложил начало военной акции до улучшения погоды.

Весной Абд ар-Рахман начал действовать первым. Ему благоприятствовало то, что в южной части Андалуса жило множество арабов из Сирии, включая отряды из Дамаска, Хомса и Иордании. Немалое их число присоединилось к нему, как и большинство йеменитов, и в середине марта он занял Севилью, где привел к присяге многих своих сторонников. Однако к тому времени наместник Юсуф уже шел на Севилью, двигаясь по северному берегу Гвадалквивира, арабской Вадии ал-Кабир, что значит «Великая река».

В пятницу 14 мая 756 г. две армии встали лицом к лицу на берегу реки у Мусары. Сражение продолжалось недолго. Сторонники омейядского принца быстро прорвали линию противника, наместник бросился спасаться бегством, а Абд ар-Рахман с триумфом вошел в Кордову, возглавил молитву в большой мечети и прочитал собравшимся проповедь. Однако тем временем йемениты, которые сражались скорее по старой вражде с кейситами, чем ради омейядского принца, вышли из повиновения и начали грабить город, включая дворец наместника Юсуфа, из-за чего жены, дочери и служанки последнего оказались в большой опасности. Юный Абд ар-Рахман, которому было всего двадцать шесть, прибыл как раз вовремя, чтобы спасти дам, с которыми обращался с таким рыцарственным уважением, что в благодарность они подарили ему молодую рабыню, впоследствии ставшую матерью Хишама, второго омейядского эмира Андалуса.

Теперь мужество покинуло наместника Юсуфа, и он пошел на переговоры. Он признал принца правителем Андалуса при условии всеобщей амнистии, и очень скоро, в июле 756 г., был заключен мир. Но Юсуф все еще не вполне примирился с утратой власти и, незаметно ускользнув из Кордовы, собрал в Мериде новую армию, с которой двинулся на Севилью. Гарнизон вышел из города ему навстречу, и два войска выстроились в боевом порядке.

Согласно древнему арабскому обычаю, сражение началось с единоборства. Вперед выступил огромный бербер,

вольноотпущенник Юсуфа, и бросил вызов любому воину из армии Омейядов. Когда добровольцев, готовых его принять, не оказалось, Абд ал-Малик, омейядский полководец, приказал своему сыну выйти вперед и избавить их от позора. Но когда тот сделал шаг из рядов, его остановил абиссинский вольноотпущенник Абд ал-Малика и со всей почтительностью настоял на том, чтобы самому занять его место. Поединок на глазах у обеих армий длился долго, но земля была мокра от дождя, и, в конце концов, бербер поскользнулся. Абиссинец в мгновение ока бросился на него и убил, в то время как омейядская армия подняла громкий крик «Аллаху Акбар». Этот случай интересен как иллюстрация преданности вольноотпущенников и их речения за честь господской семьи. Затем начался бой, и снова Омейяды победили, а наместник Юсуф был убит во время погони.

Однако Андалус по-прежнему раздирали восстания и гражданские войны. В 763 г., во время бунта фихритов (племени, к которому принадлежал бывший наместник Юсуф), к последним присоединился Ала ибн Мугис. Его прислал халиф Мансур, чтобы овладеть Испанией для Аббасидов, и с ним было черное знамя, врученное ему Повелителем правоверных. Под начало ибн Мугиса встали фихритские мятежники и многие другие арабские племена. Скоро положение Абд ар-Рахмана стало отчаянным, и в течение двух месяцев его держали взаперти в Кармоне, небольшом городе недалеко от Севильи, преобладающие силы аббасидского наместника.

Абд ар-Рахман решил, что у него есть лишь два выхода: победа или смерть. Собрав семьсот лучших воинов, он приказал разжечь костер у севильских ворот. Ворота были распахнуты, и, выходя, каждый воин бросал в огонь ножны своего меча. Затем, стремительно бросившись в атаку,

Карта 32

Абд ар-Рахман ибн Муавия в Андалусе.

маленький отряд во главе с молодым принцем полностью разгромил осаждающих, перебив всех их вождей. Головы аббасидского ставленника Алы ибн Мугиса и его главных сторонников были отрезаны, обработаны камфарой с солью и завернуты в черное знамя халифа и грамоту с назначением Алы на пост наместника Андалуса. К уху каждой головы был прикреплен ярлык, на котором значилось имя и титул ее бывшего владельца. Эта жуткая посылка, упакованная в мешок, была отправлена с гонцом, которому было уплачено хорошее вознаграждение, и, наконец, достигла халифа Мансура, который, получив ее, якобы возблагодарил Бога за то, что столь беспощадный враг, как Абд ар-Рахман из клана Омейядов, находится так далеко по ту сторону моря. Таким образом, всего через тринадцать лет после захвата власти Аббасидами империя уже начала рушиться.

* * *

В 762 г. произошло еще одно из бесполезных, но трагических восстаний потомков Али ибн Аби Талиба. Напомним, что пропаганда Абу Муслима использовала лозунг «Семьи», который многие шииты относили к семейству Али. Поэтому, когда революция завершилась приходом к халифату семьи Аббаса, приверженцы Али посчитали себя обманутыми. В это время в Медине жили два молодых человека, Мухаммад и Ибрахим, сыновья Абдаллаха ибн Хасана ибн Хасана ибн Али ибн Аби Талиба, которые, судя по слухам, достаточно резко высказывались на этот счет¹.

Как нам уже известно, в 754 г. Мансур отправился в паломничество в Мекку и еще не успел его завершить, когда узнал о смерти Саффаха и своем собственном возвышении. Когда он был в Мекке, совершая свое паломничество, он обратил внимание, что ни Мухаммад, ни Ибрахим не пришли к нему, чтобы засвидетельствовать свое уважение.

В 761 г. халиф Мансур снова совершил паломничество и, будучи в Хиджазе, потребовал присутствия Мухаммада и

¹ Генеалогическое древо, с. 346.

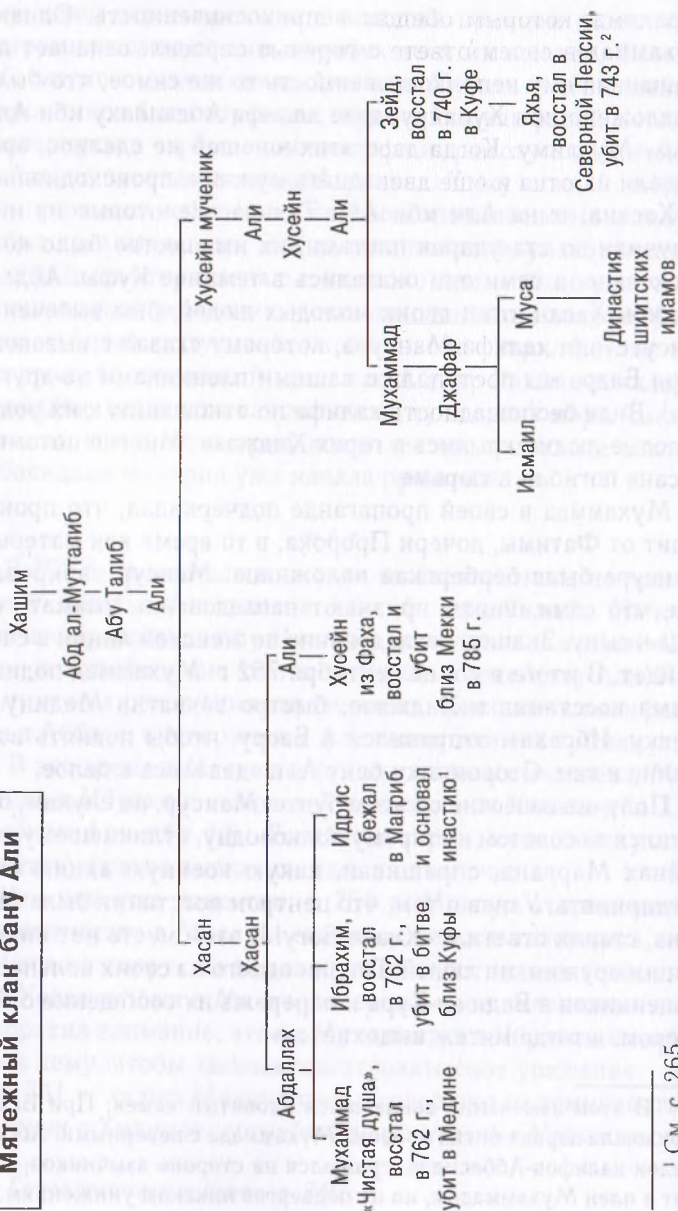
Ибрахима, которым обещал неприкосновенность. Однако Мухаммад в своем ответе с горечью спросил, означает ли обещанная ему неприкосновенность то же самое, что было предложено ибн Хубайру, дяде халифа Абдаллаху ибн Али и Абу Муслиму. Когда двое этих юношей не сдались, арестовали их отца и еще двенадцать мужчин, происходивших от Хасана, сына Али ибн Аби Талиба. Некоторые из них получили до ста ударов плетью, их имущество было конфисковано, а сами они оказались в темнице Куфы. Абдаллах ибн Хасан, отец двоих молодых людей, был высечен в присутствии халифа Мансура, которому сказал с вызовом: «При Бадре мы поступали с вашими пленниками по-другому»¹. Видя беспощадность халифа по отношению к их роду, молодые люди укрылись в горах Хиджаза. Многие потомки Хасана погибли в тюрьме.

Мухаммад в своей пропаганде подчеркивал, что происходит от Фатимы, дочери Пророка, в то время как матерью Мансура была берберская наложница. Мансур парировал тем, что сами шииты признают наследование имамата от отца к сыну. Значит, наследование по женской линии в счет не идет. В итоге в конце сентября 752 г. Мухаммад поднял знамя восстания в Хиджазе, быстро захватив Медину и Мекку. Ибрахим отправился в Басру, чтобы поднять восстание и там. Сторонники бану Али одевались в белое.

Получив известие об этом бунте, Мансур, по слухам, обратился за советом к старому полководцу, отличившемуся в войнах Марвана, спрашивая, какую военную акцию ему предпринять. Узнав о том, что центром восстания была Медина, старик ответил: «Хвала Богу! В этом месте нет ни пищи, ни оружия, ни людей. Пошли одного из своих вольноотпущенников в Вади ал-Кура и перережь их сообщение с Дамаском, и тогда мятеж выдохнется».

¹ В этом замечании заключался ядовитый намек. При Бадре произошла первая битва пророка Мухаммада с неверными. Аббас, предок халифов-Аббасидов, сражался на стороне язычников, был взят в плен Мухаммадом, но не подвергся никаким унижениям.

Мятежный клан бану Али

¹ См. с. 265.

² См. с. 200.

Эта краткая характеристика ситуации, данная в VIII в., представляет для нас особый интерес, поскольку во время Первой мировой войны турки сосредоточили в Медине значительные силы. Амир Фейсал и Т. Э. Лоуренс действовали в районе севернее Вади ал-Куры и свели на нет боевые операции турок, перерезав их сообщение с Дамаском. Вот как мало изменилась стратегия за истекшие двенадцать веков.

Однако халиф Мансур не был согласен морить восставших голодом, пока они не сдадутся. Он послал из Куфы через Аравийскую пустыню своего племянника Ису ибн Мусу ибн Мухаммада¹ с большой армией. Значительная часть этого войска состояла из хорасанцев.

Мухаммад ибн Абдаллах ибн Хасан, провозглашенный халифом в Медине, вскоре столкнулся с трудностями. Один из его сторонников убеждал его отправиться в поход на Египет, который он, возможно, сумеет покорить и тем самым обеспечить себя ресурсами, необходимыми для ведения войны. Но он заявил, что, как потомок Пророка, он будет защищать город Пророка от врагов Бога. Почти за полтора века до этого сам Мухаммад оборонял Медину от нападения неверных и с этой целью выкопал ров. Этот ров Пророка был восстановлен — видимо, по соображениям религиозного порядка, потому что против регулярной армии Аббасидов подобная мера не имела смысла.

В конце декабря 762 г. Иса ибн Муса со своей армией показался в окрестностях Медины и призвал мятежников сдаться. Обе стороны предложили друг другу признать Божью книгу и Предание, что представляло собой почти рутинную формальность, поскольку, разумеется, и те и другие заявили, что и так уже сделали это. Затем аббасидская армия заняла боевые позиции по периметру города, и последовала часовая бомбардировка камнями из баллист и обстрел из луков. Когда противоборствующие армии сошлись ближе, вперед выехали лучшие бойцы, вызывая вражеских

¹ Генеалогическое древо, с. 319.

воинов на единоборство. Из аббасидских рядов появился рыцарь, закованный в доспехи, а из войск Медины навстречу ему вышел пехотинец и предложил латнику спешиться, поскольку у его противника не было коня. Вызов был принят, воин в доспехах слез с лошади, отослал ее назад и в пешем бою был убит своим соперником.

Когда поединки закончились, Хумейд ибн Кахтаба, сын военачальника, приведшего армию Абу Муслима из Хорасана в Куфу, получил приказ возглавить атаку. Когда его воины достигли рва, то перебросили через него двери, сорванные с соседних домов, чтобы кавалерия смогла через него перебраться. После этого две армии столкнулись в отчаянной рукопашной, которая продолжалась с утра почти до самого вечера.

Мухаммад с удивительным великодушием освободил от обязательств перед собой всех тех, кто принес ему присягу, и сказал, что они могут бежать, если хотят. Многие жители Медины, собрав своих женщин и детей, укрылись в окрестных горах из страха перед бомбардировками и разграблением города. По свидетельству очевидца, вся аббасидская армия была одета в черное, и когда ее огромная масса двигалась к городу, казалось, что это покрытые лавой склоны вулканических гор Хиджаза ползут через равнину.

Ко второй половине дня стало ясно, что сопротивление продлится недолго. Мухаммад — удивительно современный штрих — сжег свою тайную переписку и поименный список своих приверженцев. Племя Джухейна одним из первых поддержало Пророка Мухаммада и теперь примкнуло к его потомку. Триста человек из этого племени приготовились к последнему бою. Мухаммад разрешил им бежать, но они отказались. Когда они скакали на врага, черное знамя Аббасидов уже развевалось над мечетью Пророка у них за спиной. Другой неприятельский отряд обошел их с фланга и ворвался в город. Триста героев спешили, каждый из них стреножил свою лошадь, чтобы бегство стало для него невозможным, и отбросил ножны. Три раза они штурмовали

черные ряды своими тающими силами, и трижды были отброшены. Мухаммад получил удар мечом по голове. Он пал на колени с горестным криком: «Увы, я сын твоего Пророка, раненый, гонимый, отверженный». Затем какой-то воин пронзил его насквозь. Хумейд ибн Кахтаба поспешил отрезать ему голову, которая была отослана Исе, а от него, со специальным гонцом, к халифу Мансуру. Мы не слишком много знаем о Мухаммаде ибн Абдаллахе ибн Хасане, прозванном Чистая Душа, но, по-видимому, его религиозность была подлинной. Его брату Идрису¹ ибн Абдаллаху удалось бежать в Африку, и мы о нем еще услышим.

По приказу халифа Иса ибн Муса объявил амнистию и предотвратил грабеж. Своей суровостью по отношению к городу Пророка Омейяды вызвали когда-то слишком большую ненависть, чтобы Аббасидам захотелось последовать их примеру. Конфисковано было только имущество потомков Хасана сына Али. Случилось это в декабре 762 г., восстание продлилось чуть менее трех месяцев и продемонстрировало весь обычный героизм и неумелость бану Али.

Тем временем Ибрахим, брат Мухаммада, поднял параллельное восстание в Басре. Вместо того чтобы пересечь пустыню, он, видимо, следовал через Дамаск, Мосул и вниз по Тигру. Из-за продолжительности своего путешествия Ибрахим достиг Басры только в декабре 762 г., когда аббасидская армия уже была в Медине. Как только в Басре поднялось знамя восстания, халиф Мансур приказал Исе ибн Мусе спешно вернуться в Куфу.

Ибрахим захватил Ахваз и даже персидскую провинцию Фарс и двинулся на Куфу со значительной армией. Иса ибн Муса прибыл как раз вовремя, когда мятежная армия Ибрахима была всего в нескольких милях от Куфы, а халиф Мансур как раз заканчивал подготовку к побегу в Рей в Северной Персии. В битве у стен Куфы первая атака Ибрахима

¹ Произносится с ударением на второй слог.

отбросила назад армию Аббасидов, и показалось, что впервые победа почти в руках у потоков Али. Затем откуда-то некий воин пустил стрелу наугад. Эта случайная стрела поразила Ибрахима в горло, и он упал вперед, обняв руками шею своего коня. Его приверженцы быстро спешили и положили его на землю, но через несколько минут он скончался. Его войско пришло в смятение, и Аббасиды пошли в контратаку. На следующее утро в Куфе халиф Мансур принимал своих гостей на аудиенции, держа в руках отрезанную голову Ибрахима, праправнука Посланника Божия.

* * *

Когда Мухаммад и Ибрахим подняли свои восстания против Мансура, первый отправил одного из своих сыновей в Синд, наместник которого Омар ибн Хафс, как считалось, благоволил делу потомков Али. Омар, который славился как воин, радушно встретил гостя и назначил день, когда он готов появиться на публике вместе с приближенными одетым в белое и отречься от своей лояльности семье Аббаса. Однако за день до того, как должен был состояться этот переворот, пришло известие о поражении мятежников и смерти Мухаммада. Белые одеяния и знамена спрятали подале, а сын Мухаммада нашел убежище в Индии у местного раджи.

Новость о готовящемся перевороте в Синде достигла Мансура, который направил наместнику послание, полное гневных упреков. Омар ибн Хафс собрал вокруг себя родственников и зачитал им письмо халифа, предложив им высказать свое мнение о том, как теперь следует поступить. Один молодой член семьи вызвался пожертвовать жизнью. Он предложил, чтобы наместник арестовал его и посадил в тюрьму, а затем написал халифу, возлагая на него всю вину за заговор. «Если он убьет меня, — сказал юноша, — я, по крайней мере, буду знать, что умер, чтобы спасти всех вас» — замечательный пример преданности семье. После

некоторых колебаний предложение было принято и донесение отослано. Халиф ответил приказом доставить к нему пленника в цепях. Едва он прибыл, как Мансур распорядился о его немедленной казни.

Но Мансура по-прежнему тревожили сомнения по поводу верности наместника Синда, и он как раз перебирал в уме подходящих кандидатов, которыми можно было бы его заменить, когда некий Хишам ибн Амр из племени Таглиб попросил аудиенции. Когда его приняли, он начал так: «В последнее время я дома обращаю внимание на свою сестру, и, видя ее красоту, ум и благочестие, я подумал, что она могла бы стать подходящей женой для Повелителя правоверных». Халиф отпустил посетителя, пообещав позже уведомить его о своем решении, а потом, повернувшись к одному из своих приближенных, заметил: «Я бы женился на этой девушке, если бы не стихотворение поэта Джарира¹:

„В шурины Таглиба не бери,
на сестру его с любовью не смотри.
Даже если негр женин брат,
Благородней он Таглиба во сто крат“.

Боюсь, если я женюсь на этой девушке, она может родить мне сына, и народ покроет его позором, декламируя эти строки. Но пойди за Хишамом и скажи ему, что я благодарен за его заботу. Мне сейчас не нужна еще одна жена, но можешь сообщить ему, что в награду за его доброту я назначил его наместником Синда».

Эта история интересна не только как свидетельство о том, как Аббасиды выбирали наместников, но еще и как иллюстрация того безмерного страха быть опозоренным поэтическими колкостями, который всегда владел арабами. Даже сам Пророк был чувствителен к этим уколам. Арабское

¹ Джарир был придворным поэтом Хадджаджа в Ираке, а впоследствии халифа Абд ал-Малика ибн Марвана.

племя Таглиб было одним из старейших и самых благородных, и ядовитые слова поэта были абсолютно беспочвенны. Однако Хишама Таглиби послали наместником в Синд. Омар ибн Хафс был прямо из Синда переведен наместником в Ифрикию, и в следующей главе мы снова услышим о нем.

* * *

Самым известным деянием Мансура, которое к тому же повлияло на всю дальнейшую историю Арабской империи, стало основание Багдада. С момента захвата власти Аббасиды тринадцать лет обходились без столицы. Дамаск, так долго хранивший верность Омейядам, был бы слишком ненадежным. Аббасидов привела к власти армия из Хорасана. Как мы уже видели, Мансур намеревался отступить в Северную Персию в случае, если бы понес поражение от Ибрахи́ма из рода Али. Он чувствовал себя в безопасности только тогда, когда его персидские сторонники были рядом, однако при империи, простирающейся на западе до Атлантического океана, столица, расположенная за горами Персии, оказалась бы слишком удаленной от центра его владений. По этим соображениям решением стала плодородная долина Тигра и Евфрата, и ас-Саффах, как нам уже известно, начал свое правление в замке у Куфы, а затем перебрался в Анбар. Однако жители Куфы были слишком ненадежными, чтобы стать приятными соседями, а вдобавок среди них было много шиитов.

Мансур провел много времени в самостоятельных поисках идеального места для новой столицы, доходя на севере до Мосула, и в конце концов выбрал участок на западном берегу Тигра, где город Багдад стоит и поныне. В этом месте Евфрат и Тигр разделяет менее двадцати миль. В VIII в. именно здесь в Тигр впадал судоходный канал Иса, вытекавший из Евфрата. Таким образом, товары из Сирии могли доставляться в Багдад водным путем, вниз по Евфрату из Алеппо и Ракки, поскольку в то время суда, по-видимому,

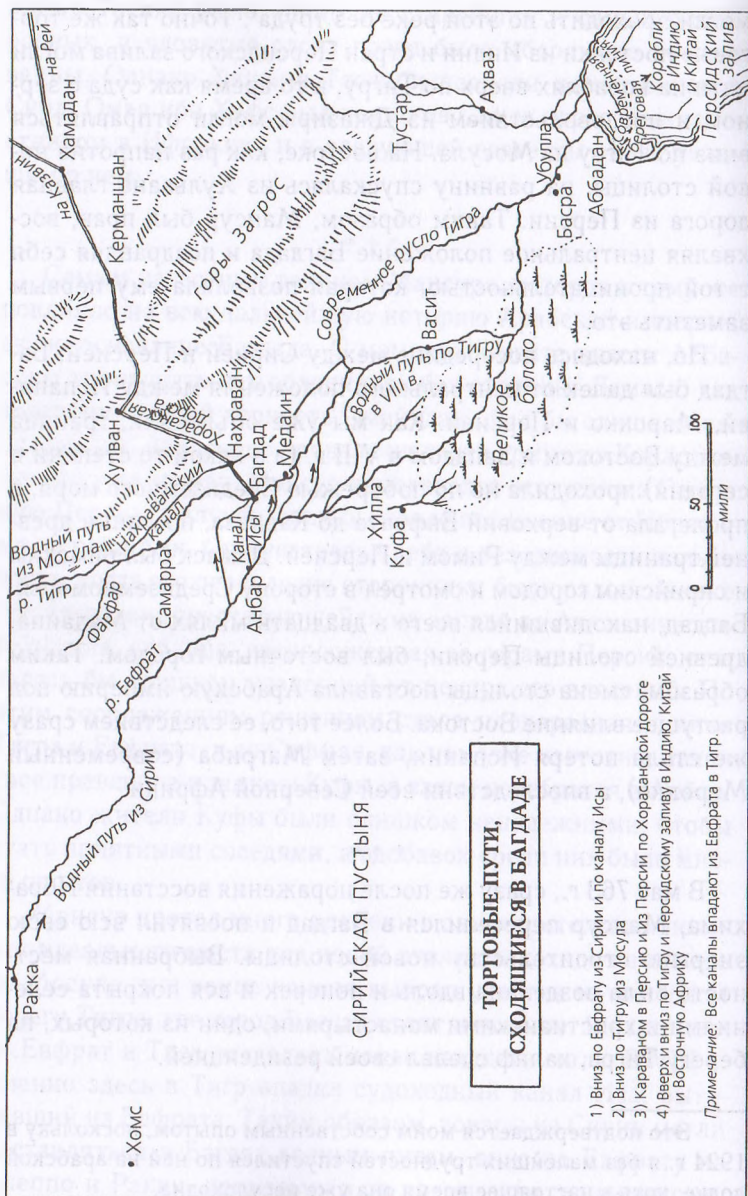
могли проходить по этой реке без труда¹. Точно так же торговые поставки из Индии и стран Персидского залива могли идти на кораблях вверх по Тигру, в то время как суда с зерном и продовольствием из Джазиры могли отправляться вниз по Тигру из Мосула. На востоке, как раз напротив новой столицы, на равнину спускалась из Хульвана главная дорога из Персии. Таким образом, Мансур был прав, восхваляя центральное положение Багдада и поздравляя себя с той проницательностью, которая позволила ему первым заметить это.

Но, находясь посередине между Сирией и Персией, Багдад был далек от центрального положения между Испанией, Марокко и Персией. Как мы уже объясняли, граница между Востоком и Западом в VIII в. (а в какой-то степени и сегодня) проходила не по побережью Средиземного моря, а пролегла от верховий Евфрата до Кавказа, по линии древней границы между Римом и Персией. Дамаск был римским и сирийским городом и смотрел в сторону Средиземноморья. Багдад, находившийся всего в двадцати милях от Мадаина, древней столицы Персии, был восточным городом. Таким образом, смена столицы поставила Арабскую империю под растущее влияние Востока. Более того, ее следствием сразу же стала потеря Испании, затем Магриба (современный Марокко), а впоследствии всей Северной Африки.

* * *

В мае 763 г., сразу же после поражения восстания Ибрахима, Мансур переселился в Багдад и посвятил всю свою энергию строительству новой столицы. Выбранная местность была возделана вдоль и поперек и вся покрыта селениями и христианскими монастырями, один из которых, на берегу Тигра, халиф сделал своей резиденцией.

¹ Это подтверждается моим собственным опытом, поскольку в 1924 г. я без малейших трудностей спустился по ней на арабской лодке, хотя в настоящее время она уже несудоходна.

Мансур разбил свой город по необычному плану. Город был совершенно круглым, его охватывало двойное кольцо стен с четырьмя воротами, которые назывались соответственно Хорасанскими, Басрийскими, Куфскими и Сирийскими. В середине внутреннего круга был построен дворец халифа, в результате чего последний становился символическим сердцем и центром империи и народа. Сама эта идея *roi soleil*¹, вокруг которого вращается вся Вселенная, свидетельствовала об огромной перемене, произошедшей за сто тридцать один год, истекший со дня смерти Пророка. Первые преемники Мухаммада избирались жителями Медины из своего числа как самые достойные и способные. Говоря современным языком, они были «главными управляющими» мусульманской общины, которых члены общины избирали с тем условием, чтобы впоследствии контролировать их действия. Ежедневно общаясь с людьми в мечетях и на улицах, советуясь с наиболее влиятельными горожанами перед принятием жизненно важных решений, они всегда были непритязательными и доступными, одевались бедно и обходились без церемоний — словом, были твердыми, но доброжелательными патриархами своего народа. За полтора века великодушная демократия первых халифов превратилась в пышную монархию Аббасидов, напоминавшую скорее величественную деспотию персидского Царя Царей, чем скромное предводительство арабского Пророка и его сподвижников.

Мансур со страстью отдался наблюдению за строительными работами и даже сам пересчитывал кирпичи и блоки известняка, проверяя счета и контролируя цены и заработки рабочих. Сначала он рассматривал мысль о том, чтобы

Карта 33

Торговые пути, сходящиеся в Багдаде.

¹ Король-солнце (франц.) — Примеч. перев.

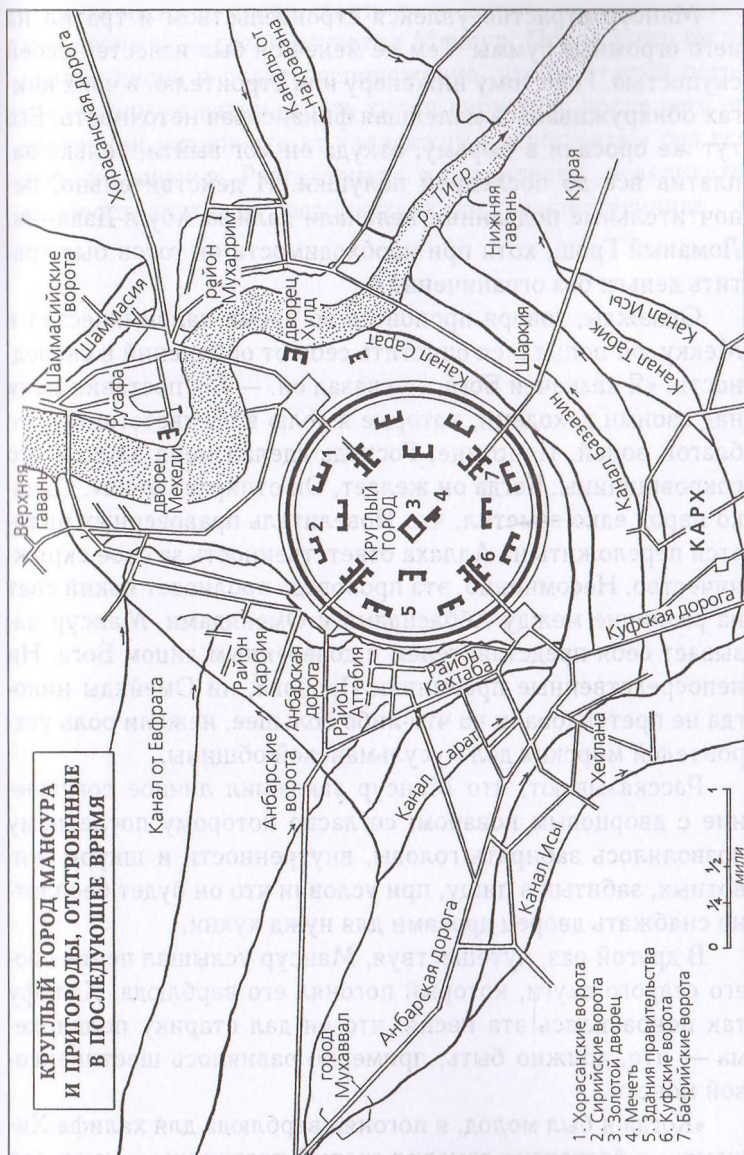
разобрать большой дворец Хосрова в Мадаине и перевезти материалы в свой новый город, и обратился за советом по этому вопросу к Халиду ибн Бармаку. Этот субъект, как мы помним, был уроженцем Балха и командовал отрядом революционной армии Абу Муслима. Теперь он стал казначеем Мансура. Когда его спросили, что он думает о разборке дворца Хосрова, он выступил против этого, тогда халиф обвинил его в том, что, будучи персом, он желает увековечить славу Великих Царей, и приказал начать снос. Однако после тщательного подсчета расходов обнаружилось, что обжиг новых кирпичей на месте обойдется дешевле, чем слом старых дворцов и доставка материалов из Мадаина. В результате руины пиршественной залы Хосрова стоят и сегодня, свидетельствуя о древней славе Сасанидов.

Круглое пространство за внутренними стенами нового города предназначалось исключительно для Золотого дворца Мансура, примыкающей к нему мечети, зданий различных административных учреждений и гвардейских казарм. Ездить верхом по внутреннему городу позволялось одному халифу; всем прочим предписывалось слезть с коня у ворот внутренних стен и приближаться к дворцу пешком. Первоначально пространство между внутренними и внешними стенами отводилось под городские базары и лавки; но из опасения, что туда смогут проникнуть шпионы, или же халифскому «святая святых» будут угрожать народные бунты, купцы, лавки и горожане были вовсе удалены из крепости, а пояс между двумя кольцами стен был отдан военачальникам и должностным лицам под жилые дома. Мансур назвал свою новую столицу *Медина т ас-салам*, «Город мира», но в быту по-прежнему употреблялось старое название Багдад, очевидно, персидского происхождения, сохранившееся до наших дней.

Карта 34

*Круглый город Мансура и пригороды,
пристроенные в последующие годы.*

Мансур страстно увлекся строительством и тратил на него огромные суммы. Тем не менее он был известен своей скупостью. Горе тому инженеру или строителю, в чьих книгах обнаруживалась малейшая финансовая неточность. Его тут же бросали в тюрьму, откуда он мог выйти, только заплатив все до последней полушки. И действительно, непочтительные подданные величали халифа Абу-л-Даваник, Ломаный Грош, хотя при необходимости он готов был тратить деньги без ограничений.

Однажды, говоря проповедь во время паломничества в Мекку, он попытался очистить себя от обвинений в скаредности. «Я казначей Бога, — сказал он. — Он поставил меня над своими доходами, которые я делю в соответствии с его благой волей. Поистине, Господь сделал меня замком его сокровищницы. Когда он желает, Он отпирает меня». Однако народ едко заметил, что Повелитель правоверных пытается переложить на Аллаха ответственность за свое скряжничество. Несомненно, эта проповедь проливает яркий свет на различие между Аббасидами и Омейядами. Мансур называет себя представителем и доверенным лицом Бога. Ни непосредственные преемники Пророка, ни Омейяды никогда не претендовали на что-либо большее, нежели роль устроителей мирских дел мусульманской общины.

Рассказывают, что Мансур заключил личное соглашение с дворцовым поваром, согласно которому последнему позволялось забирать головы, внутренности и шкуры животных, забитых в пищу, при условии что он будет бесплатно снабжать дворец дровами для нужд кухни.

В другой раз, путешествуя, Мансур услышал пение своего старого слуги, который погонял его верблюда. Халифу так понравилась эта песня, что он дал старику полдирхема — что, должно быть, примерно равнялось шестипенсовой монете.

«Когда я был молод, я погонял верблюда для халифа Хишама, — бестактно заметил старый погонщик, — и он дал мне десять тысяч дирхемов».

«Он не имел права давать тебе деньги из государственной казны», — гневно ответил Мансур. После этого он позвал писца и отдал распоряжение, чтобы старый погонщик вернул в казну десять тысяч дирхемов, после чего его заставили ухаживать за халифскими верблюдами без всякого жалованья. Разговаривая с правителем, неделикатно распространяться о достоинствах его предшественника.

Аббасиды, окруженные богатствами Востока, скоро нашли ниже своего достоинства воздержание и бережливость первых халифов, и пожелали превзойти великолепие персидских царей.

Гиббон.

Упадок и гибель Римской империи

Для Алидов Аббасиды были узурпаторами, а праведными халифами являлись потомки Али и Фатимы. Алиды никогда не прекращали оказывать разрушительное влияние на магистральную политику ислама.

Хитти.

История арабов

Торжество персов над арабами, то есть побежденных над победителями, готовилось уже давно; оно стало полным, когда к власти пришли Аббасиды, обязанные своим возвышением персам. Эти государи ввели в правило относиться к арабам с осторожностью и доверять только инородцам.

Дози.

История ислама

Глава XIV

МАХДИ И ХАДИ

Важные даты

Омар ибн Хафс назначен наместником Ифрикии	– 768 г.
Смерть Омара ибн Хафса и сдача Кайравана	– 771 г.
Битва при Дженби – берберы покорены	– 772 г.
Смерть Мансура, возвышение Махди	– 775 г.
Харун ар-Рашид с боями доходит до Босфора	– 782 г.
Смерть Махди, приход к власти Хади	– 785 г.
Восстание Хусейна ибн Али в Мекке	– 786 г.
Смерть Хади	– 786 г.

Персоналии

Омар ибн Хафс, наместник Ифрикии	– 768–771 гг.
Йазид ибн Хатим, наместник Ифрикии	– 772–787 гг.
Халиф Махди ибн Мансур.	
Муса ал-Хади сыновья халифа Махди.	
Харун ар-Рашид.	
Халид ибн Бармак.	
Яхья, сын Халида ибн Бармака.	
Хусейн ибн Али, алидский мятежник в Мекке, убит при Факхе.	
Идрис ибн Абдаллах, алидский мятежник, бежавший в Марокко.	
Хайзуран, любимая наложница Махди, мать Хади и Харуна ар-Рашида.	

Византийские императоры.

Лев III Исавр	– 716–741 гг.
Константин V Копроним	– 741–775 гг.
Лев IV	– 775–780 гг.
Ирина (регентство при Константине VI)	– 780–785 гг.
Константин VI	– 785–797 гг.

Когда мы в последний раз говорили об Ифрикии, мы оставили Ханзалу ибн Сафвана на посту наместника после его смелой вылазки из Кайравана, которая увенчалась подавлением берберского восстания 740–742 гг. Ханзала оставался наместником до 745 г., когда война, разразившаяся между халифом Марваном и Аббасидами, снова ввергла все в пучину хаоса. Ханзала, по-видимому, отправился в Сирию, и власть захватил некий Абд ар-Рахман ибн Хабиб, надеясь в обстановке всеобщей анархии основать независимую династию. Мы видели, как он арестовал беглецов-Омейядов, которых подозревал в стремлении стать его соперниками на пути к Африканскому царству.

Однако в 755 г. Ибн Хабиб был убит, и Ифрикия снова погрузилась в хаос, так как Аббасиды были слишком заняты, чтобы тратить время на отдаленные провинции. Кайраван захватило берберское племя из пустыни, и многострадальные жители этого города снова подверглись избиению и грабежу. Затем другое берберское племя, на этот раз из Триполи, вытеснило первое и само обосновалось в Триполитании и Кайраване.

Только в августе 761 г. Мухаммад ибн ал-Ашаф, назначенный аббасидским наместником Египта при халифе Мансуре, во главе сорокатысячной армии разбил этих берберов при Таварге между Баркой и Триполи. Затем он вновь завладел Кайраваном и сумел установить контроль над Ифрикией.

В 768 г. Мансур сделал наместником Ифрикии того самого Омара ибн Хафса, с которым мы познакомились в Синде во время подготовки переворота в пользу рода Али. Омар был потомком великого Мухаллаба, в прошлом победителя хариджитов и наместника Хорасана. Однако три

года спустя произошло новое общее восстание берберских хариджитов, Кайраван снова оказался в осаде, и Омар ибн Хафс защищал несчастный город с немислимым героизмом. Наконец запасы продовольствия истощились, и гарнизон сократил свой дневной рацион до последнего предела, а вся равнина, расстилавшаяся за стенами города, насколько хватало глаз, каждую ночь мерцала лагерными кострами бесчисленных берберских полчищ. Но несмотря на то что гарнизоном, как и горожанами, овладело уныние, неиссякающее мужество Омара ибн Хафса отказывалось примириться с мыслью о сдаче.

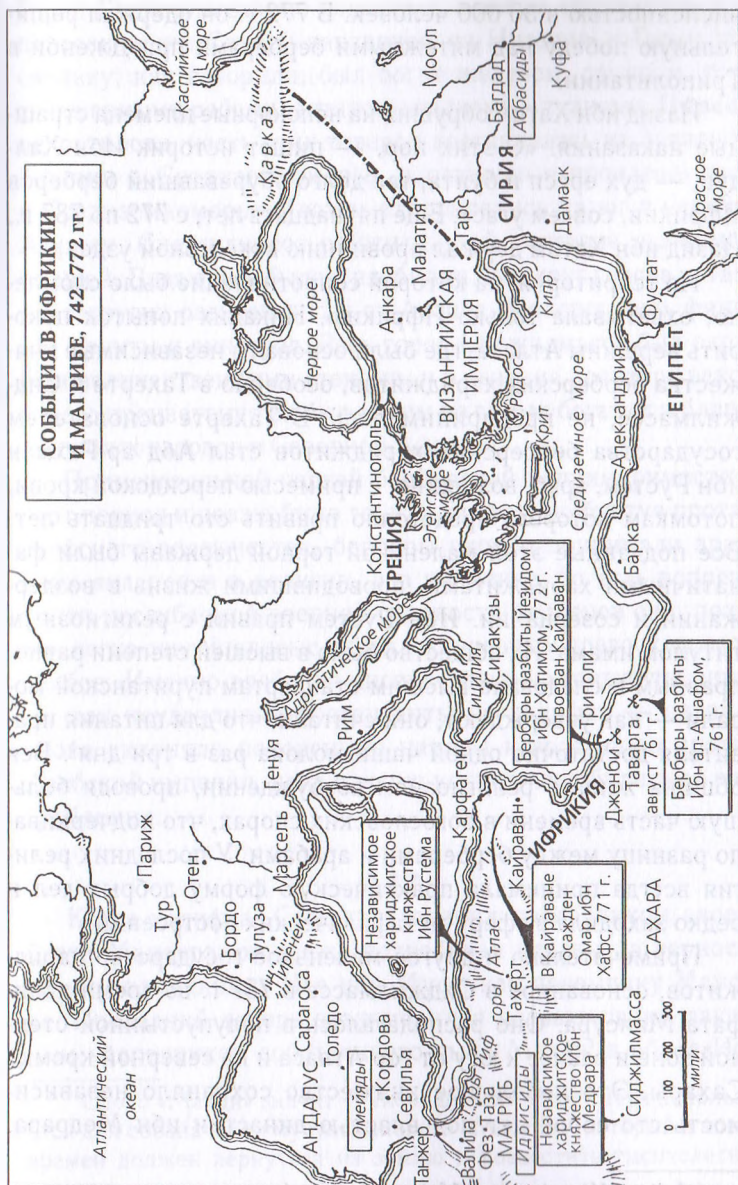
Затем в один из октябрьских дней 771 г. прибыл гонец, пробравшийся сквозь берберские ряды. Он принес смелому наместнику письмо от его жены, сообщавшей, что халиф Мансур недоволен его службой и посылает ему на смену нового наместника со свежей армией. Возможно, Повелитель правоверных все еще подозревал бывшего наместника Синда в неверности.

После героической трехлетней обороны Кайравана смещение стало для Омара горьким разочарованием. Он решил, что не переживет своего позора. Облачившись в доспехи и оседлав коня, он с копьем в руке выехал из городских ворот, которые столь храбро защищал в течение многих месяцев. Атаковав в одиночку берберские орды, он сражался один, пока не был повален и убит. После смерти Омара ибн Хафса Кайраван сдался берберам на определенных условиях.

Когда новость об этом несчастье достигла халифа Мансура, он лично отправился в Дамаск, а оттуда в Иерусалим, чтобы организовать армию для нового завоевания Ифрикии. Командование было поручено Йазиду ибн Хатиму, который выступил из Палестины в Египет во главе армии

Карта 35

События в Ифрикии и Магрибе, 742–772 гг.

численностью в 50 000 человек. В 772 г. он одержал решительную победу над мятежными берберами при Дженби в Триполитании.

Йазид ибн Хатим обрушил на непокорные племена страшные наказания. «С этих пор, — пишет историк Ибн Халдун, — дух ереси и бунта, так долго обуревавший берберов Ифрикии, совсем угас». Еще пятнадцать лет, с 772 по 787 г., Йазид ибн Хатим держал провинцию в железной узде.

Но территория, на которой сопротивление было сломлено, охватывала только Ифрикию. Никаких попыток покорить вершины Атласа, где были основаны независимые княжества берберских хариджитов, особенно в Тахерте и Сиджилмассе, не предпринималось. В Тахерте основателем государства берберских хариджитов стал Абд ар-Рахман ибн Рустем, араб, возможно, с примесью персидской крови, потомкам которого предстояло править сто тридцать лет. Все подданные этой маленькой горной державы были фанатичными хариджитами, проводившими жизнь в воздержании и созерцании. Ибн Рустем правил с религиозным титулом имама. Их общество было в высшей степени равноправным и следовало высшим стандартам пуританской морали — как утверждают, они считали, что для питания правителя достаточно одной чаши молока раз в три дня¹. Вся община жила в религиозном возбуждении, проводя большую часть времени в богословских спорах, что подчеркивало разницу между берберами и арабами. У последних религия всегда принимала практическую форму добрых дел и редко заходила в сферу метафизических построений.

Примечательно и другое маленькое государство хариджитов, основанное в Сиджилмассе в 757 г. во время халифата Мансура. Оно располагалось в полупустынной степной зоне и оазисе к югу от гор Атласа и на северной кромке Сахары. Это небольшое княжество сохраняло независимость сто сорок лет под властью династии ибн Медраара.

¹ Julian. *Histoire de l'Afrique du Nord*.

Город Сиджилмасса, по-видимому, служил «привалом» для пересекавших Сахару караванов из Нигерии и Ганы, поскольку, как говорили, был богат железом, свинцом, ртутью, черными рабами, янтарем, шелками и тканями. По всей вероятности, часть этих товаров доставлялась из Западной Африки в Средиземноморье, а остальные производились в Средиземноморье и затем отправлялись на юг в черную Африку. Сиджилмасса служила этой торговле рынком и биржей. Вода здесь была в изобилии, и вокруг города, а также в других оазисах к югу от Атласа выращивались финики, фрукты и виноград. Весь город Сиджилмасса был окружен величественными стенами, и в течение полутора веков своего процветания он был одним из самых богатых и благополучных городов в Северной Африке.

Примечательной чертой берберской непримиримости в этот период и позже было то, что, постоянно бунтуя против арабского владычества, берберы охотно принимали арабских лидеров и в религии, и в политике, то есть вопреки почти негибкой военной стойкости берберов они, похоже, легко соглашались с интеллектуальным превосходством арабов. Именно арабские диссиденты — хариджиты, шииты или неудачливые претенденты на халифат — снова и снова склоняли покоренные народы к восстанию против Арабской империи, пока в конце концов не добились ее раздробления.

* * *

Когда халиф ас-Саффах назначил наследником своего брата Мансура, он также потребовал клятвы на верность своему племяннику Исе ибн Мусе, как преемнику Мансура. Последний теперь вознамерился назвать своим законным наследником собственного сына Махди¹ в обход Исы

¹ Слово «Махди» значит «Руководимый». Этот титул используется для обозначения мусульманского «Мессии», который в конце времен должен вернуться на землю и возвестить тысячелетнее царство.

ибн Мусы, хотя, победив алидских мятежников Мухаммада и Ибрахима, Иса спас трон Мансура. Однако наиболее влиятельные люди империи уже принесли клятву Исе ибн Мусе во времена ас-Саффаха. В этих клятвах они объявили, что, если нарушат свое слово, их жены автоматически получают развод, а все рабы — свободу. (У арабов до сих пор существует обычай клясться разводом своих жен.)

Из-за этих торжественных обещаний единственный способ изменить порядок наследования заключался в добровольном отречении Исы. Сначала он не хотел отказываться от притязаний на трон, в результате чего против него были использованы все методы дворцовой интриги. Когда просьбы не встретили отклика, в ход пошли угрозы. Его сына чуть не задушили, воинам личной гвардии был отдан тайный приказ напасть на него на улице, одновременно ему в качестве стимула предлагались огромные суммы. Особой активностью в этих мероприятиях отличался изобретательный Халид ибн Бармак, и, очевидно, их успех в значительной степени явился его заслугой. Иса ибн Муса, измученный этим преследованием, и, несомненно, боясь насильственной смерти, в конце концов, сдался и отказался от права наследовать халифат. Затем наследником халифата был назначен Махди, сын Мансура.

Тот факт, что капитуляция Исы ибн Мусы в основном была делом рук Халида ибн Бармака, имел важные последствия. Он означал, что, став халифом, Махди оказался в долгу у Халида, который поэтому приобрел величайшее влияние в государстве. Ему предстояло основать род, до сегодняшнего дня известный на Западе под именем Бармакидов.

Махди, который теперь был объявлен законным наследником халифата, принял участие в подавлении восстания в Герате, Сиджистане и Хорасане. В 768 г. он вернулся в Багдад во главе победоносной армии. Для размещения армии Махди Мансур выделил участок на восточном берегу Тигра, боясь, как шептали злые языки, допустить ее в Город мира, охранявшийся его личной гвардией. Завершив строительство

своей столицы, халиф приступил к возведению на восточном берегу дворца Русафа, будущей резиденции Махди¹.

Это беспокойство по поводу лояльности армии подчеркивает еще одно важнейшее отличие Аббасидов от Омейядов. Воины, служившие предыдущей династии, были почти исключительно арабами, а та армия, которая привела к власти Аббасидов, была сформирована в Хорасане и Северной Персии. Правда, нам не следует совершать ошибку, приписывая этим людям современные национальные представления и думая о них как о персах или арабах. Однако факт остается фактом — начиная с хорасанской армии Абу Муслима, огромное большинство воинов халифа происходило из северо-восточной Персии. Арабские племена, которые завоевали эту огромную империю, в конце концов перестали использоваться в военных действиях. Кочевники снова ушли в свои пустыни, а те их представители, которые осели в городах, растворились в населении империи.

Через несколько лет после завершения Круглого города Мансура, пригороды уже далеко протянулись вверх и вниз по западному берегу Тигра. Имена тех, кому предоставлялись земли в пригородах, и распределение воинских казарм чрезвычайно поучительны, поскольку среди них с трудом можно встретить арабское имя. Земельные владения перечисляются рядом с именами владельцев из Балха, Мерва, Бухары, Хивы и Согда, очевидно, сторонников аббасидской революции, перед которыми новая династия была в долгу. Казармы, оказывается, были населены в основном воинами из Персии и тюркскими наемниками. Полицией Мансура руководил выходец из Балха. Однако в халифской гвардии Круглого города все еще насчитывалось какое-то количество арабов.

Строительство стало главной страстью стареющего халифа. Закончив дворец Русафа на восточном берегу Тигра, предназначенный для его сына Махди, он построил себе

¹ План Багдада, с. 357.

новый дворец на западном берегу, выходящий непосредственно на реку. Он получил название Хулд или дворец бессмертия, поскольку считалось, что окружающие его сады похожи на райские кущи. В 775 г., незадолго до смерти, халиф вселился в свою новую резиденцию. Он также приказал обнести города Куфа и Басра стенами и рвом с водой.

В августе 775 г. Мансур с большим караваном отправился через Аравийскую пустыню в Мекку, чтобы совершить паломничество. Уже несколько лет он страдал нарушениями пищеварения и безрезультатно обращался ко многим врачам¹. Когда он выехал из Куфы, его боли обострились, но он с трудом двигался вперед по пустыне до тех пор, пока до Мекки не остался один дневной переход. Он умер в своем шатре на рассвете того дня, когда надеялся достичь священного города. Это произошло в начале октября 775 г. Ему было шестьдесят четыре; правил он двадцать два года.

Мансур был высок ростом, худощав, с лицом землистого цвета. Едва получив халифат, он предал смерти множество людей. Особенно трудно найти оправдание для преднамеренного и хладнокровного убийства Абу Муслима, человека, которому Аббасиды были обязаны своим возвышением. Когда после подавления алидского восстания Мухаммад и Ибрахима его власть окрепла, он стал менее кровожадным.

Мансур обладал серьезным характером, был начитан и интересовался литературой. Он не терпел музыки и не одобрял никакого легкомыслия. Когда его власть стала неоспоримой, он проявлял осторожность в делах правосудия и не позволял наместникам провинций приводить в исполнение смертные приговоры без его санкции. Он, безусловно, был способным правителем и добросовестным администратором.

Однажды Мансору доложили, что его жертва сказала: «Он наказывает так, как будто никогда не слышал о такой вещи, как милосердие». Но халиф ответил: «Потому что кости бану Марван еще не истлели, а мечи потомков Али ибн

¹ Возможно, у него была язва желудка.

Аби Талиба не вернулись в ножны. Вокруг нас народ, который только вчера видел в нас просто своих соотечественников. Сегодня они видят, что мы стали халифами, и страх перед нами наполнит их сердца, лишь если мы пренебрежем милосердием и воздадим каждому по делам».

В этом эпизоде содержится ключ к истории первых Аббасидов. Отняв власть у своих соплеменников-курайшитов, они жили в постоянном страхе заговоров против себя, вроде того, который они сами успешно осуществили против Омейядов. Этот навязчивый страх заставил их пренебречь завоеванием чужих земель, поскольку, по их убеждению, истинные враги подстерегали их дома.

Несмотря на видимую политическую пропаганду, утверждавшую, что бану Омейя были врагами Бога, Мансур испытывал огромное восхищение перед халифом Хишамом ибн Абд ал-Маликом (которого, как мы помним, также обвиняли в скаредности). Не один раз он посылал за старыми людьми, служившими при Хишаме, и дотошно расспрашивал их о его методах управления.

Матерью Мансура была берберская наложница. Любопытно, что мать Абд ар-Рахмана, захватившего Испанию, имела то же происхождение, поэтому в народе говорили, что миром правят сыновья двух берберских женщин.

За долгое правление Мансура умонастроение в империи претерпело много заметных перемен, по сравнению с тем, каким оно было во времена Омейядов. Именно при нем начали писать первые историки ислама (в его правление умер ибн Исхак). Школы Басры прославились своими грамматистами арабского языка, а эта дисциплина важна для изучения Корана, и многие знатоки религиозного права и обычаев благоденствовали.

В то время как интерес к книжной премудрости рос, военная агрессивность заметным образом шла на убыль. Империя повсюду оборонялась, и больше мы не встречаем никаких упоминаний о подготовке к новым завоеваниям. Правда, сражаться приходилось немало, но во всех провинциях

основной задачей армии стало подавление восстаний. Не считая подъема Алидов, в долгие и ожесточенные кампании вылились восстание Устада в Восточной Персии и массовые волнения берберов в Африке. Хазары предприняли ужасный набег на Армению и Азербайджан, который остался безнаказанным. Время от времени вспыхивали войны с Византией, но им, однако, недоставало смелости и решительности омейядских завоеваний.

Трудно связать эти изменения с каким-то одним фактором. С одной стороны, империя мужала и отходила от неприкрытой воинственной враждебности по отношению к культуре, литературе и искусствам. Тем не менее какую-то роль в этой перемене, видимо, сыграли особенности разных семей племени курайш. Омейяды были прямолинейными солдатами, Аббасиды — политиками, государственными мужами и учеными, а Алиды — мистиками не от мира сего. Подобные определения, разумеется, грешат упрощением, тем не менее, в общем и целом, они отражают подлинные черты соперничающих кланов.

Одно обстоятельство политики Мансура создало прецедент, который в будущем обернется катастрофой. Речь, безусловно, идет о его постоянном страхе перед Омейядами, а затем — Алидами, страхе, который заставил его перестать доверять арабам. В результате он все чаще использовал на ответственных должностях своих вольноотпущенников. Все эти вольноотпущенники, то есть бывшие рабы, конечно, никогда не принадлежали к арабам, поскольку арабы не могли быть рабами. Таким образом, количество арабов у власти стало постепенно сокращаться и в центральной администрации, и в армии, и в провинциях. Мы уже не раз упоминали Халида ибн Бармака как одного из его главных министров. К тому же его агенты покупали на северных границах тюркских рабов для использования на халифской службе.

В итоге Аббасиды в результате этой политики оказались между двух стульев. Будучи арабской династией, они

пренебрегли преданностью своих соплеменников, полагаясь на платные услуги персов и тюрков, которые в конце концов сами захватили власть, когда арабы, сознательно ослабленные династией, утратили способность сопротивляться.

* * *

Махди, сын Мансура, унаследовал халифат в октябре 775 г., не встретив противодействия. Ему исполнилось тридцать три; он был молод, красив, великодушен и любим народом. Он был прапраправнуком Аббаса, дяди Пророка. Через год после восшествия на трон он отправил из Басры хорошо оснащенную экспедицию на завоевание Индии. Она захватила город Барабад, точно неизвестно, где находившийся. В одном из рассказов утверждается, что речь шла о карательной операции против индийских пиратов, нападавших на арабские торговые суда. Многие воины умерли от болезней, часть кораблей разбилась, и поход оказался удачным лишь отчасти.

В 777 г. в Хорасане разразилось новое восстание под руководством некоего Юсуфа ал-Барама. После нескольких жестоких сражений мятеж был подавлен, а Юсуф со своими главными сторонниками в цепях доставлен в Багдад. Им отрубили руки и ноги, затем обезглавили, а мертвые тела распяли на верхнем мосту через Тигр. С этих пор головы или тела бунтовщиков регулярно выставлялись на обозрение на мостах через эту реку, как в Лондоне на воротах Тауэра. Любопытно отметить эти восстания против Аббасидов в Хорасане, с учетом того, как много хорасанцев занимало высокие посты в гражданской администрации и в армии. Правда, Мансур незадолго до смерти якобы наказал Махди всегда заботиться о жителях Хорасана, «на которых опирается трон».

В сентябре 777 г. Махди совершил паломничество в Мекку в сопровождении каравана верблюдов, груженных ящиками со снегом для охлаждения напитков Повелителя правоверных в пустынях Аравии, которые каких-то сто

пятьдесят лет назад были домом для его выносливых предков.

Гражданская война между Аббасидами и Омейядами, а затем скарденность халифа Мансура ослабили арабские силы на византийской границе, что позволило энергичному императору Константину V, сыну Льва Исавра, отодвинуть границу обратно к востоку, овладев перевалами Тавра. В 778 г. арабы потерпели поражение у Мараша, далеко к востоку от Тавра. В 780 г. византийцы снова перешли в наступление, хотя арабам в конце концов удалось вернуть Хадес. Махди вознамерился вернуть себе инициативу и престиж, которым арабы обладали на протяжении всего периода правления Омейядов. Командование боевыми действиями было поручено второму сыну халифа Харуну, а Халид ибн Бармак и его сын Яхья стали главными политическими советниками Харуна.

Летом 781 г. Харун вторгся на византийскую территорию. Хотя ничего особенного арабы не добились, они удерживали инициативу все лето. Их позицию облегчили смерть в 780 г. императора Льва IV, сына Константина V, и приход к власти его вдовы императрицы Ирины, правившей от имени его малолетнего сына Константина VI.

В феврале 782 г. Харун снова отправился в поход с огромной армией численностью примерно в 95 000 человек, снаряженной со всей возможной щедростью. Пройдя огнем и мечом по всей Малой Азии, он достиг Босфора и через узкий пролив видел стены и башни самого Константинополя. Ирина, не зная, что предпринять, просила мира. Между ней и Харуном циркулировали посольства. Наконец, было заключено соглашение, согласно которому империя должна была платить халифу ежегодную дань в размере 70 000 динаров. Этим унижением Византии халифат восстановил свое военное господство, которое удерживал при великих Омейядах. Харун вернулся с войны, окруженный ореолом славы, и получил пост наместника Армении и Азербайджана. Яхья ибн Бармак остался его главным секретарем.

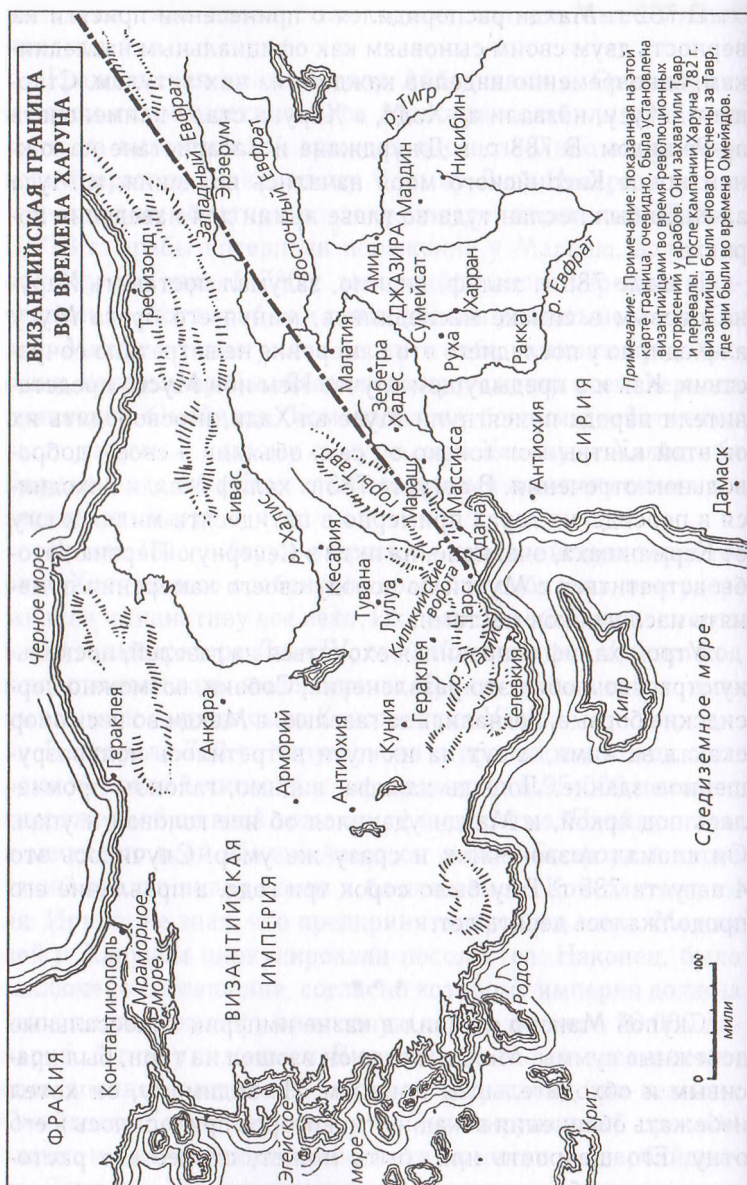
В 782 г. Махди распорядился о принесении присяги на верность двум своим сыновьям как официальным наследникам, одновременно наделив каждого из них титулом. Старшего, Мусу, называли ал-Хади, а Харуна стали именовать ар-Рашидом. В 783 г. в Джурджане и Табаристане на южном конце Каспийского моря начались волнения, и Муса ал-Хади был послан туда во главе армии для наведения порядка.

В июле 785 г. халиф, видимо, задумал поставить Харуна первым в списке наследников, минуя его брата Мусу ал-Хади, но у последнего это намерение не встретило сочувствия. Как и в предыдущем случае Исы ибн Мусы, представители народа присягнули Мусе ал-Хади, и освободить их от этой клятвы мог только он сам, объявив о своем добровольном отречении. В августе 785 г. халиф Махди находился в персидских горах примерно в пятидесяти милях к югу от Керманшаха, очевидно, на пути в Северную Персию, чтобы встретиться с Мусой по поводу своего намерения помянуть наследников местами.

Утром халиф отправился охотиться на газелей, поскольку страстно любил это развлечение. Собаки, возможно персидские борзые, погнались за газелью, а Махди во весь опор скакал за ними, и тут на их пути встретилось полуразрушенное здание. Лошадь халифа, видимо, галопом промчалась под аркой, и Махди ударился об нее головой и упал. Он сломал позвоночник и сразу же умер. Случилось это 4 августа 785 г. Ему было сорок три года, а правление его продолжалось десять лет.

* * *

Скупой Мансур оставил в казне империи колоссальные денежные суммы. Махди, когда он вззошел на трон, был красивым и обходительным принцем. По-видимому, он хотел избежать обвинения в жадности, которое прилепилось к его отцу. Его щедрость или, быть может, скорее его расточительность была так велика, что за короткое время он

растратил большую часть денег, накопленных за долгое и осторожное правление Мансура.

Ас-Саффах и Мансур выросли как заговорщики и после революции укрепляли свою власть с помощью пролития крови, особенно крови своих родичей бану Омейя и бану Али. Махди во время революции был еще ребенком и вырос принцем. Поэтому он меньше боялся заговоров, чем его отец, и был менее мстительным по отношению к Омейядам и Алидам.

Возможно, он стремился к популярности и добился ее, обладая приятным и добродушным характером. Он удосуживался выслушивать жалобы и врачевать обиды, приказал освободить многих людей, заключенных в тюрьмы его отцом, включая даже тех, кто подозревался в политической оппозиции режиму. Он великодушно обошелся с уцелевшими потомками Масламы ибн Абд ал-Малика, старого омейядского воина, так долго сражавшегося с византийцами, и в целом, кажется, стремился искупить кровавые убийства Омейядов и Алидов, совершенные халифами ас-Саффахом и Мансуром. Хотя иногда Махди овладевали приступы яростного гнева, в целом он, видимо, был способным, снисходительным и великодушным правителем.

Мансур осуждал музыку и легкомыслие, а Махди и здесь контрастировал со своим отцом, так как любил роскошь, вино и прекрасный пол. В стихотворении, прославляющем его любимого вольноотпущенника и близкого друга, он написал:

О Абу Хафс, молю я Бога о награде
С тобой, мой друг, свой век прожить без скуки.
Ведь счастье все в вине и песен звуке,
Духах, рабнях, музыке, усладе.

Карта 36

Византийская граница во времена Харуна.

Как и у халифа Йазиды ибн Абд ал-Малика, у Махди была рабыня, к которой он особенно привязался и которая, как рассказывается, платила ему ответной любовью. Девушки-рабыни уже не были лишь средством удовлетворения страсти своих владельцев. Теперь от них ждали музыкального мастерства и владения искусством арабской поэзии. Махди вполне мог в любой момент обратиться к своему товарищу, будь то мужчина или женщина, со словами: «Какой приятный вечер» или «Мы хорошо провели день на охоте. Симпровизируй для меня несколько строк в честь этого события». Сам халиф был наделен незаурядным литературным талантом. Его близким друзьям требовалось и хорошее образование, и изрядный поэтический дар, чтобы создавать импровизированные стихи нужного качества.

Пропаганда Абу Муслима, вызвавшая столь масштабную революцию против Омейядов, осуждала их халифов, пьющих вино, и обещала, что под властью семьи Пророка произойдет возврат к истинной религии. Эти посулы оказались не более чем «предвыборными обещаниями», которые были забыты, как только бану Аббас закрепились у власти.

В течение десяти лет своего правления Махди, по-прежнему опираясь на хорасанцев подобно своему отцу, оказал арабам немало милостей и не раз проявил великодушие. В отличие от большинства Аббасидов, его матерью была арабская принцесса из племени йемен, жена Мансура, а не простая наложница-рабыня. Он выстроил себе дворец в Ракке на Евфрате и значительно расширил двор Каабы в Мекке, приказав снести множество домов, чтобы увеличить открытое пространство, окружающее Дом Бога. Он также начал работу по расстановке гвардейских постов и резервуаров для воды вдоль паломнических маршрутов через Аравию в Медину и Мекку.

Хотя Махди и не отказывал себе в удовольствиях роскоши, внешне он проявлял огромное уважение к религии. В его правление в Хорасане появилась и быстро распростра-

нилась новая секта зиндигов. Ее учение, по-видимому, представляло собой смесь ислама с веяниями других восточных религий, хотя так стали называть любого еретика. Махди доказал свое правоверие активным преследованием этих сектантов.

В некоторых чертах характера Махди серьезно отличался от своего отца, но общий курс на восток сохранялся. Перенос столицы в Багдад окружил двор персидскими влияниями и отрезал его от средиземноморского и римского мира. Читая бесчисленные анекдоты, которые любят рассказывать арабские историки, стоит отметить, что халифы все чаще обнаруживают тенденцию заводить себе близких друзей и товарищей не из среды арабской аристократии, а из числа своих вольноотпущенников, рабов и наложниц. Персидская система управления окружала древних царей ореолом полубожественной славы, но подобный статус был неприемлем для скептического ума арабов, которые неизменно стремились критиковать и даже насмехаться над своими правителями. В результате ослабления арабских вождей и роста персидского влияния Аббасиды уже окружили себя низкопоклонством, на которое арабы шли не часто, в отличие от вольноотпущенников и рабов, соглашавшихся на него с охотой.

Одной из хорошо различимых примет этой тенденции к деспотизму было все более частое назначение слуг халифа на важные посты, в том числе и наместниками в провинциях. В то же время работа центральной администрации в Багдаде стала более упорядоченной. Уже те времена возникли аналоги наших современных департаментов правосудия, финансов и обороны под названием диванов, и в их работе было занято огромное количество правительственных чиновников. Контроль над всеми департаментами теперь был поручен верховному министру правительства, который назывался визирем и был подотчетен одному халифу. Это нововведение, появившееся при Махди, в конечном счете оказалось пагубным для Аббасидов, которые все больше

склонялись к тому, чтобы перепоручить своим визирям все государственные дела. Многие старшие чиновники и наместники провинций были вольноотпущенниками халифа. Мы уже знаем, что отпущенные рабы считались связанными нравственным долгом, повелевавшим им всю жизнь служить интересам своего освободителя. Поэтому широкое использование вольноотпущенников на постах, связанных с управлением, означало, что они хранили верность не мусульманской общине, а одному халифу. Даже если чиновники не были вольноотпущенниками, это были карьеристы, а их социальное положение во многих случаях основывалось лишь на исполняемой должности. Во времена Омейядов, напротив, правительству служил аристократический класс, состоявший отчасти из арабской племенной знати и отчасти из потомков Помощников Пророка. Эти члены великих родов всегда отличались гордостью и часто непокорством, но их существование удерживало халифа в положении первого среди равных. Замена этой аристократии чиновниками-карьеристами, многие из которых в прошлом были рабами, не оставила в империи никого, кто дерзнул бы критиковать волю халифа или сопротивляться его прихотям.

Арабская племенная аристократия не была особенно просвещенной и фактически большую часть времени проводила на войне. Но самим своим существованием она ограничивала деспотизм халифа. Не впервые в истории исчезновение аристократии и создание бесклассового общества открыло дорогу для неограниченной тирании.

Однако, оплакивая рост деспотизма, мы должны признать, что в других областях правление Аббасидов стало шагом вперед. Махди был интеллектуален и начитан. Образование, наука и литература продолжали стремительно развиваться. О возмужании империи говорило и возрастание роли торговли и производства, а также рост зажиточного торгового сословия, о котором мы в дальнейшем поговорим более подробно. В омейядский период господствовал

рыцарский и воинственный дух, отличительной чертой эпохи Аббасидов стали искусства и ремесла.

* * *

Муса ал-Хади унаследовал халифат после смерти отца. В то время как Махди, в отличие от Мансура, поступал с Алидами великодушно, вернув им имущество, конфискованное его отцом, и назначив им пособие, Хади отменил эти привилегии и обращался с ними сурово. В результате через девять месяцев в Мекке началось новое алидское восстание, и на этот раз его целью стало возведение на трон Хусейна¹ ибн Али ибн Хасана ибн Хасана ибн Али ибн Аби Талиба. Мятеж был скоро подавлен, а Хусейна убили в незначительном столкновении при Фахе в шести милях от Мекки. Когда голову Хусейна прислали халифу Хади в Багдад, он расплакался. «Ты вошел ко мне, крича: „Добрые вести! Добрые вести!“ — сказал он гонцу, — как будто принес голову тюрка или язычника. Разве ты не знаешь, что эта голова принадлежит прапраправнуку Посланника Божия?» Тем не менее понятно, что вызвала этот бунт именно его политика.

Несмотря на явную способность Хади к состраданию, в Мекке и Медине начались неизбежные пытки, казни и конфискации. Именно после этого восстания из Мекки бежал Идрис ибн Абдаллах ибн Хасан². Он был братом Мухаммада и Ибрахима, которые в 762 г. восстали против Мансура. В сопровождении всего одного вольноотпущенника он отправился в Египет. Там ему помог Вазих, вольноотпущенник семьи халифа, отвечавший за департамент почты и разведки в Египте. Потомки Пророка по его дочери Фатиме все еще вызывали почтение у многих верных и простодушных мусульман, и, вероятно, именно из этих чистых побуждений Вазих помог Идрису бежать в Танжер. Узнав о поступке

¹ Генеалогическое древо, с. 346.

² Генеалогическое древо, с. 346.

Вазиха, халиф Харун был вынужден немедленно казнить его с последующим распятием мертвого тела.

Из Танжера Идрис отправился в Волубилис, древний римский город у подножия Атласа, где и доныне остатки разрушенных колоннад и развалины храмов свидетельствуют о былом великолепии Рима. Арабам Волубилис был известен как Валила¹. Здесь Идриса ждал сердечный прием. Берберские племена, уже обращенные в ислам, приняли его с почетом как потомка Посланника Божия и врага существующей власти, поскольку берберы, как ирландец из известной поговорки, неизменно находились в оппозиции к любому правителю. Вскоре к нему присоединились и некоторые арабы, которые по той или иной причине не ладили с династией Аббасидов.

Должно быть, Идрис был выдающейся личностью, потому что за три или четыре года он вступил в союзнические отношения с несколькими другими берберскими племенами района Атласа и распространил свое влияние на всю территорию нынешнего Марокко, а на востоке — до Тлемсена в современном Алжире. Найдя Валилу слишком маленькой или, возможно, желая основать собственную столицу, он начал строить город Фез, или, правильнее, Фас. Местоположение Феза было выбрано удачно. Расположенный на западных предгорьях Атласа и в изобилии обеспеченный водой, он контролировал ущелье Таза — проход между горами Риф и Атлас, ведущий из Ифрикии в Магриб или современный Марокко.

Таким образом, все три конкурирующих курайшитских клана в тот момент владели независимыми государствами. В Магрибе правил Идрис ибн Абдаллах из рода Али с титулом имама (первоначально это слово обозначало лишь главу религиозного собрания во время молитвы, но теперь шииты придали ему мистический смысл). В Андалусе как независимый монарх правил Абд ар-Рахман ибн Муавия,

¹ Карта 35, с. 365.

Омейяд, с титулом эмира, а Аббасиды в Багдаде по-прежнему владели основной частью империи, нося звание Повелителей правоверных.

* * *

Как ни любил халиф Махди рабынь, существовала одна женщина, которая имела на него особое влияние. Ее звали Хайзуран, и сначала она была одной из его наложниц. Именно она стала матерью новых халифов Хади и Харуна. Так велико было ее влияние на Махди, что придворные, военачальники и чиновники обыкновенно старались заручиться ее благосклонностью, надеясь, что она замолвит за них словечко халифу.

Когда Хади сменил отца, Хайзуран продолжала принимать у себя влиятельных людей и вмешиваться в государственные дела, чтобы обеспечить продвижение своим протеже, или дать совет — или, быть может, приказ — своему сыну. В конце концов молодой халиф восстал против материнской власти, и между матерью и сыном произошла гневная сцена. Хади запретил чиновникам и офицерам навещать свою мать, а Хайзуран поклялась, что никогда больше не заговорит со своим первенцем. Одновременно у халифа Хади возникли трения и с братом Харуном.

Напомним, что Махди приказал народу присягнуть Хади как официальному наследнику и Харуну, как преемнику Хади. Теперь последний вознамерился исключить Харуна из наследования и получить клятвы на верность своему собственному сыну Джафару. И снова это можно было сделать только в том случае, если бы Харун добровольно отрекся, тем самым освободив от клятвы тех, кто присягнул ему как наследнику Хади. После своей ссоры с Хади Хайзуран поддержала Харуна. Яхья ибн Бармак, или Бармакид, тоже активно вербовал сторонников своему господину, Харуну, пока Хади не посадил его в тюрьму. В этих трудных обстоятельствах Харун, видимо, вел себя довольно тихо. Отказываясь отречься от своего права наследования, он проявлял

сдержанность в отношении Хади, обещая заботиться о его сыновьях, женить их на собственных дочерях и обращаться с ними как с родными детьми.

В такой обстановке у Хади неожиданно начались боли в животе, и через четыре дня он умер. По некоторым рассказам можно заключить, что он страдал язвой желудка, но ввиду семейных трений невозможно было избежать слухов о том, что его отравила мать. Тем не менее во время его последней болезни она была у его постели, и, когда он умирал, она держала его за руку. Он пробыл халифом всего год и два месяца и умер в возрасте двадцати шести лет. Смерть его наступила 15 сентября 786 г.

По внешности Хади был высоким, светловолосым и красивым. Его красота давала ему некоторую популярность, но, похоже, он был распушенным и расточительным, хотя, вероятно, привлекательным и даже исполненным благих намерений. Он всецело находился под каблуком у своей матери Хайзуран, пока наконец не взбунтовался, за чем последовала темпераментная семейная сцена.

Интересно отметить, что за год правления Хади паломнический маршрут через Аравию из Багдада в Мекку стал небезопасным из-за разбоя кочевых арабских племен. В течение ста пятидесяти лет после смерти Пророка они были поборниками религии и оплотом империи. Теперь растущее влияние неарабских чиновников снова поставило их в оппозицию по отношению к правительству, и в этом положении им предстояло оставаться почти до наших дней. После свержения Омейядов Аббасидами тридцать пять лет назад язык историков стал заметно меняться. Если раньше они постоянно восхваляли свободных арабов пустыни, то теперь в их трудах начали появляться упоминания о глупых, невежественных кочевниках, и это говорилось в тех же самых словах, которые мы слышим сегодня от представителей правящих классов в Багдаде, Дамаске и Каире.

В последний год жизни Махди византийское правительство отказалось следовать унижительному соглашению, заклю-

ченному три года назад между Харуном ар-Рашидом и императрицей Ириной. Политические перемены были связаны с тем, что сын Ирины Константин VI достиг совершеннолетия и отобрал власть у своей матери. В правление Хади на границе возобновились бессистемные военные действия.

И Бог дал им награду в здешней жизни, и великую награду в будущей: Бог любит делающих добро.

Коран, 3, 141

Я родился на Тигре уж много рассветов назад,
Там, где храмов золотая резьба украшает Багдад,
Там, где зелень садов за высокие стены манит.
В этот век золотой правил добрый Гарун Альрашид.
На одежде золотой его выткан из ромбов узор,
И лучится улыбкой глубокий и радостный взор.
В этот век золотой он один, будто солнце, царит,
И я вижу его — это добрый Гарун Альрашид.
Теннисон, Воспоминания об Арабских ночах
Власть портит, а абсолютная власть портит абсолютно.
Великие люди почти всегда плохие люди.

Лорд Актон

Глава XV

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Важные даты

Восшествие на трон Харуна ар-Рашида	— 15 сентября 786 г.
Закрепление Идриса ибн Абдаллаха в Магрибе	— 788 г.
Смерть Идриса I от яда	— 792 г.
Ибрахим ибн ал-Аглаб становится наместником Ифрикии	— 800 г.
Падение Бармакидов	— 803 г.
Кампании Харуна против Никифора	— 805 г.
Смерть Харуна ар-Рашида	— 23 марта 809 г.

Персоналии

Халиф Харун ар-Рашид.

Его сыновья:

Амин.

Мамун.

Мутамин.

Яхья ибн Халид Бармакид.

Его сыновья:

Джафар.

Фадл.

Муса.

Идрис ибн Абдаллах, правитель Магриба.

Идрис II, его сын.

Ибрахим ибн ал-Аглаб, наместник Ифрикии.

Аббаса, сестра Харуна.

Византийские императоры:

Лев IV — 775–780 гг.

Ирина, вдова Льва IV, регентша при своем сыне — 780–785 гг.

Константин VI, сын Льва IV и Ирины — 780–797 гг.

(с 780 по 785 гг. Константин был несовершеннолетним,
а его мать Ирина являлась его опекуной)

Ирина, как полновластная императрица, — 797–802 гг.

после ослепления своего сына Константина VI
Никифор I — 802–811 гг.

Пятнадцатого сентября 786 г. Харун ар-Рашид был объявлен халифом, став наследником своего брата Хади. Когда он принял халифат, ему было двадцать два, и ему предстояло править двадцать три года и стать одним из самых знаменитых властителей всех времен. Хади, как мы видели, попытался лишить Харуна наследства, передав его права своему сыну Джафару, и заставил какое-то количество людей присягнуть последнему. Но Джафар был еще ребенком, и всякая неприязнь к Харуну улетучилась в первые же двадцать четыре часа.

Хади бросил Яхью Бармакида в тюрьму за его интриги в защиту Харуна как наследника халифата. Новый халиф первым делом послал в темницу и освободил своего друга и бывшего наставника, сделав его верховным министром. «Я возложил на твои плечи ответственность за моих подданных, — якобы сказал молодой Харун своему визирю, — правь ими так, как считаешь лучшим, назначай и смещай, кого хочешь. Вот мое кольцо с печатью, которое я доверяю тебе».

Мать халифа Хайзуран радовалась возвышению своего любимого сына и исчезновению упрямого Хади и возобновила свои постоянные вмешательства в государственные дела. Но Яхья Бармакид, видимо, хорошо изучил ее характер и, принимая ее приказания с раболепным почтением, сотрудничал с ней в обмен на ее поддержку. Возможно, большим облегчением для всех стало то, что вскоре властная наложница умерла.

Те, кто находился в опале у прежнего правительства, получили помилование, воинам были пожалованы щедрые дары, и новое правление, по всей видимости, началось с самыми добрыми предзнаменованиями. Раздача денег войскам, чтобы заручиться их верностью, была насущной необходимостью, что очень напоминает времена последних римских императоров. Этот факт вновь говорит о том, что большинство

воинов было наемниками, в основном тюрками или персами, которые сражались не за Бога и свою страну, а за деньги. Мы знаем, что из-за нехватки средств Карлу Великому пришлось оплачивать свою армию землями вместо денег (феодалная система). При великих Аббасидах мы наблюдаем обратный процесс. Благодаря безмерным богатствам халифы создавали армии, которые боролись исключительно ради денег, а не из соображений религии или патриотизма.

Летом 791 г. Харуну ар-Рашиду удалось назначить официальным наследником своего сына Амина, хотя тому было всего пять лет. Этот эпизод еще раз свидетельствует о постепенно увеличивающемся отрыве от арабской и даже мусульманской традиции. Арабы, даже до ислама, всегда решительно отрицали принцип первородства. Титул вождя арабского племени переходил к самому способному члену правящей семьи, не обязательно к старшему сыну предыдущего вождя, и никогда к ребенку.

После возникновения ислама сформировалась теория, по которой халифом мог стать самый способный член племени курайш и мусульманской общины. Если народ просили присягнуть пятилетнему ребенку, понятно, что концепция наиболее достойного гражданина страдала. Более того, в начале исламского периода халиф избирался правоверными для руководства мирскими делами мусульманской общины. Это была, скорее ответственность, чем привилегия. Тот факт, что Харун назвал наследником своего малолетнего сына, больше напоминал о том полумистическом духе, который окружал восточную монархию, чем о простом прозаическом управителе раннего мусульманского государства. В Хорасане Амину присягнули лишь после неоднократной раздачи денежных подарков армии.

* * *

Вспомним, что в 788 г. некий Идрис¹ ибн Абдаллах, потомок Али ибн Аби Талиба, бежал из Мекки и достиг Маг-

¹ Генеалогическое древо, с. 346.

риба, где встал во главе независимого государства и основал новую столицу Фез. Аббасидским халифам, чьи интересы были связаны в основном с востоком, направить из Багдада экспедиционный корпус в Магриб было не по силам. Но мириться с дальнейшим существованием независимого мусульманского государства под властью Алидов означало оказаться в опасности. Усилившись, оно могло бы завоевать Ифрикию и Египет и побудить к восстаниям многих шиитов Аравии и Персии. Покорить берберов было невозможно, но избавиться от Идриса — это был вполне осуществимый политический ход.

С этой целью в Магриб был отправлен некий Шамах, вольноотпущенник покойного халифа Махди. Там он выдал себя за врача и добился расположения Идриса. Завоевав доверие своей будущей жертвы, он стал рекомендовать имаму лекарства от недомоганий и постоянно сопровождал его в инспекционных поездках по всем его владениям. Однажды вечером в 792 г. Идрис послал за доктором и пожаловался на зубную боль. Шамах дал ему зубной пасты, смешанной со смертельным ядом, и велел употребить ее на рассвете следующего дня. Затем, покинув своего покровителя, он оседал быстроногую кобылу, которую держал готовой именно для такого случая, и всю ночь скакал галопом на восток.

На заре несчастный Идрис наложил пасту на зубы, время от времени повторяя эту процедуру в надежде получить облегчение от зубной боли. Через несколько часов он почувствовал себя плохо и умер еще до полудня. Смерть имама и внезапное исчезновение врача вызвали подозрения, и конный отряд пустился в погоню. Однако Шамах, хотя воины Идриса чуть не нагнали его в бешеной скачке, прибыл в Кайраван целым и невредимым. В итоге он получил от Харуна ар-Рашида награду, а также должность главы департамента почты и разведки в Египте.

Идрис умер бездетным, но Кеза, одна из его берберских наложниц, ждала ребенка. Через два месяца она родила сына, которого в честь отца называли Идрисом. Он был окружен нежной заботой и почитанием, хотя растили его простые

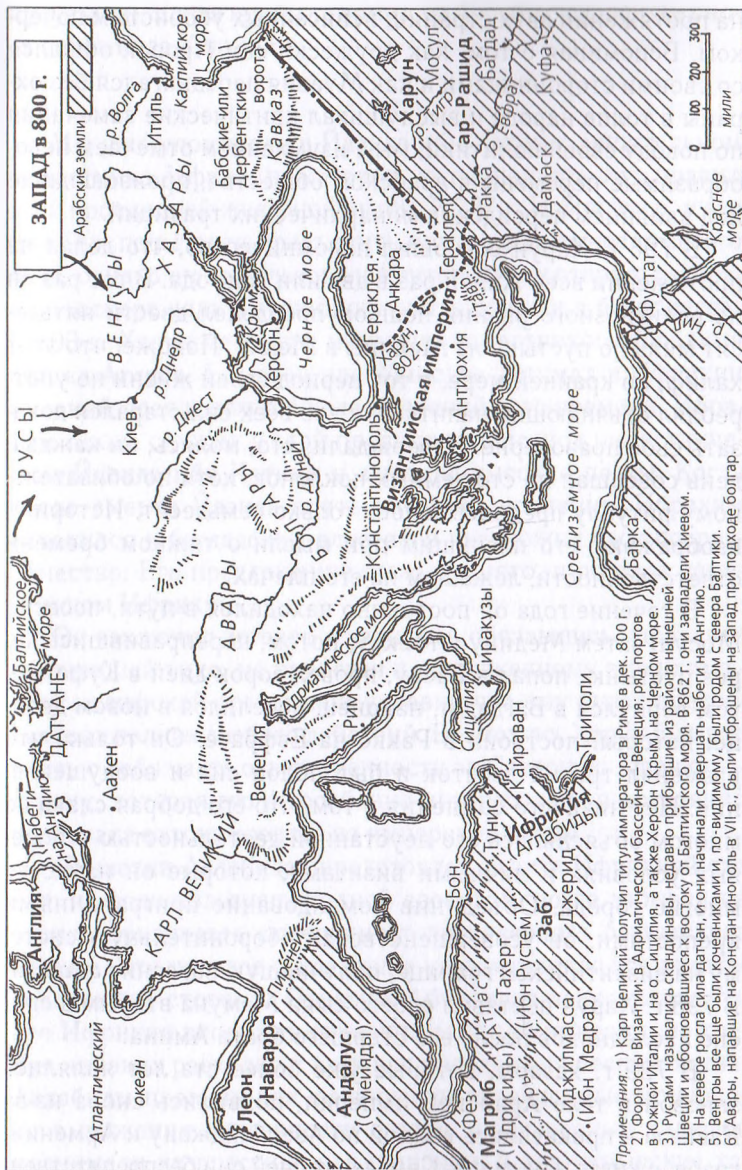
берберские кочевники, верившие, что на нем почило благословение, или барака, передаваемое от отца к сыну в роду мученика Али ибн Аби Талиба и его жены Фатимы. В возрасте одиннадцати лет Идрис II был торжественно признан наследником монаршей власти своего отца.

* * *

В 796 г. произошло восстание в Дамаске. Халиф послал Джафара, сына Яхьи Бармакида, восстановить там порядок, и тот, по-видимому, выполнил эту задачу с обычной деловитостью. Теперь семейство Бармакидов составляло едва ли не самую влиятельную властную группировку. Яхья ибн Халид ибн Бармак по-прежнему был верховным министром, а его сыновья либо управляли провинциями, либо, подобно Джафару в Дамаске, направлялись Харуном ар-Рашидом в любую часть империи, где возникал кризис. Теперь уже халифату служило третье поколение рода Бармак:

- Халид ибн Бармак, помогавший Абу Муслиму во время революции;
- Яхья, наставник и секретарь молодого Харуна;
- Джафар, Фадл, Муса.

Табари рассказывает о возвращении Джафара после выполнения своего поручения в Дамаске. «Он получил аудиенцию у Харуна ар-Рашида, — пишет он, — и, войдя в комнату, пал ниц и поцеловал его руки и ноги. Затем, встав перед ним, он воздал хвалу Богу, который позволил ему снова лицезреть своего господина и милостиво дал поцеловать его руки, и наградил его благословением снова быть рядом со своим господином. „Если бы расставание с тобой продлилось еще дольше, о Повелитель правоверных, — сказал он, — я бы, наверное, заболел от желания быть рядом с тобой и от боли, причиняемой мне разлукой“» — и так далее

- Примечания: 1) Карл Великий получил титул императора в Риме в дек. 800 г.
 2) Форпосты Византии: в Адриатическом бассейне — Венеция, ряд портов в Южной Италии и на о. Сицилия, а также Херсон (Крым) на Черном море.
 3) Русами назывались скандинавы, недавно прибывшие из района нынешней Швеции и обосновавшиеся к востоку от Балтийского моря. В 862 г. они завладели Киевом.
 4) На севере росла сила датчан, и они начали совершать набеги на Англию.
 5) Венгры все еще были кочевниками и, по-видимому, были родом с севера Балтики.
 6) Авары, напавшие на Константинополь в VII в., были отброшены на запад при подходе болгар.

на протяжении двух страниц, исписанных убогим почерком. Вспоминая о том, как дружески сам Пророк общался со своими сторонниками и как Муавия передвигался без охраны в толпе народа и выслушивал критические замечания по поводу своей политики, мы с изумлением отмечаем невообразимые перемены в арабском обществе, произошедшие под влиянием персидских монархических традиций.

В 796 г. Харун совершил паломничество, что делал на протяжении всей жизни раз в два или три года. В тот раз он из религиозного рвения пешком преодолел двести пятьдесят миль по пустыне из Медины в Мекку. Похоже, что этот халиф, по крайней мере, в тот период своей жизни не употреблял опьяняющих напитков, а изо всех сил старался доказать свое правоверие. Утверждали, что, молясь, он каждый день совершал по сто земных поклонов, хотя по обязательному ритуалу предписывалось только семьдесят. Историки изображают его плачущим при мысли о тяжком бремени ответственности, лежащем на его плечах.

В течение года он постоянно находился в пути, посетил Мосул, затем Медину и Мекку, потом, переправившись через пустыню, попал в Басру, провел сорок дней в Куфе, потом вернулся в Багдад и, наконец, поселился в новом дворце, который построил в Ракке на Евфрате. Он только что разменял третий десяток и был полон сил и воодушевления. Нет никакого сомнения в том, что его добрая слава во многом объяснялась его неустанной деятельностью в полевых условиях и личными визитами, которые он нанес во многие города. Объединив командование приграничными крепостями, он усовершенствовал оборонительную систему на византийской границе, получившую название *авасим*. В 798 г. Харун поставил своего сына Мамуна вторым в списке наследников после его старшего брата Амина.

В 799 г. хазары, которые уже более ста лет являлись занозой в теле Арабской империи, появились снова из-за Кавказа и прокатились волной по Азербайджану и Армении, грабя, сжигая и насилая. Семьдесят дней они беспрепятственно разоряли страну, угнав в рабство огромное количество

мусульман. Когда прибыла армия на борьбу с ними, они снова исчезли за Кавказом.

* * *

Мы уже упоминали о Йазиде ибн Хатиме, решительном наместнике Ифрикии, который четырнадцать лет правил этой провинцией железной рукой. В 787 г. Йазид умер, и его сын Рух попытался предъявить права на должность своего отца, однако он не пользовался авторитетом старого ветерана, и вскоре дела в провинции опять пришли в беспорядок. В 800 г. Харун ар-Рашид назначил наместником Ибрахима ибн ал-Аглаба. Его отец при Мансуре занимал в Ифрикии высокий пост и погиб в ходе волнений того времени. Ибрахим также служил в этой провинции в период наместничества Йазиди ибн Хатима и занимал высокие посты. Когда после смерти Йазиди опять начались волнения, Ибрахим обратился к багдадским властям и предложил свое посредничество. Его предложение было принято, и он стал наместником Ифрикии.

Он заключил договор с халифом, обязавшись управлять провинцией тихо, не прибегая к вооруженному вмешательству халифской армии, при условии что ему будет предоставлена полная свобода действий. Возможно, Харун был рад снять с себя часть ответственности за Северную Африку — страну, которая его не особенно интересовала и постоянно требовала оттока средств из имперской казны.

Династии Аглабидов предстояло править Ифрикией сто лет, на деле пользуясь полной свободой, но не забывая на словах признавать сюзеренитет правоверного багдадского халифа. Это простое соглашение удовлетворяло все заинтересованные стороны. Престиж Аббасидов подкрепляло то, что Ифрикия входила в список провинций империи, не требуя никаких расходов и не давая поводов для беспокойства. Аглабиды правили как фактически независимые монархи, но выражения преданности в адрес правоверных халифов поднимали их престиж, как, впрочем, и периодические халифские подарки или пособия из имперской казны.

Тем не менее тот факт, что Харун принимал подобный *modus vivendi*, был еще одним свидетельством перемены в столичных настроениях. Как далеко мы ушли от тех времен, когда Окба ибн Нафи въехал на коне в воды Атлантического океана, объявляя о своей готовности идти вперед, до края земли, поражая народы, которые откажутся признать единого Бога, или когда Муса ибн Нусайр вынашивал мысль покорить Францию и Италию и вернуться в Дамаск через Византию. Арабская империя стала традиционной, расслабленной и культурной. Ею больше не правили неграмотные простодушные энтузиасты. Музыка, искусство, история, философия, литература и чувственная роскошь превратили грубых завоевателей в утонченных и культурных аристократов.

Границы государства Аглабидов было трудно определить, так как арабы всегда взирали на свои владения с точки зрения народов, а не территорий¹. В целом они, видимо, правили прибрежным населением, состоявшим из правоверных мусульман (суннитов) и включавшим потомков арабских завоевателей, вкрапленных в смесь разных народов. На востоке в союзе с Аглабидами состоял город Триполи, хотя окрестные берберские племена пользовались независимостью и исповедовали учение хариджитов. На юге примерная граница между владениями Аглабидов и племенами шла по рекам Джирид и Заб, а на средиземноморском побережье власть Аглабидов заходила чуть дальше Бона, от пятидесяти до ста миль в глубь территории современного Алжира. Берберы Атласа оставались ярыми хариджитами и не утратили независимости, а потому питали вражду к правоверным Аглабидам, совсем как шотландские горцы, некогда бывшие якобитами и католиками, в то время как равнина принадлежала Свободным протестантским церквям Шотландии и Ганноверской династии.

Начало IX в. знаменовалось повышенной религиозной активностью мусульман, которая не обошла стороной и

¹ Карта 37, с. 393.

Ифрикию. Однако теперь этот энтузиазм принял форму аскетизма, с одной стороны, и богословских дискуссий — с другой. Несмотря на политические распри разных мусульманских государств, студенты из Кордовы и Кайравана стекались в Мекку, Медину, Багдад и Басру, чтобы сидеть у ног самых известных теологов и грамматистов этого века, ознаменовавшегося подъемом интеллектуальной активности. Говорят, что в Кайраване основной темой разговоров между молодыми людьми были запутанные богословские проблемы. Правда, хариджиты Атласа оставались вне прямого влияния правоверных мыслителей, но, как мы уже видели, и у них религиозное рвение и аскетизм часто доходили до высшей точки накала.

Одним из самых примечательных институтов, который вскоре возник в Северной Африке, стал рибат. Лучше всего его можно описать как мусульманский монастырь, куда могут удалиться благочестивые, чтобы, освободившись от мирских соблазнов, сосредоточиться на молитве и созерцании. Мы уже упоминали о том, как Средиземное море — в прошлом главная римская магистраль — превратилось в поле битвы между исламом и христианством. Рибаты стали не только домами молитвы и поста, но еще и крепостями, гарнизоны которых состояли из преданных мусульманских воинов, что не слишком отличало их от военизированных монашеских орденов христианского мира¹. «Мы в Северной Африке, — сказал мне образованный мусульманин из Туниса, — всегда были более преданы своей вере, чем жители Сирии, Ирака и Аравии. Их окружали другие мусульмане, а мы тысячу лет стояли на передовой линии ислама в борьбе с христианством».

Однако вопреки этому непрекращающемуся состоянию священной войны, во дни Аглабидов в Ифрикии все еще оставалось много христиан, осколков римского и византийского

¹ Однако монахи давали свои обеты на всю жизнь, тогда как мусульмане могли провести какое-то время в рибате, а затем покинуть его.

общества. Они, похоже, не подвергались гонениям, хотя выигрыш в социальном престиже как следствие перехода в ислам представлял для них большой соблазн. Вероятно, показательно то, что в конечном счете в Ифрикии не осталось коренных христиан, хотя в Палестине, Иордании, Ливане, Сирии и Ираке до настоящего времени существуют значительные христианские общины. Богатое и образованное сословие в городах Северной Африки составляли евреи.

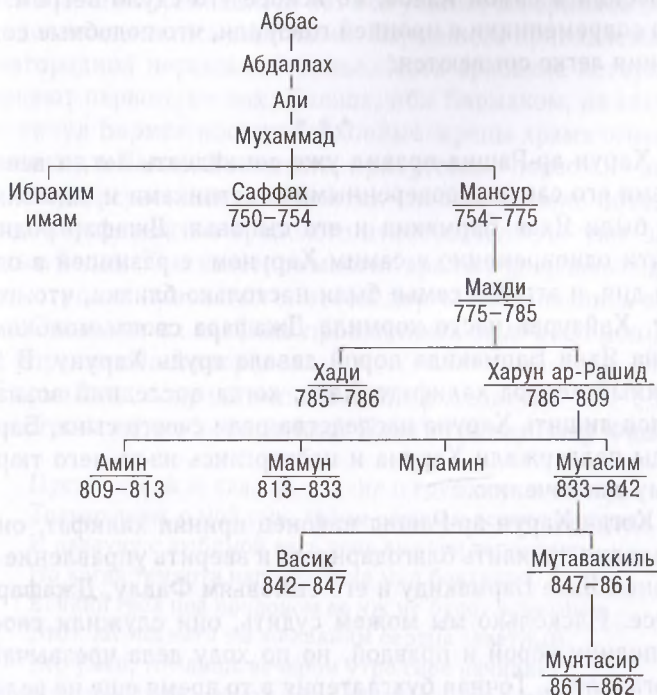
* * *

В 802 г. Харун приказал присягать своему третьему сыну, дав ему титул Мутамин. Старший сын Амин стал наместником Сирии и Ирака, второй, Мамун, Персии, а третьему, Мутамину, был поручен контроль над Джазирой и византийской границей. Эти назначения были чисто номинальными, поскольку все три мальчика оставались в Багдаде. Вероятно, Харуна можно винить за то, что он не позволил своим сыновьям играть более активную роль в государственных делах, а в результате, когда он умер, им все еще недоставало опыта, и они подпали под влияние своих министров.

Современники, вероятно, могли почувствовать, что назначение трех сыновей халифа официальными наследниками, хотя теоретически они следовали один за другим, и раздел империи между ними как наместниками, ставит государство под угрозу гражданской войны. Эта опасность становилась еще более острой благодаря растущей тенденции рассматривать империю, как достояние семьи, а не мусульманской общины, управляемой халифом как первым гражданином государства. К сожалению, два старших сына халифа, Амин и Мамун, уже успели стать серьезными соперниками. Харун беспокоился о будущем империи после своей смерти и часто советовался на эту тему со своими наперсниками.

В 802 г. он отправился в паломничество в Мекку в сопровождении Амина и Мамуна. Там, в священном здании Каабы, после долгих и сложных переговоров между двумя

Генеалогическое древо аббасидских халифов

Примечание: Имена халифов подчеркнуты.

братьями было подписано соглашение. Наследуя халифат, Амин обязывался оставить Мамуна наместником всей Персии к востоку от Хамадана и никоим образом не вмешиваться в его дела. Равным образом ни Амин, ни Мамун не должны были мешать Мутамину исполнять его обязанности наместника Джазиры. На самом деле ясно, что подобное соглашение разделяло империю на три независимых княжества. На голову того, кто нарушит условия этого договора, призывалось множество проклятий, а чтобы засвидетельствовать соглашение и затем передать его подробности всем паломникам, были приглашены первые придворные,

управляющие, военачальники и кади. Дубликат документа повесили в самой Каабе, но вскоре его сдуло ветром, так что современники с иронией говорили, что подобные соглашения легко срываются.

* * *

Харун ар-Рашид правил уже семнадцать лет, и все это время его самыми доверенными советниками и чиновниками были Яхья Бармакид и его сыновья. Джафар родился почти одновременно с самим Харуном, с разницей в один-два дня, и эти две семьи были настолько близки, что, говорят, Хайзуран часто кормила Джафара своим молоком, а жена Яхьи Бармакида порой давала грудь Харуну. В тревожный период халифата Хади, когда последний вознамерился лишить Харуна наследства ради своего сына, Бармакиды поддержали Харуна и подверглись из-за него тюремному заключению.

Когда Харун ар-Рашид наконец принял халифат, он не замедлил проявить благодарность и вернуть управление империей Яхье Бармакиду и его сыновьям Фадлу, Джафару и Мусе. Насколько мы можем судить, они служили своему господину верой и правдой, но по ходу дела чрезвычайно обогатились. Точная бухгалтерия в то время еще не велась, и считалось естественным, чтобы чиновники, контролирующие доходы государства, богатели, чем Бармакиды и занимались. Их богатство было колоссальным, а дворцы по величолепию не уступали халифским; им принадлежало огромное количество рабов и вольноотпущенников. Обладая в течение многих лет почти неограниченной властью, они обросли множеством верных им людей, и их щедрость и гостеприимство производили огромное впечатление. «Щедрый как Джафар Бармакид» — это сравнение вошло в поговорку.

Безусловно, невозможно править империей, не наживая врагов, и Бармакиды не были исключением. Естественно, многие придворные завидовали этой династии внутри династии. Они всегда готовы были помочь жалобщикам или же сами то и дело вворачивали словцо с целью настроить Харуна

против его фаворитов или пробудить в нем зависть. Тем не менее в течение семнадцати лет все усилия соперников Бармакидов оказывались тщетными. Бармакиды принадлежали к благородной персидской семье. Хотя арабские историки называют первого из них, Халида, ибн Бармаком, на самом деле титул Бармак носили верховные жрецы храма огнепоклонников в Балхе. Возможно, присутствие персов на высших государственных должностях способствовало объединению персидского и арабского этносов, которое уже шло полным ходом. Тем не менее многие арабы в дворцовых кругах выступали против того, чтобы персы пользовались властью. Одним из их главных противников был Фадл ибн Рабия, управляющий дворца.

Бармакиды покровительствовали литературе. Вот с какими строками якобы обратился Яхья к своему сыну Фадлу:

Пусть погоня за славой, что сил и трудов не жалеет,
Только днем, о мой сын, твоим сердцем всецело владеет.
И разлуку с любимой весь день выноси терпеливо.
Но когда темнота наползает на мир боязливо,
Всякий грех под покровом ее уж не будет заметным,
Этот час посвяти ты желаниям сердца заветным.
Кто умен, тот лишь вечером утро свое начинает,
А глупец свои радости всем напоказ выставляет¹.

— несомненно, эти взгляды разделялись как халифом, так и его министрами.

Отличительной чертой вечерних пиршеств Харуна было обилие юмора, веселья, поэзии и музыки. Джафар Бармакид был одним из тех близких друзей, с которыми он проводил свои ночные пирушки. Он также очень любил свою незамужнюю сестру Аббасу и часто призывал ее к себе. Однако в соответствии с условностями того времени Аббаса не могла появляться в присутствии Джафара без покрывала, так что Харуну приходилось ограничиваться обществом либо одного, либо другого из них.

¹ Nicholson. *Literary history of the Arabs*.

Чтобы преодолеть это затруднение, он предложил Джафару жениться на Аббасе, что позволило бы ей появляться без покрывала, не вызывая скандала, но предусмотрительно оговорился, что этот брак должен быть лишь формальностью с единственной целью дать им обоим возможность присутствовать на его музыкальных вечерах. Никаких других близких отношений с сестрой халифа Джафару не дозволялось. Джафар поклялся соблюдать эти условия, а затем совершили брачную церемонию. С этого момента Харун, Джафар и Аббаса могли вместе наслаждаться музыкой по вечерам.

Согласно Масуди, сама Аббаса убедила Джафара нарушить свою клятву халифу. Как бы то ни было, в один прекрасный день Аббаса поняла, что беременна. Охваченная паникой, она получила разрешение совершить паломничество в Мекку и родила там мальчика, которого тайно поручила своей кормилице, жившей в священном городе. Аббаса вернулась в Багдад, и все пошло как прежде, пока однажды она не рассердилась на свою служанку. Обиженная девушка раскрыла всю эту постыдную историю Харуну. Когда последний отправился в паломничество, во время которого повесил в Каабе договор между своими сыновьями, он приказал разузнать о ребенке Аббасы. Под пытками кормилица не выдержала и подтвердила рассказ служанки. Харун пришел в ярость и вернулся в Багдад, пылая мщением.

По прибытии в столицу халиф послал Масрура, одного из своих доверенных слуг, с отрядом воинов арестовать своего бывшего товарища и служителя. Незадачливый Джафар выпивал с несколькими друзьями, когда Масрур вызвал его из дома и проводил под охраной во дворец, где заковал в цепи и доложил об этом Харуну. «Принеси мне его голову», — коротко приказал халиф. Масрур вернулся к несчастному Джафару и передал ему приказ халифа. «Попробуй выиграть время», — умолял Масрура недавно всесильный министр. — «Он может передумать или, может, он пьян и будет жалеть о своем приказе, когда протрезвится». Масрур пошел обратно к своему хозяину, который, однако, просто повторил свой приказ. Через несколько минут Масрур

вернулся с окровавленной головой главного слуги халифа. Джафару было тридцать семь, когда он встретил свою смерть.

Не ложась спать, халиф приказал арестовать Яхью ибн Халида, отца Джафара, Фадла, его брата, и всех остальных членов его семьи, включая слуг, рабов, вольноотпущенников и писцов, и конфисковать все их имущество. На следующий день после казни голова Джафара была вывешена на мосту через Тигр. Затем его тело разрубили пополам и одну половину прибили к столбу верхнего, а вторую — к столбу нижнего моста. История не говорит ничего ни о судьбе, ни о чувствах Аббасы. Однако вполне возможно, что Харун начал тяготиться Бармакидами еще до этой истории. Яхья, отец Джафара, имел ключи от халифского гарема и держал женщин в строгой дисциплине, на что они не раз жаловались Харуну. Полагают даже, что Бармакиды так крепко держали в своих руках финансовые дела, что временами самому халифу не хватало наличности и приходилось просить Джафара или Яхью дать немного денег.

Яхья Бармакид и два его сына правили империей семнадцать лет, в течение которых их богатство и власть были так велики, что только сверхчеловек не утратил бы осмотрительности. Например, Джафар потратил двадцать миллионов дирхемов из государственной казны, чтобы построить себе дворец. Кроме того, соперники обвиняли эту семью в симпатиях к шиитам, и это обвинение, по-видимому, получило подкрепление, когда без ведома Харуна ар-Рашида Джафар приказал выпустить из тюрьмы алидского бунтовщика Яхью ибн Абдаллаха.

Выдуман этот скандал с участием сестры халифа или нет, но несомненным кажется то, что за последние четыре или пять лет до финального падения Бармакидов Харун все больше начал уставать от них. Эта семья создала обширную систему патронажа, и многие люди, для которых щедрость Бармакидов служила источником прибыли, оплакивали их крах. Горевал о них даже беспутный придворный поэт Абу Нувас:

С тех пор как земля поглотила вас, о сыновья Бармака,
Пустуют дороги предутренней мглы, дороги вечернего мрака,
И в сердце моем одна пустота, о сыновья Бармака.

* * *

Мы уже видели, как при жизни своего отца Махди Харун ар-Рашид дошел до Босфора во главе большой армии и диктовал условия мира и дани императрице Ирине, которая на тот момент действовала как опекунша при своем маленьком сыне Константине VI.

Византийскую империю в это время снова раздирали религиозные противоречия. Предметом спора стало почитание икон. Иконоборцы настаивали на уничтожении священных изображений, а их защитники, с такой же горячностью, — на их сохранении. Как это всегда бывало в Византии, религиозный раскол привел к политическим распрям. Великий император Константин V, прозванный Копроном («чье-имя-навоз»), правивший с 741 по 775 г., был яростным противником икон. Его сын Лев IV правил всего пять лет, с 775 по 780 г., в котором умер, оставив после себя вдову Ирину и маленького сына Константина VI. Ирина была страстной защитницей икон, и во время ее регентского правления образа, снятые в царствование Константина V, были возвращены на место. Она была регентшей с 780 до 785 г. и именно тогда согласилась платить дань халифу.

Однако в 785 г. Константин VI достиг совершеннолетия, принял в свои руки власть и разорвал договор о выплате дани. Это был последний год правления Махди, после чего последовало короткое правление Хади, который, как мы видели, был занят в первую очередь попытками обойти Харуна в пользу своих сыновей. На границе происходили редкие стычки.

Однако в 789 г. императрице Ирине наскучило правление сына, и она организовала переворот, в ходе которого его свергли. Ему выкололи глаза, а бессердечная мать начала править сама под титулом Августы. Вслед за этим она возобновила прежний договор с Харуном ар-Рашидом, а иконопочитание снова стало одним из догматов православия.

Судьба императрицы Ирины необычна во многих отношениях. Другим женщинам тоже случалось править империями, но всегда от имени какого-то императора или в качестве его регента. Ирина стала первой женщиной, которая с 797 до 802 г. правила как полновластная императрица. Тот факт, что она приказала ослепить собственного сына, чтобы самой взять в руки власть, достаточно говорит о ее характере. Самым большим препятствием, с каким приходилось в те времена сталкиваться женщине, находящейся у власти, была невозможность лично вести в бой войска. Ирина добилась мира, платя дань не только халифу на своей восточной границе, но еще и болгарам на севере.

В 802 г. после пяти лет правления императрица Ирина сама была свергнута в ходе новой революции, и в пурпур облачился аристократ, принявший титул Никифора I. Вполне возможно, что раболепие перед халифом стало одним из главных обвинений против императрицы Ирины. Поэтому на плечи нового императора легла обязанность изменить ее политику. В 804 г. Никифор¹ направил к халифу посланника с письмом следующего содержания:

«От Никифора, царя ромеев, Харуну, царю арабов.

Царица, предшествовавшая мне на троне, видела в тебе ладью², а в себе пешку. Она отдавала тебе свое богатство, хотя в действительности ты должен был бы заплатить ей вдвое больше, если бы не женская слабость и глупость. Поэтому, прочитав мое письмо, ты должен вернуть то, что несправедливо добыл от нее, или же нас рассудит меч».

Когда халиф прочел это послание, его лицо исказилось от гнева. Приказав подать ему калам и чернила, он перевернул письмо Никифора и собственной рукой написал на обороте:

¹ Имеется любопытное предание о том, что Никифор был потомком Джебелы ибн ал-Айхама, князя Гассана, араба, эмигрировавшего в Византию.

² Сравнение почерпнуто из игры в шахматы. В оригинале используется слово «тура», но я перевел его как «ладья», поскольку сегодня это название той же самой фигуры используется чаще.

«Во имя Бога, Милостивого, Милосердного — от Харуна, Повелителя правоверных, Никифору, римской собаке. Я прочел твое письмо, сын язычницы. Ты увидишь, а не услышишь мой ответ».

В тот же день армия получила приказ о сборе, и сам халиф встал во главе своих войск. Их численность, по некоторым сведениям, составляла 135 000 человек, не считая добровольцев и лагерных прислужников, которые не включались в поименный список. Хлынув через границу, арабы огнем и мечом прошли по всей Малой Азии и, наконец, достигли Гераклеи на берегу Черного моря¹, всего в ста пятидесяти милях от Византии. Совершенно неготовый к столь яростной реакции на свой хвастливый вызов, Никифор был вынужден умолять об унижительном мире на условиях продолжения выплаты ежегодной дани. Харун ар-Рашид вернулся из этого похода, чтобы наслаждаться миром и спокойствием в своем дворце в Ракке, ставшем его основной резиденцией.

Уход арабов и наступление зимы, когда перевалы Тавра засыпал снег, придали Никифору смелости расторгнуть новое соглашение через несколько недель после его подписания, но он снова недооценил своего врага. Харун еще раз немедленно собрал армию, перешел через Тавр, невзирая на снег и лед, и снова прошел по Малой Азии.

Византийская армия была полностью разбита, и вся страна от Черного до Средиземного моря оказалась без защиты от огня и меча, грабежа, пленения и рабства. И опять дрожащий от страха Никифор был вынужден молить о мире. В последовавшем договоре в качестве дополнительного унижения императору предписывалось, чтобы на монетах, которыми он будет выплачивать дань халифу, были выбиты имена Харуна и трех его сыновей. Вдобавок ему следовало вернуть всех мусульманских пленников, находившихся в византийских руках. Пока эти события разворачивались на

¹ См. карту 37, с. 393. Гераклей было две. Одна находилась на Черном море, а вторая на западных склонах гор Тавра.

суше, на Кипре высадилась другая армия, доставленная морской эскадрой¹. Частью добычи стали шестнадцать тысяч христианских пленников, которые впоследствии были проданы на рынках Сирии.

Ввиду того что неспособность командовать войсками стала основной причиной падения Ирины, поистине досадно, что Никифор, в отличие от большинства тех, кому доводилось узурпировать трон Цезаря, не был солдатом. До того, как стать императором, он был гражданским чиновником и министром финансов. В течение девяти лет своего правления он жестко контролировал работу административных департаментов. По слухам, он был склонен к коварству и вероломству².

Однако именно недостаток у него полководческих навыков обернулся для него гибелью. Понеся два унижительных поражения от Харуна ар-Рашида, он затеял войну против болгар, которым Ирина также платила дань. В мае 811 г., после череды успехов и неудач, он выступил с большой армией и захватил неприятельскую столицу Плиску. Но на обратном пути его армия попала в засаду в горном ущелье. Двадцать шестого июля 811 г. византийская армия была уничтожена, а сам Никифор убит. Отныне болгарские короли стали использовать его череп, оправленный в серебро, в качестве пиршественной чаши.

Вероятно, показательны то, что, хотя Харун и достиг столь подавляющего военного превосходства над византийцами, он даже не попытался взять Константинополь, присоединить Малую Азию или принять какие-либо меры для установления долгосрочного арабского господства. В результате через шестьдесят лет византийцы сумели перехватить инициативу и отомстить.

¹ В первый раз Кипр был захвачен арабами в правление халифа Османа в 649 г., но во время гражданских войн снова был потерян. Возвращенный Харуном в 802 г., он оставался арабским до 963 г.

² J. B. Bury. *History of the Eastern Roman Empire*.

* * *

Согласно франкским летописям, Харун обменялся посольствами с императором Карлом Великим, который получил прекрасные подарки от «Царя Персии Аарона», включая водяные часы и слона¹. Однако арабские историки не упоминают об этом эпизоде.

* * *

Должно быть, марш аббасидской армии в военное время представлял собой внушительное зрелище. Авангард состоял из легкой конницы, одетой в кольчуги, со стальными шлемами на головах и копьями в руках. Арабское копье было гибким, до двадцати футов длиной, и украшалось страусовыми перьями. В середине колонны двигалась пехота, вооруженная пиками, мечами и щитами, и стрелки со своими длинными луками. В центре конвоя брели тысячи верблюдов, нагруженных провизией, шатрами, оружием и снаряжением. Для больных и раненых предусматривались полевые госпитали и своеобразные носилки. Осадный обоз, состоявший из баллист, катапульт и другого инженерного оборудования, перевозился на верблюдах, мулах и вьючных лошадях.

В гуще воинов ехал сам Повелитель правоверных на великолепном боевом коне, сверкающем жемчугами и золотом, в окружении своих родичей и старших офицеров армии. Великолепие этого зрелища умножали блестящие форменные одеяния личной гвардии из ярких тканей, покрытых золотой вышивкой. Над армией реял лес флагов и знамен, так же щедро расшитых золотой нитью. Позади халифской свиты ехали евнухи и вереница густо завешанных паланкинов, в которых путешествовали избранные дамы из семьи халифа.

Когда армия достигала места, выбранного для ночной стоянки, авангард уже копал рвы и выставлял лагерную оборону. За короткое время выгружались шатры, и за несколь-

¹ Hitti. *History of the Arabs*.

ко минут вырастал полотняный город с улицами, рынками и площадями. Повсюду зажигались лагерные костры, и скоро над ними уже кипели огромные котлы. После простой трапезы вокруг каждого костра собирались группы людей, которые коротали вечер с историями, стихами и песнями под аккомпанемент лютни или ребека, восточной виолы. Только после полуночи над огромным городом из полотна воцарялись тишина и спокойствие, пока громкие удары литавр не возвещали начало нового боевого дня¹.

* * *

Народное возмущение против Омейядов, благодаря которому Аббасиды пришли к власти, в значительной мере объяснялось большими налогами. Однако новая династия продолжала использовать те же методы. Недовольство вызывали не только сами суммы, взимаемые правительством, но еще и жадность и тиранические методы сборщиков налогов, которые не останавливались перед поркой и пыткой, чтобы отобрать у крестьян как можно больше денег. В частности, в Египте гнет сборщиков налогов переходил всякие границы, несмотря на периодически издаваемые разными халифами приказы, запрещающие применение насилия и пыток при сборе налогов.

* * *

Английскому читателю Харун ар-Рашид известен в основном со страниц «Тысячи и одной ночи», где он является взору, как правило, в образе радушного хозяина. Впечатление, оставляемое этой книгой, едва ли отдает должное столь великому, и к тому же на редкость деятельному человеку. В действительности, в последние годы своего правления он уже не жил в Багдаде и даже редко ночевал там.

Теперь его главной резиденцией была Ракка на Евфрате, на полпути между Ираком и Сирией. В 804 г. жители Багдада обратились к халифу с ходатайством, прося его жить

¹ Часть этого описания я почерпнул у Фон Кремера. *Op. cit.*

в своей столице. В ответе Харун изъяснил глубокую любовь к городу отцов и оправдал переезд войной с Византией и тем, что Ракка находилась поблизости от границы. Если бы не эти соображения, добавил он, он бы никогда не покинул возлюбленный им город Багдад. На самом деле он, возможно, по опыту узнал, что Багдад находится под чересчур сильным персидским влиянием и слишком удален от Средиземного моря и западных провинций. Ракка, как столица, находилась бы ближе к центру империи, чем Багдад, но, к несчастью, она была расположена в полупустынной местности, где не имелось условий, необходимых для жизни большого города.

В 807 г. в Хорасане снова начались волнения. Наместником провинции был Али ибн Муса ибн Махан, у которого, как и у Бармакидов, предками были аббасидские эмиссары в Хорасане, действовавшие здесь во времена Абу Муслима. Этот Али ибн Муса (опять же подобно Бармакидам) нажил огромное богатство благодаря халифской милости, но добился его с помощью угнетения и вымогательства. После десяти лет наместничества в Хорасане его состояние, по слухам, достигало восьмидесяти миллионов дирхемов. Тот факт, что тирания Али ибн Мусы получила печальную известность, говорит об определенной халатности со стороны халифа. В конце концов в Мавераннахре разразилось восстание, набиравшее силу, поэтому Харун решил лично побывать в этом районе.

Покинув Ракку, он в феврале 808 г. проехал через Багдад и отправился в Северную Персию. Есть сообщение, что он уже страдал от тяжелого недуга и носил бандаж из шелка, чтобы уменьшить боль в животе. Он знал, что у каждого из его трех сыновей есть шпионы в его окружении, чтобы следить за его здоровьем, «считая каждый его вдох», как он сам говорил. Уже стало очевидным, что сыновья только и ждут его смерти, чтобы схватиться в братоубийственной войне за халифат. При всем своем огромным авторитете и славе он, должно быть, скорбел и тревожился, думая о возможном начале гражданской войны после его смерти.

Он пересек Персию и в ноябре 808 г. достиг Джурджана на юго-восточном конце Каспийского моря. Оттуда, чувствуя себя все хуже и хуже, он отправился в Тус в Хорасане. Здесь его болезнь обострилась настолько, что он уже не мог вставать, но послал своего второго сына Мамуна, сопровождавшего отца и готовившегося занять пост наместника Хорасана, в столицу провинции Мерв, где отныне должна была находиться его штаб-квартира.

Двадцать третьего марта 809 г. Харун ар-Рашид, величайший из Аббасидов и выдающийся правитель своего времени, скончался в персидском саду в нескольких милях от Туса. Ему было сорок пять, и он пробыл у власти двадцать три года.

* * *

Правление Харуна часто называют высшей точкой славы, достигнутой Аббасидами, а возможно, даже Арабской империей за всю ее историю. Однако при Валиде ибн Абд ал-Малике из рода Омейядов, правившем веком раньше, с 705 по 715 г., империя была и обширнее, и агрессивнее в своей военной политике. Когда Харун пришел к власти, Испания уже была потеряна, а Магриб был утрачен в его правление. На деле, хотя на словах утверждалось обратное, откололась и Ифрикия, и граница имперских владений опять прошла через Барку в Киренаике. Явное отсутствие у Харуна интереса к Северной Африке особенно бросается в глаза в сравнении с теми колоссальными усилиями, которые он посвятил борьбе с Византийской империей.

После падения Омейядов военный престиж халифата сильно пошатнулся, и при ас-Саффахе и Мансуре инициатива находилась в руках византийцев. Харун полностью восстановил арабское военное господство. Восемь раз он по разным поводам вторгался на территорию Византийской империи во главе своих армий. Скорость и энергия, с какой он ответил на дерзкие вызовы Никифора, и его переход вместе с армией через покрытый снегом зимний Тавр свидетельствуют о силе его характера и могучих лидерских качествах.

Он вовсе не был пьяным прожигателем жизни из Багдада; его неустанная энергия постоянно держала его в движении. Он девять раз совершал паломничество в Мекку и Медину, проводя недели в утомительном путешествии на верблюде. Несколько раз он посещал Хорасан и персидские провинции.

Хвалебные строки, посвященные ему одним из современников, не кажутся преувеличением. Вот что он сказал о Харуне ар-Рашиде:

Кто захочет увидеть халифа своими глазами,

Пусть отправится тотчас в далекие земли на поиск

Иль лицом обратится к священной Медине и Мекке —

Там верхом на горячем коне он воюет

Иль качается в такт величавой походке верблюдов.

Тем не менее он не был просто грубым воином, которому лагерь роднее города. Прекрасно разбираясь как в религии, так и в литературе, он покровительствовал ученым и поэта́м. Во время своих посещений Мекки и Медины он искал общества аскетов и религиозных учителей и обсуждал с ними те затруднения религиозного порядка, с которыми иногда сталкивался. Говорят, он любил подолгу молиться и плакал, внимая благочестивой проповеди.

Его религиозные взгляды отличались крайней ортодоксальностью. Его правление стало эпохой интеллектуальной активности, особенно в области теологии и религиозного права. В прошлом арабы довольствовались простым восприятием ислама, не вдаваясь в излишние подробности. Но теперь, через два века после бегства Мухаммада из Мекки, мусульмане научились обсуждать сложные богословские проблемы. Множество ученых было занято составлением книг, собиранием преданий о Пророке, толкованием Корана, изучением грамматики арабского языка. В век Харуна жили два величайших мусульманских юриста, Абу Ханифа и Мухаммад аш-Шафи. Бухари, величайший из всех собирателей преданий о Мухаммаде, родился через год после смерти Харуна.

Очень часто зарождались и неортодоксальные религиозные теории, часть которых была отвергнута как ересь. При упоминании о таких ересьях халиф кричал от возмущения. Теперь невозможно оценить неподдельность его набожности и определить, не имело ли его благочестие привкуса политики.

Хотя в молодости он не пил, в зрелые годы он, несомненно, позволял себе употребление алкоголя, что возбраняется мусульманам. Тем не менее его вечерние развлечения не были простыми пьяными пирушками. Подобно европейцам XVIII в., арабы в тот период рассматривали беседу как искусство, и интеллектуальные разговоры о высоких материях были непременным атрибутом отдыха образованных классов. И поэзия, и музыка достигли больших высот. При дворе халифа жило много знаменитых поэтов, а Исхак ал-Мосули, как говорят, не знал себе равных в пении под аккомпанемент лютни.

Вероятно, самыми прославленными поэтами эпохи Харуна можно назвать Абу Нуваса и Абу-л-Атахийю. Первый был распутником, не раз попадавшим в тюрьму за пьянство и разврат.

Чаша! Налей и скажи без утайки, что это вино,
Пить не годится в тени, пей при солнечном свете!
Нищ каждый час, что мне трезвым прожить суждено,
Только напившись, богат я и хвастаю этим.
Имя любимой своей я при людях кричу целый день,
Что же хорошего в радостях, тайной покрытых?

Абу-л-Атахийя, напротив, был человеком серьезного и религиозного склада:

Рождайте сына для могилы,
Жилище стройте на паденье.
Все, все, что дорого и мило,
Обречено на истребление.
Кто нас вернет однажды снова
В ту глину, чье мы порождение?

О Смерть! Не скажет злого слова,
Но нет от смерти нам спасенья¹.

Следующие стихи приписываются самому Харуну:

Утром роса покрывает цветы, о дитя,
Чтобы посвататься к ним, и еще ветер с юга,
Ветер за стебли их держится крепко, дитя,
Точно он пьян и цепляется крепко за друга.
Да, словно заводи очи твои, о дитя,
Губы мои к этой влаге прохладной припали
В знойных горах, что в душе у меня, о дитя.
Да, и еще возле уст твоих пчелы летали,
Пчелы, что чуют твой мед, дорогое дитя².

Говорят, что у Харуна ар-Рашида была мысль выкопать канал, который соединил бы Средиземное море с Красным, примерно по той же самой линии, что и Суэцкий канал, построенный более тысячи лет спустя. Утверждают, что Яхья Бармакид отговорил его на том основании, что тогда византийский средиземноморский флот сможет войти в Красное море и угрожать Мекке. Если эта история правдива, то как государственный муж Бармакид, по крайней мере в этом случае, был на голову ниже своего господина. Действительно, в век, когда не существовало карт, избрать для канала ту же линию, которую начертил Де Лессепс в XIX в., — это ли не комплимент уму великого халифа.

* * *

Когда Харун унаследовал халифат, он, по-видимому, был чистосердечным и великодушным молодым человеком, к тому же, вероятно, искренне религиозным. Двадцать три года единоличной власти в окружении рабской лести, которая теперь стала обычаем двора, не могли не испортить его

¹ Nicholson. *Op. cit.*

² Перевод на английский Э. Повис Матерс в *An Antology of World Poetry*.

характера. Тем не менее он, похоже, никогда не был таким жестоким и вероломным, как ас-Саффах или Мансур.

У бедуинских племен Аравии в наши дни есть любопытная поговорка: «Лучший из моих сыновей — это тот, о котором ты слышал». Суть в том, что если человек сумел прославиться, то это само по себе предполагает в нем нечто замечательное. Если судить по этому критерию, то Харун ар-Рашид стоит на ступень выше всех остальных халифов. Из пятидесяти четырех халифов, правивших со времени Пророка до падения Арабской империи, только его имя сегодня знакомо западному читателю. В арабских странах даже самому неграмотному крестьянину или пастуху известны истории о Харуне ар-Рашиде и его жене Зубейде. Его ночные похождения в Багдаде, его славные походы на Византию, стихи Абу Нуваса, любовные приключения в дворцовом антураже, золото, серебро, драгоценности, дорогие ковры, прекрасные лошади — все это вошло в историю, легенды и романы, чтобы создать картину или, возможно, мечту о Золотом веке Города халифов.

* * *

Как только Харун ар-Рашид скончался, из Туса в Багдад, вверенный официально наследнику на время отсутствия его отца, был спешно отправлен гонец. Присягу на верность наследнику принесли находившиеся в столице члены семьи Аббасидов, их вольноотпущенники, слуги и офицеры, а также воины гарнизона, которые, согласно уже установившемуся обычаю, получили обильные подношения. Таким образом, столица империи без тени недовольства признала Повелителем правоверных Амина, сына Харун ар-Рашида. Его брат Мамун в то время все еще находился в Мерве, столице Хорасана.

О, кто даст голове моей воду и глазам моим — источник слез! Я плакал бы день и ночь о пораженных... народа моего. Берегитесь каждый своего друга и не доверяйте ни одному из своих братьев; ибо всякий брат ставит преклонение другому...

Иеремия, IX, 1 и 4

Не отдавай женщинам сил твоих, ни путей твоих губительницам царей. Не царям... не царям пить вино, и не князьям — сикеру, чтобы, напившись, они не забыли закона и не превратили суда всех угнетаемых.

Притчи, XXXI, 3–5

¹ Nicholas, Op. cit. p. 10.

² Durrant, in *Encyclopedia of Bible and Theology*, 2. *Public Ministry* 3. *An Anthology of World Poetry*.

Глава XVI

БРАТОУБИЙСТВЕННЫЕ ВОЙНЫ

Важные даты

Андалус.

- Вторжение Карла Великого в Испанию — 778 г.
Смерть Роланда в ущелье Ронсеваль.
Смерть эмира Испании Абд ар-Рахмана ибн Муавии — 778 г.
Смерть Хишама, сына Абд ар-Рахмана — 796 г.
Смерть Хакама, сына Хишама — 822 г.

Халифат.

- Восшествие на трон Амина — 809 г.
Гражданская война между Амином и Мамуном — 811 г.
Куфа, Мосул, Басра, Мекка и Медина встают — апрель 812 г.
на сторону Мамуна
Тахир Двурукий осаждает Багдад — сентябрь 812 г.
Падение Багдада — сентябрь 812 г.
Смерть Амина.
Многочисленные восстания шиитов — 815 г.
Восстание в Багдаде — 816 г.
Ибрахим ибн Махди провозглашен халифом.
Восстание Бабека в Азербайджане — 819 г.
Тахир Двурукий сделан наместником Хорасана — 821 г.
Смерть Тахира — его сын Талха наследует ему — 822 г.
Абдаллах, второй сын Тахира, наместник Египта — 825 г.

Персоналии

- Принц Абд ар-Рахман I.
Принц Хишам, сын Абд ар-Рахмана.
Принц Хакам, сын Хишама.
Карл Великий, император франков.

Халифат:

- Халиф Амин, сын Харуна ар-Рашида.
Халиф Мамун, сын Харуна ар-Рашида.
Тахир Двурукий, военачальник Мамуна.
Али ибн Муса, алидский претендент на халифат, шиитский имам.
Хасан ибн Сахел, визирь Мамуна.
Бабек, хуррамит, мятежник в Азербайджане.
Талха ибн Тахир, сын Тахира Двуругого.
Абдаллах ибн Тахир, сын Тахира Двуругого.

Пятьдесят лет минуло с тех пор, как мы в последний раз обращались к истории Андалуса, где в сентябре 755 г. на побережье высадился омейядский принц Абд ар-Рахман ибн Муавия. Напомним, что в 763 г. Абд ар-Рахман разбил Абу ибн Мугиса, которому аббасидский халиф Мансур поручил отвоевать Испанию для халифата.

Но хотя Абд ар-Рахман и взял верх над Аббасидами, он все равно еще не вполне уверенно сидел на своем новом троне. Как мы уже объясняли, в момент прибытия Абд ар-Рахмана власть в Андалусе находилась в руках кейситов, в результате чего йемениты с охотой примкнули к новому претенденту, однако поступили так в надежде сменить кейситов у руля. Не успел Абд ар-Рахман одержать победу и начать править от собственного имени, как йемениты восстали.

Хотя в молодости историки рисуют его как красивого, смелого и добродушного юношу, нескончаемые мятежи его новых подданных, похоже, ожесточили его характер и избавили его от всех терзаний совести, какие у него когда-либо имелись. Главе йеменитской группировки, некоему Абу Соббаху, он гарантировал неприкосновенность и пригласил в кордовский дворец на совет, где тот был предательски убит.

Берберы играли ведущую, если не основную роль в завоевании Испании, но когда дело дошло до дележа добычи, арабы завладели плодородными землями на юге, оставив своим берберским союзникам безводные плато Эстремадуры и Кастилии. Именно то обстоятельство было причиной неприязни со стороны берберов по отношению к своим арабским господам, но они были слишком прямолинейны и простодушны, в чем мы могли уже убедиться, рассматривая ситуацию в Ифрикии. Берберский школьный учитель объявил себя потомком Али ибн Аби Талиба и поднял массовое восстание среди своих собратьев в Эстремадуре и на нагорье

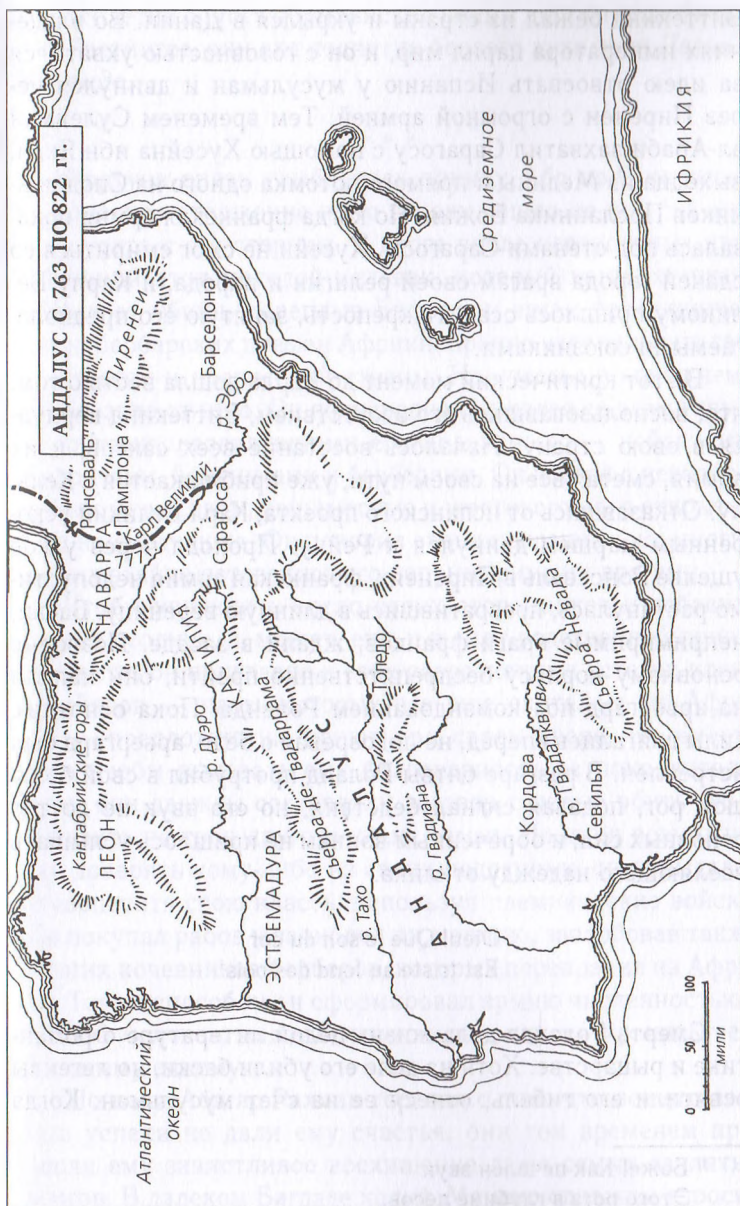
Тахо. Разрозненные стычки с берберами продолжались шесть лет, пока постепенно мятежники не были оттеснены к северу в горы Кастилии. Абд ар-Рахман уже собирался пуститься за ними в погоню, когда йемениты сочли момент подходящим, чтобы начать восстание в отместку за кровь своего вождя Абу Соббаха. Оставив свою кампанию против берберов, принц срочно вернулся в Кордову, чтобы схватиться с йеменитами. Будучи столь же искусным дипломатом, как и мужественным воином, он направил тайных эмиссаров, чтобы посеять раздор в рядах восставших. Когда он перешел в наступление, значительная часть мятежных войск перебежала на его сторону. Йемениты были разгромлены, потеряв, по некоторым рассказам, тридцать тысяч убитыми, что, несомненно, является преувеличением.

Берберское восстание на севере все еще тянулось, когда неожиданно над несчастным Абд ар-Рахманом нависла куда более серьезная опасность. Сулейман ал-Араби, наместник Барселоны и йеменит, вошел в заговор с ибн Хабибом, зятем Юсуфа ибн Фихри, который был наместником Испании в тот момент, когда на сцену вышел Абд ар-Рахман. Не рискуя встретиться с омейядским принцем на поле битвы, они задумали прибегнуть к посторонней помощи. В 777 г. заговорщики отправились в Падерборн, где император Карл Великий собрал на совет своих сановников, и предложили им вторгнуться в Андалус. Подобно тому как христианская Испания была отдана на откуп мусульманам из-за ненависти Юлиана к королю Родериху, так и теперь недовольные йемениты и фихриты были готовы возвратить страну христианам, лишь бы удовлетворить свою злобу по отношению к Абд ар-Рахману. (На троне в Багдаде в тот момент находился халиф Махди, отец Хади и Харуна ар-Рашида.)

Карл Великий только что разбил саксов, которые изъявили готовность принять христианство. Саксонский король

Карта 38

Андалус с 763 по 822 г.

Виттекинд бежал из страны и укрылся в Дании. Во владениях императора царил мир, и он с готовностью ухватился за идею отвоевать Испанию у мусульман и двинулся через Пиренеи с огромной армией. Тем временем Сулейман ал-Араби захватил Сарагосу с помощью Хусейна ибн Яхьи, выходца из Медины и прямого потомка одного из Сподвижников Посланника Божия. Но когда франкская армия показалась под стенами Сарагосы, Хусейн не смог смириться со сдачей города врагам своей религии и народа, и Карлу Великому пришлось осадить крепость, занятую его предполагаемыми союзниками.

В этот критический момент до Карла дошла весть о том, что, воспользовавшись его отсутствием, Виттекинд вернулся в свою страну. Началось восстание всех саксов, и их армия, сметая все на своем пути, уже приближается к Кельну. Отказавшись от испанского проекта, Карл Великий ускоренным маршем двинулся к Рейну. Проходя через узкое ущелье Ронсеваль в Пиренеях, франкская армия недопустимо растянулась, превратившись в длинную вереницу. Баски, непримиримые враги франков, ждали в засаде. Позволив основному корпусу беспрепятственно пройти, они напали на арьергард под командованием Роланда. Пока основные силы двигались вперед, не подозревая о беде, арьергард был истреблен. В разгаре битвы Роланд протрубил в свой большой рог, подавая сигнал бедствия, но его звук не достиг основных сил, и обреченным воинам не пришлось услышать вселяющего надежду отклика.

Dieu! Que le son du cor
Est triste au fond des bois¹

Смерть Роланда дала жизнь целой литературе о романтике и рыцарстве. Хотя на деле его убили баски, но легенды освятили его гибель, отнеся ее на счет мусульман. Когда

¹ Боже! Как печален звук
Этого рога в глубине лесов.

три столетия спустя норманнские воины шли на поле битвы при Гастингсе, они для поднятия боевого духа пели *Песнь о Роланде*.

* * *

Фортуна опять улыбнулась принцу Абд ар-Рахману, и это опасное вторжение в его страну сошло на нет без единого удара с его стороны. В итоге после невероятных приключений этот молодой человек, который когда-то чудом спасся от убийц, переплыв Евфрат, и затем бродяжничал среди берберских племен Африки, прочно укрепился на троне богатой и прекрасной страны. Но счастье по-прежнему ускользало от него. Он поочередно сражался со всеми группировками, разделявшими его подданных, — кейситами, фихритами, йеменитами и берберами. Он воевал с невообразимым мужеством, решимостью и жестокостью, в открытом бою и исподтишка. Он покорил своих подданных, но многие из них втайне оставались его непримиримыми врагами.

Чтобы увеличить число своих сторонников и добавить блеска столице, а, может, еще и в силу родственной привязанности, он пригласил к себе разрозненные остатки клана Омейядов — часть которых все еще скиталась по Африке, — предложив им приют при своем дворе. Но вместо того чтобы выказать ему благодарность за покровительство, они дважды составляли заговор с целью убить его и посадить на трон другого члена семьи. Не имея возможности доверять кому-либо из своих подданных, он попытался обезопасить свою власть, используя наемнические войска. Он покупал рабов и зачислял их в армию, завербовав также многих кочевников-берберов, которых переправил из Африки. Таким способом он сформировал армию численностью в 40 000 человек, каждый из которых клялся хранить верность ему одному.

Но пока Абд ар-Рахман горевал о том, что все его земные успехи не дали ему счастья, они тем временем принесли ему завистливое восхищение даже самых заклятых врагов. В далеком Багдаде халиф Мансур однажды спросил

своих придворных, кто, по их мнению, заслуживает титула «Сокол курайша». «Ты сам, о Повелитель правоверных», — ответили придворные льстецы. «Нет, это не я», — отвечал халиф. Некоторые называли Муавию, а другие Абд ал-Малика ибн Марвана. «Нет, — снова ответил Мансур. — Сокол племени курайш — это Абд ар-Рахман в Андалусе. Человек, у которого после одиноких скитаний по пустыням Азии и Африки хватило смелости без войска пытаться счастья в неизвестных ему заморских землях. Не имея иной опоры, кроме собственного ума и стойкости, он тем не менее унижил своих гордых врагов, уничтожил мятежников, защитил свои границы от христиан, основал великую империю и вновь собрал под своим скипетром царство, которое, казалось, уже распалось на части под властью мелких князьков. Ни один человек до него не совершал подобных подвигов».

Ибн Хаййян, арабский историк Андалуса, изображает Абд ар-Рахмана чуть иначе. «Абд ар-Рахман, — пишет он, — был добросердечным и склонным к милосердию. Он говорил красноречиво и обладал острым мышлением. Он очень медленно принимал решения, но выполнял их с постоянством и упорством. Он был деятельным и энергичным; он никогда не позволял себе отдыха и не предавался прихотям. Он был смелым воином и всегда первым в битве. В гневе он был ужасен, и лицо его вселяло трепет. Он посещал больных и разделял с народом его радости».

Абд ар-Рахман умер в 788 г., через два года после того, как в Багдаде халифат перешел в руки Харуна; его наследником стал его сын, тридцатилетний Хишам. Этот новый правитель по характеру очень сильно отличался от своего отца. Даже в молодости он находил самое большое удовольствие в обществе ученых. Придя к власти, он более всего заботился о том, чтобы содействовать интересам религии и справедливо поступать со всеми своими подданными. Сглядывая, разосланным им во все части его владений, поручалось не раскрывать заговоры, а выискивать случаи несправедливости, выявляя угнетателей народа и их злоупотребления. В Хишаме бедные и угнетенные всегда находили

своего друга и покровителя. Он сам по ночам часто покидал свой дворец, чтобы навестить больных или отнести пищу в дома достойных бедняков — эту традицию давным-давно ввел в Медине халиф Омар ибн ал-Хаттаб, второй преемник Пророка. Однако Хишам не был непрактичным ханжой. Он усилил мощь гвардии, состоявшей из воинов-рабов, и лично воевал с христианами на севере.

К несчастью для своей страны, он умер после коротких восьми лет правления, и в 796 г. ему унаследовал его сын Хакам. Мы уже упоминали о мощном религиозном и интеллектуальном подъеме этого периода, когда шла речь о правлении Ибрахима ибн ал-Аглаба, который в 800 г. стал правителем Ифрикии. Из Кордовы, как и из Кайравана, студенты толпами стекались в Медину, чтобы изучать религию под руководством великих учителей своего времени. Особенной известностью пользовалась школа религиозного права, основанная Маликом ибн Акасом, который умер в 795 г. Большинство студентов-теологов, отправлявшихся в Медину из Андалуса, были не арабами, а новообращенными испанцами. Как часто случается, их благочестие было более ревностным, чем у обративших их арабов.

Неарабские мусульмане из Андалуса носили в сердце те самые обиды, которые стали причиной аббасидской революции на Востоке. Хотя в теории все мусульмане равны, высокомерные арабы упорно обращались со своими неарабскими единоверцами, как с членами низшего социального класса. Но теперь сыновья этих испанских мусульман возвращались после обучения в Мекке более набожными, более ревностными и более образованными, чем их невежественные арабские господа. Во время благочестивого правления Хишама эти перемены не замечались, но молодой Хакам, который теперь взошел на трон, имел веселый и общительный нрав, любил охоту и пил вино. Правда, он не был откровенным безбожником, а, напротив, аккуратно исполнял свои обязанности. Он выказывал уважение к религиозным наставникам и вел дискуссии с богословами. Нам с вами удовольствия юного Хакама могут показаться невинными,

но под влиянием студентов-богословов, вернувшихся из Медины, страна переживала период аскетического и пуританского ренессанса. Для святош — последователей Малика ибн Акаса — Хакам скоро стал живым воплощением греха. Главой этих фундаменталистов был Яхья ибн Яхья, бербер, получивший образование в Медине.

Как мы уже указывали, идеалом мусульманского государства было не народное самоуправление, а следование Корану и Сунне. Правитель был исполнителем законов, начертанных самим Богом, а богословы считали себя наиболее сведущими в истолковании этих законов. В интерпретации теологов халиф, султан или эмир были не более чем чиновниками исполнительной власти, чья задача состояла в том, чтобы обеспечивать надлежащее соблюдение божественных установлений. Эта система давала религиозным деятелям повод вмешиваться в политику, и Яхья ибн Яхья не собирався упускать эту возможность. Обращенные в ислам берберы и испанцы уже давно осуждали нежелание арабов предоставить им социальное равенство. Поэтому столица, Кордова, постоянно пребывала в волнении, и африканские наемники правителя едва ли могли предотвратить революцию.

При вестготах столицей Испании был город Толедо, и, безусловно, его жители не одобряли переноса правительственной резиденции в Кордову. «Никогда, — пишет арабский историк, — ни одна монархия не имела столь непокорных и мятежных подданных». В 808 г. Хакам решил преподать им урок. Он отправил в Толедо сына, поручив тому на следующее утро после прибытия пригласить всех влиятельных людей на пир в замке. За ночь во дворе крепости был вырыт огромный ров. Наутро гостям приказали входить по одному. Одному за другим им отрубали головы, а тела сбрасывали в ров, пока не были казнены все влиятельные люди Толедо, которых было несколько сотен. Лишившись за считанные часы всех своих вождей, жители Толедо с этих пор отказались от любых попыток мятежа. Это событие запомнилось на века как «День рва».

Гостеприимство было и остается высшей добродетелью араба, в которой они превосходят все остальные народы. Одетые в лохмотья обитатели палаток посреди пустыни не только радушно встречали каждого прохожего, предлагая ему разделить с ними их скудную пищу, но готовы были рисковать жизнью, чтобы защитить гостя от опасности и даже неудобства. Нам кажется странным, что, хотя с тех пор, как арабы покинули свою пустынную родину, не прошло и двух столетий, они так предательски изменили самому понятию гостеприимства, которое для их предков было главным предметом гордости.

В мае 814 г., через шесть лет после «Дня рва» в Толедо, вспыхнуло восстание в столице страны, Кордове, и султан оказался в осаде в собственном замке, который, казалось, должен был неизбежно пасть при первом же штурме. Но если власть и сделала Хакама жестоким и вероломным, то она не лишила его мужества. С великолепным самообладанием он разработал план. Гарнизон был недостаточно многочисленным, чтобы отбросить нападавших, но у небольшого конного отряда хватило бы сил, чтобы прорваться. Этим войнам правитель приказал скакать галопом через толпу мятежников и поджечь пригороды. Ворота открылись, кавалерия прорубила себе путь через толпу, и вскоре дым уже поднимался к небу над жилыми кварталами города. Люди, атаковавшие замок, развернулись и поспешили вниз по улицам спасать из огня свои семьи и имущество. Тогда африканские наемники, выйдя из крепости, бросились за ними в погоню и безжалостно перебили бегущих.

Мятежники понесли сокрушительное поражение и получили повеление в три дня покинуть Андалус вместе с женами и семьями. Некоторые отправились морем в Египет и захватили Александрию, откуда были выдворены через одиннадцать лет, в 825 г. Тогда они завладели Критом, где основали собственное государство, просуществовавшее почти полтора века, пока в 961 г. остров не был отвоеван византийцами. Еще восемь тысяч семей кордовских изгнанников переправилось в Магриб, где их радушно встретил Идрис и

поселил в своем новом городе Фезе. Когда идет речь об изгнанниках из Кордовы, интересно отметить, что лишь немногие из них были берберами или арабами. По большей части они состояли из принявших ислам испанцев.

Хакам умер в 822 г. после двадцати шести лет правления Андалусом. В течение восьми последних лет его правления страна наслаждалась миром и благоденствием. Сам принц, когда беспорядки среди его подданных улеглись, стал милостивым и милосердным. В поэме, написанной незадолго до смерти, он заявил, что использовал меч, как портной иглу, чтобы сшить воедино провинции своего царства. «И если я не щадил жен и детей мятежников, то потому, что они угрожали моей семье и мне самому. У того, кто не в силах отомстить за оскорбления, нанесенные его семье, нет чести».

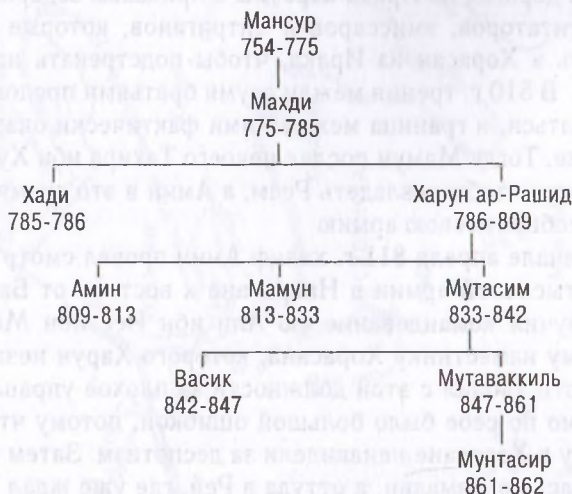
Арабы, постоянно стремящиеся к свободе и всегда готовые сопротивляться попыткам любой власти управлять ими, тем не менее искренне восхищались человеком, который, не гнушаясь никакими средствами, победил всех противников. Возможно, именно поэтому Хакам завоевал их уважение и провел последние годы своей жизни в мире и почете.

Доведя историю Андалуса до смерти Хакама в 822 г., мы должны вернуться в Багдад к Повелителю правоверных.

* * *

В марте 809 г., как только весть о смерти Харуна достигла Багдада, Амин и Мамун обменялись дружескими письмами, и какое-то время сохранялась надежда на то, что запутанное соглашение, подготовленное покойным халифом, и впрямь воплотится в жизнь. Но некоторые придворные в Багдаде, особенно первый министр, Фадл ибн Рабийя, стремились возможного прихода к власти Мамуна и поэтому предложили Амину назначить официальным наследником своего сына Мусу. Поначалу Амин склонялся к тому, чтобы выполнить желание своего покойного отца, но постепенно позволил себя убедить. Первым делом, вопреки завету Харуна ар-Рашида, он отстранил своего брата Мутамина от

Генеалогия халифов бану Бени Аббас после Мансура

управления Арменией и Джазирой. Затем он приказал включить имя своего сына Мусы в текст пятничной молитвы, сначала после трех братьев Амина, Мамуна и Мутамина, а затем в паре с его собственным именем. Напомним, что во время своей последней поездки в Мекку Харун распорядился повесить в Каабе документ, содержащий его завещание сыновьям. Теперь Амин послал туда гонца с приказом снять отцовское завещание и привезти его в Багдад, где оно было уничтожено. Затем он написал Мамуну, повелевая тому отослать в Багдад излишки дохода от Хорасана и извещая его о том, что он, Амин, назначил нескольких чиновников на должности в этой провинции. Разумеется, эти шаги противоречили соглашению Харуна, которое фактически делало Мамуна независимым от Багдада. Однако надо признать, что исполнить условия Харуна, вероятно, было невозможно.

Мамун встревожился и приготовился уступить, но его министр Фазил ибн Сахел убедил его не подчиняться. Поэтому

он ответил в вежливых выражениях, но не замедлил выставить на дорогах из Ирака караулы с приказом задерживать всех агитаторов, эмиссаров и интриганов, которые могут прибыть в Хорасан из Ирака, чтобы подстрекать народ к измене. В 810 г. трения между двумя братьями продолжали усиливаться, и граница между ними фактически оказалась на замке. Тогда Мамун послал некоего Тахира ибн Хусейна с войском, чтобы завладеть Реем, а Амин в это время тоже начал собирать свою армию.

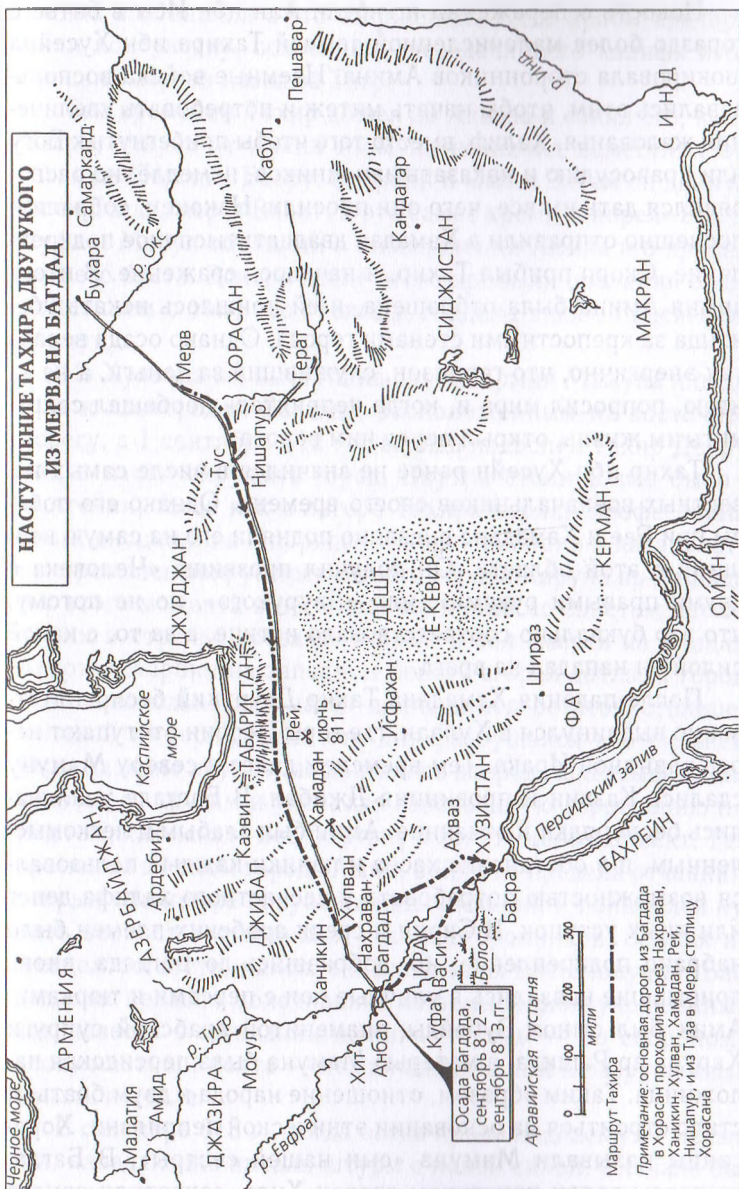
В начале апреля 811 г. халиф Амин провел смотр своей сорокатысячной армии в Нахраване к востоку от Багдада. Он поручил командование ею Али ибн Исе ибн Махану, бывшему наместнику Хорасана, которого Харун незадолго до смерти уволил с этой должности за плохое управление. Это само по себе было большой ошибкой, потому что Али ибн Ису в Хорасане ненавидели за деспотизм. Затем армия двинулась на Хамадан, а оттуда в Рей, где уже ждал Тахир ибн Хусейн с армией Мамуна.

Халифская армия намного превышала силы Мамуна. В июне 811 г. две армии встретились, но Али ибн Иса был убит еще в стычке перед основным боем, и после ожесточенной схватки войска Амина в беспорядке отступили. Когда голову Али принесли Тахиру, он немедленно освободил всех своих рабов «в благодарность Богу Всемогущему». Как только о победе доложили Мамуну в Мерве, его сторонники провозгласили его халифом. В проповеди при вступлении на трон он обещал править только в интересах религии и посвятить себя служению одному Богу. Эти благочестивые обещания вызвали огромный энтузиазм и во многом способствовали его победе. Тем не менее в итоге они оказались пагубными, поскольку, став халифом, он о них позабыл. Тем временем Амин в Багдаде, отправив армию в Персию, предавался легкомысленным наслаждениям.

Карта 39

Наступление Тахира Дзурукского из Мерва на Багдад.

Новость о поражении и гибели Али ибн Исы в битве с гораздо более малочисленной армией Тахира ибн Хусейна шокировала сторонников Амина. Наемные войска воспользовались этим, чтобы начать мятеж и потребовать увеличения жалованья. Халиф, вместо того чтобы прибегнуть к Богу или правосудию и наказать изменников, немедленно распорядился дать им все, чего они просили. Наконец, собрали и поспешно отправили в Хамадан двадцатитысячное подкрепление. Скоро прибыл Тахир, и началось сражение. В итоге армия Амина была отброшена, и ей пришлось искать убежища за крепостными стенами города. Однако осада велась так энергично, что гарнизон, служивший за деньги, а не за идею, попросил мира и, когда неприятель пообещал сохранить им жизнь, открыл перед ним ворота.

Тахир ибн Хусейн ранее не значился в числе самых известных военачальников своего времени. Однако его победы при Рее и Хамадане внезапно подняли его на самую вершину в этой области. Он получил прозвище «Человека с двумя правыми руками», или «Двурукого», но не потому, что это буквально соответствовало истине, а за то, с какой силой он нападал на врага.

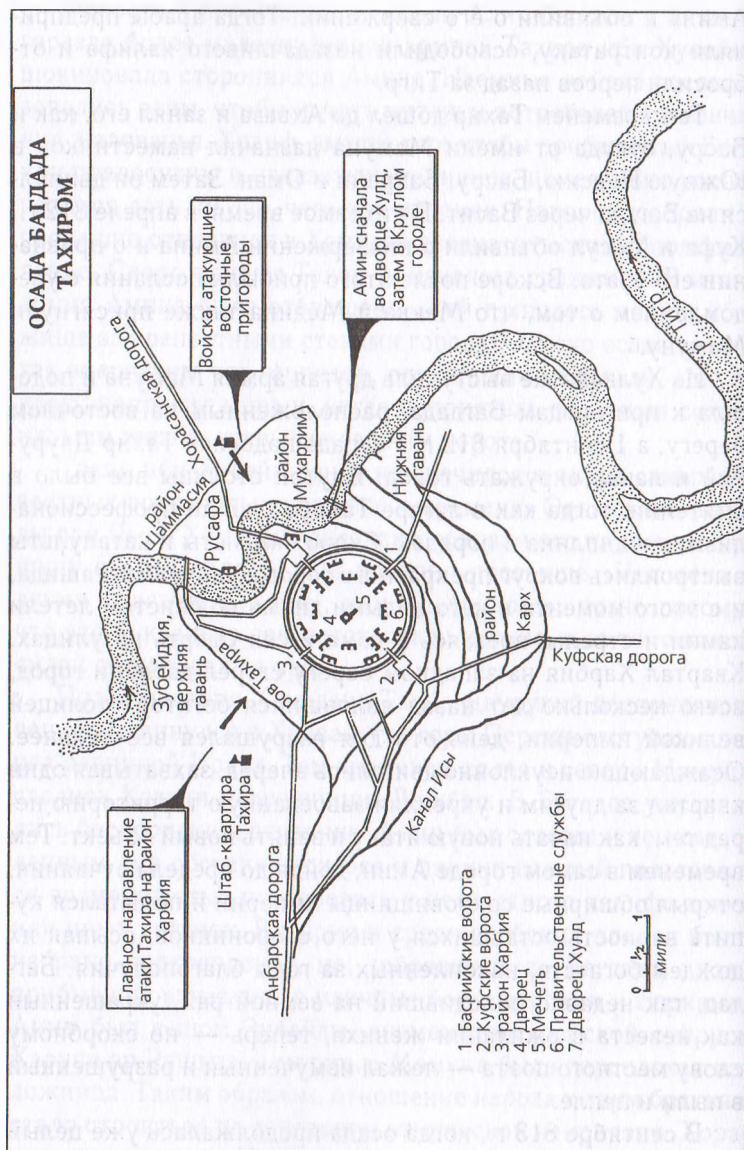
После падения Хамадана Тахир Двурукий беспрепятственно выдвинулся в Хулван, где горы Персии отступают перед равниной Ирака. Тем временем далее к северу Мамуну сдались Казвин и провинция Джибал. В Багдаде усиливались беспорядки и отчаяние. Амин был слабым и легкомысленным, и в обстановке хаоса и паники каждый пользовался возможностью потребовать у несчастного халифа денег или иных уступок. В Сирии и среди арабских племен было набрано подкрепление, но, добравшись до Багдада, вновь прибывшие ввязались в уличные бои с персами и тюрками. Амин был сыном Зубейды, знаменитой арабской супруги Харуна ар-Рашида, а матерью Мамуна была персидская наложница. Таким образом, отношение народа к двум братьям стало строиться на основании этнической неприязни. Хорасанцы называли Мамуна «сын нашей сестры». В Багдаде персы взяли приступом дворец Хулд, захватили самого

Амина и объявили о его свержении. Тогда арабы предприняли контратаку, освободили незадачливого халифа и отбросили персов назад за Тигр.

Тем временем Тахир дошел до Ахваза и занял его, как и Басру, откуда от имени Мамуна назначил наместников в Южную Персию, Басру, Бахрейн и Оман. Затем он двинулся на Багдад через Васит. В это самое время, в апреле 812 г., Куфа и Мосул объявили о низвержении Амина и о признании его брата. Вскоре после этого прибыли послания с уведомлением о том, что Мекка и Медина также присягнули Мамуну.

Из Хулвана же выступила другая армия Мамуна и подошла к пригородам Багдада, расположенным на восточном берегу, а 1 сентября 812 г. с запада подоспел Тахир Двурукый и начал окружать город. Внутри столицы все было в смятении, тогда как в лагере Тахира царили профессионализм, дисциплина и порядок. Скоро баллисты и катапульты выстроились вокруг прекрасного города Харуна ар-Рашида, и с этого момента в него целыми днями со свистом летели камни и стрелы, врезаясь в дома и сея смерть на улицах. Квартал Харбия на западном берегу сгорел дотла, и город, всего несколько лет назад являвшийся богатой столицей великой империи, день ото дня разрушался все сильнее. Осаждающие неуклонно двигались вперед, захватывая один квартал за другим и укрепляя завоеванную территорию перед тем, как начать новую атаку и занять новый объект. Тем временем в самом городе Амин, дойдя до предела отчаяния, открыл обширные сокровищницы империи и попытался купить верность оставшихся у него сторонников, осыпая их дождем богатств, накопленных за годы благополучия. Багдад, так недавно походивший на земной рай, украшенный как невеста в ожидании жениха, теперь — по скорбному слову местного поэта — лежал измученный и разрушенный в пыли и пепле.

В сентябре 813 г., когда осада продолжалась уже целый год, нападающие начали штурм с новой силой. Сначала были заняты кварталы на восточном берегу, затем пригород

Карх. Халиф Амин со своей матерью Зубейдой оставили дворец Хулд и укрылись в Круглом городе Мансура. Дядя Амина Ибрахим ибн Махди оставил рассказ о вечере, который он провел с халифом во время осады Круглого города. «Я получил письмо от Амина, — пишет этот старый человек, — он просил меня прийти к нему. Когда я пришел, он сказал мне: „Какой прекрасный вечер, Ибрахим. Посмотри, как красива луна, и ее отражение в водах реки. Останься и выпей со мной“. — „Как тебе угодно“, — ответил я, и он приказал принести вино, которое поставили между нами. Несчастный молодой человек послал за девушкой, чтобы она спела что-нибудь, но она не угодила ему, и он отослал ее обратно.

Затем мы вдруг услышали голоса вниз по реке, и он спросил: „Ты слышал что-нибудь, Ибрахим?“ — „Нет, ничего“, — ответил я, хотя слышал их. Через несколько минут шум донесся снова, он подпрыгнул на месте и бегом вернулся во дворец. Две ночи спустя он был убит».

Теперь, видя, что он покинут всеми, Амин решил ночью переправиться через реку на лодке и сдать командирю армии восточного берега. Этот военачальник был вольноотпущенником халифской семьи и, как надеялся Амин, мог безопасно препроводить его к Мамуну, чье великодушие, как он рассчитывал, должно было принести ему помилование и пожизненную пенсию. Но его собственные слуги открыли его план Тахиру, который устроил засаду на берегу реки. После стычки Амина схватили и притащили в один из домов в Кархе. Здесь он сидел, бывший властелин империи, которую потерял из-за собственной слабости и легкомыслия. «Что они сделают со мной? Не оставляй меня одного — не уходи — мне страшно», — то и дело повторял он своему единственному сотоварищу. Затем перед самым рассветом на узких улочках раздался топот копыт. Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась группа персов с обнаженными мечами

Карта 40

Осада Багдада Тахиром.

в руках. Амин вскочил на ноги. Схватив подушку, он яростно пытался отразить острия мечей, крича: «Мы принадлежим Богу и к нему возвращаемся»¹.

Через несколько секунд он лежал мертвый, покрытый ранами. Его голову быстро отрезали и послали Тахиру Двурукому, который переправил ее Мамуну в Хорасан. Тот же гонец доставил халифскую эмблему, мантию, перстень и скипетр, а также коврик, на котором Амин обычно молился. Обезглавленное тело халифа протащили по улицам на веревке². Это произошло 25 сентября 813 г.

Амину было всего двадцать семь, когда он погиб; он правил четыре года и восемь месяцев. Он славился своей красотой, поскольку был высокий, светловолосый и хорошо сложенный. Он был хорошо образован, красноречив, воспитан и писал добротные стихи, но обладал слабым легкомысленным характером и прислушивался к дурным советам своих министров, преследовавших только собственные интересы. С близкими друзьями он был любезен и нежен, но ему недоставало лидерских качеств. Вместо того чтобы обеспечить людям нравственную цель, за которую они будут сражаться, он думал только о том, чтобы купить поддержку за деньги. По совету своего министра Фадла ибн Рабийа он лишил Мамуна наследства и поставил на его место в списке наследников своего сына, хотя этот ребенок еще питался материнским молоком, так что багдадский плакальщик написал:

Министр — предатель, владыка — повеса,
А Фазил³ — всеильный глава государства.

¹ Обычное мусульманское выражение благочестия перед лицом гибели.

² Говорят, что в 1958 г. во время революции в Багдаде мертвое тело Амира Абд ал-Аллаха, наследника иракского трона, проводили по улицам точно таким же образом.

³ Любопытно, что и первый министр Амина, и первый министр Мамуна носили имя Фазил. Визиря Амина звали Фазил ибн Рабийа, он был арабом, и именно о нем идет речь в этом стихотворении. Визирем Мамуна был перс по имени Фазил ибн Сахел.

Но еще удивительнее и куда труднее стерпеть то,
Что теперь от нас ожидают присяги на верность
Младенцу, который еще в пеленках и не может вытереть себе
носа
И даже оставить подола своей няньки, чтобы самому одеться.

* * *

В Хорасане главным советником и министром оставался Фазил ибн Сахел. Не успела весть о смерти Амина дойти до Мерва, как брат Фазила, Хасан ибн Сахел, отправился, чтобы взять под контроль Ирак и Аравию. Тахиру Двурукому было приказано передать все дела Хасану и отступить в Ракку. Абу Муслим, который более, чем кто-либо другой, помог семье Аббасидов завладеть халифатом, погиб по приказу халифа Мансура. К Тахиру Двурукому, дававшему Мамуну возможность пробиться к верховной власти, уже стали относиться подозрительно. Для самовластного правителя присутствие человека, которому он обязан властью, не может не стать невыносимым. Тем не менее возвышение Фазила и Хасана, сыновей Сахела, на два высших поста вызвало огромное недовольство в Багдаде, особенно среди членов самой семьи Аббасидов.

В феврале 815 г. началась целая череда восстаний под предводительством различных потомков Али ибн Аби Талиба. Первое началось в Куфе в поддержку прапрапраправнука Али, за ним последовали подобные же вспышки в Мекке, Медине, Васите и Басре, и все эти города были захвачены разными группами бунтовщиков. Затем шииты завладели Йеменом. На следующий год Мамун приказал доставить к нему в Хорасан Али ибн Мусу ибн Джафара, старшего потомка мученика Хусейна, и встретил его с почестями. В Куфе, Басре, Мекке и Медине разграбляли имущество Аббасидов и их сторонников, сжигали их дома, а всякого, кого замечали в черной одежде, убивали. Вполне возможно, что здесь Алиды допустили тактическую ошибку, поскольку их обращение к народу могло строиться исключительно на религиозных ценностях. Проявив мстительность по отношению

к своим врагам, они поплатились своим единственным богатством. Свою роль в этих восстаниях, безусловно, играло и недовольство арабов тем, что Мамун был обязан своей победой персидской поддержке. На восстановление порядка потребовалось более года.

Тем временем Мамун, хотя теперь уже вся империя признавала его своим халифом, оставался в Мерве, а ненависть к его ставленнику в Ираке, Хасану ибн Сахелу, продолжала расти. Наконец, жители Багдада подняли мятеж, и Хасану пришлось бежать в Васит, притом что войска также бунтовали из-за задержек в выплате жалованья. Примечательно, что единственный человек, который, видимо, мог усмирить эту бурю, Тахир Двурукый, занимался незначительными делами в Ракке. В январе 817 г. жители столицы попытались провозгласить халифом Мансура ибн Махди, дядю Мамуна, заявляя, что не позволят зороастрийцу править ими. Этот оскорбительный эпитет (до ислама персы были зороастрийцами или огнепоклонниками) относился к вице-королю Хасану ибн Сахелу, который не только был персом, но к тому же лишь недавно принял ислам.

Однако Мансур ибн Махди отказался занять трон халифа, но согласился стать наместником Багдада и править от имени Мамуна. Таким образом, возникла забавная ситуация, когда в Ираке фактически шла гражданская война между Хасаном ибн Сахелом, вице-королем Мамуна, и Мансуром ибн Махди, дядей Мамуна, который также заявлял, что действует от его лица. Администрация тем временем находилась в параличе, собирать налоги было невозможно, и наемные войска то одной, то другой партии непрерывно грабили деревни нижнего Ирака. Условия в Багдаде стали невыносимыми. На улицах кишели разбойники и солдаты, не получающие жалованья, похищали женщин, грабили на дорогах и шантажировали горожан и землевладельцев, которым приходилось платить этим шайкам за неприкосновенность своего имущества.

В марте 816 г., когда положение в Ираке стало неподвластным контролю, вице-король Хасан ибн Сахел (который

по-прежнему жил в Васите, не имея возможности войти в Багдад) получил письмо от Мамуна, в котором сообщалось, что Повелитель правоверных назначил официальным наследником халифата Али ибн Мусу ибн Джафара ибн Мухаммада ибн Али ибн Хусейна ибн Али ибн Аби Талиба. Халиф приказал, чтобы повсюду народ присягал на верность Али ибн Мусе. Более того, он приказал прекратить использование одежды и флагов черного цвета (это был цвет Аббасидов) и повелел отныне всем верноподданным носить зеленое. На охваченных хаосом улицах Багдада этот неожиданный приказ произвел эффект разорвавшейся бомбы. Некоторые люди, как можно предположить шииты, охотно подчинились, некоторые с негодованием отказались предать интересы бану Аббас ради их заклятых врагов бану Али. Кто-то облачился в зеленое, другие категорически отказались снять свои черные одеяния. В итоге к концу июля 816 г. в Багдаде было решено назначить халифом Ибрахи́ма ибн Махди. (В последний раз мы слышали о нем, когда он пил вино с халифом Амином за две ночи до смерти последнего.) Однако некоторые хотели объявить Ибрахи́ма официальным наследником Мамуна, в то время как иные призывали немедленно свергнуть Мамуна из-за того, что он изменил арабам и клану Аббасидов. Другие проклинали непомерное влияние, оказываемое на молодого халифа его «зороастрийскими» советниками, Фазилом и Хасаном, сыновьями Сахела.

Мамун заявил, что выбрал Али — в обиходе его называли Али ар-Риза — как самую достойную личность в обоих кланах, бану Аббас и бану Али. Однако профессор Дури¹ полагает, что этот выбор стал плодом искусной интриги Фази́ла ибн Сахела. Багдад по своей сути был аббасидским городом и никогда не принял бы алидского правителя. Таким образом, если бы новый халиф происходил из клана бану Али, понадобилась бы новая столица, и тогда было бы нетрудно добиться избрания одного из городов Персии.

¹ *Al Asr al Abbasi al awwal.*

Тогда и впрямь Арабская империя окончательно превратилась бы в Персидскую.

Возможно, что, оказавшись в Хорасане, Мамун был вынужден уступать персам, которые стали относиться к Аббасидам с немалым раздражением. Недовольство, вызванное в Персии предательским убийством Абу Муслима и безжалостным истреблением Бармакидов, все еще не улеглось.

Трудно понять, почему Мамун после смерти Амина остался в Хорасане еще на четыре года, пока империю раздирала анархия. Единственным объяснением кажется то, что первый министр, Фазил ибн Сахел, держал молодого халифа в неведении. В конце концов, в начале 818 г. Али ар-Риза рассказал ему о том, что в Ираке идет гражданская война между его дядей Ибрахимом ибн Махди и вице-королем Хасаном ибн Сахелом, а Фазил ибн Сахел все это время скрывал от него истинное положение дел. Мамун немедленно приказал двору готовиться к переезду в Багдад. Вскоре после начала путешествия в феврале 818 г. четверо вооруженных людей напали на Фазила ибн Сахела, когда тот принимал ванну, и убили его, и мы не можем сказать, было об этом заранее известно халифу или нет. Убийц схватили и обезглавили, но перед казнью они во всеуслышание заявили, что приказ об убийстве исходил от самого Мамуна.

В октябре 818 г. Мамун добрался лишь только до Тусы, где посетил гробницу своего отца Харуна ар-Рашида. Здесь Али ар-Риза, алидский претендент, которого Мамун назначил своим официальным наследником, внезапно умер, поев винограда. Шииты утверждают, что Али ар-Риза был отравлен; место его гибели, Тус, они переименовали в Мешхед, место мученичества, и оно до сих пор привлекает паломников, которые, стоя у его могилы, призывают проклятия на Мамуна. Таким образом, Фазил ибн Сахел, визирь, и Али ибн Муса, алидский наследник, — два человека, более всего повинные в непопулярности Мамуна, — неожиданно «умерли». В 819 г. Мамун дошел до Хамадана. Узнав о его приближении, непостоянные воины и жители Багдада

решили свергнуть Ибрахима ибн Махди, которого два года назад провозгласили халифом. Имя Мамуна, Повелителя правоверных, стало снова упоминаться в пятничных молитвах в мечетях.

Восьмого сентября 819 г. халиф Мамун торжественно вступил в город. На нем и его слугах была зеленая одежда, все флаги и эмблемы были такого же цвета. На аудиенцию во дворец разрешалось являться только в зеленом. Однако до него дошло столько протестов от семьи Аббасидов и их сторонников, что через неделю он смягчился и сам появился в черном. Через несколько часов в Багдаде не осталось людей в зеленой одежде. Мы, наверное, можем сделать вывод о том, что Мамун вынашивал идею примирения с семьей Али, но впоследствии осознал всю глубину возмущения, которое в связи с этим чувствовали члены клана бану Аббас, и мудро решил уступить в вопросах цвета.

Как нам известно, шииты составляли политическую партию. Ее члены верили, что после смерти Пророка халифат должен был перейти к Али и его потомкам. Однако со временем потомков Али стало очень много, и сами шииты разделились на несколько сект, каждая из которых поддерживала притязания разных членов семьи или принимала какое-то догматическое положение, отвергаемое остальными. Утверждается, что порой насчитывалось не менее семидесяти разных шиитских сект.

Хотя Шиизм возникла из-за политического вопроса о законном наследовании Пророку, со временем эта партия превратилась в экзальтированное религиозное движение. Из-за того, что шииты неизменно терпели поражение, они стали придавать все большее значение своим тайным духовным учениям и постепенно отказались от надежды победить в борьбе за светскую власть.

Согласно выработанному ими учению, Мухаммад назначил Али и его потомков своими наследниками — «имамами». Каждый имам назначал своим преемником одного из своих сыновей. Шииты верили, что каждый имам получал от своего предшественника некую часть божественных свойств.

В какой-то степени законный имам в каждый момент своей жизни является воплощением божественного духа. Более того, в подобной трактовке имам неподвержен греху или ошибке, являясь непогрешимым и безупречным существом, обиталищем божественной сущности.

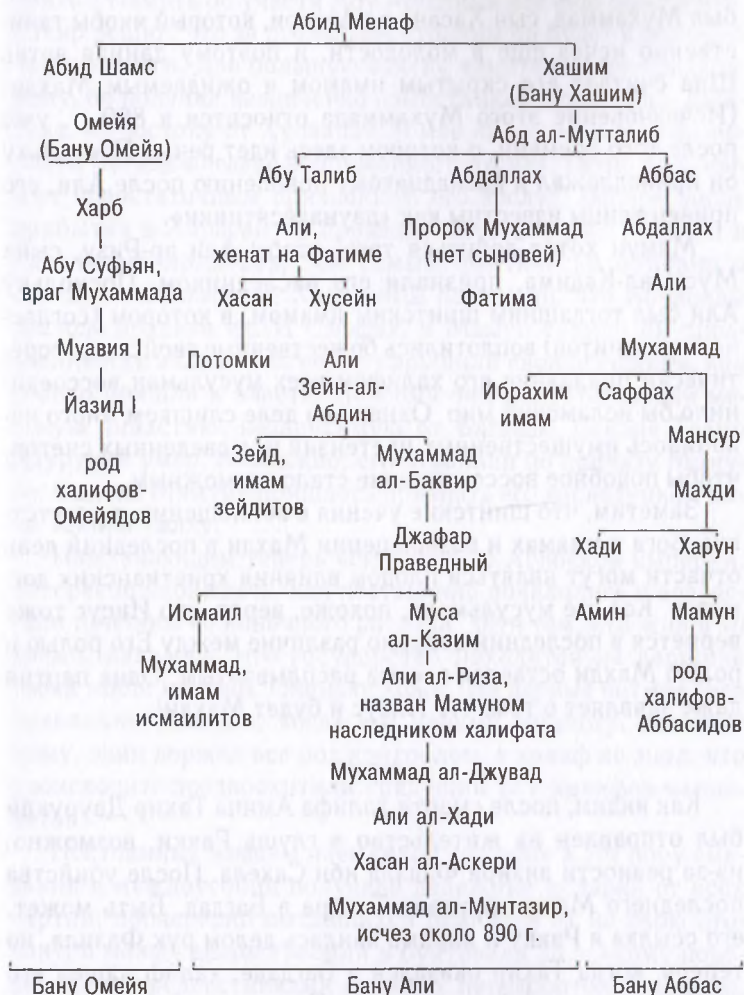
Заметим, что подобная концепция в самой своей основе противоречила ортодоксальному или суннитскому представлению о халифе. Последний всего лишь руководил мусульманской общиной в том, что касалось ее земных дел. В обязанности суннитского халифа входил надзор за подобающим соблюдением законов, восходящих к Корану и Сунне. Он управлял финансовыми делами мусульман и командовал ими во время войны. Никакими духовными полномочиями он не обладал. В отличие от него шиитский имам являлся эманацией самого Божества, обладая непогрешимым духовным авторитетом.

Различные секты Шиита признавали за род законных имамов разные ветви потомков Али. Однако, когда законный имам умирал, не оставив потомства, возникало новое затруднение, поскольку, согласно догме, божественная сущность переходила от имама к одному из его сыновей. Эта проблема породила учение о «скрытом имаме». Имам, умерший бездетным, считался по-прежнему живым, хотя и скрытым от человечества. Этот «скрытый имам» должен некогда вернуться в качестве Махди, чтобы основать по всей земле царство мира и справедливости. Это учение о возвращении Махди принимается и суннитами, но в мировоззрении шиитов оно играет куда более заметную роль.

Зейдиты верят, что скрытым имамом является убитый в Куфе Зейд, внук Хусейна¹. Исмаилиты утверждают, что имамат получил продолжение по линии Исмаила. Еще одни убеждены, что последним имамом был сын Исмаила Мухаммад и именно он вернется как Махди, и потому называются исмаилитами. Однако большинство шиитов отвергло потомство Исмаила и провело цепочку имамов через отпрысков

¹ См. с. 100.

Генеалогия шиитских имамов

Примечание 1. Восьмым имамом был Али ибн Муса, признанный Мамуном наследником халифата.

Примечание 2. Номера после имен означают преемственность шиитского имамата.

Примечание 3. Каждый шиитский имам носил титул, например, Праведный, Признанный, Щедрый и т. п.

его брата, Мусы ал-Кадима. Двенадцатым потомком Али был Мухаммад, сын Хасана ал-Аскери, который якобы таинственно исчез еще в молодости, и поэтому данная ветвь Шиита считает его скрытым имамом и ожидаемым Махди. (Исчезновение этого Мухаммада относится к 890 г., уже после того времени, о котором здесь идет речь.) Поскольку он принадлежал к двенадцатому поколению после Али, его приверженцы известны как «двунадесятники».

Мамун хотел добиться того, чтобы Али ар-Ризу, сына Мусы ал-Кадима, признали его наследником. Поскольку Али был тогдашним шиитским имамом, в котором (согласно вере шиитов) воплотились божественные свойства, теоретически признание его халифом всех мусульман воссоединило бы исламский мир. Однако на деле слишком много накопилось имущественных претензий и несведенных счетов, чтобы подобное воссоединение стало возможным.

Заметим, что шиитские учения о воплощении, присутствии Бога в имамах и возвращении Махди в последний день отчасти могут являться плодом влияния христианских догматов. Кое-где мусульмане, похоже, верят, что Иисус тоже вернется в последний день, но различие между Его ролью и ролью Махди остается весьма расплывчатым. Одна партия даже заявляет о том, что Иисус и будет Махди¹.

* * *

Как видим, после смерти халифа Амина Тахир Двурукый был отправлен на жительство в глушь Ракки, возможно, из-за ревности визиря Фадзла ибн Сахела. После убийства последнего Мамун призвал Тахира в Багдад. Быть может, его ссылка в Ракку и впрямь явилась делом рук Фазила, но теперь, когда Тахир оказался в Багдаде, халиф нашел его присутствие неудобным, так как Тахир приобрел слишком большое влияние. К тому же неловкость была обоюдной. Однажды Тахиру донесли, что Мамун плакал, вспоминая своего брата Амина (которого, как мы помним, Тахир приказал

¹ *Encyclopaedia of Islam.*

убить). Память об участии Абу Муслима все еще была жива. Тахир решил, что за пределами столицы он будет в большей безопасности. Дав большую взятку влиятельному придворному, он получил назначение наместником Хорасана и Джибала, «к востоку от Хулвана». В мае 821 г. он с помпой покинул Багдад во главе вооруженного отряда. Тахир был обижен недостаточным признанием его заслуг. Вскоре после прибытия в Хорасан он приказал опустить имя Мамуна в пятничных молитвах, тем самым фактически объявив о своей независимости. Хорасанцы понимали, что Аббасиды дважды предали их. И Саффах, и Мамун сулили им справедливость и благочестие, но нарушили свои обещания, как только пришли к власти. Поэтому они приветствовали местную династию, независимую от Багдада. Вскоре Тахир Двурукый умер. Возможно, его отравили по приказу Мамуна. Однако Мамуну пришлось признать его наследником сына Тахира Талху.

Нам, знающим теперь всю историю Арабской империи, интересно наблюдать, как постепенно появлялись и возрастали причины ее конечного распада, хотя тем, кто жил в то время, казалось, что государство находится на вершине своей мощи и славы. Очень похоже, что первые четыре года правления Мамуна, когда его первый министр, по-видимому, один держал все под контролем, а халиф не знал, что происходит, предвосхитили грядущий век халифов-марионеток.

Постоянные измены наемников, которые в эту пору смещения и междоусобиц получали денежные подарки от всех партий, поочередно пытавшихся привлечь их на свою сторону, а между делом грабили и бунтовали по всякому поводу, стали предвестниками военных переворотов будущего. Зерна всех этих бедствий были посеяны в ходе самой аббасидской революции. Сражаясь со своими сородичами из омейядского и алидского клана племени курайш, Аббасиды не доверяли арабским солдатам и завоевали халифат руками тюркских и персидских наемников под командованием арабских полководцев. Одержав победу, воины-триумфаторы

заняли высшие государственные посты, а арабские племенные вожди отправились в изгнание.

Западные историки, как правило, считают упадок арабской аристократии явлением положительным. Тем не менее радоваться притеснению этих невежественных военачальников означает забывать о том, что политические институты во многом являются вопросом равновесия. Упадок арабской аристократии освободил место для иностранных наемников, которым в скором будущем предстояло стать истинными правителями. Если бы арабам удалось остаться на политической арене, они, возможно, уравнивали бы неарабских воинов и тем самым, хотя и невольно, защитили бы свободу халифа и народа. По мере роста влияния иностранцев тогдашние писатели стали отзываться о людях, которые полтора века назад завоевали столь обширную империю, как о «бродягах, арабских кочевниках и прочих отбросах».

Третьей причиной будущего распада Арабской империи стала принятая халифами практика, позволявшая какому-нибудь выдающемуся человеку стать наместником провинции и впоследствии передать эту должность своему сыну. Даже великий Харун ар-Рашид допустил, чтобы Ибрахим ал-Аглаб основал почти независимую династию в Ифрикии. Теперь Тахир создал в Хорасане полунезависимое государственное образование, подобное державе Аглабидов в Ифрикии.

Несмотря на все уверения в преданности, на которые не скупились эти второстепенные династии, территория, находившаяся под непосредственным контролем халифов, неуклонно сокращалась. Это раздробление империи не было связано с местными «движениями за независимость». Девятый век не знал подобных идей. Скорее оно объяснялось бездействием и сибаритством халифов, которые часто приветствовали мысль о передаче далеких провинций на откуп, чтобы получать прибыль без хлопот, связанных с управлением, правосудием и снаряжением войск. Интересно вспомнить, что Омар ибн ал-Хаттаб, второй преемник Пророка,

когда кто-то спросил его, как ему удастся управлять арабами, ответил: «Часто меняя их начальников». Идея регулярной гражданской службы в IX в. была неизвестна, но если бы халифы приняли за правило периодически менять наместников провинций, эти второстепенные династии не успевали бы укорениться.

О секте хуррамитов мы уже упоминали, рассказывая о смерти Абу Муслима. Их название происходило от Хуррама в провинции Ардебил в Азербайджане. По-видимому, они исповедовали искаженную форму ислама, включавшую веру в переселение душ и в будущее возвращение Абу Муслима как Махди.

Восемьсот девятнадцатый год был отмечен голодом и эпидемиями в Персии, где бедняки испытывали ужасные лишения. Несомненно, в знак протеста против этих условий жизни в Азербайджане началось восстание под предводительством некоего Бабека из хуррамитской секты. Действуя в труднопроходимой горной стране, Бабек, который, по всей вероятности, был превосходным партизанским командиром и героем в глазах крестьян, продолжал сопротивление империи в течение двадцати двух лет. Мы еще услышим о нем в последующих главах.

В 825 г. Ибрахим ибн Махди, брат Харуна ар-Рашида, сдался или попал в плен к халифу. Он находился в бегах шесть лет. Именно он был провозглашен халифом в Багдаде, пока Мамун пребывал в Хорасане. Мамун тепло его встретил и помиловал. Действительно, с чувством большого облегчения можно отметить, что в это правление мы не слышим об отрубленных руках и ногах и казнях через отрубание головы, к которым мы так привыкли в прошлом. Мамун прощал почти всех мятежников и политических противников, которые у него появлялись за время его халифата.

В январе 826 г. халиф Мамун женился на Буран, дочери своего визиря Хасана ибн Сахела. В брачную ночь на голову невесты была высыпана тысяча жемчужин. Говорят, Хасан ибн Сахел потратил на празднество пятьдесят миллионов

дирхемов; билеты с названиями того или иного загородного имения министра выбрасывались в толпу, которая за них дралась. Впоследствии каждый, кто приходил с билетом, получал имение. Любопытно, что это колоссальное богатство и возможность хвастаться им достались бану Аббас благодаря их происхождению от дяди Пророка, который полагал, что не стоит даже оставлять деньги или еду в доме, где располагаешься на ночлег. Бог, считал он, подаст все необходимое для нового дня, так что даже мешочек с финиками, оставленный про запас, — проявление маловерия.

Безусловно, источником огромных богатств, принадлежавших халифам и их министрам и часто расточавшихся в бездействии и роскоши, были налоги. Тем не менее мы не должны оценивать эту систему с позиций современного представления о государственных финансах, которое насчитывает лишь два или три века. В древних обществах государственные и личные дела зачастую не разделялись в сознании и народа, и правителей. Прошло лишь чуть больше двухсот лет с тех пор, как Людовик XIV сказал: «Государство — это я». Едва ли нам удастся найти свидетельства в пользу того, что подданные Арабской империи имели хоть какое-то понятие о том, что доходы государства не должны тратиться на роскошества халифа. Они могли из религиозных соображений осуждать его за употребление вина, но им даже не приходило в голову, что деньги от сбора налогов должны расходоваться отдельно от средств из личного кошелька халифа.

Тем временем в Джазире и Сирии началось восстание, а в Египте уже давно шли беспорядки. Как мы знаем, мятежники, изгнанные из Испании, захватили Александрию и создали там собственную администрацию. В 825 г. Абдаллах, другой сын Тахира Двурукого, был послан туда с армией, чтобы восстановить власть халифа. Он справился с этим без особого труда, захватив Фустат, а затем и Александрию. Испанские мятежники, как уже говорилось, отплыли из Александрии и завоевали Крит, где основали независимое мусульманское государство.

Снова присоединив Египет к империи, Абдаллах ибн Тахир был поставлен наместником Джазиры, Сирии, Палестины и Египта, а его брат Талха в это время правил Персией, унаследовав наместничество своего отца Тахира Двурукого.

Анализировать национальные характеры — дело бесполезное, хотя и приятное. Нация слишком сложное образование, чтобы допускать подробное статистическое исследование.

Первое, что поражает нас, — необыкновенная способность арабской культуры к ассимиляции, которая часто ошибочно трактуется как чистое подражание. Арабские завоевания впервые в истории объединили тысячелетние традиции Средиземноморья с богатой цивилизацией Персии. Из сосуществования многих народов внутри исламского общества родилась новая цивилизация, носящая тем не менее характерный отпечаток арабского ислама.

*Профессор Бернард Льюис.
Арабы в истории
(приводится в сокращении)*

Он не думал... что нужно превратить этот мир в ад, чтобы вкушать рай в будущем.

Уильям Бекфорд

Глава XVII

ВЕК КУЛЬТУРЫ

Важные даты

- Вторжения Мамуна в Византийскую империю — 830–833 гг.
Смерть Мамуна — 9 августа 833 г.

Персоналии

Талха. Сыновья Тахира Двурукого и правители Хорасана.
Абдаллах.

Бабек, хуррамит, предводитель восстания в Азербайджане.

Хунейн ибн Исхак, главный переводчик греческих классиков
на арабский.

Мутасим, сын Харуна ар-Рашида, наследник Мамуна.

С детства Мамун любил книги и чтение. Он изучал юриспруденцию и историю, он говорил и писал на изящном арабском языке и был подлинным поэтом. Молодым человеком он был равнодушен к прекрасному полу, но никогда не был сластолюбцем.

Однажды девушка-рабыня лила воду на руки Харуну ар-Рашиду во время омовения, когда молодой Мамун, стоявший за спиной у отца, послал ей воздушный поцелуй. Она укорила его, чуть-чуть нахмутив брови и слегка улыбнувшись, но в это время на несколько секунд перестала лить воду. Харун взглянул на нее и спросил: «Что случилось?» Девушка запнулась, покраснела и наконец пробормотала: «Ничего». Халиф рассердился. «Что происходит? — спросил он гневно. — Немедленно скажи правду, а то я тебя накажу или казню».

Испугавшись этой угрозы, она, к смущению Мамуна, призналась, что он послал ей воздушный поцелуй через отцовское плечо.

«Она тебе нравится? — спросил позабавленный Харун. — Если да, то можешь ее получить, но при условии, что сейчас же продекламируешь стихотворение на этот сюжет». Не размышляя ни минуты, Мамун произнес:

Я издали газель поцеловал,
Она нахмурилась, как будто в знак отказа,
Я взглядами ей сердце открывал,
И что желанен ей, я это понял сразу
По той улыбке на ее губах,
Что изогнула их. Любовью пламеня,
Я оставался в четырех стенах,
Пока не смог назвать ее своею.

Однажды работорговец предложил Мамуну девушку, за которую просил тысячу динаров. В оправдание такой цены

он говорил, что девушка прекрасно умеет сочинять стихи экспромтом, а также красноречива, хорошо воспитана и превосходно играет в шахматы. «Если, — сказал Мамун, — она сможет продолжить стихотворение, которое я начну, я заплачу за нее столько, сколько ты просишь». Затем, обратившись к девушке, он продекламировал:

Что скажешь мне? Ведь по твоей вине
Не сплю я по ночам и не касаюсь пищи.

Девушка тотчас же дополнила его строки своими, сохранив размер и рифму:

О, если б я нашла того, кто верен мне,
Я с радостью вошла б в его жилище.

Может быть, интересно по ходу рассказа отметить, что в этот период наследники византийского трона выбирали себе жен на смотринах невест. Императорские гонцы рассылались по всем провинциям на поиски подходящих девушек, чья необыкновенная красота, ум и высокая нравственность делали их достойными трона. Требуемые физические данные, видимо, были изложены в правилах, и выборная комиссия в буквальном смысле измеряла лица, головы, фигуры и ступни кандидаток. В назначенный день всех конкурсанток собирали в одной из комнат дворца под наблюдение правящей императрицы.

Когда невесту выбирал себе будущий император Феофил, ему вручили золотое яблоко, чтобы он отдал яблоко избранной им девушке. Проходя мимо стайки красавиц, он остановился напротив молодой женщины по имени Касия и продекламировал:

О, женщина, источник бед
И горестей мужчины!

Касия незамедлительно закончила стихотворение:

Без женщины потомства нет
И рода у мужчины.

Несмотря на быстроту реакции Касии, Феофил не отдал ей яблока. Он пошел дальше и вручил его Феодоре, на которой и женился¹.

Этот случай служит еще одним примером (каковых, кажется, немало), показывающим, что не следует рассматривать Византию и Арабскую империю как две в высшей степени разные и противоположные цивилизации, не имеющие ничего общего. Каждая из них глубоко повлияла на другую. Они подражали друг другу в модах и архитектуре. Вооружение и структура их армий и флотов были почти одинаковыми. Обе империи на войне захватывали столько пленников, сколько могли, и продавали их в рабство. Обе практиковали жестокие пытки и увечья. Оба правительства постоянно имели дело с восстаниями. В обоих государствах игра с продолжением стихотворных строчек считалась светской забавой. Возможно, яркой характеристикой византийцев является то, что, когда они предавались этому развлечению, темой для стихов нередко избирался какой-нибудь глубокомысленный религиозный догмат.

* * *

Когда Мамун достиг более зрелого возраста, он увлекся философией и стал покровителем поэтов. Его живой ум интересовали все отрасли знания, и наряду с правом, религией и философией он посвящал себя изучению астрономии и медицины. Особенно он интересовался философией Древней Греции и завел целый штат переводчиков, которые составили арабские версии многих греческих трудов, о чем мы более подробно поговорим в дальнейшем.

Мамуна называли мудрейшим из Аббасидов. Он был гуманнее и терпимее любого из его предшественников, и даже мятежников он редко осуждал на смерть. Говорят, что однажды он воскликнул: «Клянусь Богом, я так наслаждаюсь прощением, что, боюсь, Бог может оставить меня без награды, ибо я делаю это ради собственного удовольствия.

¹ J. B. Bury. *History of the Eastern Roman Empire*.

Если бы люди знали, как я люблю миловать, все те, кто повинен в преступлениях, пришли бы ко мне».

Как мы уже отмечали, в начале своего правления он питал большую симпатию к потомкам Али ибн Аби Талиба, которые в течение полутора веков участвовали в нескончаемой череде безуспешных восстаний. В этом, как мы видели, он зашел настолько далеко, что даже назначил следующим после себя наследником халифата Али ар-Ризу. Однако по прибытии Мамуна в Багдад «опытные политики» убедили его в том, что подобные возвышенные чувства не имеют ничего общего с реальной политикой.

К концу жизни философские изыскания привели Мамуна к тому, что он принял учение секты мутазилитов. С теологической точки зрения движение ал-мутазила возникло из попытки определить положение мусульманина, совершившего смертный грех. Хариджиты считали, что такой человек становится неверным. Другие заявляли, что он остается мусульманином. Мутазилиты помещали такого человека в промежуточную категорию — ни добрый мусульманин, ни язычник¹.

Однако во времена Мамуна мутазилиты приняли другое фундаментальное положение своего учения. Простые умы первых мусульман безоговорочно приняли догмат о том, что Коран вечно существовал на небесах. Теперь же мутазилиты заявили, что сотворение Корана должно было произойти во времени. Если бы он существовал вечно, то единство Бога — основополагающий догмат ислама — оказался бы под угрозой, поскольку в этом случае вечным бытием обладало бы что-то помимо Бога.

Перед смертью Мамун с воодушевлением принял учение о том, что Коран был сотворен во времени. Он приказал созвать в столицу ведущих богословов и внимательно расспросить их, был Коран сотворен или нет. Под угрозой обезглавливания большинство из них уступило, признав, что он был сотворен.

¹ *Encyclopaedia of Islam.*

Однако интересно отметить, что горячие дискуссии на богословские и философские темы отражают еще один аспект отхода от арабского образа мысли. В период раннего ислама византийцев раздирали богословские споры, а арабы, по сути своей народ практичный, были озабочены вопросом, каких же действий хочет от них Бог. Теперь же смешение исконных арабов с греками и персами привнесло в Арабскую империю такую же интеллектуальную утонченность.

* * *

Мы уже видели, как император Лев V приказал привязать к Михаилу Аморийскому обезьяну и бросить его в дворцовую печь и как сам Лев пал от руки убийцы на следующее утро, а Михаил стал императором. Михаил был армейским офицером, и его внезапное возвышение вызвало зависть у его собратьев по службе, то есть возникла проблема, с которой и в наши дни приходилось сталкиваться многим военным диктаторам Ближнего Востока.

В 803 г. Фома Славянин вместе с Михаилом Аморийским участвовал в военном мятеже против императора Никифора. Когда восстание провалилось, Михаил выдал сообщников, снискал милость при дворе и начал путь дворцовой карьеры, которая увенчалась его восшествием на трон. Фома, возможно, менее искусный в интриге, отправился в изгнание в Сирию, где оставался десять лет, с 803 по 813 г. Однако в 820 г. Фома возглавил новый военный бунт против Льва V, который был убит раньше, чем успел его подавить. Когда Михаил Аморийский вззошел на престол, его боевой товарищ Фома все еще руководил восстанием и собрал большую армию на границах Армении. Однако первым его шагом стал не поход на Константинополь, а вторжение в Арабскую империю. В 823 г. положение Мамуна все еще было неуверенным, а восстание Бабека в Азербайджане шло полным ходом. У халифа едва ли оставались силы, чтобы начать кампанию против Фомы.

Начались переговоры, к чему, несомненно, и стремился Фома. Прожив десять лет в изгнании среди мусульман, он,

должно быть, хорошо изучил их политику. Скоро было достигнуто соглашение. Мамун обязался помочь повстанцу стать императором, а Фома в ответ согласился уступить некоторые приграничные крепости и платить дань халифу. Затем, на арабской территории, православный патриарх Антиохийский помазал Фому на царство как византийского императора.

Можно было бы ожидать, что подобная сделка с давними врагами своего народа лишит Фому поддержки его сограждан, но все оказалось наоборот. На его сторону встали почти все войска в Малой Азии, и в декабре 821 г. он осадил Константинополь. Осада тянулась пятнадцать месяцев, пока весной 823 г. на сцене не появились болгары (которых, видимо, пригласил Михаил) и разбили Фому в позиционном сражении. После этого Михаил вышел из-за стен, чтобы нанести *coup de grâce*. Фома Славянин попал в плен. Его в цепях привели к Михаилу, который, не скрывая радости, наступил ногой на шею простертого ниц соперника. Затем он приказал отрубить Фоме руки и ноги, а потом посадить его на кол.

Гражданская война между Фомой Славянином и Михаилом Аморийским представляет для нас интерес в свете разговора об Арабской империи того времени. Во-первых, она показывает, что христианская Византийская империя так же страдала от убийств, революций и гражданских войн, как и Арабская. Во-вторых, тот факт, что Фома, будучи союзником арабского халифа, мог пользоваться столь широкой поддержкой народа, похоже, говорит о том, что жители Византии не считали арабов своими ненавистными, кровавыми врагами. Наконец, можно заметить, что при казни Фоме отрубили руки и ноги и посадили на кол, то есть продемонстрировали такую же изощренную жестокость, которая так возмущает нас в Аббасидах.

В 829 г. Талха, сын Тахира Двуруккого, умер в Хорасане, и ему наследовал его брат Абдаллах, ставший правителем Восточной Персии. Еще одного брата халиф назначил наместником Египта и Сирии. Любопытно, что поздние Абба-

сиды не только позволяли своим наместникам в провинциях вести себя как фактически независимым самодержцам, но к тому же часто назначали сразу нескольких членов одной и той же семьи на важнейшие должности империи. В Азербайджане 829 г. ознаменовался ожесточенными боями с мятежником Бабеком из секты хуррамитов.

Если не считать интриг Мамуна с Фомой, арабы примерно восемнадцать лет не вторгались на территорию Византии, то есть со времен опустошительных кампаний Харуна ар-Рашида в Малой Азии. Гражданская война между Амином и Мамуном, за которой последовали волнения в Ираке и других местах, полностью завладела вниманием халифа. Тем не менее летние набеги на Византийскую империю глубоко закрепились в арабской традиции. Как признак укрепления власти Мамуна можно расценить то, что летом 830 г. он лично возглавил новое вторжение в Малую Азию. Он вступил на неприятельскую территорию через Тарс, в то время как его сын Аббас ибн Мамун во главе второй колонны пересек границу севернее Малатии. До осени, когда мусульманские армии отступили, было взято несколько городов, а некоторые из них разрушены. По возвращении халиф посетил Дамаск и Египет.

После его отступления византийцы, видимо, предприняли какие-то карательные меры против Массивы, в результате чего Мамун на следующий год повторил нападение. Тем временем в Константинополе умер император Михаил Аморийский, и в пурпур облачился его сын Феофил. Михаил был грубым и жестоким, а Феофил — интеллектуалом. В Адене халифа встретили послы от императора с просьбой о мире, но халиф ответил отказом, и в июле 831 г. Мамун пересек границу и подошел к Гераклею Киликийской, которая сдавалась без боя. Затем мусульманская армия разделилась на две колонны и прошла по Малой Азии, сея смерть и разрушение. Осенью Мамун вернулся в Дамаск, а оттуда в Египет, где в то время начались волнения.

В 832 г. Мамун снова перешел византийскую границу. На этот раз император Феофил пустил в действие армию, и,

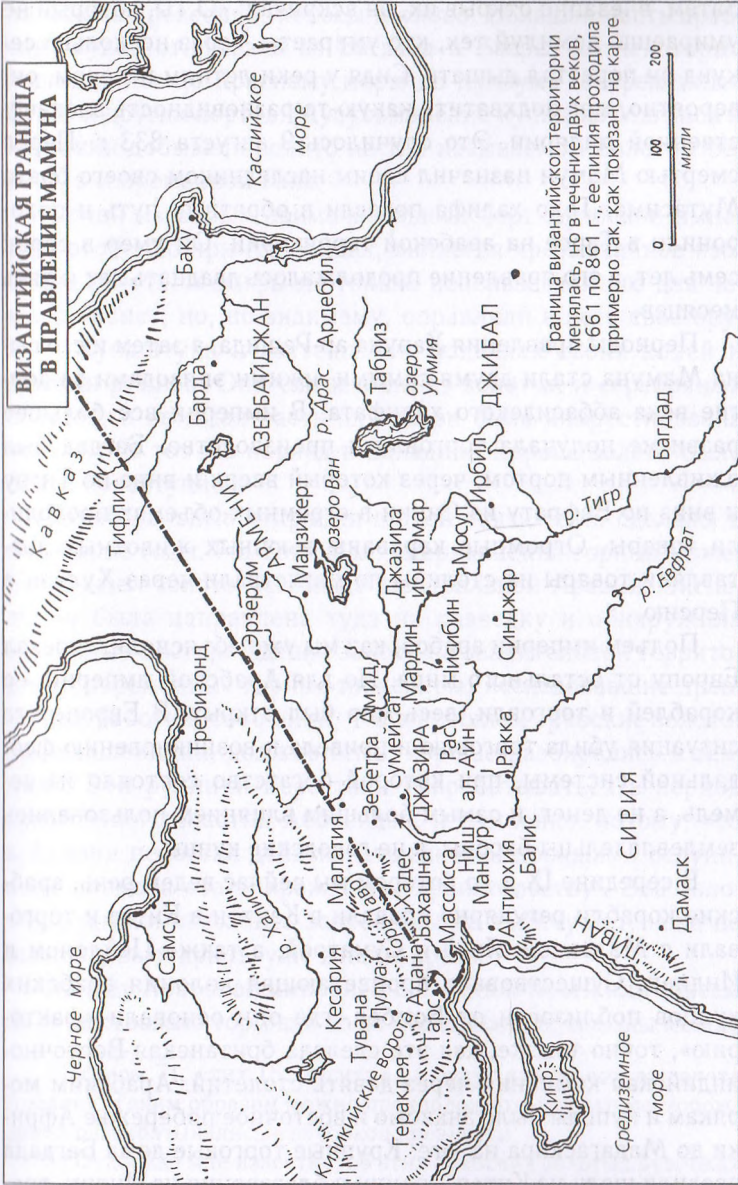
в отличие от прошлых лет, кампания оказалась не вполне удачной для арабов, хотя ни одного крупного сражения не произошло. Осенью от Феофила прибыло посольство, прося мира. Тем не менее — возможно, чтобы сохранить лицо — император завершил свое послание угрозой, на что халиф ответил в том же тоне, и война продолжилась. В начале 833 г. Аббас ибн Мамун закрепился в Туване, к западу от Тавра, где выстроил огромную крепость.

В июле 833 г. Мамун снова повел войска на византийскую территорию через Тарс и взял ряд городов. После короткой кампании он вернулся к границе и встал лагерем на небольшой речке, берущей начало в снегах Тавра. Летним вечером халиф сидел у реки со своим братом Мутасимом, и ноги обоих свисали в воду. «Ты когда-нибудь видел такую прекрасную, чистую, холодную воду? — спросил Мамун, приглашая придворного присоединиться к ним.

Пока они сидели, болтая ногами в воде, подошел, звеня бубенцами, караван мулов, везущих почту и лакомства из дома. Мамун подозвал слугу, велел ему посмотреть, нет ли там свежих фиников из Ирака, и тот скоро прибежал назад с двумя полными корзинами нежных сладких фиников, таких свежих, как будто их только что сняли с пальмы. Трое мужчин сидели и ели финики, опустив ноги в воду и восхищаясь чистым потоком и прекрасным летним вечером. Слуга прыгнул в воду и руками поймал большую рыбу. «Поджарь ее, и мы сейчас же ее съедим», — вскричал халиф, находясь в прекрасном расположении духа.

Но прежде чем рыба успела изжариться, Мамун почувствовал себя плохо. Скоро его уже была сильная лихорадка. Его накрыли кучей одеял и зажгли костры, но он не мог согреться. Его пульс бился очень часто, а все тело покрывал пот. Придворные врачи признались, что ничего не могут сделать. Некоторое время халиф лежал с закрытыми глазами.

Затем, внезапно открыв их, он вскричал: «О Ты, который не умираешь, помилуй тех, кто умирает». Через несколько секунд он перестал дышать. Сидя у реки летним вечером, он, вероятно, мог подхватить какую-то разновидность злокачественной малярии. Это случилось 9 августа 833 г. Перед смертью Мамун назначил своим наследником своего брата Мутасима. Тело халифа повезли в обратный путь и похоронили в Тарсе на арабской территории. Он умер в сорок семь лет, а его правление продолжалось двадцать лет и пять месяцев.

Периоды правления Харуна ар-Рашида, а затем и его сына Мамуна стали двумя самыми яркими эпизодами за долгие века аббасидского халифата. В империи все большее развитие получала торговля и производство. Багдад был оживленным портом, через который вверх и вниз по Тигру и вниз по Евфрату из Сирии в огромных объемах проходили товары. Огромные караваны вьючных животных доставляли товары из столицы по магистрали через Хулван в Персию.

Подъем империи арабов, как мы уже объясняли, отрезал Европу от остального мира. Но для Арабской империи, ее кораблей и торговли, весь мир был открыт. В Европе эта ситуация убила торговлю и привела к возникновению феодальной системы, при которой богатство состояло из земель, а не денег, и самым большим влиянием пользовались землевладельцы-бароны, а не городские купцы.

В середине IX в., о котором мы сейчас ведем речь, арабские корабли регулярно плавали в Кантон в Китае и торговали с Малаккой, Явой и Суматрой, а также Цейлоном и Индией. Существовала процветающая колония арабских купцов поблизости от Бомбея, где они основали «факторию», точно так же, как это сделала британская Восточно-индийская компания через девять столетий. Арабским морякам и купцам было знакомо и восточное побережье Африки до Мадагаскара на юге. Крупные торговые дома Багдада ввозили шелк из Китая, специи и благовония из Индии, тро-

ническую древесину, кокосы и олово. Большая часть арабских судов отплывала из Багдада и Басры, но некоторые поднимались по Красному морю до Кулзума (современный Суэц) и других портов. Мусульманские купцы из Магриба и Ифрикии добывали золото на так называемом Золотом берегу, в современной Гане.

Одной из самых примечательных черт Арабской империи, особенно при Аббасидах, является чрезвычайное изобилие золота. Халифы не только использовали его для чеканки монет, но, по-видимому, оправляли в него свое оружие, мундштуки и застёжки на уздечках своих коней и пряжки ремней. Они ели и пили из золотых и серебряных сосудов, и немалая часть их утвари была инкрустирована золотом. В тот же период в Западной Европе золото было почти недоступно.

Замечательные открытия в этой связи были сделаны в последние годы. Г-н Твитчелл, американский горный инженер, нашел золото на западе Центральной Аравии. Экспедиция была направлена туда на разведку и обнаружила обширные месторождения золота на значительной территории. Современные горные инженеры, исследовавшие древние разработки, сообщили, что в прошлом арабские золотопромышленники, должно быть, хорошо разбирались в технике. Эти рудники перестали разрабатываться в период ослабления династии Аббасидов, несомненно, потому, что в Аравии перестал действовать закон и порядок и бедуинские племена стали враждебны правительству¹. Эти золотые рудники оказались заброшены на тысячу лет, пока не были вновь открыты уже в наше время².

Между Арабской империей и Европой почти или совсем не существовало торговли из-за нескончаемой вражды между

¹ Псалом 71, стих 15 гласит: «...и будут давать ему от золота Аравии». Таким образом можно предположить, что эти месторождения разрабатывались в глубокой древности.

² Насколько мне известно, об этих арабских золотых рудниках еще не упоминал ни один историк.

христианством и исламом. Средиземное море, которое во времена Рима служило главной торговой магистралью мира, стало ничейной полосой, и по его голубым водам плавали только военные флоты или пираты. Ничтожное количество товаров из арабских стран поставлялось через Черное море в Византию главным образом через посредство хазар, живших в низовьях Волги.

Единственной «нейтральной прослойкой» между исламом и христианством были евреи, которым позволялось жить и торговать в странах обоих «блоков». Они имели одинаковый доступ во Францию, Испанию, Константинополь, Египет, Сирию и Индию. Отдельные еврейские купцы даже путешествовали из Франции в Суэц, а оттуда в Индию и обратно.

Для нас, возможно, еще удивительнее объемы арабской торговли с Русью, а через нее — со Скандинавией. Огромное количество арабских монет найдено в Финляндии, Швеции и Норвегии и даже в далекой Британии и Исландии. Монеты датируются временем от периода правления Абд ал-Малика ибн Марвана (685–705 гг.) и до упадка империи в XI в. Торговый маршрут шел от Окса (Амударьи) через Хорезм на среднюю Волгу, а оттуда на север, к Балтике. Арабы закупали соболей, горностаев, лис, бобров, стрелы, бересту, меховые шапки, рыбий клей, янтарь, рабов и скот¹. Светловолосые и белокожие славяне пользовались большим спросом на невольничьих рынках. Существовала также прямая торговля с хазарами, чья столица Итиль располагалась в устье Волги на северной оконечности Каспийского моря.

Столь широкая торговля, естественно, требовала соответствующих финансовых условий, и к услугам купцов была банковская система, возможность использования кредитных писем и чеков. По правде говоря, английское слово «cheque» происходит от арабского *сек*.

¹ *The Legacy of Islam.*

Однако богатство Арабской империи строилось не только на торговле. Производство тоже достигло чрезвычайного расцвета и вершин мастерства. Самой богатой и развитой отраслью производства, вероятно, было ткачество. Арабская империя была величайшим в мире производителем шелковых тканей, хотя, по иронии судьбы, ношение шелка воспрещалось Пророком как мирская роскошь. На крупные промышленные города во многих случаях указывают слова, ставшие с тех пор частью английского языка. Название фланели (*англ.* — *fustain*) произошло от Фустата, находившегося на месте современного Каира. Муслин произошел от Мосула, дамаст — от Дамаска. Тафта — это персидское слово. Ковры использовались по всей Арабской империи, однако в домах Европы ковры появились на полу лишь через несколько столетий. В городах империи использовались хлопчатобумажные ткани, циновки, гобелены, лаковые изделия из Китая, красители, лекарства, специи, квасцы, гвоздика, зеркала, стекло, золотые и серебряные кувшины и блюда. Французское слово *jure*, юбка, происходит от арабского *джубба*.

В области изящных искусств Арабская империя так же держала пальму первенства, как и в производстве тканей. Очень высокая степень мастерства была достигнута в изготовлении золотых и серебряных инкрустаций. Глазурованные цветные изразцы производились в Средней Азии с древнейших времен, но огромные размеры и богатство империи дали этому искусству мощный импульс. Глазурованная и полированная глиняная посуда, где бы ни зародилось это ремесло (мы знаем, что Аббасиды ввозили фарфор из Китая), тоже во множестве изготавливалась в Северной Персии, Фустате и Андалусе, и остатки этих художественных производств можно обнаружить по всему арабскому ареалу. Колоссальные размеры империи привели к переносу производств, в прошлом ограниченных какой-то одной страной, в крупные города по всему государству от Индии до Испании. Даже несмотря на то, что Испания и часть Северной

Африки обрели политическую независимость, единство языка и религии привело к тому, что во всех арабоязычных странах той эпохи развитие искусства, промышленности, торговли и образования шло параллельными путями.

Одним из самых развитых производств у арабов было изготовление раскрашенного и глазурованного стекла, производившегося в основном в Сирии и Ираке. Столетия спустя Венеция научилась этому искусству у сирийцев и доныне славится своим стеклом, хотя говорят, что до сих пор венецианские мастера так и не поднялись до вершин, достигнутых арабами во времена империи. Вся эта ремесленная традиция в буквальном смысле разбилась вдребезги во время нашествия монголо-татар во главе с Тамерланом.

В те дни, когда Мухаммад начал проповедь ислама в Аравии, его основными противниками были не христиане, а идолопоклонники. Поэтому он воспретил изображение живых существ в скульптуре и живописи, чтобы мусульмане не начали поклоняться этим образам, как божествам. Этот запрет ограничил поле мусульманского искусства в одном направлении, но в то же время открыл путь для необычайного расцвета узоров, декора с геометрическими и растительными мотивами. Буквы арабского алфавита также подходили для создания причудливого узора. На королевских мантиях средневековых германских императоров часто были начертаны арабские тексты, вплетенные в богатый орнамент ткани.

Арабы, давным-давно забывшие пустыню, были одинаково прогрессивны как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Говорят, что до настоящего времени весь испанский лексикон, связанный с ирригацией, почерпнут из арабского, как и названия цветов, фруктов, овощей, деревьев и кустарников. Первоначально апельсиновые деревья попали из Китая в Персию, но из-за большой протяженности Арабской империи их культура распространилась по Северной Африке, Сицилии и Испании. Кунжут, маис, рис, лимоны, дыни, абрикосы и апельсины трудолюбиво выращивались

в различных областях халифата и лишь впоследствии попали оттуда в Европу. Персы всегда были садоводами, и, безусловно, именно они ухаживали за дворцовыми садами Багдада. Лилии, тюльпаны и другие цветы попали в Европу из Арабской империи лишь много лет спустя.

Современным людям, которых глубоко затрагивают подобные вопросы, интересно узнать о том, что производство в халифате контролировалось государственной властью, а торговля была предоставлена частной инициативе. Купцы, торговавшие с Дальним Востоком, Индией, Африкой и Россией, наживали огромные состояния, а производство обычно финансировалось правительством. Ремесленники, часто в высшей степени искусные и чрезвычайно преуспевающие, объединялись в гильдии. Хотя и торговля, и промышленность на Ближнем Востоке в итоге были полностью разрушены татарами, современные арабские страны, кажется, возвращаются к той же системе. Каждый араб в душе купец, но все новые попытки индустриализации в этих странах оплачиваются их правительствами.

Арабский вклад в архитектуру почти так же огромен, как и в других областях культурной деятельности. Как и Европа, они унаследовали от прошлого множество стилей, поскольку их владения охватывали древние империи Египта, Рима и Персии, а также часть Индии. Таким образом, в их распоряжении имелось колоссальное разнообразие стилей, материалов и техник. Тем не менее они сплели их в характерный стиль, присущий только им.

Учитывая, как много доисламских арабов жило в палатках или земляных хижинах, поразительно то, как быстро у них появилась великолепная архитектура, потому что уже при Абд ал-Малике ибн Марване они строили дивные дворцы, замки и мечети. Прекрасная мечеть Купола скалы в Иерусалиме, строение, равных которому в мире немного, была возведена Абд ал-Маликом. В самых древних мечетях, вроде мечети Окбы ибн Нафи в Кайраване и большой мечети в Кордове, использовались римские колонны и капители,

но впоследствии были созданы полностью самостоятельные стили. Одно только разнообразие минаретов в арабоязычном мире, из камня, кирпича, мрамора, покрытых цветными изразцами, круглых в сечении или квадратных, заслуживает целой книги. Для арабского искусства характерны подковообразные арки, пробитые в камне окна, замысловатые росписи по штукатурке и, сверх всего, умение покрывать огромные площади красивыми геометрическими узорами.

Необходимость предоставить место на открытом воздухе, где могли бы отдохнуть множество женщин и девушек в большом доме, породила особую форму домашней архитектуры, в которой комнаты строились вокруг центрального двора, а на улицу выходили гладкие стены. Многие из этих прохладных и тихих внутренних дворов с их деревьями, цветами, беседками и струями фонтанов напоминали настоящий земной рай. Грустно видеть, что теперь они разрушены, а им на смену пришли пригородные виллы с кондиционерами вместо увитой виноградом беседки и прохладного журчащего фонтана.

В военной архитектуре арабы добились не меньших успехов. Именно арабам средневековые европейские замки обязаны своими зубчатыми стенами и навесными бойницами. По утверждениям хроник, первый замок, который имел такую конфигурацию, что вход в него простреливался из замковых бойниц, был построен в укрепленном городе Мансура в Багдаде.

* * *

Но среди всех искусств было одно, больше всего любимое арабами с самых древних времен доисламской эпохи и до финального уничтожения их цивилизации монголами, — поэзия. Некоторые из величайших поэтов древности, вероятно неграмотные, были одарены великолепной памятью. Они декламировали свои сочинения, которые затем запоминались и передавались из уст в уста, из страны в страну, из поколения в поколение.

Рассказывать романтические истории всегда было излюбленным развлечением арабов, и европейская литература перед ним в огромном долгу. В исходной арабской форме прозаическое повествование постоянно перебивалось поэтическими отступлениями. Каждый раз, когда история подходила к кульминации, рассказчик говорил (когда герой бросался в бой или размышлял о превратностях судьбы): «И он сказал», — вслед за чем читалось длинное стихотворение. Некоторые из таких сказителей дожили до наших дней. Я сам почти всю ночь просидел в палатке далеко в пустыне, слушая человека, который рассказывал истории и читал сопутствующие им стихи без перерыва примерно восемь или девять часов подряд.

Возможно, на наш взгляд, еще любопытнее тот факт, что не только романисты, но и серьезные арабские историки вкладывают стихи в уста исторических персонажей. Стихи в исторических трудах появляются почти в каждый критический момент жизни их героев. Так, вам могут поведать о том, как какой-нибудь раннемусульманский герой скачет на коне сквозь строй неверных, рубя направо и налево своим быстрым мечом, и восклицает — и дальше идет стихотворение. Теперь трудно сказать, в какой мере вставка подобных стихотворений диктовалась литературными условностями, или же арабы и впрямь в подобных ситуациях раздражались импровизированными стихами. Однако независимо от того, верим мы или нет в то, что арабский воин сочинял стихи в разгаре конной атаки, нет сомнения, что они обладали необыкновенными способностями к поэтической импровизации и это умение считалось важным элементом хорошего воспитания. Историки зафиксировали бесчисленные примеры таких импровизированных сочинений на тему заурядных общественных событий, а также нередко упоминают о том, как халифы или другие выдающиеся люди приказывали поэтам немедленно прочитать стихотворение на тот или иной сюжет. Как мы видели, даже от молодых рабынь и наложниц ожидали умения сочинять экспромтом стихи на арабском языке ради развлечения своих хозяев.

Какими бы искусными поэтами-импровизаторами ни были арабы, не может быть сомнения в том, что все они, образованные или неграмотные, носили в памяти огромное количество поэтических строк, поскольку они, как рисуют их исторические свидетельства, цитируют подходящие отрывки из разных поэтов по любому поводу повседневной жизни.

Первоначально поэзия пустыни, до и после ислама, была посвящена в основном излюбленным арабским темам любви, войны и великодушия в сочетании с описаниями природы и животных. Однако при дворе Аббасидов любовная лирика подчинилась идеалу платонической любви. Эта утрата поэзией телесности, возможно, объяснялась большей утонченностью общества или же ростом персидского влияния, поскольку персы были менее приземленными, чем арабы. Она окружила отношения полов атмосферой рыцарства.

Но при Мамуне образование и литература ни в коем случае не сводились к поэзии, как это было у древних арабов. Деятельный ум самого халифа был постоянно занят изучением самых разных отраслей знания. По его поручению некий Хунейн ибн Исхак (807–877 гг.) в Багдаде занимался переводом греческих научных и философских трудов на арабский. С помощью целого штата коллег Хунейн перевел на арабский почти все известные философские и научные произведения греческих авторов. Большую часть работы выполнили христиане, многие из которых принадлежали к секте несториан, ранее изгнанных из Византийской империи из-за гонений со стороны Греческой православной церкви. Сам Хунейн был практикующим врачом, и его десять трактатов о глазе являются древнейшим из известных нам систематических учебников по офтальмологии.

Ко времени Мамуна медицинские школы Багдада вели весьма активную деятельность. Первый бесплатный общественный госпиталь был открыт при халифе Харуне ар-Рашиде. По мере развития этой системы назначались врачи и

хирурги, которые читали лекции студентам и выдавали дипломы тем, кто считался достаточно квалифицированным, чтобы вести самостоятельную практику. Доктора, фармацевты, цирюльники и ортопеды проходили правительственную проверку. Первая больница в Египте открылась в 872 г., и с тех пор общественные лечебницы появлялись по всей империи от Испании и Магриба до Персии.

Как мы уже упоминали, Басра породила знаменитую школу грамматистов, столь важную ввиду замысловатости арабского языка. Ал-Асмей (740–828 гг.) из Басры писал книги по естественной истории, как животной, так и растительной. Появлялись и другие работы — по механике, ирригации и инженерному делу.

Всей этой насыщенной интеллектуальной деятельности очень способствовало основание в Багдаде в 794 г. первой бумажной фабрики. Как мы уже говорили, арабы научились изготавливать бумагу в Мавераннахре, где обнаружили бумажное производство, основанное группой китайцев. Вскоре бумага вырабатывалась почти во всех провинциях империи. Век переводов подошел к концу вскоре после смерти Мамуна, и с этих пор начали появляться оригинальные научные труды на арабском языке.

Арабский образ мысли, кажется, особенно подходит для изучения математики, и в эту сферу они внесли большой вклад. По-видимому, они обладали в высшей степени ясным мышлением и были превосходными систематизаторами и классификаторами, а в математике эти качества имеют первостепенное значение. Мамун собрал при своем дворе много ученых людей, особенно инженеров и астрономов. Он также очень интересовался астрологией и часто спрашивал астрологов насчет своего будущего. В период халифата Мамуна была создана астрономическая обсерватория. Арабское сочинение, *Краткое руководство по астрономии* ал-Фергани, использовалось в Европе вплоть до XVI века.

Арабы сделали алгебру точной наукой — само ее название арабское — *ал джабр*. Они также заложили основы

аналитической геометрии. «Они, бесспорно, стали основателями плоскостной и сферической тригонометрии, которой, собственно говоря, не было у греков»¹.

Существуют некоторые разногласия по поводу того, кто открыл ноль, и теперь представляется вероятным, что арабы почерпнули это понятие у Китая или Индии. Использование нуля позволяет нам мыслить десятками и сотнями, и, таким образом, лежит в самой основе современной арифметики. Даже если не арабы изобрели его, то они начали использовать его за двести пятьдесят лет до того, как о нем узнали в Западной Европе.

Ал-Баттани (817–918), по-видимому, стал первооткрывателем тригонометрических отношений, изобрел синус и косинус, тангенс и котангенс. «Это ведет нас гораздо дальше той точки, которой достигли греки, и по-настоящему открывает эру современной науки»².

О том, что все эти знания были широко распространены в народе, говорит тот факт, что только в одном багдадском пригороде Кархе в то время существовало не менее ста книжных магазинов. Библиотека имелась при каждой мечети. В 829 г. Мамун основал в Багдаде центральную библиотеку, которую назвал «Дом мудрости». В Кордове примерно в то же время насчитывалось не менее семидесяти библиотек.

* * *

Тем, кто слышал музыкальные программы большинства современных арабоязычных радиостанций, может показаться удивительным, что на вершине своего развития арабская цивилизация уделяла музыке огромное внимание. Голос арабы ценили больше, чем оркестр, отчасти потому, что голос позволял сочетать музыку с поэзией, первой любовью каждого араба. Но в арабских армиях организовывались военные оркестры.

¹ Carra de Vaux. *The Legacy of Islam*.

² Carra de Vaux. *Op. cit.*

Для богатых арабов певцы, возможно, служили источником любимейшего вечернего развлечения. В большинстве своем это были девушки-рабыни, но немало среди них было и евнухов. Последние пользовались чрезвычайной популярностью и потому что сохраняли свои чистые мальчишеские голоса, и потому что могли выступать перед всей семьей — на их концерте могли присутствовать даже окутанные вуалью дамы.

Производство музыкальных инструментов было возведено в ранг высокого искусства, и у арабов имелись инструменты вроде скрипки, а также струнные, наподобие лютни или гитары — оба эти названия происходят из арабского. Они также изготавливали органы, как пневматические, так и гидравлические.

Вечернее празднество всегда было одним из главных удовольствий арабов. В течение дня мужчины были неизбежно заняты своими обычными делами, но как только солнце садилось, они готовились к вечерним радостям. Обладая быстрым умом, владея удивительно гибким и звучным языком и будучи от природы прекрасными ораторами, они посвящали эти ночные встречи в основном беседе. На самом деле, сказанное справедливо и сегодня, не считая разве что тех кругов, которые намеренно пытаются подражать западным манерам.

Одно из самых примечательных качеств, отличающее истинного араба от представителей других народов, — личное достоинство. Поэтому не стоит воображать, что на своих вечерних пирах халифы или богатые и просвещенные люди унижались до разгульного шума, пения или крика. Члены высшего общества, будь то при Омейядах в Дамаске или при Аббасидах в Багдаде, прекрасно разбирались в искусстве изящной и роскошной жизни. Их беседа была остроумной, а иногда интеллектуальной. Женщины были красивы, еда вкусной; умение декламировать стихи или импровизировать на подходящую к случаю тему предполагалось у каждого члена хорошего общества. Некоторые в такой

ситуации пили вино, другие розовую воду или цветные напитки, приготовленные из разных фруктов. Рабы, пышно разодетые в шелка и золотое кружево, усердно прислуживали собравшимся.

Приглашенные на эти вечерние собрания всегда меняли повседневное одеяние и появлялись в специальных нарядах ярких цветов¹. Они сидели на низких кушетках, застланных коврами, подушками и разнообразными материями, которые в то время производились в огромном количестве. Комната была усыпана миртом, жасмином и надушенными цветами, а в золотых и серебряных сосудах курились ароматные смолы и другие душистые благовония, которые периодически подносили к лицу гостей, чтобы они могли вдохнуть благоуханный дым, насыщавший восхитительным ароматом их волосы, бороды и одежду. Вино или сладкие напитки подавались в чашах, украшенных золотой или серебряной филигранью, или из превосходного резного стекла. Если хозяева были богаты, музыкальное сопровождение обеспечивал оркестр или пение красивых рабынь под лютню или гитару. Беседы, поэзия, рассказывание историй заполняли приятным досугом долгие часы темноты. Возможно, из-за того, что чрезмерная дневная жара иногда действует угнетающе, арабы всегда любили продолжать свои вечерние развлечения до глубокой ночи.

* * *

В главе XII мы кратко описали город Багдад в его изначальном виде, а именно Круглый город Мансура. Сто лет спустя столица выглядела совершенно по-другому. Едва был завершен Круглый город, как во всех направлениях начали расти предместья. Самым большим из них был пригород Карх, занимавший несколько квадратных миль к югу от города Мансура, вниз по западному берегу

¹ Подобно тому как у англичан до 1914 г. было обыкновение каждый вечер «переодеваться к обеду».

Тигра¹. Это была главная торговая зона, разделенная на несколько рынков для разных товаров. Судоходный канал Иса, вытекавший из Евфрата, проходил через предместье Карх и впадал в нижнюю гавань на Тигре. К северу от Круглого города лежал квартал Харбия, в основном населенный тюрками и персами и бывший постоянным источником беспокойства из-за восстаний и беспорядков. Закончив Круглый город, Мансур выстроил на восточном берегу дворец Русафа для Махди и затем дворец Хулд у самой воды для себя.

Дальше от центра располагался квартал Шаммасия. «Шаммас» по-арабски означает «дьякон», и это название отражает присутствие здесь значительного христианского населения. В Багдаде только на восточном берегу Тигра находилось шесть несторианских монастырей. Все они, по свидетельствам, были окружены красивыми садами, которые часто посещали горожане. В разных ситуациях сами халифы, похоже, останавливались в том или ином из этих монастырей. У несторианского патриарха в Багдаде была официальная резиденция, а большинство христиан, по-видимому, жило в квартале Шаммасия. В правление Махди был построен крупный христианский монастырь под названием Дейр ар-Рум. Несторианский патриарх являлся довольно значимой фигурой; он направлял христианских миссионеров и назначал епископов в такие далекие страны, как Индия, Центральная Азия и Китай. Все это, видимо, говорит о том, что первые Аббасиды относились к христианам с очень большой терпимостью.

В правление Харуна и Мамуна Багдад и Константинополь были двумя величайшими городами мира. Интересно отметить, что император Феофил истратил крупные суммы на расширение и украшение Большого дворца в Константинополе, стремясь затмить великолепные строения Багдада. Он даже построил себе пригородную резиденцию на азиатском берегу напротив Константинополя, точно воспроизведя дворец халифа и тем самым безмолвно признав превос-

¹ Карта 34, с. 357.

ходство арабов в архитектуре¹. Город на Тигре в дни его величия и впрямь можно ставить в один ряд с Древним Римом, Парижем Людовика XIV или Лондоном в XIX в., как одну из величайших имперских столиц в истории.

Многим западным историкам свойственно низко оценивать ту роль, которую играли арабы в созданной ими империи, указывая на то, что художники, философы, историки и ученые имели, в частности, персидское, армянское, греческое или испанское происхождение. Разумеется, исконные арабы из Аравии, давшие первый и решающий импульс завоеванию, на самом деле были слишком уж малочисленны, чтобы населить империю. Действительно, когда арабские владения достигли своей максимальной протяженности, от Абд ал-Малика ибн Марвана до конца правления Омейядов, чистокровные арабы, вероятно, составляли всего два или три процента от общего населения империи, хотя все еще преобладали в правящем классе. Когда к власти пришли Аббасиды, арабы утратили свое привилегированное положение и стали рядовыми подданными, оказавшись на той же социальной ступени, что и остальные бесчисленные народы империи. Таким образом, если по количеству талантов они не отличались от других народов, то могли надеяться породить только два-три процента известных личностей нового космополитического государства.

Тем не менее даже такое утверждение является грубым упрощением. Потому что кем были арабы в течение двухсот лет после смерти Пророка? Конечно, в Центральной Аравии по-прежнему оставались кочевые племена, подобные первым завоевателям, но их изоляция в огромных пустынях мешала им играть какую-либо роль в государственной жизни. А те из их предков, кого волна завоеваний занесла в Ирак, Персию, Африку или Испанию, брали в жены представительниц самых разных народов. Каждый мужчина вел свое происхождение по мужской линии, поэтому человек

¹ J. B. Bury. *Op. cit.*

мог носить древнеарабское племенное имя вроде Темеми, Кинди или Таглиби, а в его жилах при этом текло всего пять или десять процентов арабской крови. Даже курайшиты, даже халифы уже не были арабами в смысле происхождения от народов Центральной Аравии. Поэтому с точки зрения логики мы должны пойти по одному из двух путей. Или мы должны признать, что настоящими арабами оставались только члены кочевых племен Аравии и фактически никто из городских жителей Ирака, Сирии, Египта или Испании вообще не мог называться арабом; или же придется принять новое определение араба и применять этот термин к каждому, кто говорил на арабском как на родном языке, хотя сам он вполне мог быть тюрком, персом или даже вестготом. Практика причисления людей того времени к разным национальностям на основании их имен целиком ошибочна.

При попытках оценить исторические события упрощение является одной из самых обычных ошибок. На самом деле определить расовую принадлежность жителей Ирака, Сирии, Северной Африки и Испании невозможно, идет ли речь о IX в. или о нашем времени.

Фактом остается то, что самые первые завоевания, начавшиеся в 633 г., осуществлялись исключительно арабами из Центральной Азии. Через пятьдесят лет, в правление Абд ал-Малика ибн Марвана, была построена величественная империя, простиравшаяся от Индии до Атлантического океана, возводились прекрасные здания, стремительно росли богатство, торговля и просвещение. Конечно же, можно сказать, что инженерами, сооружавшими эти постройки, были греки, врачами — христиане и евреи, правительственными чиновниками и секретарями — персы, в результате чего оказывается, что арабов благодарить не за что. Привести подобный довод — все равно что сказать в наши дни, что члены совета директоров крупной инженерной и судостроительной фирмы не заслуживают признательности за успехи компании, потому что среди них нет ни одного монтера, клепальщика, маляра или плотника.

Величие того, что совершили чистокровные арабские завоеватели, можно в какой-то мере оценить, сравнив это с монгольскими завоеваниями XIII, XIV и XV вв. Через пятьдесят лет после того, как арабские кочевники вышли из пустыни, они уже правили прекрасной, растущей и развивающейся империей. Когда монгольские завоеватели отступили из этих же самых стран, после них не осталось ничего, кроме дымящихся развалин и пирамид из черепов. Они бесповоротно уничтожили древнюю цивилизацию, которая так никогда и не ожила. Библиотеки, дворцы, фабрики, технологии производства, университеты, больницы, ремесленники, художники, ученые — все это было стерто с лица земли, мастерство уничтожено, знания утрачены, ирригационные системы настолько повреждены, что жертвы монголов, осколки великой цивилизации, на пять последующих веков попали в категорию отсталых и подвластных народов. Племена центральноаравийских завоевателей были заносчивыми, воинственными и невежественными; но несмотря на это, им были присущи замечательный интеллект и необычайная способность к адаптации. Вместо того чтобы грабить и разрушать, они быстро приобщились к утонченной цивилизации. Вместо того чтобы убивать художников и ученых, они их использовали. Однако они не просто подражали им, подобно тому как готы имитировали римскую цивилизацию. Они оставались полными хозяевами положения, великими владыками и аристократами. Даже во времена Аббасидов, когда большинство древних арабских семей потеряло свое значение, арабский язык, обычаи и в значительной мере культура и искусства, которые они породили, безоговорочно принимались многочисленными и древними народами империи.

Как утверждают, «исламское искусство почерпнуло свой духовный облик у Аравии; но его материальная структура рождена в других местах»¹. Сказанное можно отнести и к

¹ А. Н. Christie.

мусульманской цивилизации в целом, а не только к искусству. Бесчисленные ремесленники: персы, греки, византийцы, египтяне, берберы, готы и римляне, — все внесли свой вклад в строительство великолепного здания исламской цивилизации, но первоначальным архитектором всей этой грандиозной постройки был араб.

Мутасим собрал большую армию из тюркских рабов и поставил дело так, чтобы получать ежегодно множество таких рабов как часть дани с восточных провинций. Старые хорасанские воины аббасидских халифов араби-зировались и стали неотличимы от местного населения. С этого времени и впредь халифы полагались на тюркских воинов и военачальников, число которых росло, в ущерб более древним и культурным народам, принявшим ислам, — арабам и персам.

*Профессор Бернард Льюис.
Арабы в истории*

...и, конечно, были в состоянии войны с персами, как было при халифе Харуне-ар-Рашиде, когда персы были вынуждены платить дань арабам. Но в то время, когда арабы были еще в состоянии войны с персами, они быстро приобрели к учению персов интерес. Вместе с тем чтобы убавить количество персов, они не переставали бороться с ними. Однако они не перестали интересоваться персией, как это можно видеть из того, что персы, подобно тому, как это можно видеть у римлян, были очень интересны для арабов. Сидней Хартунд — персидский историк, который написал книгу о персидской истории. Даже за время Аббасидов, когда большинство арабов, живя в персидской империи, арабский язык, обитая в ее границах, и ее культура и искусство, которые она породила, были известны персам, арабам и другим народам империи.

Как у персов, так и у арабов искусство погребальной архитектуры было развито. Но его материальная структура, формы и другая архитектура. Сами же люди относились к

Глава XVIII

МУТАСИМ СДАЕТ КЛЮЧИ ИМПЕРИИ

Важные даты

Ибрахим ибн ал-Аглаб становится наместником Ифрикии	— 800 г.
Воцарение Абд ар-Рахмана II Андалусского	— 822 г.
Арабское вторжение на Сицилию	— 827 г.
Смерть халифа Мамуна	— 833 г.
Провозглашение Мутасима.	
Разгром и смерть Бабека	— 837 г.
Уничтожение Зебетры Феофилом	— 837 г.
Уничтожение Амория Мутасимом	— 838 г.
Смерть халифа Мутасима	— 842 г.
Захват арабами Мессины	— 843 г.
Разграбление арабами собора Св. Петра в Риме	— 850 г.
Смерть Абд ар-Рахмана II Андалусского	— 852 г.

Персоналии

Халиф Мутасим — 833–842 гг.
Бабек, хуррамит, мятежник в Азербайджане.
Хайдер ал-Афшин, верховный военачальник.

Султаны Андалуса.

Абд ар-Рахман II — 822–852 гг.
Мухаммад — 852–886 гг.

Аглабидские эмиры Ифрикии:

Ибрахим ибн ал-Аглаб — 800–812 гг.
Абдаллах I — 812–817 гг.
Зиядат Аллах I — 817–839 гг.
Абу Акал — 839–841 гг.
Мухаммад — 841–856 гг.
Ахмад — 856–863 гг.

Византийские императоры:

Лев V, Армянин — 813–820 гг.
Михаил II, Аморийский — 820–829 гг.
Феофил — 829–842 гг.

Со смертью Мамуна в 833 г. мы теперь должны отвлечься от багдадского халифата и обратиться к Ифрикии. Мы оставили эту провинцию в 800 г. под фактически независимым управлением Ибрахима ибн ал-Аглаба, сына арабского военачальника, убитого в 767 г. во время беспорядков в Северной Африке. Ибрахим, правивший провинцией с 800 по 812 г., был человеком исключительных способностей. Приход к власти этого мудрого государственного мужа, искусного политика и успешного воина положил начало периоду мира и нового расцвета. Он повел дальновидную политику, признавая первенство за аббасидским халифом, чья столица Багдад находилась слишком далеко, чтобы он мог оказывать какое-то прямое влияние на Кайраван.

В целом Аглабиды пользовались в Ифрикии фактически неоспоримой властью над прибрежными равнинами от центральной части Алжира (если воспользоваться современным названием) до Триполи. Берберы-хариджиты из Атласских гор мужественно сохраняли свою независимость, как и кочевые племена, жившие на северной кромке Сахары. Отношение к еврейским и христианским меньшинствам на побережье, кажется, было мудрым и терпимым.

Тем не менее для мусульман-суннитов приморских равнин это был период мощного религиозного подъема. Кайраван стал центром религиозной науки, таким же известным, как Кордова, Фустат и Багдад, пусть и не столь священным, как Мекка и Медина. Угроза нападения со стороны Средиземного моря привела к возникновению мощной линии береговых крепостей или рибатов, тянувшейся от Атлантического океана до Туниса и Триполи с интервалами в несколько миль. Существовала и чрезвычайно эффективная система подачи сигнала тревоги с помощью света, и в каждой

рибате имелась одиночная башня, специально предназначенная для сигнального костра.

Рибаты охранялись гарнизонами из мусульман, желавших приобрести религиозные заслуги, сражаясь за веру. Поначалу они, видимо, не получали жалованья, а сменялись каждые три или четыре месяца. В течение своего боевого дежурства в крепости они постоянно наблюдали за морем, следили за всеми сигнальными огнями, которыми могли поднять тревогу, проводили тактические учения и отрабатывали владение оружием, а также предавались молитве и созерцанию.

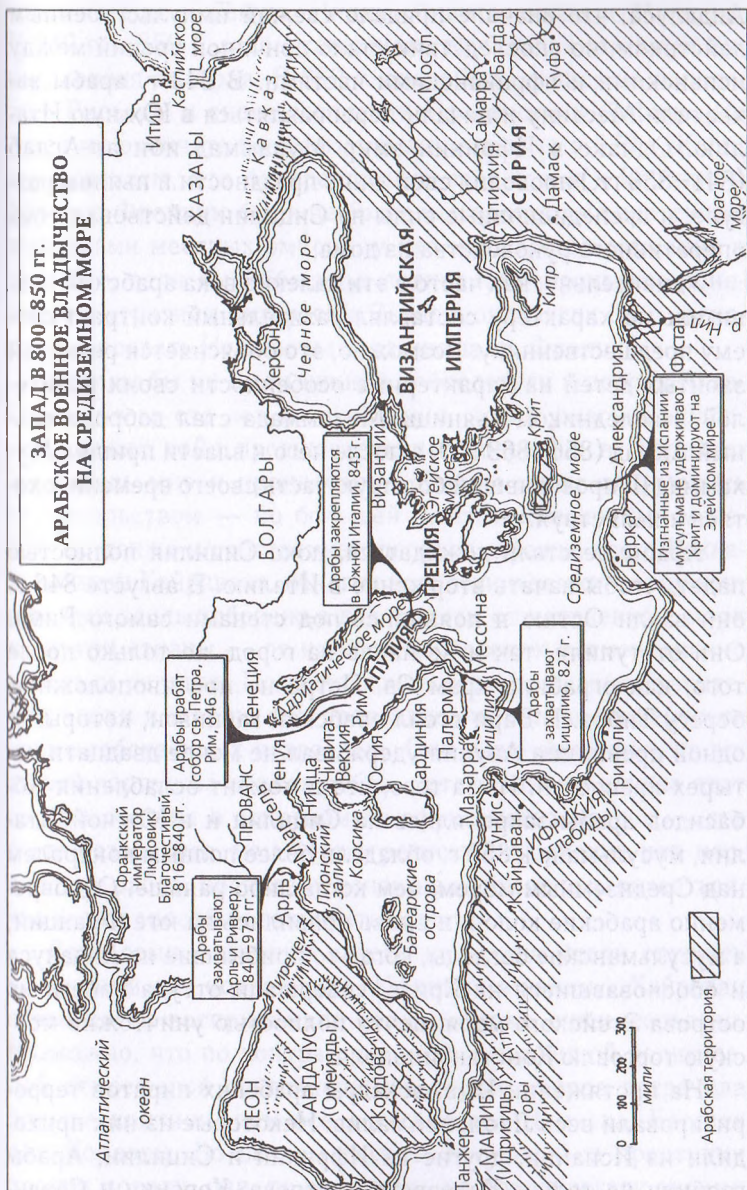
Ибрахим ибн ал-Аглаб умер в 812 г., и ему на смену пришел его сын Абдаллах I, который правил с 812 до 817 г. и стал непопулярен из-за своей жадности. Следующим эмиром Ифрикии в течение двадцати лет с 817 по 838 г. был Зиядат Аллах I, поэт и бонвиван¹. Однако в его правление династия ввязалась в крупную военную авантюру — завоевание Сицилии. Формально этот остров сохранял зависимость от Византии, хотя у императоров обычно находилось более чем достаточно дел дома, и Сицилии от византийского правительства доставалось немного внимания.

Как когда-то сеутский правитель Юлиан предложил арабам вторгнуться в Испанию, так и некий мятежный греческий офицер подал Аглабидам мысль завладеть Сицилией. В 827 г. из Сузы отправился флот с армией под командованием Асада ибн ал-Фурата, кади Кайравана, который проповедовал, что эта экспедиция станет Священной войной. Флот бросил якорь у Маззары. Продвижение шло медленно, но через четыре года был взят город Палермо, ставший арабской столицей. Тут неожиданно прибыл контингент из

Карта 42

Запад в 800–850 гг. Арабское военное владычество на Средиземном море.

¹ См. список Аглабидов на с. 395.

Андалуса, что вначале придало свежий импульс военным действиям, но впоследствии стало причиной трений между испанскими и африканскими частями. В 843 г. арабы захватили Мессину и начали переправляться в Южную Италию. Однако в Ифрикии эмир Мухаммад ибн ал-Аглаб (841–856 гг.) проводил свои дни в праздности и пьяном разгуле, и экспедиционные силы на Сицилии действовали без оперативного руководства из дома.

Удивительно, как часто в эти далекие века арабский правитель по характеру составлял разительный контраст своему предшественнику. Возможно, это объясняется реакцией забитых детей на характерные особенности своих родителей. Наследником пьяницы Мухаммада стал добродетельный Ахмад (856–863 гг.), а после него к власти пришел Мухаммад II, проводивший большую часть своего времени, охотясь и пьянствуя.

Арабы не стали дожидаться, пока Сицилия полностью падет, чтобы начать вторжение в Италию. В августе 846 г. они взяли Остию и появились под стенами самого Рима. Они отступили, так и не напав на город, но только после того, как ограбили храм Св. Петра на противоположном берегу Тибра. В Бари стоял арабский гарнизон, который в одной провинции Апулия удерживал не менее двадцати четырех крепостей. Из-за того, что в момент ослабления Аббасидов арабы закрепились на Сицилии и в Южной Италии, мусульмане к 850 г. обладали более полным контролем над Средиземным морем, чем когда-либо раньше. Одновременно арабские колонии вновь появились на юге Франции, а мусульманские беглецы, когда-то прибывшие из Андалуса и обосновавшиеся на Крите, совершали оттуда набеги на острова Эгейского моря, почти полностью уничтожив морскую торговлю Константинополя.

На протяжении IX в. эскадры арабских пиратов терроризировали весь Лионский залив. Некоторые из них приходили из Испании, другие из Ифрикии и Сицилии. Арабы грабили не только Балеарские острова, Корсику и Сарди-

нию, но еще и Геную, Ниццу, Чивитавеккью и Марсель. В 842 г. и 850 г. арабы совершали глубокие вылазки на сушу, доходя до Арля. В 890 г. они обосновались на побережье Ривьеры и снова завладели Провансом и Дофине. Из Арля их окончательно изгнали лишь только в 973 г. Когда мы осознаем, что беспрестанные вторжения в Италию и Южную Францию были не более чем частными пиратскими вылазками местных эмиров, у нас не остается сомнения в том, что, если бы Аббасиды, подпав под персидское влияние, не утратили интереса к Западу, они могли бы с легкостью завоевать Италию и изрядную часть Франции.

Каковы бы ни были личные добродетели и пороки Аглабидов, но за сто лет их правления, после ужасных арабоберберских войн предшествующего периода, в Ифрикию вернулись мир и процветание. Эмиры много занимались строительством — по большей части великолепных мечетей, но также и собственных дворцов, прежде всего Реккады вблизи Кайравана. Многие крепости и замки, сооруженные ими вдоль побережья для защиты от нападения с моря и внутри страны — от набегов берберских племен, можно видеть и сегодня. Подобно почти всем арабским правителям эпохи империи, они полагались не только на верность своих собственных подданных. Они тоже опирались на военный корпус из воинов-рабов, хотя в данном случае этот корпус состоял в основном из африканских негров — это было безопаснее, чем брать греческих, тюркских или персидских рабов, поскольку почти не приходилось опасаться, что негры способны захватить власть.

Если сами Аглабиды далеко не всегда могли служить примерами для подражания, Ифрикия в целом и Кайраван в частности воспринимали свою религию очень серьезно. Возможно, что по контрасту с этой насыщенной религиозной атмосферой светскость некоторых эмиров встречала больше критики, чем все легкомыслие Дамаска, Багдада или Кордовы. Во всяком случае, несмотря на проступки против морали, они, по-видимому, не пренебрегали своими

государственными обязанностями. В отличие от Аббасидов, Аглабиды никогда не доверяли все управление всемогущим визирям. Они остерегались наделять властью непокорных племенных вождей и привлекали на гражданскую службу профессионалов. Они оценили значение воды в полупустынной стране, и остатки построенных ими оросительных каналов, акведуков и водоемов доныне свидетельствуют об их усердии.

По мере распада Арабской империи открылись два пути, по которым наука, образование и искусства мусульманского мира могли проложить себе дорогу в Европу. Удивляет и поражает то, насколько вовремя открылись эти два выхода, Испания и Сицилия, чтобы дать Европе возможность унаследовать достижения арабской цивилизации. Дело в том, что в скором будущем главные очаги этой цивилизации в Сирии и Ираке захлестнули орды татар и турок, которым предстояло уничтожить ее до основания. С этого момента арабские страны Востока погрузились в запустение и только на нашей памяти начали приходить в себя после шестивековой комы, наступившей в результате этого потрясения.

Но как раз перед тем, как был нанесен этот сокрушительный удар, постепенно начали открываться ворота Испании и Сицилии, и накопленные умения, образование и наука Аравии и Востока, созревшие в Дамаске и Багдаде и пришедшие оттуда в Кайраван и Кордову, хлынули в Европу в тот самый момент, когда их источник иссяк. Эту абсолютную своевременность едва ли можно объяснить чем-либо, кроме как волей Провидения. Теперь уже никто не помнит Аглабидов, однако завоевание ими в самый подходящий момент Сицилии сыграло жизненно важную роль в этом процессе, одном из величайших в истории.

Правда, большинство европейских писателей считало и считает мусульманское завоевание Сицилии бедствием. Тем не менее сегодня с этим можно поспорить, отметив, что в итоге христианский мир выиграл от этого больше, чем мусульмане. Поскольку если бы арабы оставались в Тунисе,

а христиане на Сицилии, то никогда бы не открылся один из главных путей, по которым арабская цивилизация обогатила жизнь Запада.

* * *

Теперь мы должны вернуться назад к истории Испании. В нескольких словах повторим историю омейядских правителей Испании, уже изложенную в предыдущих главах. Первым стал Абд ар-Рахман ибн Муавия, который уцелел при избиении семьи Омейядов в Дамаске, высадился в Испании в сентябре 755 г. и сделался правителем страны. Он умер в 788 г., и его наследником стал его благочестивый сын Хишам, который правил в справедливости и мире до 796 г., когда ему на смену пришел его сын Хакам. Новый правитель, хотя и не являлся отпетым злодеем, не был таким ревностным аскетом, как его отец, и поэтому столкнулся с противодействием более фанатичных мусульманских религиозных учителей. Хакам правил двадцать шесть лет и умер в 822 г. Именно в этот момент мы прервали наш рассказ об Андалусе в главе XVI.

Наследником Хакама стал его сын Абд ар-Рахман II. Несмотря на безжалостность и вероломство при подавлении восстания, в остальном Хакама нельзя назвать ни несправедливым, ни неумелым правителем. После себя он оставил страну в состоянии мира и благоденствия. К этому моменту Омейяды правили Испанией примерно семьдесят лет, и уже весь народ признавал их своими законными государями. Что еще важнее, со времени арабского вторжения в Испанию прошло сто одиннадцать лет. Разница между арабами, берберами и испанцами, обратившимися в ислам, уже утратила всякую остроту. Происходило формирование андалусского народа. Арабские племенные распри между группировками Кайс и Йемен ушли в прошлое. Правда, по-прежнему существовало многочисленное христианское меньшинство, но мусульмане были мудрыми и терпимыми, и христиане имели возможность занимать высокие государственные посты

и играть важную роль как в торговле, так и в сельском хозяйстве страны.

Абд ар-Рахман II Андалусский был продуктом этого нового века мира, благополучия и цивилизации. В Багдаде халиф Мансур покровительствовал культуре, литературе и науке, и испанские Омейяды не могли устоять перед искушением превзойти своих соперников на Востоке. Поэтому, пользуясь мирной обстановкой как внутри страны, так и на границах, Абд ар-Рахман II постановил сделать Кордову вторым Багдадом. Он обладал просвещенными взглядами и изысканным вкусом, а характер его был приятен и обходителен. Подобно всем арабским правителям, он был поклонником поэзии, сочинял собственные стихи и покровительствовал поэтам и музыкантам. В этих занятиях он обращался к руководству своего друга и протеже Зирьяба, араба персидского происхождения, в прошлом учившегося у Исхака Мосульского, придворного музыканта самого Харуна ар-Рашида. Однажды даже сам Зирьяб выступал перед великим Харуном.

В Кордове он стал «Бо Брюммелем»¹ Абд ар-Рахмана II. Он был не только придворным музыкантом, но, очевидно, обладал разносторонними и блестящими интеллектуальными дарованиями. Он мог рассуждать о поэзии, истории и литературе, а в повседневной жизни славился чувством юмора, а также быстротой и изяществом своих острот. В одежде он был образцом элегантности и создавал моду покроем своего наряда, прической и изысканными яствами своей кухни.

Мы, люди XX в., настолько привыкли к превосходству западной цивилизации, что, возможно, заподозрим, что утонченная цивилизация Андалуса была позаимствована из Франции или Италии. Ничего дальше от истины и быть не может. По сравнению с благовоспитанными джентльменами

¹ Имя известного щеголя и денди XIX в., ставшее нарицательным. — *Примеч. ред.*

кордовского двора северные соседи испанских арабов были просто невежественными деревенскими мужланами.

Однако двор Абд ар-Рахмана II выделялся не только легкомысленными забавами, вроде музыки, поэзии, нарядов и угощений. В Андалусе, где активно велись научные изыскания, получили распространение переводы древнегреческих авторов, с таким усердием выполненные при Мамуне. Цепь преемственности, благодаря которой Европа должна была вновь обрести свою цивилизацию, вела из древней Греции в Багдад, из Багдада в Кордову, а из Кордовы — во Францию, Англию и Западную Германию. Отрезав Европу от мира, арабы породили Темные века, в конце которых арабы же вернули Европе свет знания.

Абд ар-Рахман II умер 22 сентября 852 г. после тридцати лет счастливого правления, в течение которого Андалус переживал пору мира, процветания и огромного прогресса в культуре, науке и куртуазности. После слабого и пустого правления сына Абд ар-Рахмана, Мухаммада, омейядская династия Испании, казалось, стала клониться к упадку. Но сие оказалось лишь кажимостью, поскольку золотому веку арабов Андалуса еще только предстояло прийти. Через сто лет после времени, о котором мы пишем, мусульманская Испания в военном и культурном отношении стала одной из великих держав своей эпохи. Весь цвет культуры и рыцарства Андалуса навеки вошел в плоть и кровь западноевропейской цивилизации.

* * *

Стоит отметить, что наиболее полным было владычество арабов над Средиземным морем в течение ста лет с 850 до 950 г., когда халифат Аббасидов уже приближался к своему падению. Арабское морское господство на Западе правители Испании и Северной Африки установили без помощи Багдада. Дело не в том, что арабы Востока были плохими моряками; напротив, они регулярно плавали в Индию, Китай и Индонезию. Истории о Синдбаде-мореходе

из *Тысячи и одной ночи*, хотя и расцвечены волшебством и небылицами, все же дают некоторое представление об этой великой эпохе морских торговых авантюр. Слабость Аббасидов в Средиземном море была связана с общей утратой интереса к Западу, иллюстрацией чему служит фактический отказ Харуна от Ифрикии, которую он уступил Аглабидам.

Франки никогда не пускались в море, вследствие чего Константинополь, Венеция и несколько городов Южной Италии оказались единственными неарабскими портами, которые хоть и слабо, но все же пытались оспаривать арабское морское владычество. Они совершали рискованные плавания вдоль берега вокруг Греции и по Адриатике, однако этого было достаточно для поддержания жизни торговых сословий в нескольких городах и для того, чтобы в Греции и Италии не установилась полностью аграрная и феодальная система, наподобие той, что возникла во Франции и Англии. В IX и в первой половине X в. контроль христиан над морями, вероятно, был самым слабым. После этого и с началом Крестовых походов, этот контроль постепенно восстанавливается. Показательно то, что в настоящее время все самые красивые старинные особняки Англии располагаются в загородных имениях. В Италии чудные дворцы древних родов торговых королей находятся в торговых и морских городах вроде Венеции и Генуи.

Европейское искусство мореплавания многое взяло у арабов, хотя на крайнем северо-западе, на берегах Северного моря, формировалась самостоятельная школа. Однако итальянские, испанские и португальские моряки, которым предстояло открыть Америку и морской путь вокруг мыса Доброй Надежды, научились своему ремеслу у арабов.

* * *

Девятого августа 833 г. в армейском лагере, где умер Мамун, халифом был провозглашен его брат Мутасим. Он был восьмым сыном Харуна ар-Рашида и третьим его сыном,

ставшим халифом. Сын Мамуна Аббас поклялся в верности своему дяде.

С тех пор как Мансур основал Багдад и ввел в него хорасанских воинов, на которых опирался, прошло семьдесят лет. Однако после катастрофической гражданской войны между Амином и Мамуном хорасанцы изменили своей традиционной преданности Аббасидам. Мутасим ощутил, что ему придется искать верных воинов где-то в другом месте. Похоже, он недолюбливал арабов и почти все свое доверие возложил на тюркских наемников. В распоряжении Мутасима их уже находилось немало, но он многократно увеличил их количество. Он ввозил их из-за Окса, сколько мог, пока не сформировал личную гвардию численностью в десять тысяч человек. Он наряжал их в великолепные воинские формы; некоторые были одеты в одни шелка, а их оружие и ремни были инкрустированы золотом и серебром. Тюрки разительно отличались от хорасанцев, составлявших наемную армию в прошлом, поскольку персы и арабы были мусульманами и носителями высокой культуры. Тюрки же были выходцами из варварских племен.

Пользуясь милостью халифа, тюрки стали заносчивыми. Они, верхом на прекрасных конях, галопом пронеслись по улицам Багдада, сбивая с ног женщин и детей, которые не успевали уступить им дорогу. Всякого тюркского солдата, который отважился бы пройти в одиночку по багдадским задворкам после захода солнца, ожидала месть рассерженных жителей, которые немедленно бы его убили. В конце концов отношения между горожанами и тюрками стали настолько напряженными, что Мутасим решил оставить Багдад и построить себе новый город в Самарре, в семидесяти милях вверх по Тигру¹.

Интересуясь как архитектурой, так и сельским хозяйством, он энергично отдался возведению дворцов и разбивке садов и плантаций своей новой столицы. Мутасим был

¹ Расположение Самарры, см. карта 33, с. 354.

человеком импозантной внешности и огромной физической силы и был известен своим личным мужеством. Ему недоставало воспитания и образования, и в этом он составлял полную противоположность Мамуну.

В хрониках сообщается, что, когда он был ребенком, уроки с ним обычно делал один из дворцовых рабов. Однажды этот маленький паж заболел и умер, и Харун ар-Рашид, отец Мутасима, пришел поведать ему эту печальную новость. «Да, мой господин, — ответил маленький Мутасим, — но он хотя бы теперь отдыхает, и ему больше не нужно ходить в школу». — «Неужели в школе так плохо?», — спросил любящий отец и распорядился, чтобы отныне мальчику не задавали уроков; в результате Мутасим вырос почти необразованным.

Мы уже упоминали о восстании хуррамита Бабека в Азербайджане. Этот мятеж вспыхнул в 816 г., в период общей анархии, последовавший за смертью халифа Амина, когда Мамун еще оставался в Хорасане. Впоследствии бунт перекинулся на Хамадан и Джурджан. Теперь, через двадцать два года, Бабек все еще не утратил своей силы.

Мятежники воспользовались неприступностью гор, в которых им была знакома каждая тропинка и каждое ущелье. Избегая сражений в открытом поле при свете дня, они использовали другую тактику — отрезали караваны, подстерегали врага в горных ущельях или нападали на неприятельские отряды ночью. Армии приходилось двигаться только крупными подразделениями и сопровождать каждый обоз, которому нужно было проехать через эту местность. Минутная потеря бдительности приводила к какому-нибудь плачевному происшествию.

Повстанцы, пользовавшиеся сочувствием и поддержкой деревенских жителей, всегда получали от них сведения обо всех перемещениях регулярной армии и без промедления нападали на любое слабое подразделение. Днем армия еще могла двигаться по стране под бой барабанов, с развевающимися знаменами, но благоразумие заставляло ее разби-

вать лагерь как можно раньше и укреплять его как можно лучше, поскольку, как только темнело, контроль над всей страной переходил в руки восставших.

Мутасим был бравым военным и не отвлекался от практических дел ради культурных изысков. Он вознамерился положить конец этой затянувшейся мини-войне и поручил это своему лучшему военачальнику Хайдеру ал-Афшину¹. Новый командир был опытным, но осторожным воином. Хайдер сдерживал пыл своих более нетерпеливых подчиненных и отказывался идти на какой-либо риск в борьбе со столь предприимчивым врагом. Он восстанавливал контроль над мятежной территорией постепенно, ярд за ярдом и миля за милей.

Бабек скоро осознал, что на этот раз ему противостоит серьезный полководец. Поэтому он написал византийскому императору Феофилу, сообщая тому, что вся арабская армия задействована в борьбе с ним в Азербайджане и настал благоприятный момент для византийского вторжения.

Наконец, в 837 г. Бабек был сломлен; его укрепленная столица была взята штурмом и сожжена дотла, а самого Бабека в цепях отправили в Самарру к халифу. По случаю его прибытия в Самарре ликовали целый день. На Бабеке были прекрасные шелковые одежды, на голове корона, и его провозили по улицам во дворец на слоне. В присутствии халифа его лишили всего этого великолепия. Ему отрубили руки и ноги, а затем медленно вонзали ему в тело мечи, избегая жизненно важных органов, чтобы продлить последние минуты его агонии. Даже его враги признали, что он вынес все эти мучения с необыкновенной твердостью, не испустив ни стога. Его голову отправили в Багдад, а обезглавленное тело, прибитое к деревянному столбу, вывесили на всеобщее обозрение в Самарре. Более века спустя это место в обиходе все еще именовалось «Столбом Бабека».

¹ Слово Афшин, по-видимому, представляло собой титул, использовавшийся в некоторых районах Мавераннахра.

За двадцать два года своего восстания Бабек, по утверждению арабского историка, убил 200 000 человек. Когда его цитадель наконец пала, в ней нашли семь тысяч мусульманских женщин и детей, бывших его рабами. Эти цифры, безусловно, недостоверны, но и они являются достаточным подтверждением, что он действовал с большим размахом.

При воинственном и энергичном Мутасиме под контроль халифа вернулись далекие и гористые провинции Табаристан, Тохаристан, Кабул и Кандагар. Тем, кому памяты частые карательные операции, осуществлявшиеся в Афганистане британской армией из Индии, будет интересно узнать о том, что за тысячу лет до этого Арабской империи нередко приходилось предпринимать точно такие же меры в той же самой стране.

Тем временем император Феофил принял предложение Бабека и подступил к границе Сирии с 70 000 воинов и летом 837 г. осадил Зебетру, город в тридцати милях от Малатии. Волей случая халиф Мутасим родился в Зебетре, поскольку Харун ар-Рашид имел обыкновение брать с собой на войну некоторых из своих любимых наложниц. Армия все еще находилась в Азербайджане и Восточной Персии, но некоторые историки рассказывают, что Мутасим отправил Феофилу письмо с просьбой освободить Зебетру — место его рождения. Феофил не только проигнорировал эту просьбу, если таковая вообще была, но, видимо, поступил с этим городом особенно жестоко, взяв его приступом и сровняв с землей. В рабство было взято более тысячи мусульманок, не считая детей. Всех мужчин в городе убили.

Затем император разорил окрестную территорию вплоть до Малатии, угоняя женщин. Мужчинам выкалывали глаза, отрубали носы и уши. Не успела эта новость достичь Самарры, как Мутасим перебрался в военный лагерь на западном берегу Тигра и развернул боевые знамена. Помимо регулярных тюркских частей, были мобилизованы все

имевшиеся в наличии мужчины из Египта, Аравии, Сирии и Ирака.

Весной 838 г. Мутасим отправился в поход во главе самой большой армии, какая когда-либо имелась у халифов. По подсчетам Масуди, к которым, впрочем, следует относиться с осторожностью, ее общая численность составляла, самое меньшее, 200 000 человек. Арабы перешли через Тавр, разделившись на две колонны. Одна, под командованием самого Мутасима, следовала по прибрежной дороге через Тарс. Другая, во главе с Афшином, должна была пересечь горы через проход Хадес. За Тавром обе колонны должны были соединиться и вместе двинуться на Анкару. Поскольку два прохода разделяло почти сто пятьдесят миль, операция была не лишена риска.

Очевидно, теперь арабы уже овладели тайной греческого огня, спасшего Константинополь от армий Муавии и Сулеймана ибн Абд ал-Малика. Вместе с армией Мутасима шли специальные отряды «огнеметателей», обученных зажигать горючую жидкость и поражать ею противника.

Император Феофил был уже готов к столкновению и ждал мусульманского вторжения на реке Ламис. Арабская армия перешла через Тавр в июне 838 г. Император получил от своей разведки донесение о том, что вторая арабская колонна — которой командовал Афшин — штурмует горы севернее, через Хадес. Он очень мудро решил уничтожить эту северную колонну до последнего бойца, прежде чем две арабские армии успеют соединиться. Поэтому он незаметно покинул реку Ламис и быстро направился на север.

Мутасиму доложили об исчезновении Феофила. Мутасим не мог пуститься за Феофилом в погоню из-за того, что его осадный поезд и обоз все еще прорывались через горы, но спешно послал предупреждение Афшину. Еще не успев получить это сообщение, Афшин был внезапно атакован императором, и сначала его колонна пришла в некоторое смятение. Но Афшин, будучи закаленным воином, оказался на

высоте положения. Собрав своих воинов, он повел их в контратаку на византийскую армию и нанес той тяжкое поражение, вследствие чего византийские войска в беспорядке отступили в западном направлении. Это сражение произошло в конце июня 838 г.

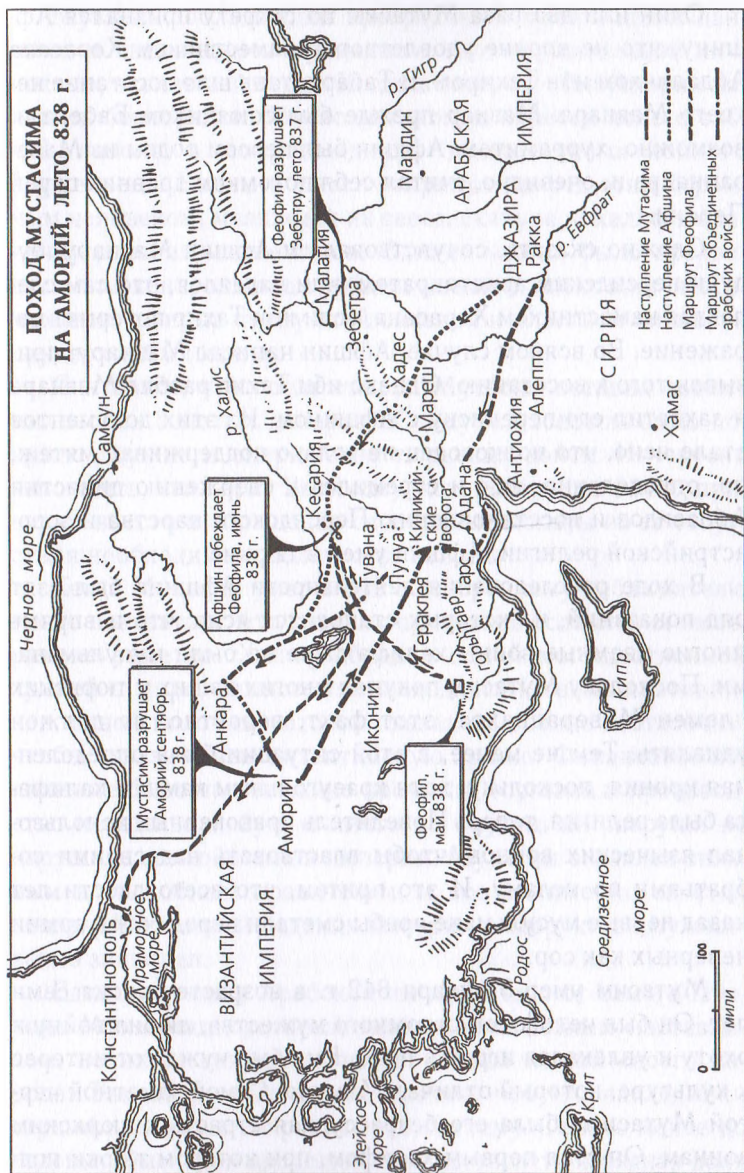
Две арабские колонны соединились у Анкары и оттуда двинулись маршем на Аморий (арабы называли его Амурией), место рождения Феофила, или, по крайней мере, родной город его семьи. (Напомним, что его отец был известен как Михаил Аморийский.) Поэтому Мутасим вознамерился стереть Аморий с лица земли, как император поступил с Зебетрой. Осадный обоз подошел очень быстро, и заработали тяжелые баллисты. Феофил и византийская армия выбыли из игры. Вскоре в крепостной стене образовалась дыра, и город был взят приступом. Согласно сообщениям с арабской стороны, было перебито тридцать тысяч византийцев, а от города не осталось камня на камне. Осада длилась пятьдесят пять дней, с начала августа до конца сентября 838 г. Как заявляют арабские историки, тридцать тысяч женщин и детей было угнано в рабство. Так Мутасим отомстил за злодеяния, совершенные Феофилом в Зебетре.

Когда армия возвращалась назад через перевалы Тавра, вскрылся заговор. Ряд высших военачальников присягнул Аббасу, сыну Мамуна — видимо, в отместку за те милости, которыми Мутасим осыпал тюрков. Заговорщики, включая Аббаса, были казнены, но Мутасиму все еще не суждено было насладиться миром. Афшин достиг вершины своей славы. Именно он окончательно разбил Бабека и, командуя всего одной колонной, дал отпор Феофилу и византийской армии. Халиф был не в силах достойно вознаградить своего великого полководца.

Карта 43

Поход Мутасима на Аморию, лето 838 г.

Один или два раза Мутасим по секрету признался Афшину, что не вполне удовлетворен наместником Хорасана Абдаллахом ибн Тахиром. В Табаристане шло восстание некоего Мазиара. Мазиар прежде был союзником Бабека и, возможно, хуррамитом. Афшин был персом родом из Мавераннахра и, очевидно, считал себя потомком древних царей Персии.

Сложно сказать, сочувствовал ли Афшин Мазиару, будучи персидским аристократом, или надеялся, что сам сделается наместником Хорасана, если ибн Тахир потерпит поражение. Во всяком случае, Афшин написал Мазиару, призывая того к восстанию. Однако ибн Тахир разбил Мазиара и захватил его переписку с Афшином. Из этих документов стало ясно, что полководец не только поддерживал мятеж, но, определенно, еще и стремился к свержению династии Аббасидов и восстановлению Персидского царства и зороастрийской религии. Афшин умер в тюрьме.

В ходе расследования деятельности Афшина был взят ряд показаний, из которых становится ясно, что и впрямь многие наемные воины халифа даже не были мусульманами. Поскольку Мутасим покупал многих из них у тюркских племен Мавераннахра, этот факт, вероятно, не должен удивлять. Тем не менее, в этой ситуации была определенная ирония, поскольку, хотя краеугольным камнем халифата была религия, теперь Повелитель правоверных использовал языческих воинов, чтобы властвовать над своими братьями по исламу. И это притом, что всего двести лет назад первые мусульмане-арабы сметали перед собой армии неверных как сор.

Мутасим умер 5 января 842 г. в возрасте сорока семи лет. Он был человеком огромного мужества, любил войну и охоту и увлекался игрой в поло. Ему был чужд тот интерес к культуре, который отличал Мамуна. Самой заметной чертой Мутасима была его безрассудная страсть к тюркским воинам. Он стал первым халифом, при котором турки поднимались до высших государственных должностей.

Мутасим, обладавший прекрасными физическими данными и выдающимся мужеством, был внушительной личностью, вселявшей страх. Когда в лагере у стен Амория начались беспорядки, Мутасим галопом пересек поле с саблей наголо в сопровождении всего одного конного оруженосца. Воины в ужасе отпрянули перед этим огромным человеком, мчащимся на своем скакуне, и халиф в одиночку рассеял мятежников. Однако можно было предвидеть, что контроль над грубыми наемниками станет невозможным, если на смену этой сильной и властной личности придет слабый халиф.

Считается, что после смерти Мутасим оставил восемь миллионов золотых динаров. К тому же золотом было покрыто оружие и снаряжение тюркских войск. Интересно вспомнить, что Карлу Великому, который умер в 814 г., пришлось ввести в обращение серебряные монеты из-за отсутствия необходимого количества золота.

Когда Мутасим умер в 842 г., стороннему наблюдателю могло показаться, что никаких признаков ослабления империи не заметно. Халиф обладал самой могущественной армией в мире, намного превосходившей своих противников, одной колонны которой оказалось вполне достаточно, чтобы отразить всю византийскую армию. Финансовое положение было чрезвычайно прочным, торговля и производство переживали бум, и ничто ни внутри, ни снаружи не нарушало спокойствия в империи. Мутасим оказался сильным и способным правителем, и все же именно он стал основной причиной падения империи, которую так мужественно защищал.

Единовластие в Арабской империи шло от самого Пророка Мухаммада, который явился религиозным наставником, военным вождем и политическим главой своего народа. Так велик был его авторитет, что его наследники стремились лишь сохранить его систему. Тем не менее до падения Омейядов продолжала существовать изрядная доля прежней демократии и патриархальности.

Только страх Аббасидов перед соперниками из клана Омейя побудил их опереться на персов, уничтожить власть арабской аристократии и пренебречь арабскими племенами как источником новобранцев для армии. Арабские жители Куфы, Басры и Дамаска утратили свои воинские достоинства, а племена — нет.

Однако доверие Аббасидов к персам необязательно должно было стать пагубным, поскольку они были мусульманами и хорошо прижились в империи. Однако, на деле персидское влияние оказалось губительным, приведя к неограниченной тирании. Никто больше не дерзал противоречить халифу, если он совершал крупную политическую ошибку. Как мы уже видели, подданные империи питали жгучую ненависть к ввезенным Мутасимом тюркам, но уже не существовало группировки, достаточно влиятельной, чтобы мешать халифу действовать по собственному желанию.

Но зачем халифам вообще понадобились иностранные наемники? Глядя на современные арабоязычные страны с их нескончаемыми военными переворотами, вправе ли мы предположить, что халифы считали себя обязанными использовать иностранные войска, потому что никогда не могли полностью доверять верности своих арабских армий?

На первый взгляд тот факт, что между имперской славой Харуна, Мамуна и Мутасима и падением халифата прошло очень немного времени, кажется удивительным. Однако если вспомнить Людовика XIV, то обнаружится, что он также монополизировал всю государственную власть и достиг необычайного величия. Но когда он умер, то, как и Харун, оставил после себя очень шаткое правительство. При воцарении слабого монарха, неспособного нести столь тяжкий груз, здание, лишенное всякой опоры, рухнуло.

В течение двух веков Арабская империя отражала натиск северных варваров, точно так же как и Рим в свое время. Мутасим пустил в самое сердце империи армию, состоявшую из совершенных чужаков, многие из которых не го-

ворили по-арабски и даже вряд ли были мусульманами. Таким образом, он отдал врагу ключи империи и доверил ее судьбу людям, не связанным с ней ни эмоциональными, ни духовными узами. И до сего дня арабоязычные люди не оправились от бедствий, которые обрушились на них из-за этого.

Тюркские вожди в это время стали фактическими вершителями судеб халифата... Наместники провинций постепенно превратились в феодалов, а главенство халифов выродилось в более или менее номинальный сюзеренитет.

Амир Али.

Краткая история сарацин

Как пали сильные, погибло оружие бранное!

1 Цар, 1, 27

Время подобно реке событий. Не успеет что-то произойти, как течение сносит его, и на его место приходит что-то другое, и оно также будет смыто.

Марк Аврелий Антонин

КОНЕЦ ВЕЛИЧИЯ

КОНЕЦ ВЕЛИЧИЯ

Важные даты

- Воцарение халифа Васика — 842 г.
- Смерть халифа Васика — 847 г.
- Восшествие на трон халифа Мутаваккиля.
- Византийский набег на Дамием — 852 г.
- Убийство халифа Мутаваккиля — 861 г.

Персоналии

Халиф Васик.

Его брат халиф Мутаваккиль.

Халиф Мунтасир, сын Мутаваккиля.

Буга аш-Шураби, тюрк, дворцовый раб, распорядитель,
а затем верховный военачальник.

Васик¹, сын Мутасима, унаследовал своему отцу в день его смерти 5 января 842 г., не встретив сопротивления. Император Феофил умер в том же году, и его преемницей в качестве регентши при сыне Михаиле стала его вдова Феодора. В 845 г. умер правитель Хорасана Абдаллах ибн Тахир.

В том же 845 г. бедуины из хиджазского племени бану Сулейм начали грабить караваны и паломников, направлявшихся в священные города Мекку и Медину. Против них снарядили карательную армию, состоявшую в основном из тюркских воинов под командованием военачальников-тюрков. Но она также провела военные действия против бану Хилал, Фазара и других племен Хиджаза, после чего вторглась в Неджед, где начались ожесточенные бои. Так как нам хорошо известно, как плохо турки управляли Аравией в XIX в., то нельзя не удивляться присутствию в Аравии тюркской армии в IX столетии.

Васик поручил управление империей двоим своим главным министрам, Мухаммаду аз-Зайяту и Ахмаду ибн Аби Дауду. Утверждают, что он не издал ни одного приказа, не посоветовавшись с ними, и никогда не противоречил их мнению.

Во многих отношениях Васик был полной противоположностью своего горячего, деятельного и порой жестокого отца. Возможно, в детстве Мутасим подавлял его и тем самым вынудил своего сына развивать в себе качества, диаметрально противоположные его собственным. Вместо того чтобы регулярно отдавать распоряжения, он отказался от контроля над государственными делами, поручив его другим. Все свое правление он жил в Самарре, никогда не

¹ Ударение падает на первый слог.

путешествуя, не посещая провинций и не начиная военных кампаний. Он был добрым и мягким, деликатным по отношению к членам своей семьи, милостивым к подданным, хотя и не сделал ничего практического для облегчения их участи. Он любил поесть и выпить и имел склонность чрезмерно предаваться этим удовольствиям.

Подобно своему дяде Мамуну, он обладал активным и пытливым умом и всегда был готов выслушивать разные мнения или новые идеи. Мудрых и образованных при его дворе ждал радушный прием, и разговоры на его приемах часто велись о самых высоких материях. Он интересовался философией и любил дискуссии об особенностях и заслугах древних и современных мыслителей. Он всегда стремился узнать о последних достижениях физики или естественной истории и особенно интересовался медициной.

Васик рано обнаружил литературный талант и стал искусным поэтом. Кроме того, он отличался необыкновенной музыкальностью, сам играл на лютне и, как говорят, написал более сотни музыкальных произведений. Пока его персидские и тюркские министры и военачальники занимались государственными делами, халиф имел достаточно времени для своих изящных занятий и поощрения науки и литературы.

В 847 г., после шестилетнего правления, не ознаменовавшегося особыми событиями, он умер в возрасте тридцати шести лет. Ему повезло, что в период его правления на византийском троне находилась женщина, благодаря чему оно обошлось без военных столкновений.

Разумеется, аббасидские халифы воспринимались как арабские правители, но простой расчет показывает, что в национальном отношении они к этому времени уже вовсе не были арабами.

1. Халиф Мансур был сыном Мухаммада ибн Али из рода Аббаса и берберской наложницы. Следовательно, он был наполовину арабом и наполовину бербером.

2. Мансур женился на женщине из арабского племени Йемен. Таким образом, их сын, халиф Махди, был на три четверти арабом и на четверть бербером.

3. Харун был сыном Махди и Хайзуран, берберской наложницы. Значит, он был на три восьмых арабом и на пять восьмых бербером.

4. Мамун был сыном Харуна и персидской рабыни. То есть в его жилах текло три шестнадцатых арабской и тринадцать шестнадцатых неарабской крови, как и у Мутасима.

5. Матерью Васика была греческая рабыня. Таким образом, по национальности он был на одну десятую арабом и на девять десятых неарабом.

Безусловно, генетика слишком сложная наука, чтобы сводиться к столь простой арифметике. Тем не менее подобные подсчеты дают некоторое представление о том, как мало арабской крови бежало по венам последних Аббасидов. Конечно, многие представители влиятельных семей, даже нося арабские имена, имели столь же смешанное происхождение.

* * *

Как мы уже отмечали, основной тенденцией раннего ислама было скорее подчеркивать внешние, формальные обязанности, предписываемые религией, а не поощрять попытки отдельной человеческой души войти в индивидуальный контакт с Богом. Действительно, подчеркивание единства, могущества и величия Бога должно было, по крайней мере, подразумевать его недоступность.

Трудно узнать наверняка, что по этому поводу думал сам Пророк. Кое-где Коран побуждает мусульман наслаждаться благами этого мира, и многие арабы, которые в результате завоеваний стали обладателями изрядной доли этих благ, охотно цитировали эти стихи. Тем не менее ни Мухаммад, ни его первые два преемника не предавались излишествам, за исключением разве что многоженства. Пророк не нажил богатства и даже не пользовался самыми элементарными удобствами. Его пища, одежда, дом и обстановка были до крайности простыми даже тогда, когда, если бы он только пожелал, к его услугам были бы огромные денежные суммы.

После учреждения дамасского халифата ортодоксальный взгляд сошелся с официальным в том, что наслаждение земными радостями совершенно законно, при условии верного соблюдения различных законов, изложенных в Коране и Сунне. Однако, несмотря на это, всегда, даже при жизни Мухаммада и его ближайших преемников, существовали мусульманские аскеты. Некоторые из них жили в пустыне, в нищете, занимались подвижничеством и предавались долгим молитвам. Возможно, в какой-то степени причиной таких тенденций стал страх перед адским огнем, столь живо описанным в Коране. Некоторых из этих аскетов называли «плачущими» за то, что они горько плакали от покаянных чувств и страха возмездия.

Но постепенно аскеты пошли дальше и стали стремиться к некоему личному контакту с Богом, даже к некоей интимности или божественной любви — к религии сердца. Правоверные не были готовы признать подобную возможность. Ислам видел Бога таким величественным и всемогущим, что для ортодоксов сама мысль о взаимной любви между ним и человеческим существом выглядела почти кощунственной. Человек, утверждали они, раб Бога. Его долг сводится к тому, чтобы свидетельствовать об единстве Бога, повиноваться его повелениям и переносить превратности жизни с терпением и покорностью. Ортодоксальные вероучители и богословы не одобряли даже того, что аскеты уделяли особое внимание испытанию совести. По мнению официальных религиозных наставников, Коран и Сунна заключали в себе все необходимое для спасения. Обращение к собственной совести вполне могло привести человека к ереси.

Одним из ранних учителей этой более эзотерической формы ислама стал Хасан ал-Басри, умерший в 728 г. в правление халифа Хишама. Хариджиты с крайней враждебностью относились к мистическим склонностям аскетов, которые стали называться суфиями из-за того, что имели обычай носить единственное одеяние из шерсти (по-арабски *суф*). Шииты также отвергали мысль о прямом общении между Богом и человеком. Согласно их учению, роль

наставников и посредников между Богом и человеческим родом принадлежала имамам.

Возможно, ортодоксальные богословы поступили бы правильнее, если бы приняли суфиев, а затем установили над ними контроль. Но поскольку почти повсеместно религиозные лидеры относились к ним враждебно, некоторые из них стали впадать в разнообразные ереси. Одним из самых известных мистиков этого раннего периода был Зу ан-Нун, освобожденный суданский раб, который полностью отрицал мироздание. Осужденного за ересь, его в цепях доставили к халифу Мутаваккилю. Однако Зу ан-Нун говорил с таким благочестием и смирением, что Повелитель правоверных был растроган до слез и приказал немедленно отпустить его.

За правлением Мутаваккиля последовали политические неурядицы, нищета и лишения, вызванные годами анархии. Порожденные ими страхи и страдания народа благоприятствовали развитию более духовной и личной религии, которую пытался задуть материализм благополучных лет.

После долгого рассказа о светскости и роскоши халифского двора полезно отметить, что существовала и более мистическая форма ислама. За весь период с 660 по 860 г. в ковер мусульманской цивилизации вплелось много разных нитей ревностной аскетической веры.

* * *

Васику наследовал его брат Мутаваккиль. При жизни своего предшественника новый халиф не пользовался расположением его двора и претерпел немало унижений от своего брата и его министров. Не успел он взять власть в свои руки, как начал увольнять, арестовывать и в некоторых случаях пытать министров Васику. Его генеральная линия во всех сферах заключалась в том, чтобы делать обратное политике тех, кто издевался над ним до его прихода во власть. Три его предшественника благоволили учению мутазили-тов, поэтому он горячо поддержал ортодоксальную догму, и эта позиция весьма способствовала его популярности у большинства подданных.

Васик отличался особой деликатностью по отношению к потомкам Али, разыскивая тех из них, кто находился в финансовых затруднениях, и выплачивая им соответствующие пособия. Мутаваккиль ударился в другую крайность и взирал на шиитов с большим неодобрением. В 850 г. он приказал снести гробницу мученика Хусейна в Кербеле. Паломничества к этому месту были запрещены, а вся окрестность могилы распахана и засеяна зерном. В результате шииты его возненавидели. По ночам на стенах и мечетях Багдада появлялись надписи, обличавшие его неблагочестие. Мутаваккиль ввел унижительные законы против христиан, многие из которых до его прихода к власти занимали высокие государственные посты. Он запретил принимать их на административную службу. Им вменялось в обязанность носить особую одежду, ездить верхом на седлах с деревянными стременами и подвергаться другим унижениям. Примечательно то, что Пророк Мухаммад обращался с христианами тактично, серьезных гонений на них не было и в течение первых времен подлинного религиозного подъема. Чем менее религиозными делались халифы, тем более оскорбительным становилось отношение к христианам.

Мы уже упоминали о том, что Аббасиды не давали себе труда поддерживать военный контроль над Средиземным морем. В 850 г. это море бороздили арабские флоты из Ифрикии и Андалуса. Аббасиды никогда не проявляли большого интереса к Северной Африке, но первые и более мужественные халифы тем не менее посещали Персию, Сирию, Палестину и Египет. Однако и Васик, и Мутаваккиль предпочли провести свою жизнь дома в Самарре в окружении своей тюркской охраны и дворцовых фаворитов, евнухов и наложниц. Они, похоже, утратили интерес к империи. Великие халифы добивались славы и преданности народа, часто совершая поездки в провинции, лично знакомясь с подданными и командуя войсками в бою.

В 852 г. невнимание правительства к Средиземному морю неожиданно и резко обнаружилось в связи с появлением в дельте Нила византийского флота. Несколько тысяч

воинов высадились на берег и взяли штурмом Дамьетту. Много людей было убито, а огромное количество товаров и других богатств вывезено, в том числе и шестьсот женщин, некоторые из которых были мусульманками, а остальные коптскими христианками. Дамьетта была процветающим ремесленным городом, известным своими тканями. Это постыдное происшествие было вызвано исключительно пренебрежением центрального правительства к своим обязанностям.

* * *

Мутаваккиль назначил своими наследниками трех своих сыновей в порядке старшинства. Старший, Мунтасир, был объявлен официальным наследником, после него шел Мутаазз, а затем Муаййяд. К несчастью, халиф был особенно привязан к матери своего второго сына Мутаазза. Это была греческая наложница по имени Кабиха. Однажды эта очаровательница предстала перед Мутаваккилем с именем Джафар, написанным мускусом на ее щеках. (Джафар было личное имя халифа, а Мутаваккиль — титул.) Повелитель правоверных тут же сочинил следующие строки, полные любви:

«Джафар» написала она мускусом на щеке,
Скорее я расстанусь с жизнью, чем с этой щекой.
Потому что она писала на щеке линиями мускуса,
Но написала линиями любви на моем сердце.

Чары прекрасной Кабихи были столь сильны, что Мутаваккиль постановил лишить наследства своего старшего сына Мунтасира и сделать своим официальным преемником Мутаазза. Последовали обычные затруднения, поскольку клятвы в верности были уже принесены Мунтасиру, а он отказался отречься. Очевидно, Мутаваккилю в этом случае катастрофически не хватило мудрости. Возможно, он боялся того, что скажет прекрасная Кабиха о его неспособности добиться исполнения своих приказов. В злости и досаде он вызвал к себе Мунтасира и прямо заявил ему о том, что лишает его права наследования.

По-видимому, никто не предвидел кризиса. В обществе не ощущалось ни напряжения, ни беспокойства наподобие того, что предшествовало финальному падению Омейядов. Правда, существовала ненависть к тюркским воинам, а предоставление тюркам значительной власти встречало осуждение, но халиф и его войска жили в полуизоляции в Самарре, а народ вряд ли был хорошо осведомлен о дворцовых интригах. На самом деле, именно в этом таилась опасность. С самого возникновения империи вся власть — религиозная, политическая и военная — была сосредоточена в руках халифа. Происходили бесчисленные восстания, но они не были направлены против самого института халифата, в отличие от современных выступлений левых против какого-нибудь диктатора. Почти все эти возмущения принимали форму требований, но не ограничения власти существующего халифа, а его замены как человека, недостойного занимать свое место. Ни один из множества недовольных не думал, что раз уж халиф всемогущ, то путь к абсолютной власти пролегает через ограничение власти халифа.

Пока Повелитель правоверных жил в своей столице в окружении своего народа, такой подход, вероятно, был невозможен. Но Мутасим сознательно переехал из Багдада в Самарру в сопровождении только своих элитных войск, состоявших из тюрков. Он их не боялся — они были его любимцами, которых он лелеял как зеницу ока. Но, перенеся халифат в Самарру и окружив его одними «домашними войсками», он невольно поставил своих наследников в зависимость от их благосклонности. Разумеется, никто этого не понял, и поначалу этого не осознавали даже сами тюркские наемники.

* * *

В тепличной атмосфере Самарры среди тюркских офицеров уже шли интриги. Некоторые из них завидовали Буге аш-Шураби, тюрку, который стал самым влиятельным человеком при дворе и пользовался доверием халифа. Буга был рабом и, пока не выдвинулся на высокие посты, исполнял

обязанности дворцового распорядителя. И здесь тоже скрывалась опасность, поскольку никто не может быть героем для собственного камердинера. Сколько раз в истории зачинщиками революций становились привилегированные и избалованные воины императорской гвардии, в то время как на далеких границах простые солдаты, лишённые уважения и заботы, по-прежнему хранили преданность своему императору. Мутаваккиль, по всей вероятности, был совершенно заурядной личностью, а турки слишком приблизились к нему. При взгляде с такого расстояния его увлечение наложницами, чрезмерное пристрастие к вину и неспособность контролировать сыновей не вызывали у них уважения. Тесное общение, как водится, породило презрение.

Недовольные офицеры анонимными письмами уведомили Бугу о том, что халиф намеревается подослать к нему убийц. В то же время Мутаваккиля тем же способом предупредили о том, что Буга собирается его убить. Таким образом, и у халифа, и у его тюркского фаворита появились подозрения. Как раз в этот момент разгорелась ссора между Муттавакилем и его сыном Мунтасиром. Буга, полагая, что халиф собирается избавиться от него, решил нанести удар первым и сделать халифом Мунтасира, после чего, как он, без сомнения, ожидал, все в империи пойдёт своим чередом.

Через несколько дней, во второй половине дня, Мутаваккиль находился в прекрасном настроении и весело болтал со своими близкими друзьями. Ближе к вечеру Повелитель правоверных развеселился еще больше и то и дело требовал налить вина, пока, наконец, не напился допьяна. Или, быть может, Буга, бывший рядом с ним, намеренно напоил его. Когда большинство придворных удалилось, в помещении остались только Буга и фаворит халифа Фатих ибн Хакан. Между ними сновал прислуживавший им мальчик.

Внезапно в комнату ворвалось пятеро турков с обнаженными мечами. «Что это, Буга?» — вскричал халиф в тревоге. «Это стражники, — ответил военачальник, — они будут спать у дверей моего господина, Повелителя правоверных».

Потенциальных убийц эти слова застигли врасплох, как и вид Буги, дружески пьющего вино с халифом, — ведь именно он приказал им прийти в этот час и убить халифа. Поэтому они отступили в смятении. Буга поспешил за ними и в резких выражениях приказал им сделать свое дело.

Пятеро воинов бегом вернулись в комнату, и один из них ударил халифа мечом по голове, но только отрубил ему ухо. Кто-то крикнул: «Спокойнее, приятель. Целься лучше — так не годится». Затем один из них бросился на перепуганного Мутаваккиля, который пытался оттолкнуть его голыми руками. «Ради Бога, — крикнул фаворит Фатих, — это же Повелитель правоверных». — «Закрой рот, глупец», — крикнул тюрк Буга и пронзил его мечом. Через несколько секунд халиф и его товарищ без движения лежали на полу в лужах крови. Прислужник спрятался за драпировками и остался невредимым.

Выскользнув из комнаты, Буга устремился по дворцовому коридору и наткнулся на Мунтасира, бежавшего ему навстречу. «Что случилось? — задыхаясь, крикнул принц. «Все в порядке, о Повелитель правоверных», — ответил военачальник, приветствуя его как халифа. Вскоре были собраны придворные и слуги, которым было приказано пригнать халифу Мунтасиру.

На следующее утро, 11 декабря 861 г., у дворца в Самарре собралась толпа и потребовала воцарения Мутаazza. Но найти Мутаazza не удалось, потому что тюрки уже заточили его в темницу. Буга полностью контролировал ситуацию, и халифом стал Мунтасир — по крайней мере, до тех пор, пока тюрки были им довольны. На деле, это оказалось ненадолго.

Через шесть недель молодой халиф Мунтасир оказался на смертном одре. Причина его кончины так и не была установлена, но неизбежные слухи наводили на мысль о яде. Говорили, что он прогневал тюрков, обнаружив слишком много самостоятельности в мышлении. Примерно сорок лет тюркские наемники возводили и свергали халифов по собственной воле. К этому времени профессиональная наемная армия, созданная премудрым Мутасимом, утратила свое

единство. Халифы вернулись в Багдад и пережили короткое бабье лето своей власти в Ираке, хотя за годы тюркской узурпации империя распалась.

* * *

Примечательно, что арабские историки сходятся в том, что правление Мутаваккиля было периодом величайшего счастья. Экономическая ситуация по-прежнему была благополучной, торговля и производство процветали, а кроме того, в правление Васи́ка и Муттаваки́ля не было крупных войн. Деятельный и агрессивный император Феофил был мертв. В течение халифата Мутаваккиля Византия вела себя мирно под регентским управлением Феодоры и в начале царствования ее сына Михаила Пьяницы. Хотя Мутаваккиль и кажется нам несколько слабой личностью, он был не последним по доброте и милосердию, и восстаний в его время произошло немного. Возможно, что и последовавшие в дальнейшем бедствия заставили людей с ностальгией оглядываться на мирные дни Мутаваккиля, как многие в Европе обычно смотрят на период до 1914 г.

* * *

Убийство Мутаваккиля, фактически отмечающее собой конец абсолютной власти халифов, можно счесть удобным моментом, чтобы подвести итог достижениям великих Аббасидов, как мы уже это делали, говоря об Омейядах. Мы проследили историю этой династии в течение ста одиннадцати лет, от восшествия на трон Саффаха в 750 г. до насильственной смерти Мутаваккиля в 861 г. Из десяти халифов, правивших в течение этого периода, по-настоящему выделяются всесторонностью своих дарований Мансур и Харун ар-Рашид. Эти два правления в сумме составили сорок шесть лет, или приблизительно две пятых всей эпохи Аббасидов. Саффах, Махди, Мамун и Мутасим в различных сферах проявили себя как способные и деятельные правители. Их правления общей продолжительностью в сорок три года составили примерно еще две пятых. Хади и Амин были

скорее слабыми — особенно Амин, — но общий срок их правления не превысил пяти лет. К несчастью для обоих, сразу после них в очереди на наследство стояли их исключительно способные братья, в результате чего их непродолжительные правления проходили в обстановке несогласия или гражданской войны. Самыми несчастными годами за весь период великих Аббасидов, вероятно, стали 811–813 гг., время гражданской войны между Амином и Мамуном и осады Багдада.

Последние два халифа описываемого периода, Васик и Мутаваккиль, правления которых в общей сложности составили девятнадцать лет, обладали иным характером. Ни один из двоих братьев не был выдающейся личностью. Оба они провели свое правление во дворце Самарры, не посещая провинций. При них империя арабов продолжала мирно катиться вперед под влиянием импульса, данного ей их великими предшественниками. Само их бездействие, казалось, усиливало счастье их подданных, поскольку не было войн и очень мало восстаний. Торговля и производство процветали, а богатство, роскошь и образование распространились повсеместно. Никто не ощущал, что сердце империи почти перестало биться.

С точки зрения размеров империи Аббасиды далеко отстали от Омейядов. Вскоре после их прихода к власти была утрачена Испания, а в 800 г. Ифрикия под властью Аглабидов стала практически независимой. В правление Мамуна потомки Тахира Двурюкого в Хорасане добились почти полной автономии.

Халифы не пытались вернуть потерянные провинции, хотя, начиная с Харуна и заканчивая Мутасимом, они командовали более могущественными армиями, чем любой из их предшественников. Исчезла решимость сохранить империю, а не сила, которая позволила бы это сделать. В истории многие народы-завоеватели совершали чудеса храбрости, чтобы создать империю, но как только завоевания завершались, теряли интерес к сохранению своих обширных владений. Примером этого феномена служит и бану Аббас.

* * *

Ночью 10 декабря 861 г. могущественная империя арабов пала под ударами мечей Буги и его пяти убийц. Убийцы не знали этого — они думали, что участвуют в обычной дворцовой распре. Чего они в действительности добились — так этого того, что раскрыли миру глаза на новую мысль, что путь к светской власти лежит через захват и контроль над халифом. С этого момента военные авантюристы, шедшие почти непрерывной вереницей, держали халифов в своих руках, обрекая их на бездеятельное бессилие во дворце, пока персидские и тюркские военачальники правили от их имени. Это была простая мысль, но пока Буга не создал прецедента, до нее никто не додумался.

Аббасидам суждено было влачить существование марионеток в течение еще четырех веков. Но как только стало ясно, что халифат утратил свободу, став простым орудием в руках череды искателей счастья, разные страны, входившие в состав империи, откололись. Арабы не сразу перестали быть правящей нацией. Арабская культура, наука и производство продолжали идти вперед и достигли небывалых успехов. Различные арабоязычные государства стали влиятельными державами, имеющими влияние в совете наций. Но они сделали это в качестве отдельных государств. Сердцем империи был халифат. Когда сердце охватил паралич, империя арабов навсегда сошла с исторической сцены.

ЭПИЛОГ

Как говорится, «единственное, чему можно научиться у истории, это тому, что люди никогда у нее не учатся». Неважно, соглашаться с этим афоризмом или же нет, но мы по-прежнему не можем устоять перед искушением вывести те уроки прошедших веков, которые помогли бы нам разрешить проблемы нашего собственного времени. Когда речь идет об арабах, этот соблазн особенно велик, поскольку с IX в. их характерные черты, кажется, изменились очень мало.

Во-первых, можно быть совершенно уверенными в том, что люди, именуемые сегодня арабами и живущие от Персии до Марокко, представляют собой смесь различных народов, которые тем не менее в течение тринадцати веков исповедовали единую религию, говорили на одном языке и имели общую культуру. Это обеспечило им внешнее сходство, вроде той родственности, которая в наши дни объединяет народы Европы, имеющие общую религию и культуру, но часто поступающие очень по-разному в одинаковой ситуации.

К тому же каждая арабская страна отгорожена от соседней сотнями миль пустыни. Например, Ирак отделен от Сирии и Иордании пятьюстами милями необитаемой степи — как расстояние от Лондона до Швейцарии. Синайская пустыня отделяет Иорданию и Сирию от Египта. Египет, в свою очередь, отрезан от Триполи тысячами миль, на которых лежит Западная пустыня. Теперь политики могут перемещаться туда и обратно, но для обычных граждан эти пустынные заслоны по-прежнему совершенно непреодолимы.

Берберы современного Алжира шестьдесят лет сопротивлялись всепобеждающим арабам с той же стойкостью,

с какой недавно не уступали французам. Другие арабоязычные страны наших дней в VII в. не оказали арабским завоевателям почти никакого сопротивления и до сих пор редко добиваются успеха в своих военных операциях. Все это не изменилось за истекшую тысячу лет.

Но хотя все арабговорящие народы современности имеют различное происхождение, некоторые черты арабов VII в. можно проследить у них и сегодня. Этот феномен, вероятно, можно объяснить тем, что на раннем этапе эти особенности стали неотъемлемой частью мусульманской религии. Наиболее примечательны две из этих черт — это, наверное, их благоговение перед щедростью и гостеприимством и всегдашняя готовность ответить ударом на удар. Тема мести приводит нас к понятиям личной чести, свободы и достоинства, а также страстного желания смыть оскорбление.

В период Средних веков те же самые черты отличали жителей Западной Европы, особенно представителей высших классов. Дуэли между благородными господами прекратились только в последние сто пятьдесят лет, и не под влиянием христианской любви, а в результате того, что соображения выгоды одержали верх над честью. Сохранение этого индивидуализма у арабговорящих народов порождает такие явления, как переход офицеров на сторону врага в ответ на что-то, воспринимаемое ими как несправедливость. Эти страстные проявления индивидуализма способствуют тому, что арабговорящие страны постоянно пребывают в состоянии беспокойства. Даже если противоборствующие партии называют себя социалистами, коммунистами или патриотами, то в основании их вражды обычно можно обнаружить личную обиду, которую с одинаковым успехом можно стереть с помощью как огнестрельного оружия, так и избирательных урн.

В силу обстоятельств, которые представляются нам случайными, Пророк в свое время стал одновременно правителем, военным главнокомандующим и религиозным наставником. Его последователи стремились только следовать его примеру, и поэтому единоличное правление стало общей

моделью для всех мусульманских государств. Правитель объединял в своем лице религиозное и политическое руководство, его должность не была наследственной, власть почти ничем не ограничивалась, но он (по крайней мере, теоретически) оставался демократичным, доступным и патриархальным. Тем не менее, как мы видели, арабская система эгалитарного единовластия временами склонялась в сторону персидских и доисламских форм деспотии. Более того, за всю историю арабского и даже мусульманского государства до нынешнего столетия у нас нет ни одного свидетельства о какой-либо стране, управляемой выборным законодательным органом. И здесь наше ожидание, что выработанные нами методы управления обязательно должны найти у арабов теплый прием, можно назвать только наивностью.

Без сомнений, одно из самых поразительных явлений в арабской истории — изумительный контраст между аскетизмом и пламенной верой Пророка и его ближайших преемников и богатством, роскошью и приземленностью арабских правителей уже через каких-то тридцать лет после смерти Мухаммада. Интересно порассуждать о том, не стала ли на деле та необычайная скорость, с которой арабы завоевали свою империю, катастрофой для ислама. Три с половиной века гонений, которым подвергалось христианство, пока не стало государственной религией Римской империи, возможно, обернулись ему на пользу. Не оказались ли арабы чересчур удачливыми? И сегодня, как и во все времена, не остается ли справедливым то, что нельзя поклоняться одновременно Богу и мамоне?

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

**Таблица византийских императоров
(современных Омейядам и Аббасидам)**

<i>Имя</i>	<i>Путь прихода к власти</i>	<i>Арабский современник</i>	<i>Даты правления</i>
Династия Ираклия			
Ираклий	Мятеж	Мухаммад и два его наследника	610–641 ¹
Константин III		Омар ибн ал-Хаттаб	641–642
Констанций II		Омар, Али, Муавия	642–668
Константин IV		Муавия, Йазид I, Марван	668–685
Юстиниан II Безносый		Абдал-Малик ибн Марван	685–695
Леонтий Тиберий	Мятеж	Абдал-Малик ибн Марван	695–698 698–705
Юстиниан II Безносый (второе царст- вование)		Валид I	705–711
Филиппик	Мятеж	Валид I	711–713
Анастасий II	Мятеж	Валид I, Сулейман	713–716
Феодосий III	Мятеж	Сулейман	713–716

¹ Абу Бакр 632–634 гг., Омар 634–642 гг., Осман 642–656 гг. —

Прим. ред.

Окончание таблицы

Имя	Путь прихода к власти	Арабский современник	Даты правления
Исаврийская династия			
Лев III Исавр	Мятеж	Сулейман, Омар, Йазид II, Хишам	716–741
Константин V Копроним		Йазид III, Марван Осел, Саффах, Мансур	741–775
Лев IV		Махди	775–780
Ирина (регентство)		Махди	780–785
Константин VI		Хади, Харун ар-Рашид	785–797
Ирина (царствование)		Харун ар-Рашид	797–802
Никифор I	Мятеж	Харун ар-Рашид, Амин	802–811
Ставрикий, сын Никифора		Амин	811
Михаил (свояк Ставрикия)		Амин	811–813
Лев V Армянин	Мятеж	Мамун	813–820

Аморийская династия

Михаил II Аморийский	Мятеж	Мамун	820–829
Феофил, сын Михаила II		Мамун, Мутасим	829–842
Феодора (регентство при Михаиле III)		Васик	842–856
Михаил III Пьяница (в 842–856 гг. — несовершеннолетний)		Васик, Мутаваккиль, Мунтасир	842–867

Примечание: императоры, захватившие трон насильственным путем, отмечены во второй колонке словом «Мятеж». Когда вторая колонка пуста, император был законным наследником. Десять из двадцати пяти императоров захватили власть силой.

Приложение 2

Общая хронология

От Пророка Мухаммада до халифа Мутаваккиля:

Рождение Мухаммада	— 570 г.
Мухаммад переселяется в Медину	— 622 г.
Захват Мекки мусульманами	— 630 г.
Смерть Мухаммада	— 632 г.
Битва при Ярмуке и завоевание Сирии	— 636 г.
Битва при Кадисии и завоевание Ирака	— 637 г.
Завоевание Египта	— 640–642 гг.
Битва при Нихавенде и завоевание Персии	— 642 г.
Убийство халифа Османа	— 656 г.
Гражданская война между Али и Муавией	— 656–661 гг.
Убийство Али	— 661 г.
Основание Кайравана	— 670 г.
Первая осада Константинополя	— 670–677 гг.
Смерть Муавии I	— 680 г.
Избиение Хусейна со спутниками в Кербеле	— 680 г.
Смерть халифа Йазиды I	— 683 г.
Абдаллах ибн Зубайр провозглашен халифом в Мекке	— 683 г.
Марван провозглашен халифом в Дамаске	— 684 г.
Абд ал-Малик провозглашен халифом в Дамаске	— 685 г.
Восстание Мухтара в Куфе	— 685–687 гг.
Смерть Абдаллаха ибн Зубайра	— 692 г.
Умирение Северной Африки	— 705 г.
Смерть Абд ал-Малика	— 705 г.
Завоевание Испании	— 711–713 г.
Кутайба достигает Кашгара	— 712 г.
Завоевание Синда Мухаммадом ибн Касимом	— 712 г.
Вторая осада Константинополя	— 716–717 гг.
Добрый халиф Омар ибн Абд ал-Азиз	— 717–720 гг.
Арабское вторжение во Францию	— 718–720 гг.
Халиф Хишам	— 724–743 гг.
Битва при Туре	— 732 г.
Поражение тюркского кагана	— 738 г.
Халиф Валид II Распутник	— 743–744 гг.
Приход к власти халифа Марвана Осла	— 744 г.
Восстание Абу Муслима в Хорасане	— 747–748 гг.
Битва при Забе	— 750 г.

Воцарение халифа Саффаха	— 750 г.
Воцарение халифа Мансура	— 754 г.
Абд ар-Рахман ибн Муавия захватывает Испанию	— 755 г.
Основание Багдада	— 763 г.
Смерть Мансура	— 775 г.
Битва в ущелье Ронсеваль	— 778 г.
Воцарение Харуна ар-Рашида	— 786 г.
Ибрахим ибн ал-Аглаб, правитель Ифрикии	— 800 г.
Смерть Харуна ар-Рашида	— 809 г.
Гражданская война между Амином и Мамуном	— 811–813 гг.
Вход Мамуна в Багдад	— 819 г.
Арабское вторжение на Сицилию	— 827 г.
Вторжения Мамуна в Византийскую империю	— 830–833 гг.
Смерть Мамуна	— 833 г.
Поражение и смерть Бабека	— 837 г.
Кампания Мутасима против Амория	— 838 г.
Смерть халифа Мутасима	— 842 г.
Правление халифа Васи́ка	— 842–847 г.
Воцарение Мутаваккиля	— 847 г.
Сицилийские арабы разоряют собор Св. Петра в Риме	— 850 г.
Византийский набег на Дамьетту	— 852 г.
Убийство Мутаваккиля	— 861 г.

Оглавление

Предисловие	5
Предупреждение автора	11
Глава I. Мухаммад и ранние завоевания	15
Глава II. Трагедия Кербелы	49
Глава III. Арабская анархия	73
Глава IV. Месть за Хусейна	99
Глава V. Великий Абд ал-Малик	127
Глава VI. Андалус	163
Глава VII. Конец <i>mare nostrum</i>	189
Глава VIII. Годы триумфа	207
Глава IX. Праведный халиф	231
Глава X. Хозяин	255
Глава XI. Падение Омейядов	281
Глава XII. Революция	303
Глава XIII. Ломаный Грош	333
Глава XIV. Махди и Хади	361
Глава XV. Золотой век	387
Глава XVI. Братоубийственные войны	417
Глава XVII. Век культуры	451
Глава XVIII. Мутасим сдает ключи империи	481
Глава XIX. Конец величия	505
Эпилог	520
Приложения	523
<i>Приложение 1. Таблица византийских императоров</i> <i>(современных Омейядам и Аббасидам)</i>	523
<i>Приложение 2. Общая хронология</i>	525

520
1170
Научное издание

Джон Б. Глаб

АРАБСКАЯ ИМПЕРИЯ

Главный редактор Чубарь В. В.

Ведущий редактор Трофимов В. Ю.

Корректор Тимофеева Н. Э.

Подписано в печать 18.09.2009. Формат 84 × 108 1/32.

Усл. печ. л. 28. Гарнитура «Антиква».

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №138

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86,

пом. 106

www.eurasiabooks.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии ООО «ИПК „Бионт“»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86

тел. (812) 322-68-43.

Книга знаменитого английского историка, военного и государственного деятеля посвящена зарождению и развитию мусульманского государства в Аравии при Мухаммаде и завоевательным походам арабов за пределы их родины, в результате которых и был создан мусульманский халифат, часто называемый «Арабской империей». В книге дается всестороннее рассмотрение истории этого поистине могучего государства. Формирование мусульманского общества, становление религии и идеологии ислама, появление и развитие институтов власти, культурный взлет арабского мира — вот далеко неполный перечень тем, затрагиваемых английским исследователем. При этом книга, вышедшая из под пера сэра Джона Глабба (1897–1986), отнюдь не является сухим перечнем скрупулезно изложенных фактов. Внутриполитические распри и интриги, неизбежные для стремительно развивающегося молодого государства, религиозные столкновения между хариджитами и шиитами, борьба за превосходство между представителями династий Омейядов и Аббасидов — все эти исторические реалии того времени за счет писательского мастерства обретают на страницах этого труда смысл и вкус подлинной жизни. Это впечатление встречи с великой эпохой подкрепляются еще и тем, что Д. Глабб тридцать шесть лет провел на Ближнем Востоке, первоначально оказавшись там, в качестве советника английской короны при иракском правительстве, в последствие же он был прикомандирован к знаменитому Арабскому легиону, который возглавлял с 1939 по 1956 год. Кавалер высших орденов Британской империи сэр Глабб снискал славу и среди местного населения, не только как блистательный полководец, но и как глубокий знаток истории, культуры и обычаев арабского мира. В отличие от многих исследований труд Глабба возник не как результат кропотливой работы кабинетного ученого, но как итог бурной жизни среди прямых потомков тех людей, что создавали своими руками величие и свет Арабской империи.

ISBN 978-591852003-1

9 785918 520031